

Труды отечественных книговедов

П. Н. Берков

Избранное

Труды по книговедению
и библиографоведению

Москва
«Книга» 1978

78.5
Б 48

Составление и примечания
Р. А. Блиндер и М. В. Машковой

Вступительная статья
М. В. Машковой

Павел Наумович Берков

(1896—1969)

Последние десятилетия нашего времени отмечены интенсивным развитием книговедения как научной дисциплины. В этом движении научной мысли немалую роль сыграли исследования Павла Наумовича Беркова, заложившего основы и определившего направление ряда отраслей этой обширной области знания. Имя П. Н. Беркова широко известно литературоведам, филологам, книговедам, библиографам, библиофилам, библиотекарям, книголюбам в нашей стране и за рубежом. Его вклад в развитие отечественной науки и, в частности в книговедение, настолько велик и многообразен, что исследователи не раз будут обращаться к трудам замечательного советского ученого.

Павел Наумович Берков родился 14 декабря 1896 г. в г. Аккермане Бессарабской губернии (г. Белгород-Днестровский). Там он учился в гимназии, из которой был исключен в 1914 г. за антивоенные настроения. Экзамены за 7-й и 8-й классы гимназии он мог сдать экстерном только в 1917 г. В том же году Павел Наумович поступил в Новороссийский университет (Одесса) на классическое отделение историко-филологического факультета. С момента оккупации Бессарабии в 1919 г. занятия в университете пришлось прервать. Берков принял место преподавателя русского языка в Татарбунарах (Бессарабия), где работал по 1920 г.

В 1921 г. Берков поступил на философский факультет Венского университета, который закончил в 1923 г. по двум отделениям (славянской филологии и египтологии). Защитив диссертацию «Отражение русской действительности конца XIX в. в творчестве Чехова» (на немецком языке) и получив звание доктора философии, П. Н. Берков вернулся в Советский Союз; жил и работал в Ленинграде.

С 1923 по 1929 г. он заведует 48-й средней школой в Ленинграде и преподает русский язык и литературу. В 1925 г. поступает в аспирантуру Научно-исследовательского института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока (позднее переименованного в Институт речевой культуры) при Ленинградском государственном университете, где занимается исследовательской работой сначала под руководством Д. И. Абрамовича, затем В. В. Сиповского.

В эти же годы Павел Наумович Берков начинает печататься.

Его первые публикации связаны с педагогической деятельностью в средней школе.

В 1929 г. в Институте речевой культуры состоялась защита Берковым диссертации «Ранний период русской литературной историографии. XVIII в. и первая четверть XIX в.». Позднее, с учреждением ученых степеней, Берков получил диплом кандидата филологических наук. В 1936 г., после защиты диссертации «Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765», ему была присуждена степень доктора филологических наук.

С 1929 г. Павел Наумович — старший научный сотрудник Института речевой культуры, в последующие годы он работает в ряде научных учреждений системы Академии наук СССР: с 1931 по 1935 г. заведующим отделом книги в Институте книги, документа и письма; с 1936 г. старшим научным сотрудником Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом), активно участвуя в работе группы по изучению русской литературы XVIII в.; с 1956 г. по день своей смерти был бессменным руководителем группы.

Одновременно с работой в академических учреждениях Берков, начиная с 1934 г., занимался педагогической деятельностью. Он преподает в Ленинградском институте философии, литературы и лингвистики (позже филологический факультет Ленинградского государственного университета). С 1936 г. П. Н. Берков — профессор кафедры русской литературы филологического факультета Ленинградского университета.

В 1960 г. ученый избирается членом-корреспондентом Академии наук СССР. В 1967 г. — членом-корреспондентом Германской академии наук (ГДР) и почетным доктором Берлинского университета имени Гумбольдта. Умер Павел Наумович Берков 9 августа 1969 г.

По специальности Берков — литературовед. В центре его научных интересов всегда была русская литература XVIII в., но наряду с этой ведущей темой он много и плодотворно занимался другими разделами литературоведения. Его интересовали древняя литература, русская литература XIX и XX вв., литературная историография, литература народов СССР, фольклор, проблемы международных общений и контактов в общеевропейском литературном движении. Он был историком театра и журналистики, археографом, палеографом, лексикографом, текстологом и одновременно библиографом и книговедом.

Многообразная научная работа П. Н. Беркова в полной мере может быть раскрыта и оценена только в ряде специальных исследований, взятых в совокупности. В настоящем очерке мы ограничимся лишь сжатой характеристикой его деятельности в области библиографии и книговедения, прочная и давняя привязанность к которым отвоевала им значительное место в научном творчестве ученого.

Общее число печатных работ Павла Наумовича достигло огромной цифры — около 700 статей, монографий и других на-

учных трудов, из них свыше 100 — исследования, посвященные основным проблемам книговедения, истории книги, теории, методике и практике библиографии, истории и теории библиофильства.

К книговедению и библиографии Берков обратился в начале 20-х гг. и на протяжении последующих 45 лет был верен избранной тематике. В одной из статей он как-то указал на подмеченную им удивительную закономерность, которая заключается в том, что первая работа почти каждого деятеля в области науки или литературы определяет в дальнейшем его творческое лицо, то есть будущий характер его научного или литературного пути. Эту закономерность, которую Берков, безусловно, прилагал и к себе, можно проследить и в его деятельности.

Первое выступление П. Н. Беркова в печати — доклад на заседании кружка преподавателей литературы «Изучение Ленина на уроках литературы» (1925) — пронизано библиографическими сведениями. По существу — это развернутый библиографический обзор литературы (писем, воспоминаний, литературно-критических статей, поэтических произведений) о языке и стиле В. И. Ленина, о его отношении к литературе, об отражении образа В. И. Ленина в поэзии. Вторая его работа — статья «Детское чтение и современность» (1926), написанная по материалам социологического исследования шести ленинградских школ первой ступени, — дает представление о том, что читали советские дети в середине 20-х гг. В ней речь идет о необходимости организации детских библиотек, о примерных (рекомендательных) списках книг для детей, о проблемах детского чтения.

Таким образом, уже в первых печатных выступлениях определился интерес П. Н. Беркова к изучению различных сторон книги и ее использования.

В начальный период его исследовательская и научно-общественная деятельность в области книговедения и библиографии протекала в одном русле. В 1927—1930 гг. Павел Наумович Берков был членом бюро Русского библиологического общества, на одном из заседаний которого в феврале 1930 г. им был прочитан доклад «Идеологическая позиция В. С. Сопикова в „Опыте российской библиографии“», спустя три года опубликованный в сборнике «Советская библиография».

К этим же годам относится участие Беркова в работе Института книговедения. В 1929—1930 гг. на Высших курсах библиоковедения при Публичной библиотеке Берковым был прочитан курс лекций по истории книги — первая попытка систематизировать ранее накопленные им знания в этой области. В ленинградских высших и специальных учебных заведениях он читал курс по истории русской и западной книги до конца 30-х гг. С 1928 г. Павел Наумович Берков — участник Ленинградского общества библиофилов, с 1947 г. — член ленинград-

ской библиофильской организации (Секция книги и графики Дома ученых). В 1957 г. он избирается почетным ее членом.

В 1929 г. опубликована рецензия Беркова на библиографический указатель А. Г. Фомина *Ruschkiniana*, которую можно считать первым специальным обращением ученого к библиографической тематике. Затем следует ряд персональных (часто аннотированных) библиографических указателей: список произведений А. Ф. Писемского (1932), научных трудов акад. А. С. Орлова (1934, 1947), А. П. Рифтина (1946), С. Д. Балухатого (1948, совместно с К. Д. Муратовой), Н. И. Мордовченко (1952), Д. И. Абрамовича (1956). Из крупных персональных указателей необходимо указать фундаментальную «Библиографию произведений А. С. Пушкина и литературы о нем. 1886—1899», выполненную по заданию Академии наук СССР совместно с В. М. Лавровым (1949). Павлу Наумовичу Беркову принадлежит «Краткая библиография французского реалистического романа» (1932), составленная совместно с М. К. Клеманом, «Библиографическое описание изданий Вольной русской типографии в Лондоне 1853—1865» (1935), библиографический список к статье «Литература (русская)» в Большой Советской Энциклопедии (изд. 2-е) и ряд других работ.

Под руководством П. Н. Беркова, с его дополнениями и предисловием, В. П. Степановым и Ю. В. Стенником был составлен библиографический указатель «История русской литературы XVIII века» (1968). Появлению этого труда предшествовала своя история. Библиографическим учетом литературы по XVIII в. Берков занимался и ранее. В 1935 г. в Институте книги, документа и письма совместно с А. И. Малениным им был составлен библиографический указатель книг послепетровского и аннинского времени (6 авт. листов), оставшийся неопубликованным. В 1935—1938 гг. под руководством Беркова группа сотрудников Отдела редкой книги Библиотеки Академии наук СССР, занимаясь созданием библиографической работы по истории русской литературы XVIII в., расписывала периодические и продолжающиеся издания. В собранные библиографические записи влилась и личная картотека Павла Наумовича по литературе XVIII в. В 1938 г. группа прекратила сбор материала, а картотека в дальнейшем затерялась. И только через 25 лет работа над указателем была возобновлена и доведена до конца.

П. Н. Берков внимательно следил за развитием книжного дела в стране, был в курсе всего нового, появляющегося в отечественной и зарубежной библиографии, прекрасно знал историю русской дореволюционной и советской, а также европейской библиографии. Его интересовали прошлое и настоящее библиографии, ее проблематика и методология, деятели книги и перспективы дальнейшего развития книговедения.

Он был одним из первых исследователей, обратившихся к ленинскому наследию в области библиографии. В архиве Ин-

ститута книги, документа и письма сохранился текст доклада «Ленин как библиограф (по его рецензиям)», написанный Берковым не позднее 1931 г.¹ Этот доклад вошел в очерк «Ленин, Маркс и Энгельс как библиографы-рецензенты», опубликованный в виде приложения в книге А. Г. Фомина «Путеводитель по библиографии Маркса, Энгельса, Ленина» (Л., 1934). Ввиду огромного методологического и методического значения ленинского наследия для развития советской библиографии, Берков в очерке особое внимание уделил обзору В. И. Ленина «Библиография марксизма» и его рецензии на второй том «Среди книг» Н. А. Рубакина. Новым было предложение включить в программы по курсу библиография в соответствующих учебных заведениях анализ и изучение обзора «Библиография марксизма» и проведение учащимися библиографической практики в «направлениях, намеченных В. И. Лениным в его рецензии на книгу Н. А. Рубакина и в обзоре „Библиография марксизма“». Берков считал обязательным для каждого советского учебного заведения изучение библиографического наследия классиков марксизма. Как известно, в последующие десятилетия ни один учебный курс по библиографии в высших и средних учебных заведениях не обходился без материала, посвященного ленинскому наследию в области библиографии.

Богатейшая эрудиция, многолетняя практическая деятельность Беркова в области библиографии создали прочный фундамент для разработки вопросов теории библиографии. Поводом для выступлений нередко служил выход в свет крупных библиографических трудов, дававших материал для больших и глубоких обобщений. Павлу Наумовичу Беркову было присуще умение, рассматривая конкретный библиографический труд, мыслить обобщенно, перспективно.

В обзорах и рецензиях П. Н. Берков не ограничивался характеристикой и оценкой конкретных библиографических трудов, его выступления в печати не носили описательно-информационного характера, они всегда затрагивали принципиальные вопросы теории и организации библиографического труда. «... Весьма часто, — писал Павел Наумович, — рецензии крупных специалистов вырастают в значительные факты науки». Эти слова можно полностью отнести и к выступлениям Беркова.

Придавая огромное значение выходу в свет труда Н. В. Здобнова «История русской библиографии до начала XX века» (изд. 1-е, 1944—1947; изд. 3-е, 1955), Берков опубликовал в 1948—1955 гг. пять рецензий на эту работу. В своих отзывах он останавливается на таких принципиальных вопросах, как место библиографии в системе книговедческих знаний, ее взаимоотношение с различными специальными научными дисциплинами, социально-воспитательное значение и роль ее

¹ Архив АН СССР. Ленингр. отд-ние. Ф. 217.

в развитии науки. Уже тогда, в конце 40-х гг., Берков рассматривал библиографию в целом как итог многообразной культурной деятельности народа, выраженный особым, своеобразным, библиографическим способом.

Понимание библиографии как одной из книговедческих дисциплин, входящих в цикл социальных наук, как истории науки в специфическом библиографическом выражении и оформлении позволяет говорить о близости научных взглядов Н. В. Здобнова и П. Н. Беркова, о их сходстве в решении коренных вопросов теории библиографии. В конце 20-х гг. Н. В. Здобнов резко и полемично возражал против узкого толкования понятия «библиография» в первом издании Большой Советской Энциклопедии. Почти через четверть века после выступления Н. В. Здобнова определение библиографии во втором издании Большой Советской Энциклопедии, почти тождественное прежнему, вызвало протест Беркова, заставив его обратить серьезное внимание на теоретическую сторону советской библиографии. Так же, как и Н. В. Здобнов, П. Н. Берков выступил против ограниченного, формального понимания библиографии как учения о способах и методах составления библиографических указателей.

Взгляд на библиографию как на особую форму выражения народной культуры он изложил в краткой, сжатой форме в статье «В защиту библиографии» («Сов. культура», 1954, 15 апр.), которую особенно ценил как свое первое выступление в широкой печати по данному вопросу.

В дальнейшем концепция П. Н. Беркова получила развитие в статье «„Общие библиографии русских книг гражданской печати 1708—1955“ М. В. Сокуровой и некоторые вопросы из области теории и истории библиографии» (1956), в которой библиография рассматривалась им как общественное явление, возникшее на определенном этапе исторического развития. Приобретая со временем все более разнообразные виды и формы, национальная библиография служит как бы инвентарем многовековой культурной жизни народа, своеобразным отчетом о достижениях во всех областях общественной жизни. В этой статье дано определение библиографии, которое получило развитие в других печатных работах ученого.

Теоретическим вопросам библиографии посвящена и оставшаяся в рукописи статья Беркова «Что же такое, наконец, библиография?», написанная, по всей вероятности, в конце 1959 г.² В этой работе прослежена эволюция понятия «библиография» в русской литературе на протяжении полутора столетий, от «Нового словотолкователя» Н. М. Яновского (1803) до «Словаря книговедческих терминов» Е. И. Шамурина (1958), и подведены итоги теоретической дискуссии 50-х гг.

² Очень сокращенная, лишенная полемики и исторического обзора статья под названием «Вслушиваясь в споры» была напечатана в журнале «В мире книг», 1965, № 10, с. 44—45.

Критический обзор существующих в литературе определенных только укрепил в нем уверенность в собственной правоте. Вкладывая обобщающий смысл в выработанное им ранее определение, Берков приводит его в этой статье в уточненной и более развернутой формулировке: «Библиография есть особая наука о культуре каждого отдельного народа и человечества в целом, представляющая учет, отчет и пропаганду вклада в национальную и, значит, мировую культуру, сделанного отдельными людьми, всей нацией или человечеством в целом — выраженные в форме перечней, списков, указателей, справочников, обзоров произведений печати и, чтобы быть точным, — не только одной печати. В то же время, будучи самостоятельной наукой, библиография является (и не может не быть) всеобщей обязательной вспомогательной наукой».

Исходя из широкого понимания библиографии как зеркального отражения многовековой культурной жизни народа, Павел Наумович Берков возражал против ограничения ее объекта только печатными произведениями, ибо механическое деление процесса духовной жизни народа на «рукописный» и «печатный» периоды, по его глубокому убеждению, привело бы к обеднению истории национальной культуры.

Особенности и специфика библиографического процесса позволили исследователю установить двойственный характер библиографии — быть самостоятельной наукой с реальными, но пока еще недостаточно выявленными закономерностями и одновременно служить всеобщей вспомогательной наукой для любой отрасли знания.

Не претендуя на создание чего-либо нового и оригинального в теории библиографии, Берков счел необходимым указать на своих предшественников. Принципиальный до педантичности, точный в обращении с фактами, он первым и главным в ряду своих предшественников назвал Н. В. Здобнова. За собой Берков скромно признал лишь заслугу обобщения и систематизации ранее высказанных соображений о сущности библиографии и развитие некоторых частных положений.

В действительности вклад П. Н. Беркова в разработку теории библиографии гораздо значительнее, чем он определяет его в своей статье «Что же такое, наконец, библиография?». Само обобщение ранее высказанных отдельных разрозненных соображений о значении и общественной роли библиографии уже было крупным шагом вперед.

Широкий взгляд на сущность и содержание библиографического процесса определил суждения Павла Наумовича Беркова по частным, но крайне важным разделам теории и истории библиографии. Так, например, во вступительной статье к труду М. В. Сокуровой он рассматривает библиографию библиографии как вспомогательную науку для самой библиографии, позволяющую контролировать ее состояние, намечать задачи раз-

вития и изучать ее историю. Это точное определение сущности библиографии библиографии получило в дальнейшем развитии и прочно вошло в научный оборот.

Именно потому, что Берков исходил из широкой концепции библиографии, его вступительные статьи и предисловия к библиографическим трудам и исследованиям всегда сами по себе представляют научную ценность. Так, статья «О библиографических трудах по русской периодической печати» является первым наброском истории библиографии русской периодики с момента ее возникновения до середины 50-х гг. Наблюдения за развитием этой обособившейся в XIX в. ветви библиографии позволили Беркову сделать важные для будущих исследователей выводы и обобщения. Первая группа выводов заключалась в установлении связи библиографических явлений с периодами общественного подъема. Библиографический учет периодических изданий мог возникнуть в России только тогда, когда русская журналистика заняла определенное место в общественно-политической жизни страны. Вторая группа выводов касалась объекта библиографии периодической печати, — постепенного, исторически обусловленного изменения и ограничения предмета изучения и описания. В той же статье Павел Наумович Берков впервые поставил вопрос о важности и необходимости библиографирования некоторых категорий периодической печати, обойденных вниманием библиографов и до сегодняшнего дня оставшихся вне учета.

Библиография в том или ином виде всегда сопутствовала научной и педагогической деятельности Беркова. Ряд его исследований в одинаковой мере принадлежит истории литературы, книговедению и библиографии. Одна из его ранних работ «Кто был автором лейпцигского „Известия о русских писателях“» (1931) не случайно в «Словарном указателе по книговедению» (ч. 3. М.—Л.; 1934, стб. 481—482) А. В. Мезьер помещена под рубрикой «Эвристика», как исследование, интересное по методам библиографического разыскания.

Ему принадлежит разработка сравнительно нового жанра в библиографии — путеводителя по литературоведческой литературе, в основу которого положен огромный личный научный и педагогический опыт. Обращенное к молодым ученым «Введение в технику литературоведческого исследования» (1955) оказало большую помощь студентам и всем, приступающим к научной работе в этой области. Каждая страница пособия проникнута страстной увлеченностью и огромной любовью к предмету исследования. Многие страницы книги, — писал один из рецензентов, — «на редкость увлекательны, как своеобразные остро сюжетные научные новеллы».

Такой же увлеченностью проникнуты и другие выступления ученого в печати, в которых он стремился раскрыть сущность и общественное значение библиографии.

В библиографическом обзоре «Новинки советской литературоведческой библиографии» (1956), характеризуя состояние этой отрасли библиографии конца 40-х — начала 50-х гг., Павел Наумович Берков особо выделил общетеоретическое значение фундаментальных работ И. М. Кауфмана и Н. В. Здобнова. Он справедливо полагал, что знакомство с трудами такого крупного масштаба поможет ученым «отказаться от узкого утилитарно-практического подхода к библиографии» и глубже оценить ее значение. В центре обзора — размышления ученого о нуждах и потребностях советской литературоведческой библиографии, о необходимости создания справочников и библиографических указателей нового типа, удовлетворяющих самые разнообразные запросы. К сожалению, не все из намеченного им решено до сегодняшнего дня. Составленная Берковым программа работ осуществлена только частично, многое не реализовано, хотя его рекомендации до сих пор не утратили злободневности и сохранили актуальность.

Переплетение научных и библиографических интересов с особой отчетливостью выступает в его докладе «Международное сотрудничество славистов и вопросы организации славяноведческой библиографии», прочитанном на IV Международном съезде славистов в 1958 г. Берков явился инициатором крупного начинания, доказывая и обосновывая необходимость организации централизованной библиографии славяноведения. Он детально охарактеризовал в этом докладе основные методические и организационные принципы будущей работы.

С 1958 по 1963 г. Павел Наумович был председателем Информационно-библиографической комиссии при Международном комитете славистов. Его научная деятельность в этом направлении получила широкое признание. В 1968 г. в Праге на VI Международном съезде славистов он был единственным, получившим медаль имени И. Домбровского «За развитие общественных наук».

Для Павла Наумовича Беркова характерны постоянство научных интересов, последовательность в изучении привлекавших его внимание проблем и напряженные поиски более совершенной формы выражения своих идей. Особенность его как исследователя заключалась в неоднократном возвращении к заинтересовавшей теме, и каждое такое возвращение становилось более глубоким и скрупулезным проникновением в суть вопроса.

Это положение можно проиллюстрировать на примере его исследований библиографической эвристики.

Первые опыты Беркова в этой области относятся к середине 30-х гг., когда им была подготовлена небольшая статья «К вопросу о методике библиографической эвристики» для сборника «Вспомогательные исторические дисциплины». Правда, статья не вошла в сборник и лишь в 1948 г. в несколько измененном виде была напечатана в сборнике «Советская библиография».

К теории библиографической эвристики Павел Наумович еще раз вернулся в упомянутом ранее пособии «Введение в технику литературоведческого исследования» (1955), содержание которого составляет источниковедение, библиография литературоведения и библиографическое разыскание. В этой работе, выросшей из лекций и семинарских занятий, которые велись П. Н. Берковым на протяжении четверти века, сформулирован вывод, к которому пришел исследователь: библиографическое разыскание не интуитивный и не эмпирический, а логический процесс, основанный на многообразной связи различных явлений культурной жизни.

Берков блистательно владел искусством библиографического разыскания. Этому способствовала его редкостной остроты феноменальная библиографическая память, которая хранила большое число названий книг, имен авторов, фактических данных. Он превосходно использовал справочные и библиографические источники, с предельной полнотой и точностью выявляя литературу вопроса, насыщая свои исследования множеством ценнейших библиографических сведений. И вместе с тем ученый был глубоко убежден в том, что библиографическая эвристика может и должна стать точной наукой, а не руководствоваться лишь интуицией и чутьем библиографа.

Исходя из глубокой уверенности в научном значении библиографического разыскания, Берков посвятил этой практически важной части библиографической деятельности специальную монографию «Библиографическая эвристика» (1960), в которой изложил общепринципы библиографического поиска как материалистического диалектико-логического процесса. Монография явилась результатом длительного изучения этой проблемы, итогом многолетних исканий и личного опыта.

«Библиографическая эвристика» не осталась незамеченной. Обсуждение книги в библиографической среде переросло в оживленную дискуссию, отголоски которой прозвучали на страницах «Советской библиографии» (1960, вып. 6, с. 99—103). «Библиографическая эвристика» оценивалась специалистами как полезное и ценное исследование, как первое крупное обобщение накопившегося опыта в библиографическом разыскании.

Вместе с тем, наряду с положительными отзывами, участники дискуссии высказали ряд критических замечаний принципиального и частного характера. Без достаточного основания было взято под сомнение одно из основных положений Беркова о библиографической эвристике как самостоятельной науке. В научной и учебной литературе проблемам библиографического разыскания до выхода в свет книги П. Н. Беркова почти не уделялось внимания, хотя теоретическими вопросами библиографической эвристики в начале 30-х гг. уже заинтересовались такие крупные теоретики и практики библиографии, как А. В. Мезьер, А. Г. Фомин и Н. В. Здобнов. В архиве последне-

го сохранилась рукопись интереснейшей работы «Методы и источники краеведнобиблиографического разыскания» (1934) и стенограмма лекции «Методы и источники разыскания литературы» (1937), к сожалению, оставшиеся неопубликованными и поэтому неизвестными. Имеющиеся единичные опыты в области библиографического разыскания лишь подчеркнули заслугу Павла Наумовича Беркова, которая заключалась в специальном рассмотрении, в новом подходе и систематичности изложения теории и практики библиографической эвристики.

Самостоятельная это наука или крупный и важный раздел методики библиографии покажет ближайшее будущее. Гораздо существеннее то, что в изучении библиографической эвристики был сделан значительный шаг вперед.

Были возражения против стремления ученого ограничить эвристику тесными рамками разыскания в пределах трех возможных «недостающих звеньев» (автор, заглавие, выходные данные). Но разыскания, относящиеся к содержанию книги, например к определению политической направленности издания, вовсе не исключались Берковым; они составляли суть самого исследования.

Исследование Беркова в основном опиралось на его многолетний личный опыт и меньше всего касалось существующей практики библиографической работы в библиотеках, отсюда возникли упреки в недостаточном использовании в «Библиографической эвристике» опыта «крупнейших библиотек и в узости круга привлеченного библиографического и справочного материала. Едва ли эти упреки до конца справедливы. Берков заранее предупреждал читателей своего труда, что, «будучи по прямой своей специальности литературоведом и к тому же в сравнительно узкой области — русской литературы XVIII в.», он в своем исследовании ограничится главным образом примерами из своей личной практики.

Монография «Библиографическая эвристика» получила высокую оценку в советской и зарубежной печати. В теоретической литературе этот труд остался оригинальным исследованием, в котором давно ощущалась большая потребность.

Павел Наумович Берков — мастер литературного портрета. Он посвятил несколько эмоционально написанных очерков библиографам, которых знал лично и деятельность которых высоко ценил. Таковы его живые, выразительные портреты А. Г. Фомина (1934, 1949), Б. С. Боднарского (1957, 1963) и опубликованный с большими сокращениями очерк о Н. В. Здобнове. Изящно написанный небольшой этюд «А. В. Мезьер — библиограф-романтик» создает образ замечательного русского библиографа — подвижницы, неутомимо пролагавшей новые пути в библиографии и вдохновенно работавшей в этой трудной области.

Если оставить в стороне труды, посвященные теории, истории, методике и практике библиографии, и попытаться система-

тизировать остальные книговедческие работы (статьи и книги) Павла Наумовича, то их можно условно подразделить на три группы, рассматривающие: а) общие проблемы книговедения; б) историю русской и западноевропейской книги; в) библиофильство и книголюбие.

В первую группу вошли работы о методологических основах книговедения, путях развития книги в классовом и бесклассовом обществе, предмете и объеме истории книги как науки. Во вторую группу — статьи и заметки о возникновении и раннем периоде книгопечатания на Руси, из истории русской книги XVIII в., истории энциклопедических изданий в России и на Западе. Третью группу составили очерки и монографии, посвященные книгособирателям и книголюбам.

Первые специальные исследования книговедческого характера «Пути развития книги в классовом и бесклассовом обществе» (1931) и историографический обзор «Развитие истории книги как науки» (1931) выполнены Берковым в Институте книги, документа и письма Академии наук СССР, сотрудники которого в начале 30-х гг. совместно с другими книговедческими учреждениями работали и над созданием теории книговедения и истории книги, в частности, изучали теоретические и практические вопросы советского энциклопедического дела.

Научно-исследовательская работа в Институте шла параллельно с популяризацией книговедческих знаний, в которой участвовал и П. Н. Берков.

Последнее десятилетие жизни Павла Наумовича Беркова отмечено усиленным интересом к различным проблемам книголюбия и библиофильства. В этот период он изучает истоки возникновения библиофильства, его природу и значение для истории культуры, закономерности развития и конкретные исторические формы проявления. В статье «Некоторые вопросы советской библиофильской литературы» (1961) Берков затрагивает множество проблем, касающихся сущности этого явления, в частности, его внимание привлекает социально-психологический аспект изучения библиофильства. Среди тем, нуждающихся в разработке, он называет историю русского библиофильства, и сам, увлеченный собиранием материала, активно работает в этом направлении.

Среди опубликованных им статей и монографий выделяются исследования, составляющие как бы библиофильскую трилогию: «О людях и книгах» (1965), «Русские книголюбые» (1967), «История советского библиофильства» (1971). Посмертно изданная «История советского библиофильства» — итоговая книга, в которой систематизированно изложены этапы развития библиофильства за 50 лет Советской власти.

Изучение библиофильства как общественного явления — важнейшая заслуга Беркова. Он выступил первым историком русского библиофильства, проследив в своей монографии связь

различных форм библиофильства с историей страны. Он подметил и охарактеризовал такие новые, присущие только советскому периоду явления, как возникновение и широкое распространение полуочерковой библиофильской массовой литературы, как коллективность, тяга к объединению многочисленных библиофилов, наблюдаемая в различных городах Советского Союза.

Книги, подобной «Истории советского библиофильства», в книговедческой литературе не было, ее автора справедливо называют пионером, первопроходцем, проложившим путь к научному изучению истории библиофильства как особой отрасли книговедения. Павел Наумович Берков не успел осуществить еще один замысел, работу, как бы примыкающую к его монографии. При его жизни был задуман словарь «Советские библиофилы, книголюбцы, книгособиратели наших дней (50—60-е годы)», для создания которого собирался материал путем анкетирования. Работа над справочником завершена общественной редколлегией, ответственным редактором издания является академик Д. С. Лихачев.

П. Н. Берков долгие годы был связан деловыми и дружескими отношениями с крупнейшими библиотеками Ленинграда. Он входил в состав Ученого совета Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, был научным руководителем ее аспирантов, консультантом многих сотрудников библиотеки, рецензентом, редактором ряда трудов, изданных библиотекой, автором вступительных статей и предисловий к ним, блестящим знатоком книжных фондов библиотеки.

Требовательный и доброжелательный, безотказно и щедро помогающий, обязательный и верный слову Павел Наумович Берков был прекрасным наставником и воспитателем научных кадров. Книговеды и библиографы, прошедшие его школу, выработали в себе не только умение работать с полной отдачей, уважать факты и честно служить науке, но и получили наглядное представление о нравственных нормах ученого-гражданина.

В основе научной, педагогической и общественной деятельности Беркова всегда лежала разумная и деятельная любовь к книге, глубокий интерес к ее авторам, хранителям, собирателям, распространителям. Корни этой любви уходят в начало века. Книги всегда окружали Павла Наумовича; привязанность к ним он пронес через всю жизнь; она сопровождала его на всех этапах трудовой и научной деятельности. Его отношение к книге не было слепой страстью. Он вряд ли смог бы приобретенные книги оставлять неразрезанными. Павел Наумович «редкостей ради их редкости» никогда не приобретал и легко расставался с редким изданием, если оно не было нужно ему для работы. Ему «претили и вызывали враждебность» библиофилы «геннадиевского толка». Библиотека Беркова была ценным и обширным книжным собранием (30 000 единиц, включая оттиски, брошюры, авторефераты и т. п.), которое непрерывно, на

протяжении десятилетий пополнялось литературой по русской общей и специально литературоведческой библиографии и книговедению и в этом отношении было исключительно полным³.

Однажды Берков признался, что «писать историю своей библиотеки все равно, что писать автобиографию». И действительно, написанный им с большой теплотой очерк «Биография моей библиотеки» дает представление не только о книгах, собранных Павлом Наумовичем, но и о нем самом, о его вкусах и характере, о детстве, юности и зрелости ученого.

О книге он писал мудро и поэтично. Он ценил книгу прежде всего за ее содержание, «за ее „конденсированную человечность“, за то, что часто она — хранительница человеческого гения, ума, сердца, что часто она — горькая память о прошлом, нелицеприятная совесть настоящего». Вместе с тем, Берков не относился безучастно к искусству книги, понимал эстетический восторг любителей, восхищавшихся художественным оформлением книги. Как справедливо заметил о П. Н. Беркове академик Д. С. Лихачев, «небрежность издания не только его возмущала — она его обижала, делала почти несчастным».

Труды Беркова по книговедению, истории и теории библиографии никогда не оставляли читателя равнодушным, они нередко вызывали споры и возражения, но вместе с тем поражали новизной и свежестью наблюдений, будили мысль, заставляли глубже оценивать явления и подсказывали новые темы для дальнейших исследований.

Несмотря на поразительную работоспособность и постоянное творческое горение, он оставался неудовлетворенным сделанным и постоянно стремился к новым работам и новым открытиям. Это непрерывное устремление вперед прекрасно выражено в словах П. Н. Беркова: «Ах, если бы все прочесть, все узнать, все написать, все рассказать! Тогда я считал бы свой долг перед книгами, перед своей библиотекой, перед людьми выполненным».

³ Книжное собрание П. Н. Беркова после его смерти поступило в Библиотеку Академии наук БССР (Минск), где хранится как отдельная коллекция в Отделе редкой книги.

«ОБЩИЕ БИБЛИОГРАФИИ РУССКИХ КНИГ ГРАЖДАНСКОЙ ПЕЧАТИ 1708—1955» М. В. СОКУРОВОЙ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗ ОБЛАСТИ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ БИБЛИОГРАФИИ

Интерес к теоретическим вопросам советского книговедения и в частности библиографии, столь характерный для нашей книговедческой литературы конца 20-х — начала 30-х гг. и уступивший затем место проблемам библиографической методики, в последнее время как будто вновь возрастает. Признаком этого можно считать отдельные формулировки в библиографических работах последних двух-трех лет, появление ряда книг, брошюр и статей, на первый взгляд как будто имеющих чисто практический, конкретный характер, но по существу поднимающих и общетеоретические вопросы. Показательны в этом отношении также темы кандидатских диссертаций последних лет: при всей их исторической конкретности, они в той или иной мере отходят от определенных теоретических положений, звучащих несколько по-новому.

Однако итоги этого подъема интереса к теоретическим вопросам библиографии пока еще далеко не соответствуют современным потребностям нашего общества. Колоссальный рост советских книгоиздательств и библиотек, огромный опыт, накопившийся в области изучения роли книги в социалистическом строительстве, большие и ответственные задачи, стоящие перед советским народом в настоящее время во всех областях жизни, и в частности в области культуры, — все это требует иных подходов к определению места и значения библиографии в советской современности, требует прежде всего нового понимания самого существа, содержания библиографии. Оставаясь на том же уровне теоретического понимания библиографии, на каком мы находились 10—15—20 лет назад, мы, конечно, не сможем не только помочь движению советской культуры, науки и искусства вперед, но даже хоть сколько-нибудь удовлетворительно решать выдвигаемые советской действительностью частные, конкретные задачи практического характера.

Между тем мы в целом, к сожалению, до сих пор остаемся на том же теоретическом уровне в области библиографии, на котором находились даже не 10—15 лет назад, но много раньше. Чтобы сказанное не звучало бездоказательно, сопоставим определение понятий «библиография» в первом и втором изданиях Большой Советской Энциклопедии — издании, по своему назначению подводящем итоги нашему культурному развитию.

В статье «Библиография», помещенной в т. 6 первого издания БСЭ¹, сказано, что «библиография — отрасль знания, зани-

¹ БСЭ. Изд. 1-е, т. 6, стб. 112.

мающаяся описанием книг, т. е. перечислением их внешних и внутренних признаков (автор, заглавие, место и год издания, содержание, оценка и пр.)». Во втором издании БСЭ библиография определяется как «отрасль знания о способах и методах составления и изучения указателей, списков, обзоров произведений печати»². При кажущемся различии между обоими определениями, отделенными друг от друга без малого четвертью века, они на самом деле почти тождественны.

В самом деле, оба определения исходят из формальных признаков характеризуемого явления, а не из установления его социальной сущности и функции. В обоих определениях главное внимание обращено не на то, чем является библиография в общественной жизни, что представляет она собою в отдельные исторические моменты в качестве факта культуры, как она используется в процессе социальной борьбы, а на внешние моменты: «описание книг», «способы и методы составления и изучения указателей, списков, обзоров произведений печати».

В соответствии с таким пониманием существа библиографии находится и определение *задач ее*. Первое издание БСЭ обходит этот вопрос. Второе, напротив, четко формулирует понимание задач библиографии, но опять-таки с чисто внешней стороны: «В задачи Б<иблиографии> входит выявление, описание, раскрытие и оценка произведений печати».

Все эти формулировки не могут удовлетворить современное советское книговедение. Не говоря уже об отдельных частных шероховатостях приведенных определений, они в целом не отражают нашего социалистического опыта, не учитывают результатов дискуссий послевоенного периода, не соотношены с общим развитием социальных наук в нашей стране.

Между тем эти определения,— вернее, определение во втором издании БСЭ,— играют существенную роль в нашей современной книговедческой литературе, на них строятся программы общих и специальных курсов и самые курсы в библиотечных институтах и техникумах, от них отправляются различные популяризаторы. В школьном «Кратком словаре литературоведческих терминов» Л. И. Тимофеева и Н. Венгрова (изд. 2-е, 1955), вышедшем в Учебно-педагогическом издательстве в количестве 200 тысяч экземпляров, находится определение, почти слово в слово совпадающее с приведенными выше формулировками: «Библиография — краткое описание и оценка содержания и внешнего оформления книг (автор, название, характер книги, издательство, год и место издания, формат, количество страниц, цена и т. д.)» (с. 20). Все это не может не внушить тревогу.

Нам кажется, что настало время обратить серьезное внимание на теоретическую сторону советской библиографии. Повторное издание книги М. В. Сокуровой «Библиография русской

² БСЭ. Изд. 2-е, т. 2, с. 137.

библиографии», обильной ценнейшими фактическими материалами, на каждом шагу наталкивающими читателя на размышления, является как нельзя более подходящим поводом для постановки и попытки решения ряда существенных вопросов теоретического порядка.

I

«Общие библиографии русских книг гражданской печати» М. В. Сокуровой, выходящие вторым изданием, и «История русской библиографии» Н. В. Здобнова, напечатанная в третий раз, представляют, по существу, однородные явления. И тот и другой труд с разной степенью полноты, с разными методами подхода, наконец, с разными целями, преследуемыми их авторами, решают одну общую задачу — они показывают, как русская библиография в разное время и в разных формах стремилась охватить все созданное русским народом в области культуры и нашедшее свое выражение в письменном и печатном виде.

Конечно, с внешней, формальной стороны библиография — это «указатели, списки, обзоры произведений печати»; можно только в данном случае возразить против ограничения библиографии «произведениями печати», но об этом подробнее будет сказано ниже. В основном же нельзя отрицать, что библиография имеет *форму* перечней, списков, указателей и обзоров. Однако нельзя на этом останавливаться: за *формой* библиографии, как за всякой формой, — или, может быть, точнее — в форме библиографии скрывается содержание. Это положение верно как в применении к каждому отдельному произведению библиографической литературы, так и к библиографии в целом, хотя бы речь шла о национальной или универсальной библиографии.

В самом деле, любая библиографическая работа, — будь это список произведений какого-нибудь писателя или ученого, или перечень работ по какому-нибудь отдельному вопросу партийной, общественной, научной жизни, или, наконец, «Ежегодник книги СССР» за определенный год, или «Опыт российской библиографии» Сопикова, — любая библиографическая работа, — это, во-первых, своеобразная форма *учета* деятельности в области культуры то отдельного человека, то группы людей, то народа в целом, во-вторых, это *отчет* о сделанном, — а иногда и о предполагаемом (об этом см. ниже), и, в-третьих, *способ распространения, пропаганды* сведений об этой деятельности в области культуры. В своей совокупности национальная библиография — это инвентарь всей многовековой культурной жизни народа, это своеобразный отчет о достижениях народа во всех отраслях общественной жизни, но выраженный особыми приемами, характерными только для библиографии, присущими только ей. Чем более развита, богата и разнообразна национальная библиография, тем точнее, подробнее и ярче создавае-

мая ею картина вклада данного народа в общую сокровищницу мировой культуры. И в то же время, чем богаче библиография какого-либо народа, тем быстрее проникают культурные ценности в широкие народные массы.

Сказанное о национальной библиографии можно распространить и на библиографию универсальную: она отражает культурную жизнь человечества на всем протяжении его истории, поскольку история начинается, как учит Ф. Энгельс, с появления письма. Однако правильнее будет сказать, что библиография отражает изучение и доисторической жизни человечества. Итак, библиография — это особая форма учета, отчета и пропаганды вклада в национальную и, значит, в мировую культуру, сделанного отдельными лицами, группой лиц или всей нации в целом.

Вместе с тем никак нельзя упускать из виду, что библиография сама есть явление и факт культуры. Только на определенном этапе исторического развития человечества она возникает, только определенные формы имеет она вначале, а именно представляет попытки учесть существующие у того или иного народа книги, рукописные или печатные. Но, раз возникнув, она, в соответствии с развитием национальной культуры, приобретает все более и более разнообразные формы и виды. Появление библиографии у какого-либо народа можно считать признаком роста его самосознания, признаком того, что у народа возникла потребность оглянуться на то, что им сделано в области культуры, отдать себе отчет в труде поколений, формировавших в процессе классовой борьбы «общность культуры».

Однако сказанным вовсе не отрицается классовый характер отдельных явлений библиографической литературы и библиографической литературы в целом. В историю библиографии входят труды, созданные в античном рабовладельческом обществе, в феодальном, буржуазном и, наконец, социалистическом. Каждая эпоха накладывает свою печать на возникшую тогда библиографическую литературу и на содержание последней, и на ее форму, и на принципы описания, и на задачи, которые ей надлежит решать. Таким образом, библиография, являясь фактом национальной культуры, имеет в то же время и классовый характер. Поэтому в отношении библиографии необходимо полностью применять учение В. И. Ленина о двух культурах, и из так называемого «библиографического наследства» мы должны брать только те труды, которые в том или ином отношении представляют интерес для нашей социалистической культуры. Библиография, в советском понимании, не может, не должна быть объективистской. Она не должна включать в себя и тем самым продвигать в массы перечни произведений, отражавших реакционные политические или псевдонаучные идеи, например, монархической, фашистской, черносотенной, «окультистской» и вообще мистической литературы. Задача библиографии — присущими ей методами, с одной стороны, отра-

жать развитие прогрессивной культуры народа и — шире — человечества и давать в каждый определенный момент картину состояния этой культуры, и, с другой, способствовать дальнейшему развитию науки, техники, искусства, помогать росту культуры. Решать эту задачу библиография может в *форме* «списков, указателей и обзоров».

Мы намеренно оборвали цитату из статьи о библиографии во втором издании БСЭ, так как, с нашей точки зрения, ограничивать библиографию одними «произведениями печати» неправильно. То обстоятельство, что в последние полтысячелетия значительная часть человечества пользуется книгопечатанием, вовсе не должно влечь за собой такое сужение объема библиографии, какое мы находим в обычных определениях. Ведь на практике курсы истории библиографии, универсальной и русской, всегда учитывают библиографии периода до появления книгопечатания. Ни одному, самому рьяному стороннику библиографии как совокупности «списков, указателей и обзоров произведений печати» не придет в голову обеднять историю национальной культуры исключением библиографий раннего — рукописного — периода.

Защитники «печатной» библиографии забывают, что процесс культурной жизни народа, как и человечества в целом, нельзя механически делить на «рукописный» и «книгопечатный», — процесс этот един. Характерно, что первые *печатные* библиографии не делали различия между книгами рукописными и вышедшими из типографского станка. Так, например, Конрад Геснер в свою «*Bibliotheca universalis*» (Цюрих, 1545), первый печатный труд по библиографии, включал произведения писателей «существующих и не существующих, древних и самых новейших, ученых и неученых, *вышедших в свет и скрывающихся в библиотеках* („*publicatorum et in Bibliothecis latentium*”)», то есть «печатавшихся и оставивших рукописные труды». Так же поступил и автор одной из первых русских библиографий — «Оглавление книг, кто их сложил».

Иногда в защиту «печатного» критерия при определении библиографии выдвигают такой довод: «библиография имеет дело с произведениями печати, археография — с рукописями»³. Такая точка зрения ошибочна: археография имеет дело лишь с историческими *документами*, причем не исключительно рукописными⁴. «Археография, — пишет В. В. Максак, — вспомога-

³ Кажется, первым в русской специальной литературе высказал эту точку зрения К. М. Базили в статье «Библиогнозия, библиография и библиология» в «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара (т. 5. Спб., 1836, с. 480; ср.: Здобнов Н. В. История русской библиографии. Изд. 3-е. М., 1955, с. 172). Сравнительно недавно защищал эту позицию Н. Ф. Бельчиков в статье «Библиография и археография» в журн. «Библиография», 1929, № 2/3, с. 5—14.

⁴ Правила издания исторических документов. М., 1955, с. 11. (АН СССР. Ин-т истории. Гл. арх. упр. Ист.-арх. ин-т).

тельная историческая наука, ставящая своей задачей разработку методов публикации исторических документов и подготовку их к изданию»⁵. Таким образом, смешивать библиографию с археографией можно, только не зная или не желая знать действительного содержания обеих областей знания.

Описание рукописных книг есть работа библиографическая, а не археографическая, и каталоги древнерусской рукописной книжности несомненно образуют особый отдел русской библиографии, имеющий некоторые специфические черты, определяемые описываемым материалом. Поэтому совершенно правильно поступила А. В. Мезьер, включившая в свой «Словарный указатель по книговедению» раздел «Указатели книг рукописных и трудов по их описанию. (Библиография славяно-русская)»⁶.

Только совокупность описаний рукописных и печатных книг образует полную национальную библиографию, только такая полная национальная библиография и представляет инвентарь и зеркало национальной культуры в ее литературном (в широком смысле) выражении.

Из сказанного, однако, вовсе не следует, что отдельно не могут или даже не должны быть создаваемы сводные труды по библиографии специально рукописных и специально печатных книг. Библиография рукописных книг не имеет сейчас такого большого практического значения, как библиография произведений печати. К библиографии книг рукописных обращается значительно более узкий круг потребителей, чем к указателям книг печатных. Поэтому вполне понятно, что потребностям социалистического строительства в первую очередь отвечает создание библиографий книг печатных. Этим же объясняется и необходимость повторного издания книги М. В. Сокуровой, правильно озаглавленной «Общие библиографии русских книг гражданской печати».

II

Из сопоставления приведенных выше определений библиографии и археографии можно заметить, что последняя признается вспомогательной исторической наукой, тогда как о первой глухо сказано, что она представляет «отрасль знания». Что значит «отрасль знания»? Какого «знания»? В каком смысле надо понимать слово «отрасль»?

Обычно наше бытовое словоупотребление проверяется показаниями так называемых «толковых словарей». Если последовать этому порядку и обратиться к советским словарям, то окажется, что слово «знание» в них объясняется как синоним слова «наука»⁷. Именно в таком смысле употребил слово «зна-

⁵ БСЭ. Изд. 2-е, т. 3, с. 164.

⁶ Л., 1924, стб. 649—670, 910—912; ч. 3. Р — Я. М.—Л., 1934, стб. 253—255.

⁷ Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1, М., 1935, стб. 1109; Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 3-е. М., 1953, с. 203.

ние» В. И. Ленин в «Речи о роспуске Учредительного собрания на заседании ВЦИК 6(19) января 1918 г.»: «...они и великую гордость человечества — знание — превратили в орудие эксплуатации трудового народа...»⁸.

Таким образом, «знание» — синоним «науки», и, следовательно, формулу «библиография — отрасль знания» надо понимать в том смысле, что она является отраслью, ответвлением, отделом науки. Понятно, что слово «наука» употребляется здесь в широком смысле, не как отдельно взятая система знаний в какой-либо области жизни природы или общества, а как целостная, всеохватывающая, систематизированная сумма отдельных наук в их совокупности. Расшифровка формулы «библиография — отрасль знания» показывает, что в философском смысле библиографию надо понимать как самостоятельную и весьма важную науку, являющуюся в то же время в определенных своих разделах и составной частью каждой отдельной науки.

Против этого положения могут возразить: «Характерной чертой науки является то, что она обобщает (как в узком, так и в широком смысле) изучаемый ею материал и устанавливает законы, действующие в данной области. Устанавливает ли библиография какие-либо законы? Насколько известно, нет. Следовательно, нельзя считать библиографию наукой».

Подобный ход рассуждений на первый взгляд кажется неотразимо убедительным. Однако на самом деле рассуждение это неправильно. Нельзя упускать из виду, что каждая наука, прежде чем она окончательно сложится, проходит ряд этапов, важнейшие из которых: накопление материалов, классификация их, обобщения, установление действующих в данной области закономерностей. Так, например, география лишь в самое последнее время перешла от первого этапа — накопления материалов и их классификации — ко второму — обобщениям и установлению закономерностей. Еще не так давно география считалась «описательной» наукой, самый материал которой не может быть обобщен, не может быть подведен под какие-то определенные закономерности⁹. Сейчас советские географы с полным правом говорят о своей науке как о науке, устанавливающей закономерности и в области строения и развития географической среды и важнейших процессов, в ней протекающих (физическая география), и в области народнохозяйственной (экономическая география).

⁸ Ленин В. И. Соч., т. 26, с. 399. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 35, с. 241.— *Ред.*).

⁹ Д. Н. Анучин даже считал возможным определять географию как «науку или искусство изображения и описания земли» (География).— Энцикл. словарь. Гранат. Изд. 7-е, т. 13, стб. 236.

Значительно раньше произошел переход от описательного этапа к обобщающе-теоретическому в таких науках, как история, история литературы и языковедение.

Поэтому нельзя отвергать права библиографии считаться наукой на том только основании, что она в настоящее время не устанавливает никаких закономерностей. Из того, что она в данный момент не устанавливает законов, действующих в области ее ведения, вовсе не следует, что этих законов нет и что впоследствии она не будет в состоянии устанавливать свои закономерности.

Затем, всякий раз, когда мы говорим о библиографии как «отрасли знания», мы имеем в виду исключительно одну ее сторону — накопленные горы справочников, перечней и т. д. и груды вновь появляющихся всевозможных «летописей», «ежегодников книги» и т. п. Но ведь библиография на самом деле состоит не только из библиографических указателей и трудов по методике их составления. Самые лучшие библиографические пособия окажутся бесполезными, если люди не будут уметь пользоваться ими. А пользоваться библиографиями вовсе не такая простая вещь. Во многих случаях для нахождения нужного для научной или практической цели труда приходится затрачивать много умственной энергии, изобретательности и интеллектуальной ловкости, приходится напрягать мыслительные способности и расходовать много времени. В результате этого возникает — правда, еще на наших только глазах, — новая отрасль библиографии: методика библиографического разыскания (библиографической эвристики). И любопытно и, вместе с тем, поучительно: в этой области библиографии уже сразу стали возможны классификации и простейшие обобщения, за которыми, естественно ожидать, последуют и не могут не последовать установления закономерностей.

Положительную роль в этом процессе превращения библиографии из описательной «отрасли знания» в подлинную науку могут и должны сыграть такие труды исторического и хронологически-аналитического характера, как «История русской библиографии» Н. В. Здобнова и «Общие библиографии русских книг гражданской печати» М. В. Сокуровой. В этих работах внимательный читатель несомненно заметит явления повторяющиеся, определенными условиями вызванные, определенные цели преследовавшие, то есть найдет данные для обобщений, установления некоторых закономерностей. Так, например, несомненно будет замечено, что библиография в руках передовых русских писателей и специально библиографов (Сопиков, Белинский, Добролюбов, Чернышевский и др.) являлась прогрессивным фактом русской общественной жизни, и, напротив, в руках правительственных библиографов, в особенности так называемая «цензурная библиография», играла роль реакционную. Заметят также, что различные виды библиографии — регистрационная, рекомендательная, критическая, ретроспективная, книгоизда-

тельская, книготорговая и т. д. — возникают не случайно, а отвечая на какие-то конкретные потребности общества, причем часто их классовая обусловленность совершенно очевидна (например, в рекомендательных буржуазно-либеральных «Программах для домашнего чтения», с одной стороны, и в «Библиотеке социал-демократа» Платона Лебедева, с другой). Обратит на себя внимание также и несомненная закономерность в тематике библиографических работ, в принципах отбора материала, в характере его подачи в зависимости от предполагаемого круга читателей.

Если ограничиться даже только приведенными соображениями о закономерностях в области библиографической эвристики и истории библиографии, то и этого, на наш взгляд, пока довольно, чтобы признать библиографию наукой, а не осторожно зашифрованной «отраслью знания».

Однако следует сразу же внести некоторые ограничения в это положение. Науки разделяются сейчас на самостоятельные и вспомогательные. Понятия эти по существу относительные: иногда самостоятельная наука может оказаться вспомогательной для другой науки, например, история искусства для истории, или история для философии, или химия для археологии (при установлении химического состава какого-либо металлического предмета, извлеченного во время раскопок). Замечена также известная тенденция так называемых собственно вспомогательных наук, в частности исторических, развиваться и обособляться в самостоятельные и большие науки; так, например, обстоит сейчас с археологией, архивоведением и т. д.

Библиография давно уже считается вспомогательной наукой для истории и истории литературы. Однако с таким же основанием она должна быть признана вспомогательной наукой для любой отрасли знания, так как ни одна наука не может существовать без учета того, что делается в ней сейчас и что делалось раньше. Достаточно вспомнить огромный рост советской реферативной библиографии по точным и естественным наукам в последнее десятилетие, а также появление больших библиографических работ ретроспективного характера, как, например, «История СССР. Библиографический указатель советской литературы 1917—1950». Т. 1—8. М., 1952. (АН СССР. Фундам. б-ка обществ. наук). Изд. стеклогр.

Таким образом, несомненно, что библиография должна считаться всеобщей вспомогательной наукой, а не просто вспомогательной наукой, которой, по желанию, можно пользоваться, а можно и не пользоваться. Библиография, если правильно понимать принципы развития каждой науки в отдельности и всей науки (в широком смысле) в целом, является и непременным условием поступательного движения научной мысли. Это становится особенно ясным сейчас, когда устраняются воздвигнутые «холодной войной» преграды в международном общении ученых.

«Весьма важно, — писала «Правда» несколько времени назад, — чтобы работники высшей школы хорошо знали достижения современной науки за рубежом, глубоко изучали передовой опыт научно-исследовательской работы»¹⁰. Осуществить это положение можно лишь с помощью библиографии.

Подобный характер библиографии как всеобщей вспомогательной науки и неперемennого условия научного и общественного прогресса определяет особенности ее как науки: каждая отрасль культуры (науки, искусства, любая сторона общественной жизни) доставляет ей свой материал, а она, в свою очередь, обработав его соответствующим образом, возвращает его этой отрасли культуры. Далее, библиография, которая, казалось бы, является механическим объединением материалов, доставляемых ей различными отраслями культуры, вовсе не представляет простой арифметической суммы отдельных библиографических материалов, а образует нечто целостное и органическое, представляет своеобразное зеркало культуры данного народа в данный момент. Наконец, к числу особенностей библиографии принадлежит то, что она сама себе доставляет материал для дальнейшего своего развития и, в то же время, общего развития национальной культуры: на определенном этапе в каждой национальной библиографии возникает библиография самой библиографии, библиография второй, а затем и третьей степени.

III

Вопрос о возникновении библиографии русской библиографии не раз уже привлекал внимание книговедов, сложилась даже прочная традиция считать ее началом рецензию И. П. Сахарова на книгу П. М. Строева «Описание старопечатных книг славянских» в «Литературной газете», 1842 г. (см. ниже). На эту рецензию как на первый обзор русской библиографии указал в 1846 г. В. М. Ундольский, а вслед за ним эти сведения повторил спустя 12 лет Г. Н. Геннадн.

По-видимому, все же правильнее считать первыми опытами библиографии русской библиографии соответствующие разделы в систематических росписях русских книг, появившихся в 20-х гг. XIX в.¹¹ Так, во второй части «Росписи российским книгам для

¹⁰ Научно-исследовательская работа в вузах. — «Правда», 1955, 30 июля, № 211 (13509), с. 1.

¹¹ Впрочем, можно указать, что в «Систематическом обозрении литературы в России в течение пятилетия, с 1801 по 1806 год» А. Шторха в т. 1 «Российская литература», в отделе «История просвещения» (СПб, т. 1, с. 230—231) есть небольшой перечень журнальных статей, появившихся между 1801—1806 гг. и имеющих отношение к библиографии; перечень этот озаглавлен «Библиографические известия» и состоит всего из 7 номеров, среди которых собственно библиографических работ в нашем современном понимании нет ни одной.

чтения из библиотеки В. Плавильщикова, систематическим порядком расположенной» (Спб., 1820), в отделе «История и география» находится подотдел «Книговедение, или библиография», в котором перечислено 7 номеров и даны еще две ссылки (с. 267—268). В этот краткий перечень включены и собственно библиографии («Опыт» Сопикова, «Систематическое обозрение литературы в России» Шторха и Аделунга), и словари писателей («Опыт» Новикова, «Словарь писателей духовного чина» Евгения, «Каталог писателей» А. Селлия), и библиотековедческие материалы («Опыт нового библиотечного порядка для Санктпетербургской императорской библиотеки» А. Н. Оленина, «Опыт о библиотеке Академии наук» Бакмейстера), и, наконец, источниковедческие разыскания («О важнейших изданиях Герберштейна записок о России» И. Лобойко).

Хотя этот перечень и невелик, но представляет интерес как показатель того, что понимали в то время под термином «книговедение, или библиография». Заслуживает особой отметки, что ряд изданий, которые впоследствии библиографы относили в «литературу русской библиографии», как, например, «Материалы для истории просвещения в России» П. И. Кеплена, отчеты имп. Публичной библиотеки, «Пантеон российских авторов», изданный П. Бекетовым и др., помещен в «Росписи» Плавильщикова в разделах «История ученная (!), общая и частная» и «Собрание жизнеописаний». Иными словами, фактически количество работ по русской библиографии (в обширном смысле слова) было в библиотеке Плавильщикова больше, чем перечислено в отделе «книговедение, или библиография»: скудость материалов в этом подотделе зависела от понимания данного термина.

Насколько зыбко, неустойчиво было в то время понимание библиографической терминологии, можно видеть из того, что В. Г. Анастасевич, составлявший «Роспись» Плавильщикова, в другом своем библиографическом труде — «Росписи российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенной» (1828), уже отказывается не только от помещения «книговедения, или библиографии» в отдел «история и география», но и вообще от этого термина. По-видимому, Анастасевичу стало ясно, что включение библиографии в отдел истории логически не оправдано; куда же поместить ее, он не знал. Поэтому он и отказался от употребления этого термина, и в основную «Роспись» Смирдина книги, фигурировавшие в предшествующем труде Анастасевича как «книговедение, или библиография», попали только частично (в отдел «История российская» в подотдел «История литературы», с. 191), другие же нашли место в «Дополнении к Реестру» в подотделе «История литературы» (с. 709—710), между «Языкознанием» и «Произведениями словесности прозаическими». В первом списке — шесть названий, среди которых и

«Иоанн, эксарх Болгарский», и «Памятники российской словесности XII века» К. Калайдовича, и «Каталог писателей» А. Селлия, и «Опыт краткой истории русской литературы» Греча, и Шторх и Аделунг, и «Материалы» Кеппена. Во втором тоже шесть (Сопиков, «Роспись» Плавильщикова, три книги по библиотековедению, в том числе описание частной библиотеки Демидова, и «Систематический каталог книгам, изданным на русском, французском и немецком языках» Бакмейстера, 1798). Кроме этих двух списков, несколько книг по библиотековедению попало в отдел «Истории российской» в подотдел «Исторические записи и повествования о разных событиях» (отчеты Публичной библиотеки, «Опыт о библиотеке Академии наук», «Палаты Санктпетербургской Академии наук»).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что даже у автора первой на русском языке теоретической статьи по библиографии, В. Г. Анастасевича (1811), на практике не было отчетливого представления о существовании и объеме библиографии и о необходимости разграничения ее с библиотековедением, биографическими словарями и историей литературы. Очевидно, найти правильный подход к этому вопросу было не так легко, потому, что классификация наук и книг не имела в то время и в русской и европейской специальной литературе хоть сколько-нибудь установившегося понимания; при таком положении вещей библиография не мыслилась как самостоятельная классификационная категория, и задача, с одной стороны, классификаторов, с другой, библиографов, заключалась только в том, чтобы найти для нее наиболее подходящее, аргументированное место в существовавших тогда системах классификации.

По-видимому, вопрос о классификации наук в XVIII и начале XIX в. находился в таком неопределенном положении в связи с тем, что это был переходный период от феодального строя к капиталистическому, когда старые идеологические представления уступали место новым, когда упрочивалась, но еще не упрочилась буржуазная культура. В условиях капиталистического общества значение библиографии как средства и условия развития науки и промышленности заметно поднялось, и она, естественно, стала занимать более самостоятельное место в классификационных схемах. В экономически же отсталой крепостной России не было еще предпосылок для быстрого роста библиографии; ни промышленность, ни наука не были заинтересованы в ее развитии. Поэтому библиография в России в первую половину XIX в. вообще занимала незаметное место, и это отражалось и в классификационных схемах русских авторов. Реакция, усилившаяся после вступления на престол Николая I и подавления восстания декабристов, также не способствовала развитию русской библиографии. И если все же мы видим во второй четверти XIX в. некоторые успехи в области библиографии, то они представляют результат общественной инициативы

и возникли скорее вопреки намерениям правительства, чем в соответствии с ними.

Характерно, что именно в эпоху николаевской реакции появилась и стала быстро расти так называемая «славяно-русская библиография», описания славяно-русских рукописей и старопечатных книг. С конца 20-х гг. XIX в. стали выходить в свет описания собраний гр. Ф. А. Толстого, купцов Царского и Ширяева, затем гр. Н. П. Румянцева и др. Расширение сведений о древнерусской письменности и старопечатных книгах сразу сказалось на понимании термина «библиография» и повлекло за собой необходимость обзора того, что было к тому времени известно в области русской библиографии.

В 1842 г., в связи с недавним выходом из печати книги П. М. Строева «Описание старопечатных книг славянских, служащее дополнением к описанию библиотек графа Ф. А. Толстого и купца И. Н. Царского» (М., 1841), известный библиограф И. П. Сахаров поместил в «Литературной газете» рецензию¹², в которой, среди прочего материала, дал и обзор развития русской библиографии. Перечень Сахарова делится на четыре рубрики, построенные по формальному признаку: I. Рукописные библиографические сочинения (XVII в.); II. Библиографические сочинения, изданные отдельными книгами; III. Библиографические сочинения, помещенные в журналах; IV. Библиографические сочинения, помещенные в отдельно изданных книгах. Внутри этих рубрик находятся и описания библиотек научных учреждений, и частных лиц, и собственно библиографии («Опыт» Сопикова), и работы по истории книгопечатания и по истории отдельных изданий и т. д. В списке Сахарова почти не уделено внимания книгопродавческим каталогам и каталогам библиотек для чтения, а также опытам учетно-регистрационной библиографии. Поэтому мы находим у него только беглые упоминания о «Росписях» Плавильщикова и Смирдина (с. 454), но у него вовсе нет «Систематического обозрения» Шторха и Аделунга, библиографической регистрации в «Периодическом сочинении о успехах народного просвещения» и в «Журнале Министерства народного просвещения» и т. п. Полемическая рецензия Сахарова была направлена против притязаний П. М. Строева на приоритет в создании русской библиографии; попутно без упоминания фамилии задевался Белинский как лицо, якобы отрицающее прошлое русской литературы. Весь смысл статьи Сахарова заключается в том, что, во-первых, библиография есть описание только рукописных и старопечатных книг, во-вторых, составной ее частью и, может быть, важнейшей, является история книгопечатания.

Аналогичный характер имела работа В. М. Ундольского «Библиографические разыскания. Очерк библиогр. трудов

¹² «Лит. газ.», 1842, 7 июня, № 22, с. 451—455; 14 июня, № 23, с. 466—470.

в России»¹³. В отличие от Сахарова, систематизировавшего работы по библиографии в зависимости от формы их публикации, Ундольский дал в своем очерке простую хронологическую летопись появления разнообразных библиографических трудов. У него мы находим и Шторха и Аделунга, и «Росписи» Плавильщикова и Смирдина (о последней сказано даже, что она «замечательнейшая в библиографическом отношении»), но текущей библиографической регистрации нет и у Ундольского.

Несмотря на эти отличия и полемику с Сахаровым, Ундольский в целом стоит на той же позиции: его прежде всего и, может быть, и только интересует библиография рукописных и старопечатных книг; он так же, как и Сахаров, объединяет под общее понятие библиографии материалы собственно библиографические и библиотечные; наконец, он так же не признает текущей учетно-регистрационной библиографии.

Подобная точка зрения на библиографию как разновидность археографии, как на явление далекое от современности и никак с нею не связанное, не может не быть признана реакционной. Именно этой реакционной позицией и продиктован отбор материалов для первых опытов библиографии русской библиографии, этим объясняется невнимание Сахарова и Ундольского к трудам по библиографии русской книги XVIII и XIX вв.

Не подлежит сомнению, что между тяготением тогдашних библиографов к описанию рукописных и старопечатных книг и правительственной реакцией царствования Александра I, и в особенности Николая I, имеется внутренняя зависимость. Известная формула «православие, самодержавие и народность» отражала не только политику тех лет, но также и позиции таких реакционеров-библиографов, как Сахаров, Строев и др. Уход от злободневной современности в далекое и «нейтральное» прошлое, понимание библиографии как безобидного занятия, характеризующего «политическую благонадежность» лиц, работающих в этой области, — все это наложило особую печать на труды Строева, Сахарова, Ундольского и других «славяно-русских библиографов»¹⁴.

Было бы, однако, исторически неправильно на этом основании недооценивать объективное значение вклада перечисленных ученых в историю русской библиографии. Хотя их библиографические труды безусловно делались в целях укрепления позиций господствующего класса и созданной им политической системы, они в то же время устанавливали конкретные факты в истории русской культуры, приводили в известность значи-

¹³ «Москвитянин», 1846, № 2, с. 138—162. То же под назв.: Очерк библиографических трудов в России.— В кн: Ундольский В. М. Библиографические разъяснения. М., 1846, с. 3—26.

¹⁴ Кажется, Ундольский в статье «Сильвестр Медведев, отец славяно-русской библиографии» («Чтения в О-ве истории и древностей российских», 1846, ч. 1) впервые употребил термин «славяно-русская библиография».

тельное количество материалов, накапливали данные для последующего развития русской библиографии, и при правильном научном подходе их работы могут принести пользу. «Славяно-русские» библиографы разработали также принципы описания рукописной и старопечатной книги, которые в основном сохранились и до нашего времени, испытав, конечно, значительное влияние требований, выдвинутых советской наукой.

Крупным явлением в дальнейшем развитии библиографии русской библиографии следует признать книги Г. Н. Геннади «Литература русской библиографии» (Спб., 1858). Хотя узость понимания библиографии и библиофильский подход автора заметно отразились на его труде, тем не менее и со стороны объема материала и, главное, со стороны построения книга Геннади представляла значительный шаг вперед в истории вопроса. Заслуга Геннади состояла прежде всего в том, что вместо формальных принципов Сахарова и Ундольского он применил — не во всем последовательно и не без фактических ошибок — классификацию библиографических трудов по их содержанию и характеру. Так, у него выделены работы по теории библиографии («Общие сведения о библиографии»), по общей русской библиографии («Библиографическая летопись в России»), по специальной библиографии («Частные библиографии по разным отраслям знаний»), по истории отдельных книг («Описания редких и старинных книг»), по журналистике, словарям писателей, истории и описаниям библиотек, книгопечатанию, книжному делу, книготорговле, библиофилии и библиомании и пр.

Таким образом, Геннади внес известную четкость в прежнее хаотическое нагромождение библиографических материалов, и если геннадиевская классификация не может удовлетворить нас полностью сейчас, через сто лет после своего появления, то свою историческую положительную роль она безусловно сыграла.

При анализе приведенного выше списка рубрик «Литературы русской библиографии» видно, что классификация Геннади в основном правильна и в общих и главных своих чертах вошла и в наше современное понимание вопроса. Достаточно сопоставить рубрики Геннади с разделами известной «Программы» А. Г. Фомина¹⁵, подглавками «Истории русской библиографии» Н. В. Здобнова¹⁶ и даже «видами советской библиографии» в недавно изданной программе по библиографии для библиотечных институтов¹⁷, чтобы убедиться в том, что Геннади применил в своей книге более или менее рациональные принципы классификации.

¹⁵ Фомин А. Г. Библиография. Программа Л., 1926, с. 61.

¹⁶ Здобнов Н. В. История русской библиографии. Изд. 3-е. М., 1955, с. 605—607.

¹⁷ Общая библиография. Программа курса для библиотечных ин-тов. М., 1954, с. 6.

Кроме того, характерной чертой книги Геннади было явное предпочтение, которое он отдавал изданиям гражданской печати перед старопечатными. О последних он упоминает преимущественно в отделе «Истории и описаний библиотек» и лишь отчасти в «Библиографической летописи в России» (здесь всего 3 номера из 27; с первой частью «Опыта» Сопикова — 4). Совершенно в стороне оставляет Геннади библиографию рукописных книг. Поэтому из работ своих предшественников он отобрал сравнительно немного. Усвоил он у них хронологический принцип расположения библиографического материала внутри принятых классификационных рубрик.

По сравнению со своими предшественниками Геннади расширил круг привлеченных материалов: «Библиографическую летопись в России» он первый начал с «Реестра книгам гражданским» 1710 г., у него первого находятся и учетно-регистрационные библиографии, и библиографии специальные, и кое-что другое. И хотя у Геннади встречаются фактические ошибки и пропуски, тем не менее именно его книгу следует признать первым настоящим серьезным опытом библиографии русской библиографии. Не случайно работа Геннади была встречена одобрительно в «Современнике»¹⁵, обычно очень строго относившемся к трудам тогдашних библиографов.

Авторы трудов по библиографии и истории русской библиографии (А. Г. Фомин, Н. В. Здобнов и др.) от «Литературы русской библиографии» Геннади сразу же переходят к аналогичным работам 90-х гг. XIX в. и последующих десятилетий. Совершенным молчанием — на наш взгляд несправедливо — обходят статьи под словом «Библиография» в ряде энциклопедических словарей, делая одно лишь исключение, о котором сказано будет ниже.

Между тем, начиная с не вышедшего в свет, но имеющегося в ряде крупных советских библиотек «Энциклопедического словаря» С. А. Селивановского (1820—1825), все издания подобного характера в статье «Библиография» или «Библиогнозия» давали то более, то менее подробные сведения о литературе русской библиографии. Так, в «Энциклопедическом словаре» С. А. Селивановского к статье «Библиография», представляющей перевод соответствующей статьи из «Конверзационслексикона» Ф. А. Брокгауза (изд. 5-е. Лейпциг, 1818), было сделано добавление, в котором кратко перечисляются работы Хр. Бакмейстера, Шторха и Сопикова, а также «Словарь духовных писателей» митроп. Евгения¹⁹.

¹⁵ «Современник», 1858, т. 70, кн. 8, отд. 2, с. 240—241.

¹⁹ Энциклопедический словарь С. А. Селивановского, т. 3. М., 1825, с. 211—212. Я пользовался экземпляром Ин-та русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) из собрания М. Н. Лонгинова.

В «Литературе русской библиографии» Геннади упомянута статья о славянской и русской библиографии П. И. Кеппена в «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара. Вторая часть этой статьи излагает историю русской библиографии. «Умалчивая о трудах Селлия, Новикова, Бакмейстеров, Баузе, Буле, Конст. Калайдовича» и своих собственных, П. И. Кеппен кратко перечисляет библиографии и словари писателей Сопикова, м. Евгения, Греча, Смирдина, Шторха и Аделунга, Строева и Ширяева и говорит о подготовленном Востоковым «Описании русских и славянских рукописей Румянцевского музеума»²⁰. Хотя этот обзор и краток, но по времени он предшествует упоминавшейся выше рецензии И. П. Сахарова в «Литературной газете» 1842 г.

Несколько дополненная сведениями — о выходе «Описания русских и славянских рукописей Румянцевского музеума» Востокова и «Обозрения славяно-русской библиографии» Сахарова — статья П. И. Кеппена из плюшаровского «Энциклопедического лексикона» была без подписи перепечатана в «Справочном энциклопедическом лексиконе» К. Крайя²¹.

Небольшая заметка аналогичного характера, основанная на данных «Литературы русской библиографии» Геннади, была помещена в «Настольном словаре» Ф. Г. Толля²².

Из последующих словарей небезынтересные материалы по библиографии русской библиографии сообщает «Русский энциклопедический словарь» под ред. И. Н. Березина (т. 3. Спб., 1873, с. 631—634), где по вопросам библиографии и библиотекведения помещал статьи библиотекарь имп. Публичной библиотеки А. А. Стойкович. Статья «Библиография» заслуживает внимания как с фактической стороны, так и со стороны взглядов Стойковича на общественную роль библиографии и на ее положение в России. Не учитываются в истории русской библиографии и библиографические разделы в «реестрах» и «каталогах» книжных магазинов середины и второй половины XIX в.²³, а также в «Русской исторической библиографии» бр. П. и Б. Ламбиных (1855—1864) и пр.

Все перечисленные не учитываемые материалы имеют значение главным образом как источники для библиографии русской библиографии. Для истории же построения трудов в этой области они дают меньше. Сравнительно немного дают в этом

²⁰ Энциклопедический лексикон. Спб., изд. Плюшара, 1836, с. 486—487. (Подпись: Кпп).

²¹ Справочный энциклопедический словарь, т. 2. Спб., изд. К. Крайя, с. 330—331.

²² Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. (Справ. энцикл. лексикон), т. 1. Спб., изд. Ф. Толля, 1863, с. 257—258.

²³ Систематический реестр русским книгам с 1831 по 1846 год. Спб., изд. М. Д. Ольхина, 1846, с. 206; Систематический каталог русским книгам... А. Ф. Базунова. Спб., 1869, с. 860—864 и др

отношении и известные библиографические работы Н. Бокачева²⁴, Н. П. Смирнова²⁵, «Библиотека Д. В. Ульянинского» (М., 1912—1915) и др. Все они так или иначе отправлялись от «Литературы русской библиографии» Геннади, слегка варьируя его классификацию.

С этой стороны известный интерес представляет статья «Библиография» в «Энциклопедическом словаре» изд-ва Брокгауз и Ефрон²⁶. В ней строго разграничиваются, хотя не всегда на достаточном основании, «славяно-русская библиография», под которой понимается библиография рукописных и старопечатных книг (с. 720—733), и «библиография русская» (с. 733—769). Наиболее интересна со стороны своего построения часть статьи Яновского, посвященная русской библиографии. Впрочем, первая ее половина — простое повторение «Библиографической летописи в России» из книги Геннади, даже без исправления содержащихся в ней ошибок; книга Геннади в основном используется Яновским и во всех последующих разделах, но наибольшую ценность статьи составляют фактические материалы по русской библиографии за треть века, протекшую со времени выхода в свет «Литературы русской библиографии» Геннади. Здесь прежде всего перечислены каталоги Глазунова, Базунова, Исакова, а также охарактеризованы источники для русской библиографии: «1) каталоги отдельных петербургских книгопродавцев <...>; 2) каталоги библиотек, особенно специальных <...>; 3) росписи изданиям казенных ведомств, ученых учреждений и обществ; словари писателей и ученых; исторические очерки ученых и учебных учреждений; библиографические журналы» (с. 736—737). Затем Яновский дает «обозрение библиографии отдельных отраслей знания» (с. 746—767). В соответствии с принятой тогда классификацией книг здесь характеризуется библиография «литературы духовной и истории церкви» (с. 746—749), «философской литературы» (с. 749), «наук физико-математических, естественных и прикладных» (с. 749—752), «наук военных и морских» (с. 752—754), «наук гуманитарных (с географией)» (с. 754—757: история; с. 756: география; с. 757—761: краеведение); «наук юридико-политических» (с. 761—763); «языкознания, классической филологии и истории литературы» (с. 763—764); «педагогической и народно-учебной литературы» (с. 764—765); «литературы драматической» (с. 765) и, наконец, персональной («библиография произведений русских писателей и литературы о них», с. 765—767). В заключительной части статьи находятся данные о библиографии «русских книг,

²⁴ Описи русских библиотек и библиографические издания. Спб, 1890.

²⁵ Библиографические материалы. Спб., 1898.

²⁶ Яновский А. Е. Библиография — Энцикл. словарь. Брокгауз и Ефрон, т. 6, с. 720—769.

изданных за границей» (с. 767), национальной (украинской, армянской и пр., причем указаны работы только на европейских языках, с. 767—768), «трудов русских авторов, изданных на иностранных языках» (с. 768) и «иноязычных сочинений о России» (с. 768—769).

Подробное перечисление рубрик статьи Яновского показывает, что он отправлялся от схемы Геннади и лишь детализировал ее в части специальной библиографии. Характерным нововведением у Яновского было включение библиографии «педагогической и народно-учебной литературы». Это была первая попытка учесть русскую рекомендательную библиографию, как издававшуюся либерально-буржуазными и буржуазно-демократическими авторами и организациями, так и правительственными.

Сопоставление «Литературы русской библиографии» Геннади и «Библиографии» Яновского с рассмотренными ранее трудами Сахарова и Ундольского показывает, что труды первых представляют новый — либерально-буржуазный — этап библиографии русской библиографии. Отличительной чертой этих работ является пресловутый библиографический «объективизм», бесстрастная регистрация всего и подчеркнутая погоня за «идеальной полнотой». Этот «объективизм» заставил Яновского уделить «славяно-русской библиографии» значительное место, хотя ему несомненно была ясна большая важность в практическом и общественном отношении библиографии русской.

Сказанное о работе Яновского в полной мере относится и к статье «Библиография» в т. 6 «Нового энциклопедического словаря» изд-ва Брокгауз и Ефрон, подписанной фамилией П. К. Симони²⁷. Кроме статей Яновского и Симони, при обзоре дореволюционной библиографии русской библиографии заслуживают упоминания работы Н. М. Лисовского и Б. С. Боднарского. Первому принадлежит статья в «Большой энциклопедии» (т. 3. Спб., 1901, с. 186—195), вышедшая несколько ранее отдельным оттиском (Спб., 1900); она в основном построена на тех же принципах, что и статья Яновского, и ценна только тем, что в ней учтен материал, появившийся в течение 90-х гг.

²⁷ Как передавал мне А. Г. Фомин, Симони было поручено исправить и дополнить статью Яновского, но работа его так разрослась, что редакция, не согласовав вопроса с автором, напечатала только первую ее часть, посвященную общим русским библиографиям, и опустила раздел о специальных библиографиях. А как раз эта часть статьи в наибольшей мере сохранила текст Яновского. Симони протестовал, — но не в печати, — против того, что статья была подписана его фамилией. Позднее этот некорректный поступок редакции «Нового энциклопедического словаря» был причиной обвинений П. К. Симони в плагиате (см. «Библиогр. изв.», 1913, № 1, с. 4, примеч. и 1922, № 1—4, с. 46). Однако статья эта была включена П. К. Симони в список его трудов. (См.: Библиографические материалы, собранные в 1913—1914 годах Э. А. Вольтером. Пг., 1915, с. 88).

XIX в., после опубликования т. 6 «Энциклопедического словаря» изд-ва Брокгауз и Ефрон.

В дополнение к своей небольшой статье «Библиография» в Энциклопедическом словаре т-ва «Бр. А. и И. Гранат» (т. 5, 1911) Б. С. Боднарский поместил в приложении в конце следующего тома того же издания обзор общей русской библиографии²⁸. Работа эта представляет аннотированный хронологический список библиографической литературы, начиная с Сопикова и по 1909 г включительно. Подобное расположение материала автор в другой своей работе мотивировал желанием дать «возможность проследить эволюцию библиографической мысли, наблюдая, как за подъемами ее (как, напр., в 60-е гг. или годы нашей первой революции), так равно и за упадком (напр., в годы Столыпинской реакции)»²⁹. Богатый фактическим материалом, этот перечень, в силу принятого принципа построения, довольно труден для использования, так как в нем собственно библиографии перемежаются с указателями к журналам и даже библиографическим журналам и т. п.

Совершенно иной характер имеет другой — выдающийся — труд Б. С. Боднарского, его стоящая особняком в русской книговедческой литературе «Библиография русской библиографии» (1913—1925 и 1929). Ставя своей целью давать регулярно «систематические перечни или списки библиографических работ, выходящих в России с 1913 г.», Б. С. Боднарский понимал библиографию очень широко и включал «как библиографии в тесном смысле (теоретические исследования, указатели, каталоги книжных магазинов и пр.), так равно и библиотекведение (история библиотек, библиотекония, каталоги и пр.)», а также «произведения, близко соприкасающиеся с библиографией: по типографскому делу, книгоиздательскому и т. п.»³⁰. Характерной чертой этой работы, замечательной по точности и широте охвата материала, является детализированная схема классификации, в особенности в разделе «библиография»³¹, и строгое проведение принятой систематики. Можно, конечно, возражать против ряда принципиальных положений этой классификации и против отнесения некоторых записей в тот или иной отдел, но несомненной заслугой «Библиографии русской библиографии» Б. С. Боднарского является то, что он отучил русских библиографов от беспорядочного сваливания в одну библиографическую кучу различного, разнородного материала.

²⁸ Указатель библиографических пособий.— Энцикл. словарь. Гранат, т. 6. прил., с. 1—3.

²⁹ [Боднарский Б. С.] Библиография библиографий. [М.], 1942, с. 19. Стеклогр.

³⁰ Боднарский Б. С. Библиография русской библиографии. Библиогр. литература с 1913 по 1917 г. включ М., 1918, с. 3—4

³¹ Чрезвычайно интересна в этом отношении статья Б. С. Боднарского «Классификация библиографии. (Библиография, библиотекведение, библиофилия, книжное дело)» в журн. «Библиогр. изв.», 1913, № 1, с. 26—40.

В этом отношении «Библиографию русской библиографии» Б. С. Боднарского следует считать едва ли не высшим достижением дореволюционной библиографии русской библиографии, и уж во всяком случае она выше прославленной, все-таки библиофильской «Библиотеки Д. В. Ульянинского».

В советское время библиографическая классификационная схема подверглась существенным, коренным изменениям. Из нее не только были исключены утратившие в социалистическом обществе значение устарелые рубрики, и введены также новые большие разделы, как критическая рекомендательная библиография. Эти разделы развились в советское время под влиянием колоссального размаха, который приобрела политико-просветительная работа КПСС и Советской власти. Критическая и рекомендательная библиография возникла не на голом месте: был учтен опыт использования библиографии как средства общественно-воспитательной, политической пропаганды — в середине XIX в. революционными демократами, в начале XX — социал-демократической партией.

Помимо этого были произведены и другие значительные изменения в классификационной схеме. Это можно видеть по перечисленным в программе по «Общей библиографии» 1954 г. «видам советской библиографии».

Сейчас в советском книговедении принято членение библиографии на три больших отдела по целевому назначению и характеру — учетно-регистрационная, критическая и рекомендательная библиография. Учетно-регистрационная составляется из текущей библиографии и библиографии ретроспективной. Понятие текущей библиографии очень относительно: по существу всякий библиографический перечень ретроспективен, так как он говорит об уже вышедших книгах, журналах или газетах, которые описываются через какой-то, — пусть, очень короткий, — период после их появления в свет. В этом смысле любой выпуск любой «летописи» Всесоюзной книжной палаты должен приниматься как явление текущей библиографии только до выхода из печати следующего выпуска, после чего он немедленно становится фактом библиографии ретроспективной. А о «Ежегодниках Всесоюзной книжной палаты» и говорить не приходится — они безусловно представляют факт ретроспективной библиографии.

Правда, и «летописи», и «ежегодники» отличаются от собственно ретроспективных библиографий, и именно тем, что они выходят регулярно, охватывают по мере возможности весь печатающийся материал и притом описывают его по более или менее одинаковым принципам. А так называемые ретроспективные библиографии, начиная от «Опыта»³² Сопикова и кончая

³² Если их рассматривать не как рекомендательное пособие, а как обзор книг, ранее изданных.

«Среди книг» Рубакина, ни со стороны объема материала, ни со стороны систематизации его и принципов описания никак не могут быть признаны «учетно-регистрационной библиографией». Кроме того, текущая библиография в большей части стран, а у нас всегда,— находилась и находится в ведении государства и представляется обязательной, тогда как организация ретроспективной почти всегда,— а у нас в дореволюционное время всегда,— является делом частной инициативы и никакой обязательности не имеет.

То обстоятельство, что «текущая библиография» и «библиография ретроспективная» подводятся под общую рубрику «учетно-регистрационной библиографии»,— представляется нам сплошным недоразумением. Для объединения каких-либо понятий под единую высшую рубрику необходимо наличие и в этих понятиях и в высшей рубрике неких одинаковых, общих признаков. Есть ли они налицо в данном случае? Между учетно-регистрационной и текущей библиографией есть не только общее — учет и регистрация, но и полное совпадение по всем пунктам; они — синонимы. Но между учетно-регистрационной и ретроспективной нет такого общего, кроме растяжимо понимаемого слова «учет»; нет другого общего и между текущей и ретроспективной библиографией. Момент «регистрации», то есть регулярной, планомерной и обязательной записи, для ретроспективной библиографии не существует, и поэтому подводить ее под рубрику «учетно-регистрационной библиографии» нельзя без насилия над логикой. Следовательно, можно говорить только об «учетной библиографии». А поскольку всякая библиография есть «учет», то выходит, что понятие «учетная библиография» — тавтология, следовательно, никому ненужная вещь. Нам кажется, более правильным было бы применять название учетно-регистрационной библиографии только к тому, что сейчас обозначают как текущую библиографию, противопоставляя ей библиографию ретроспективную и не заботясь о том, **чтобы обязательно подвести и ту и другую под единую рубрику.**

В советском обществе, построенном на принципах социалистического планирования, появился еще один вид библиографии, не обращавший на себя до сих пор достаточно внимания и поэтому теоретически не осмысленный. Мы имеем в виду планы и проспекты издательств на какой-то определенный, более или менее длительный, отрезок времени. Такая библиография появилась у нас еще в самом начале существования Советского государства — это были вышедшие под редакцией и со вступительной статьей М. Горького два каталога-проспекта издательства «Всемирная литература» (1919), позднее «Пятилетний перспективный план издания классиков. 1928—1932» Государственного издательства (М., 1928), аналогичные проспекты издательства «Academia» и т. д., наконец, бесконеч-

ное множество «тематических и перспективных планов» бесчисленных издательств в наши дни.

По своему назначению и характеру этот вид библиографии может быть назван «перспективной библиографией». Отличие его от прочих видов учетно-регистрационной библиографии заключается в том, что он имеет дело не с уже вышедшими в свет книгами, а лишь намеченными к изданию, но отказывать на этом основании перспективной библиографии в праве на существование едва ли правильно.

Другой особенностью перспективной библиографии является, опять-таки в отличие от других видов учетно-регистрационной библиографии, то что ее показания имеют временный характер: когда намеченная к изданию книга выходит в свет, она перестает быть материалом перспективной библиографии и становится законным объектом библиографии учетно-регистрационной, а затем ретроспективной. Однако и на этом основании едва ли будет правильно не признавать перспективную библиографию особой ветвью учетно-регистрационной библиографии.

Помимо указанного выше членения советской библиографии по назначению и характеру, принято у нас и другое, безусловно правильное, деление ее — по содержанию — на общую и отраслевую. Делят ее еще и по «жанру» — на биобиблиографию (которая тоже может быть общей, например «Русский библиографический словарь», и отраслевой, например «Ботаники СССР»), на краевую (которая также может быть и чаще всего и бывает общей, например «Библиография местного края» Н. Огурцова, 1928, и — отраслевой, например «Сибирские писатели за 30 лет», 1949) и, наконец, на библиографию библиографии (которая, подобно биобиблиографии и краевой, может быть общей и отраслевой).

Следовательно, в советских условиях, под влиянием социалистической действительности, в схеме библиографической классификации произошли очень крупные изменения, отражающие диалектическое мышление советской науки, а не формально-логическое, на котором были построены все дореволюционные и часть послереволюционных схем.

Естественно, произошли у нас серьезные изменения и внутри отдельных рубрик отраслевой библиографии. Нагляднее всего это видно из эволюции, которую проделала прежде столь богато представленная в досоветском книговедении славяно-русская библиография. Как таковой, — в ее старом виде, — у нас ее нет. Вместе с тем, она не упразднена, не уничтожена, а вполне естественно и закономерно изменила свое содержание и название. Сейчас у нас имеются библиография древнерусской литературы и библиография славянской литературы, каждая из них является общепризнанной и равноправной частью советской библиографии. Только в по-

следние пять лет вышли в свет «Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР». Т. 4, вып. 1, составленное А. П. Конусовым и В. Ф. Покровской (М.—Л., 1951), «Описание русских и славянских пергаменных рукописей» ГПБ, составленное Е. Э. Гранстрем (Л., 1953), «Библиография „Слова о полку Игореве“ 1938—1955» Л. А. Дмитриева (М.—Л., 1955), «Библиография древнерусской повести» А. А. Назаревского (М.—Л., 1955) и др. Точно так же быстро и успешно развивается у нас библиография славянских литератур.

Все сказанное свидетельствует о том, что и в области библиографии советской библиографии должны были произойти и на самом деле и произошли большие изменения. Сейчас было бы неправильно давать сплошные «библиографические летописи в России», наподобие «Литературы русской библиографии» Геннади или общей русской библиографии в т. 6 Энциклопедического словаря т-ва «Бр. А. и И. Гранат». При наших высоких и строгих методических требованиях необходимы иные принципы построения библиографий русской библиографии.

В этом отношении несомненный интерес представляет книга М. В. Сокуровой «Общие библиографии русских книг гражданской печати».

Отличительные черты данной работы следующие:

во-первых, автор четко проводит основной принцип отбора материала: это именно только *общие* библиографии, а не всякие³³;

во-вторых, автор отказался от принципа «Библиографической летописи» с ее хронологией выхода из печати библиографических трудов. М. В. Сокурова применила принцип внутренней хронологии, **хронологии по охвату материала**. Практическое удобство и логическая целесообразность подобного расположения материала очевидны и несомненны. Правильным представляется нам и то, что за основу хронологической последовательности взяты конечные, а не начальные даты охвата материала;

в-третьих, в отличие от всех своих предшественников на поприще библиографии русской библиографии М. В. Сокурова дает более или менее всесторонний анализ рассматриваемых трудов, а не ограничивается формальной аннотацией. Вполне правильным с точки зрения советской методологии библиографии является то, что в анализах М. В. Сокуровой всегда присутствуют политические оценки описываемых работ и характеризуются позиции их авторов, в особенности когда эти позиции

³³ Дискуссионным можно считать включение таких рекомендательных изданий, как «Среди книг» Н. А. Рубакина и «Книжки... года» Библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

заметно отразились на построении трудов и отборе материала для них;

в-четвертых, М. В. Сокурова сопровождает описание каждой работы перечнем известной ей литературы о данном труде. Во многих случаях указываются и архивные материалы, что значительно расширяет круг источников по истории русской библиографии. Наличие обширной, а иногда и полной библиографии тех или иных трудов по общей русской библиографии придает книге М. В. Сокуровой, помимо того, что является для нее основным, то есть значения научно-справочного пособия по данному вопросу, еще и характер источниковедческий. Как много дает в этом смысле книга М. В. Сокуровой, можно видеть по страницам, отведенным анализу «Книжной летописи», представляющим своего рода конспект кандидатской диссертации на тему «История основного органа текущей учетно-регистрационной русской библиографии с 1907 по 1955 г.». Несомненно, что «Общие русские библиографии» М. В. Сокуровой вообще будут способствовать разработке истории русской библиографии.

IV

Если библиография в обычном значении является всеобщей вспомогательной наукой и непременным условием научного и промышленного прогресса, то библиография второй степени несомненно является вспомогательной наукой самой библиографии, позволяет контролировать ее современное состояние и намечать ближайшие задачи ее развития. Если библиография в обычном смысле может считаться зеркалом социальной культуры, то библиография второй степени должна быть признана зеркалом национальной библиографии.

Однако аналогия с зеркалом не совсем правильно передает значение библиографии второй степени. В отличие от бесстрастного зеркала библиография второй степени является началом активным: она помогает успешному, быстрому и точному осуществлению библиографических разысканий, она подсказывает более рациональные пути таких разысканий и, следовательно, упрощает библиографическую эвристику. Вместе с тем библиография второй степени обнаруживает слабые участки в развитии национальной библиографии и направляет внимание специалистов на устранение установленных недостатков. Наконец, библиография второй степени помогает разработке вопросов теории и, следовательно, способствует идеологическому углублению и росту всей науки библиографии.

Выше было сказано, что библиография является фактом национальной и — более широко — всемирной культуры. Вместе с тем она, — что тоже указывалось выше, — является важным фактором культуры. Если применить эти соображения к библи-

ографии национальной библиографии и библиографии универсальной библиографии, станет понятно, какое большое значение имеют они для развития национальной и всемирной культуры.

Приходится поэтому пожалеть, что наша литература по библиографии второй степени так невелика по объему, а в части иностранной просто бедна. У нас, если не считать совершенно устаревших брошюр и книг по иностранной библиографии А. И. Калишевского, А. И. Малеина, М. Н. Куфаева и К. Р. Симона, нет в этой области ни одной новой работы, которая могла бы ориентировать советского читателя — научного работника в колоссальной и все возрастающей зарубежной библиографической литературе. У нас ни разу не была сделана попытка создать советские универсальные библиографии второй степени, и поэтому всем нам приходится пользоваться книгами Шнейдера, Форстиуса, Мэдж, Богатты и Годеса, Бестермана, Мальклес и Тотока и Вайцля.

Да и с библиографией русской библиографии у нас также обстоит не блестяще.

За протекшие со времени завершения работ над первым изданием книги М. В. Сокуровой 18 лет значительно вырос объем фактического материала, подлежащего включению в труд с подобным назначением, и существенно изменились и требования, предъявляемые к таким изданиям. Сопоставляя обе редакции книги, читатели сумеют определить внесенные изменения в новое издание М. В. Сокуровой как в отношении объема материала, так и более точной его характеристики.

Однако выход в свет данной книги следует рассматривать лишь как начало большой работы по созданию современной советской библиографии русской библиографии, отвечающей потребностям социалистической культуры, науки и общественной, продвигающей в читательские массы работников науки, промышленности и искусства необходимые сведения, помогающей строительству советского общества. И чем скорее будет осуществлена эта огромной важности задача, тем осязательнее будут результаты во всех отраслях общественной жизни.

Работа М. В. Сокуровой называется «Общие библиографии русских книг гражданской печати 1708—1955», то есть цель ее — дать полное представление о том, какие труды по общему учету книжной продукции, напечатанной гражданским шрифтом, существуют на русском языке. При всей ясности задания книги осуществление его оказалось не таким простым. Почти на каждом шагу возникали вопросы, и иногда сложные.

Прежде всего необходимо было решить, что считать трудом по общей библиографии и какие общие библиографии должны включаться в книгу.

Хотя известно, что общей библиографией называется такая, которая охватывает всю книжную продукцию на данном языке за все время существования письменности,— если говорить

только о печатной книге,— книгопечатания у данного народа, однако эта обобщенная формула на практике сразу же требует уточнений. На самом деле ни у одного народа с очень старой культурой нет и, вероятно, не было (о будущем судить не станем) одной, хотя бы и весьма многотомной общей библиографии. Всегда общая национальная библиография складывается из самых разнообразных трудов: ретроспективных библиографий за определенные периоды, когда не было учетно-регистрационной библиографии; учетно-регистрационной³⁴, отмечающей только разрешенные цензурой издания; цензурно-карательной, перечисляющей запрещенные печатные произведения; книгоиздательской и книготорговой, включающей книги и другие издания, рассматриваемые как товар; библиотечной, характеризующей находящиеся в данном книгохранилище книжные собрания; рекомендательной, ставящей своей целью продвижение в читательские массы наиболее ценных, с точки зрения составителя или составителей, в идеологическом отношении книг. Совершенно очевидно, что столь разнообразные по своим целям и условиям возникновения библиографии в отдельности не всегда могут быть безоговорочно признаны общими библиографиями; в особенности это ясно, когда идет речь о библиографии рекомендательной. Отбор является основным принципом рекомендательной библиографии; полнота — принцип общей библиографии. Однако на практике некоторые рекомендательные библиографии, например, «Среди книг» Н. А. Рубакина, обладают такими своеобразными чертами (в частности — включение запрещенных и конфискованных изданий), что они перерастают из рекомендательных пособий в указатели типа общих библиографий.

Кроме того, общая библиография в целом или совокупности отдельных библиографий никак не совпадает с понятием национального книжного репертуара, для которого эта общая библиография является только материалом. Только полный репертуар является действительным отображением национальной культуры в ее литературно-оформленном, — рукописном и печатном — воплощении, со всеми ее противоречиями, во всем ее историческом развитии, отражающем классовую борьбу на всем протяжении существования этой культуры.

Поэтому, чем больше источников для репертуара национальной книги имеется в распоряжении, — в частности в виде различных общих библиографий, — тем больше оснований считать этот репертуар приближающимся к своему настоящему выражению.

Вместе с тем библиография общих библиографий преследует и другую цель: она должна служить пособием для библиографических разысканий самого различного характера. Эта прак-

³⁴ Учетно-регистрационную библиографию я понимаю здесь в соответствии с замечаниями по поводу употребления этого термина на с. 37—38.

тическая сторона библиографии общих библиографий заставляет авторов таких книг **обращать особое внимание** на степень полезности **включения в список тех или иных работ**. В принципе в библиографии общих библиографий должны входить **только те библиографические труды, которые имеют актуальное практическое значение**, только такие труды, материал которых не «покрывается» содержанием более поздних работ аналогичного характера. В этом отношении библиографии общих библиографий отличаются от истории библиографии: для последней одинаковый, иногда, может быть, даже и большой интерес представляет, рядом с каким-нибудь большим актуальным библиографическим трудом, и ранняя, маленькая по объему, «перекрытая», но важная по своему дальнейшему влиянию работа. Библиография общих библиографий в идеале должна рассматриваться как жанр рекомендательной библиографии: в ней перечисляются наиболее ценные и практически необходимые библиографические пособия. Полнота для нее обязательна только именно в этом отношении, как и вообще для всякой рекомендательной библиографии: не упустить ничего существенного, полезного.

Рекомендательный характер библиографии общих библиографий, естественно, определяет и построение подобных трудов. Так как к данному виду библиографических пособий обращаются главным образом в случае необходимости установить факт существования того или иного автора, время жизни которого большей частью известно, или определить все напечатанные произведения какого-либо писателя, то логичнее всего строить библиографии общих библиографий хронологически, располагая перечисляемые работы в последовательности охватываемых ими периодов. Поэтому рядом могут и должны оказаться изданные в разное время, построенные по разным принципам, различные по своему практическому значению библиографические сочинения.

Такое расположение материала ограждает библиографии общих библиографий от опасности превратиться в своего рода библиографическую летопись, что неизбежно получилось бы, если бы работы в них перечислялись в последовательности своего появления и без учета их хронологических рамок. Строгое разграничение целей в библиографиях общих библиографий и в историях библиографии не исключает, вместе с тем, того, что первые могут — и должны — содержать элементы исторические, а вторые могут использоваться в известных случаях в качестве справочного пособия. И если второй момент реже имеет место, то первый следует признать обязательным: в советских библиографиях общих библиографий невозможно и методологически и практически обойтись без исторической, то есть социально-политической характеристики включаемых трудов. Только с помощью исторических данных можно правильно осветить особенности назначения и содержания библиографического источника, определить границы его практической применимости и справед-

ливо оценить его научную роль. Ведь совершенно ясно, что без соответствующей характеристики, с одной стороны, например «Камерного каталога», с другой, «Систематического каталога русским книгам, продающимся в книжном магазине Александра Федоровича Базунова» В. И. Межова и, с третьей, «Ежегодников книги СССР», будет неясна, даже непонятна их классовая обусловленность и, следовательно, особенности их объема и структуры.

Вполне понятно, что здесь на помощь библиографии общих библиографий должна прийти история библиографии, в которой уже существует марксистско-ленинский критерий оценки различных явлений библиографической литературы и определились трактовки отдельных трудов, авторов, фактов. Впрочем, никак нельзя упускать из виду, что история библиографии, как и всякая другая наука, развивается, и поэтому в ней время от времени изменяются точки зрения на те или иные вопросы. Важно только то, что при формулировке социально-политических характеристик библиографии общих библиографий не могут обойтись без содействия истории библиографии.

Однако одно только признание необходимости исторической, социально-политической характеристики не означает еще, что все возникающие при этом вопросы будут полностью и, главное, правильно решены. Речь здесь идет не об основных, общих вопросах социально-политических характеристик — в данной области в советской науке есть прочные и окончательные марксистско-ленинские положения, и никаких отклонений тут быть не должно и не может. Но в отдельных конкретных случаях полной ясности и договоренности нет, и поэтому возможны разные толкования одних и тех же фактов.

К числу таких спорных вопросов истории русской библиографии, имеющих прямую связь с рассматриваемой нами темой, относится определение социальной природы и политического характера учетно-регистрационной библиографии периода царизма. Существует мнение, что эта библиография преследовала исключительно цензурно-полицейские цели, возникла и развивалась исключительно в интересах укрепления дворянско-буржуазного строя. Этой точки зрения придерживался Н. В. Здобнов³⁵. Какое же значение она имела в таких условиях? Н. В. Здобнов касается этого вопроса в конце своей статьи: «Несмотря на цензурно-полицейские задачи государственно-библиографической регистрации царской России, ее органы были использованы для научных целей. Для тех же целей мы используем их и в настоящее время. Они являются основными библиографическими источниками для разыскивания литературы тех времен»³⁶.

³⁵ Здобнов Н. В. Государственная библиографическая регистрация при царизме — «Сов библиогр.», 1935, вып. 4, с. 75—96.

³⁶ Здобнов Н. В. Указ. соч., с. 96.

Высказывалось также мнение, что учетно-регистрационная библиография времени царизма не только преследовала цензурно-полицейские цели, но ставила своей задачей и способствовать развитию науки и культуры, в том смысле, как они понимались представителями тогдашних господствующих классов. Эту точку зрения формулирует С. А. Рейсер, отправляясь от учения В. И. Ленина о двух культурах³⁷.

Нам кажется, что правильные стороны имеются в обеих только что изложенных точках зрения, равным образом в них содержатся и ошибочные элементы. Ошибочным прежде всего является неисторическая категоричность обоих мнений.

Всегда ли преследовала учетно-регистрационная библиография периода царизма цензурно-полицейские цели? Ведь были же в истории царизма отдельные, — конечно, очень редкие, — моменты относительной его прогрессивности, как, например, время Петра I. Вполне поэтому естественно появление в то время «Реестра книг гражданским», 1710 г. Отрицать учетно-регистрационный характер этого издания едва ли возможно: датировка («по первое число июня нынешнего 1710-го году») говорит об этом с полной несомненностью. Верно, конечно, и то, что эта первая попытка публичной учетно-регистрационной библиографии не имела продолжения, что нам неизвестны причины ее появления и прекращения и что, следовательно, едва ли будет правильно начинать с «Реестра книг гражданским» настоящую историю учетно-регистрационной библиографии периода царизма. Следует при этом помнить, что в первую четверть XVIII в. книгоиздательская деятельность полностью была в руках самодержавия (частные заказы на печатание книг, насколько можно судить по имеющимся данным, начались в основном со времени возникновения типографии Академии наук, то есть уже во второй четверти XVIII в.), и, следовательно, никаких цензурных целей такие публикации, как «Реестр книг гражданским», преследовать не могли.

Учетно-регистрационная библиография, притом не публичная, а ведомственно-рукописная, началась только в царствование Екатерины II. До нас дошли очень немногие данные о цензурном учете тех лет. В кн. I «Оснадцатого века» П. И. Бартечева была опубликована проф. С. К. Смирновым «Цензурная ведомость 1786—1788 годов» (изд. 2-е. М., 1869, с. 490—502). Позднее, уже в текущем столетии В. Н. Рогожин подготовил к печати «Дела „Московской цензуры“ в царствование Павла I как новые материалы для русской библиографии и словаря русских писателей» (вып. 1. 1797 год. Спб., 1902; вып. 2. 1798 год. Пг., 1922). Неопубликованные цензурные ведомости начала XIX в. хранятся

³⁷ Эти взгляды С. А. Рейсер развивал в ряде своих устных выступлений и подробно обосновывает в подготовляемой к печати работе. Точка зрения автора излагается мною здесь и ниже с его согласия.

в Центральном государственном историческом архиве Ленинграда. Все эти материалы несомненно должны рассматриваться как мероприятия полицейско-цензурного характера.

Однако, наряду с этим, период так называемого «правительственного либерализма» начала царствования Александра I ознаменовался новой попыткой издания учетно-регистрационной библиографии: с августа 1804 по февраль 1805 г. в журнале Департамента народного просвещения «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения» печатались ежемесячные списки книг и журналов на русском и других языках, прошедших цензуру. Списки эти носили название «О книгах, одобренных университетскими цензурными комитетами к напечатанию»³⁸. Появление этих списков в печати вовсе не случайно. В 1803 г., в период «расцвета» «правительственного либерализма», началась подготовка к созданию цензурного устава, который должен был точно определить права и обязанности писателей и ясно формулировать требования правительства. Цензурный устав был утвержден в июле 1804 г. и немедленно разослан в цензурные комитеты при университетах для руководства и исполнения. Именно этим и объясняется, что сведения об одобренных цензурными комитетами книгах стали печататься в «Периодическом сочинении о успехах народного просвещения» с августа 1804 г., то есть с начала действия нового цензурного устава. Однако в тогдашнем правительстве были и противники нового устава, и уже в конце 1804 и в особенности в начале 1805 г.³⁹ в цензурной практике начались значительные отступления назад. Одним из них было, очевидно, прекращение публикации в «Периодическом сочинении» списков книг, одобренных университетскими цензурными комитетами.

И все же, несмотря на кратковременность печатания этих списков, надо признать их, как и «Реестр книгам гражданским» 1710 г., фактом учетно-регистрационной библиографии, не связанным с полицейско-цензурными целями. Но, по-видимому, этими двумя случаями и исчерпывается история русской правительственной учетно-регистрационной библиографии. Считать «Russische Bibliothek» Бакмейстера и «Обозрение» Шторха и Аделунга органами правительственной учетно-регистрационной библиографии было бы неверно.

³⁸ По поводу списков «О книгах, одобренных университетскими цензурными комитетами» см. первое издание настоящей книги (с. 65—66). О журнале «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения» см.: Сухомлинов М. И. История Российской Академии, вып. 3. Спб., 1875, с. 344—348

³⁹ О цензурной политике начала XIX в. см.: Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. 1. Спб., 1889, с. 398—460; Мордовченко Н. И. Журналистика и критика 1800—1810-х годов.— В кн.: Очерки по истории русской журналистики и критики, т. 1. XVIII век и первая половина XIX века. Л., 1950, с. 155—156; Здобнов Н. В. История русской библиографии. Изд. 3-е. М., 1955, с. 128—134.

Сложнее обстоит дело с «Указателем вновь выходящих книг», печатавшимся в «Журнале Министерства народного просвещения» с 1837 по 1855 г., «Списком изданий, вышедших в России» (1869—1876; 1879—1902), «Новыми книгами, вышедшими в России» (1872—1878), «Списком книг, вышедших в России» (1844—1907) и, наконец, «Книжной летописью» (1907—1917). Для некоторых из этих изданий, в особенности для первого и частично для второго (период 1869—1876), да, впрочем, и для некоторых других — полицейско-цензурные цели несомненно являлись основными, ведущими. Можно полагать, что возобновление в 1879 г. печатания «Списка изданий, вышедших в России» находится в связи с новыми попытками правительства Александра II обмануть народ якобы «либеральным» курсом («диктатура сердца» М. Т. Лорис-Меликова приходится на конец 70-х и самое начало 80-х гг.).

Вместе с тем нельзя полностью отрицать и того, что царизм по-своему понимал «просветительный» характер учетно-регистрационной библиографии. Развитие экономики России, рост науки и техники, значительное увеличение книгоиздательской деятельности во второй половине XIX в.— все это вынуждало царизм усилить или, по крайней мере, пытаться усилить свое влияние на поступательное движение национальной культуры. Мы берем только демократическое культурное наследие, как учит нас В. И. Ленин, но из этого не следует, что то, чего мы не берем, является культурной пустотой, что реакционной дворянско-буржуазной культуры не было. А раз мы признаем, что она была, естественно следует, что по-своему культурные цели преследовала и учетно-регистрационная библиография царизма.

Отметив ошибочные и правильные стороны в оценках учетно-регистрационной библиографии досоветского времени, мы должны добавить, что, помимо указанных аспектов этого вопроса, существует еще один. Признавая наличие и полицейско-цензурных, и своеобразно-культурных целей в учетно-регистрационной библиографии периода царизма, следует в то же время помнить и ее объективное значение. Пусть неполно, пусть с определенными политическими заданиями — способствовать укреплению дворянско-буржуазного строя — создавалась эта библиография, но она в какой-то мере, неполно, неточно, отражала книжную продукцию тех лет, и поэтому какое-то относительное приближение к реальной картине в ней имеется, и сейчас мы можем ею пользоваться и пользуемся, целиком отвергая ее субъективные намерения и установки. Императорская Публичная библиотека и Румянцевский музей тоже создавались для укрепления позиций самодержавия, а не в целях подрыва их, однако это не помешало победившему пролетариату, использовав их материальные ценности, создать Государственную Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Библиотеку СССР им. В. И. Ленина.

Помимо указанных вопросов, книга М. В. Сокуровой ставит и ряд других, не менее существенных, — в особенности важных потому, что печатных трудов по истории советской библиографии у нас пока еще нет. Последний раздел «Общих библиографий русских книг гражданской печати» М. В. Сокуровой представляет, таким образом, конспект одной из основных частей будущей истории советской библиографии, — части, посвященной трудам по общей библиографии. Этот обширный материал должен быть впоследствии обобщен, связан с другими видами советской библиографии, осмыслен и качественно охарактеризован как определенный этап в истории русской библиографии.

Первое издание книги М. В. Сокуровой получило положительную оценку как исключительно полезный в практическом отношении труд. Мы видим, что эта работа возбуждает и много теоретических вопросов. В этом не меньшее ее достоинство. В истории советской библиографии она займет заслуженное место как труд, подводящий итоги и, тем самым, намечающий перспективы: от читателя зависит выбрать любую из этих точек зрения или и ту, и другую вместе.

О БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ТРУДАХ ПО РУССКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

I. Общая русская библиография и библиография русской периодической печати

Общий закон, согласно которому развитие всякой науки проходит два основных этапа — расширения (интеграции) и дробления (дифференциации), — получает подтверждение и при рассмотрении исторического пути всеобщей и русской библиографии. Возникнув как описание рукописных книг, библиография сразу же после изобретения и распространения книгопечатания превращается в науку, занимающуюся учетом книг, вышедших из-под печатного станка. Появляются журналы и газеты, библиография начинает описывать и их. Возникновение отдельно печатаемых гравюр, а также иллюстрационных изданий влечет за собой расширение поля деятельности библиографов и в этом направлении. Последовательно возникает библиографический учет географических карт, нот, произведений графических искусств и т. д. Сначала описание имеет недифференцированный характер, учитывается вся существующая печатная продукция, но затем происходит постепенное отделение от основной общей библиографии одной ее отрасли за другой, и возникают новые самостоятельные ветви прежде единой библиографии.

Если посмотрим с этой точки зрения на русские библиографии XVIII в. (списки русских книг Бантыша-Каменского, «Библиотеку Российскую» еп. Дамаскина), то мы увидим, что весь единый материал, учитывавшийся ими, группировался авторами либо по содержанию, либо по хронологическому принципу. Но уже в «Опыте» Сопикова сделана была попытка в пределах единой «российской библиографии» отделить книги церковной печати (ч. 1) от книг гражданских (ч. 2—5), а внутри последних выделить ряд книжных групп, отбираемых по принципу автора (сочинения Вольтера, Карамзина, Ломоносова и др.) и жанра (ода, поэма, слово, трагедия, комедия и т. д.).

Последовавший затем в трудах русских библиографов переход от алфавитного принципа расположения материала к систематическому вызван был не только тем, что последний более всего отвечал потребностям читателей библиотек Плавильщикова, Смирдина и Ольхина, но и тем, что более быстрое развитие производительных сил в России в начале XIX в. повлекло за собой рост наук и промышленности и возникла потребность в библиографических пособиях, если и не специально изданных, то обособленных в пределах общей библиографии. Однако постепенно, по мере дальнейшего развития русской науки и промышленности, начинают возникать и самостоятельные русские отраслевые библиографии — по истории, праву, географии, ста-

тистике и др.¹, а также появляется тенденция к созданию краевой библиографии². Потребность в обобщении результатов библиографической деятельности вызывает к жизни библиографию русской библиографии³.

Однажды возникнув, эти ветви библиографии продолжали развиваться, и, наряду с ними, постепенно стали складываться и другие разновидности библиографии, связанные с потребностями экономической жизни, ростом науки, политическими отношениями и т. д. Достаточно сравнить в книге Н. В. Здобнова материалы части четвертой и третьей, а затем пятой и четвертой, чтобы увидеть, что во второй половине XIX в. к уже ранее существовавшим ветвям библиографии прибавились рекомендательная библиография, специальные библиографические журналы, сильно развилась отраслевая библиография, отраслевая и краевая библиография, библиография периодических изданий и библиография журнальных и газетных статей.

Правда, при желании почти всегда можно найти в предшествующих периодах некоторые зародышевые явления, более или менее похожие на то, что по-настоящему сложилось позднее. Однако дело не в том, что материалы Бантыша-Каменского, «Опыт российской библиографии» Сопикова и библиографию в «Современнике» Пушкина следует или можно считать началом русской рекомендательной библиографии, а в том, что как непрерывно развивающаяся и общественно необходимая ветвь русской библиографии рекомендательная библиография оформляется именно при участии и под влиянием революционных демократов в середине XIX в.

Поэтому, когда ставится задача проследить развитие библиографии русской периодической печати, необходимо помнить, что эта отрасль нашей библиографии подчинена тем же общим законам, что и вся русская библиография, вся русская наука, всякая наука и что возникнуть она могла только тогда, когда журналистика заняла определенное, существенное место в русской общественно-политической жизни.

Поэтому, несмотря на то, что первые русские периодические издания появляются в самом начале XVIII в. и затем в течение столетия возникает и действует с разной длительностью около 120 журналов и газет, все же особое понятие о периодических изданиях складывается в последней трети столетия («ежемесячное или еженедельное сочинение», «ежемесячное издание», «периодическое сочинение»). Однако никаких попыток отдельно учесть сведения о русской периодической печати в XVIII в. сделано не было; по крайней мере, печатных списков подобных изданий русская библиография XVIII в. не знает.

¹ Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. Изд. 3-е. М., 1955, с. 271—283.

² Там же, с. 284—287.

³ Там же, с. 287—288.

II. Начальный период библиографии русской периодической печати

Первые перечни русских журналов и газет были помещены в «Опыте российской библиографии» В. С. Сопикова. В ч. 2 (Спб., 1814, с. 64—65) под словом «Ведомости» было перечислено 7 газет, а в ч. 3 (1815, с. 11—33) — 97 ежемесячных и 34 еженедельных периодических издания (под словом «Ежемесячные и периодические сочинения»). Для правильного понимания тогдашней библиографической терминологии следует учесть, что «ведомости» более или менее точно соответствовали нашей «газете», а термин «ежемесячное и периодическое сочинение» в конце XVIII — начале XIX в. был шире нашего современного слова «журнал», так как включал также и те произведения какого-либо одного автора, которые издавались через определенные промежутки времени, отнюдь не будучи на самом деле журналом⁴. Поэтому в списке «ежемесячных и периодических сочинений» фигурируют такие издания, как «Корифей, или ключ литературы» Я. А. Галинковского, представляющий довольно бестолковую литературную энциклопедию (1803—1805, 11 частей), как «Новая полная система практического сельского домоводства...; соч. Джона Миллса; с присовокуплением записок хозяйственного путешествия Г. Артура Юнга... Издано Вольным экономическим обществом» (Спб., 1807—1811, 5 частей в 15 томах), или наконец, «род музыкального альманаха», по определению В. Н. Рогожина, — «Русский карманный песенник для семиструнной гитары, на 1808 год», изданный В. Алферовым.

Однако если оставаться на исторической точке зрения и считать повременными изданиями то, что обозначалось в «Опыте» Сопикова как «ведомости» и «ежемесячные и периодические сочинения», то всего было у него зарегистрировано 138 названий. Порядок расположения у Сопикова, как и во всех остальных случаях, — внутри указанных рубрик — алфавитный.

Такой же почти системы расположения материала придерживался и В. Г. Анастасевич в «Росписи российским книгам для чтения из библиотеки В. Плавильщикова». В «Части 3. Содержащей в себе Словесность» (Спб., 1820, с. 502—517) находится раздел «Периодические издания» с подзаголовком «Журналы, ведомости и проч.». Сохраняя алфавитный порядок размещения материала, В. Г. Анастасевич, в отличие от Сопикова, объединил в один библиографический ряд газеты («ведомости»), журналы и проч.; под этим «проч.» надо

⁴ Подробнее об этом см. в моей статье «„Почта духов“ И. А. Крылова». — В кн.: Труды юбилейной научной сессии Ленинградского государственного университета. Секция филол. наук. Л., 1946, с. 246—247.

понимать те «периодические сочинения», о которых сказано было выше, — например «Беседы с богом, или размышления о делах божиих в царстве природы и провидения, на каждый день года, Штурма; с нем. 12 ч. М., 1787—1789»⁵. Другим отличием «Росписи» Плавильщикова от «Опыта» Сопикова в части описания периодических изданий является то, что годовые комплекты каждого журнала или газеты выделены особо. «Периодические же сочинения» описаны обобщенно (см. выше пример — «Беседы с богом»); впрочем, так же описано и несколько журналов. Некоторые периодические издания были помещены в предшествующих частях «Росписи» Плавильщикова, они кратко повторены в общем ряду раздела «Периодические издания» с отсылкой к соответствующим номерам. В шести «Прибавлениях к систематической росписи российским книгам» (Спб., 1821—1826) находятся продолжение и дополнения к основному перечню журналов и газет. Всего описано в «Росписи» Плавильщикова (основной) 153 периодических издания.

Однако почти одновременно с изданием «Росписи» Плавильщикова, где в основном выдержан алфавитный принцип, В. Г. Анастасевич опубликовал и специальную библиографическую работу по русской журналистике, построив ее на хронологическом принципе расположения материала. Работа эта, озаглавленная «Краткое известие о всех с 1707-го по 1823-й год выходивших в России повременных изданиях и ведомостях», была напечатана в «Прибавлениях к Русскому инвалиду на 1822-й год» (иное название: «Новости литературы, изданные А. Воейковым и В. Козловым»), 1822, кн. 2, № 23, с. 153—155; № 25, с. 183—185 и 1823, кн. 4, № 18, с. 74—77.

По сравнению с «Опытом» Сопикова и «Росписью» Плавильщикова «Краткое известие» Анастасевича беднее материалом, представляя простой хронологический перечень газет и журналов с указанием предполагаемой даты начала издания и места его печатания. Никаких сведений о редакторах и издателях у Анастасевича здесь нет. В то время как Сопиков и тот же Анастасевич в «Росписи» Плавильщикова отправлялись от изданий, описываемых *de visu*, в «Краткое известие» включены названия либо вовсе не существовавших органов печати, либо очень искаженные. Так, например, под № 2 в «Кратком известии» указан журнал «Сельский житель», якобы выходивший в С.-Петербурге в 1755 г., тогда как журнал под таким названием выходил в Москве в 1778—1779 гг., издавал его А. Т. Болотов; под № 27 обозначена «Разность не без приятности» как московский журнал 1780 г., на самом деле это пе-

⁵ Роспись российским книгам для чтения из библиотеки В. Плавильщикова, систематическим порядком расположенная. В 3-х ч. Ч. 3. Содержащая в себе Словесность. Спб., 1820, с. 502 (№ 6684).

реводное произведение в виде книги⁶; под № 29 помещено «Собрание трудов одного Россиянина» в качестве петербургского журнала 1781 г., в то время как это книжка произведений какого-то малозначительного писателя тех лет. Особенно повезло в «Кратком известии» названию «Мещанин»: под № 14 так обозначен журнал «Мешенина катоно-скарроническая»; под № 45 — журнал, которого на самом деле никогда не было.

Всего в «Кратком известии» Анастасевича, хотя оно и осталось незаконченным, перечислено 178 названий, т. е. значительно больше, чем у Сопикова и в «Росписи» Плавильщикова.

Обращает на себя внимание то, что Анастасевич, составляя единый список, в заглавии статьи отличает «периодические издания» от «ведомостей».

Вступив в «Кратком известии» на путь хронологического расположения библиографического материала, В. Г. Анастасевич применил его и в составленной им «Росписи российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенной», хотя во всех остальных случаях в этой книге проведен алфавитный принцип. «Отделение XXII» «Росписи» посвящено «периодическим сочинениям» (с. 687—700 и 711—712). Поскольку «Роспись» должна была отразить фактическое наличие фондов библиотеки Смирдина, постольку здесь мы не встречаем никаких домыслов и фантастических сведений о якобы существовавших журналах и газетах. Описания периодических изданий в «Росписи» подробные, точные, содержащие: а) название данного печатного органа; б) указание на его периодичность; в) фамилию издателя; г) длительность издания; д) количество частей или книжек (или и того и другого); е) место издания; ж) фамилию владельца типографии; з) формат; и) цену. Кроме того, в большом числе случаев при описаниях имеются аннотации, уточняющие данные о количестве выпущенных книжек, журналов и т. п. Как и в «Росписи» Плавильщикова, в «Росписи» Смирдина некоторые периодические издания были описаны в предшествующих «отделениях»; поэтому в «отделении» периодических сочинений названия их повторены сокращенно с отсылкой к соответствующему номеру. Всего в «Росписи» Смирдина названо 183 периодических издания. При отборе материала В. Г. Анастасевич исходил из принятого в конце XVIII и начале XIX в. понятия «периодическое сочинение», поэтому в числе русских журналов у него оказываются упоминавшиеся выше переводные «Размышления о делах божиих <...> на каждый день года, или беседы с богом» (ссылка на № 928) и

⁶ Разность не без приятности, содержащая в себе разные и о разных материях диссертации, или рассуждения Академическими словопрениями утвержденные. Пер. с лат. А. Львовский. М., 1780 (Сопиков, ч. 4, № 9526).

такое же переводное «Вседневное беседование с богом» (ссылка на № 910), и даже «Поваренный календарь, или самоучитель поваренного искусства, содержащий наставление к изготовлению снедей на каждый день в году для стола домашнего и гостиного», 6 частей, Спб., 1808 (ссылка на № 5197). Приведенные примеры показывают, что, если в том или ином заглавии имелось выражение «на каждый день года» или «вседневный», этого было уже достаточно для признания данного произведения «периодическим сочинением».

Несмотря на сбивчивость и даже неправильность критерия отбора, «Отделение XXII» «Росписи» Смирдина явилось крупнейшим шагом в библиографии русской журналистики: здесь были разработаны принципы описания журналов и газет и даже с большей подробностью, чем те, которые впоследствии были применены Н. М. Лисовским в его известном труде «Русская периодическая печать 1703---1900 гг.» (см. ниже).

В литературе по библиографии русской периодической печати часто упоминается статья «Журналистика. (Обзор русских газет и журналов с самого начала их, до 1828 года)», помещенная в «Московском телеграфе» (1827, ч. 18, № 22—24; см. также № 21) и подписанная псевдонимом «Журнальный сыщик»⁷. Статье этой придают, и не без основания, большое значение. Н. М. Лисовский в «Предисловии» к своей «Русской периодической печати» ставит ее на первое место среди источников своего труда⁸. На самом же деле статья «Журнального сыщика» не является библиографическим списком, подобным рассмотренным выше работам. Сам автор свою работу характеризует как «легкий абрис предмета», которым он хочет заняться, а именно «полной и подробной истории русской журналистики»⁹. Статья

⁷ Вопрос о том, кому принадлежит этот псевдоним, имеет длинную историю и до сих пор не считается решенным. П. А. Вяземский трижды указывал, что псевдоним этот принадлежит ему (см. Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. 1, с. XLIX, 258; т. 10, с. 267). Во втором случае, после перечисления всех своих псевдонимов в «Московском телеграфе», Вяземский отметил: «Но здесь встречались и контрафакции, подделки. Сам издатель Телеграфа, или другие, тайные по особым поручениям чиновники его, подписывались под мою руку. Так, что я, перелистывая Телеграф, не могу заподлинно знать про иную статью, моя ли она, или нет» (т. 1, с. 259). Поэтому в «Полном собрании сочинений» Вяземского не включено несколько статей, подписанных разными его псевдонимами, нет в сочинениях Вяземского и статьи «Журналистика». Это обстоятельство подало Л. Н. Майкову повод безоговорочно и без аргументации приписать эту статью Н. А. Полевому. Подробнее всего вопрос о принадлежности «Журналистики» Полевому рассмотрен в недавней статье В. Г. Березиной «Н. Полевой в „Московском телеграфе“» («Учен. зап. Ленингр. ун-та», 1954, № 173. Филол. фак., № 20, с. 105—106). Недавно Л. А. Гилельсон, по нашему совету, обследовал материал С. Д. Полторацкого в ГПБ и БЛ и обнаружил документы, подтверждающие авторство Н. А. Полевого.

⁸ Лисовский Н. М. Русская периодическая печать. Спб., 1892. Прил. к журн. «Библиограф», 1892, № 1, 2 (1-го отд.), с. IV; Лисовский Н. М. Русская периодическая печать. Пг., 1915, с. VII.

⁹ «Моск. телеграф», 1827, ч. 18, № 22, отд. 2, с. 77.

«Журнального сыщика» представляет попытку изложить историю русской журналистики, которую автор считает «следствием общественной потребности» (с. 182). Однако наряду с разделами, представляющими историю русской журналистики, статья местами переходит в сухой библиографический перечень периодических журналов. Автор несомненно пользовался существовавшей библиографической литературой вопроса: в другой своей статье под тем же названием «Журналистика» он ссылается на «каталоги Сопикова, Плавильщикова и Смирдина»¹⁰. Представляет интерес попытка «Журнального сыщика» классифицировать русские периодические издания (с. 182—189) на издания правительственные, ученые, литературные и т. д.

Хотя статья «Журнального сыщика» не может считаться трудом специально по библиографии русской периодической печати, так как она представляет опыт истории последней, все же она сыграла положительную роль в развитии этой отрасли нашей библиографической науки; в частности, можно не сомневаться, что именно попытка «Журнального сыщика» классифицировать русскую периодику натолкнула Н. М. Лисовского на мысль приложить к своему известному труду «систематический список русских периодических изданий».

В последующие примерно сорок лет не было сделано новых значительных попыток полностью учесть данные о русской периодической печати. Библиографы, работавшие в этой области, регистрировали только текущие периодические издания. Возможно, что причиной этого было вообще подозрительное отношение реакционного правительства Николая I к общественной мысли и, в частности, к ее выражению — журналистике. Однако каковы бы ни были причины этого, важно то, что тем самым было положено начало систематическому учету вновь возникающих периодических изданий.

Характерной чертой этого нового явления в библиографии русской периодической печати было то, что, наряду с журналами и газетами, учитывались и периодические серии вроде университетских «записок», «временников» научных обществ и т. п. В начале XIX в. прекратилось печатание изданий типа «периодических сочинений», но зато возникли такие новые жанры повременной печати, как «альманахи» и «альбомы»; некоторые из них издавались по нескольку лет («Полярная звезда», 1823—1825; «Северные цветы», 1825—1832; «Невский альманах», 1825—1843; «Невский альбом», 1838—1840; «Утренняя заря», 1839—1843 и др.).

Обращаясь вновь к общим перечням русских периодических изданий, отметим, что среди существующих библиографий русской журналистики как-то не привлекла к себе внимания спе-

¹⁰ Там же, № 21, отд. 2, с. 26.

циалистов (по крайней мере, нигде не упоминается в соответствующих работах) полезная статья «Периодические издания», помещенная в «Приложениях к Настольному словарю (т. 3: П—У)» Ф. Г. Толля (Спб., 1866), с. 372 (1188) — 375 (1191). Здесь в хронологическом порядке, начиная с «Курантов» 1621 г. и по 1865 г. включительно, перечислено 528 названий того, что в статье отнесено к периодическим изданиям, т. е. «ежегодники, ежемесячные журналы, газеты, листки и проч.» (с. 372 (1188)). В понятие «проч.» вошли и такие серии, как «Историки и публицисты новейших времен» (1858), «Картинная галерея Европы» (1862) и другие подписные издания подобного рода. Вместе с тем в этот список не вошли «губернские» и «епархиальные ведомости», «протоколы» различных научных и других обществ. Ценным дополнением к этому простому перечню являются многочисленные статейки в том же «Настольном словаре» и «Приложениях» к нему; иногда в этих статьях даются полезные библиографические ссылки, не встречающиеся в других источниках. Статья «Периодические издания» интересна тем, что, в противоположность всем остальным упоминавшимся выше и последующим работам по библиографии русской журналистики, начинает исчисление с рукописных «Курантов», т. е. не стоит на формальной точке зрения, признающей периодическим изданием только печатные «ведомости». Ценно в ней и то, что она точнее «Краткого известия» и других подобных перечней. По-видимому, значительная часть записей была проверена автором статьи по подлинникам.

III. Труды А. Н. Неустроева и Н. М. Лисовского

Менее чем через десятилетие после статьи «Периодические издания» русская библиография обогатилась отдельно напечатанным превосходным трудом по русской журналистике, а именно «Историческим розысканием о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг.» А. Н. Неустроева. Книга Неустроева¹¹ представляет значительный шаг вперед в истории библиографии русской журналистики: от простого перечня названий периодических изданий, какими являлись все предшест-

¹¹ Об источниках труда А. Н. Неустроева см.: Масанов Ю. И. Библиография статей периодических изданий. (Пути ее развития и современное состояние). — «Сов. библиогр.», 1947, вып. 3(22), с. 22; ср. также: Инструкция для описания журналов. Л., 1926, с. 8; то же. Изд. 2-е. Л., 1928, с. 8. (Науч.-исслед. ин-т ИЛИЯЗВ при Ленингр. ун-те. Группа журналистики и критики) — о докладе А. Д. Александрова «Источники капитального труда А. Н. Неустроева». В конце 20-х гг. XIX в. аналитической библиографией русских журналов занимался Н. А. Мельгунов (см. «Письма И. М. Снегирева к В. Г. Анастасевичу. 1828—1831. Из собрания А. Н. Неустроева». Спб., 1892, с. 38).

вующие работы в данной области, Неустроев перешел к аналитической библиографии, воспроизводя оглавления, где они имелись, или постатейно описывая книжку журнала за книжкой в тех случаях, когда оглавлений не было. Газеты, естественно, Неустроевым не были расписаны, но в общем хронологическом ряду они помещены. Перед аналитической библиографией каждого издания помещена вводная статья, в которой излагаются сведения об истории журнала или сборника, перечисляются издатели и сотрудники, указывается существовавшая ко времени составления «Исторического розыскания» литература вопроса. А. Н. Неустроев по мере возможности раскрывал, не всегда, впрочем, верно, псевдонимы журналистов XVIII в., а также давал небольшие аннотации, преимущественно указывая жанр того или иного произведения, место, где было напечатано начало описываемого сочинения и т. д. Вместе с тем Неустроев не пояснял названий произведений, требующих расшифровки.

В рецензии А. Ф. Бычкова на книгу Неустроева высказано было пожелание, чтобы автор продолжил свою работу, создав систематический указатель к «Историческому розысканию»¹². Через двадцать три года А. Н. Неустроев осуществил желание рецензента, выпустив объемистый том, занимающий свыше 800 с. убористой печати в два столбца. Несмотря на то, что и в «Историческом розыскании», и в построенном на нем «Указателе к русским повременным изданиям и сборникам за 1703—1802 гг. и к историческому розысканию о них» (Спб., 1898) есть много неточностей и даже ошибок и что описание сделано сугубо формально, труд Неустроева представляет исключительную ценность и как библиографический источник и как методический образец, следовать которому сейчас, конечно, нельзя, но опыт которого учесть необходимо.

Разработанные А. Н. Неустроевым принципы аналитического описания журналов стали на долгое время притягательным и недостижимым примером для библиографов, занимающихся журналистикой XIX в. А. Г. Максимов в «Литературном вестнике» 1902—1904 гг. поместил описания 10 периодических изданий 1803—1812 гг.¹³, прямо указывая на свою зависимость от «Исторического розыскания» Неустроева¹⁴. Позднее неоднократно делались попытки, отправляясь от принципов Неустроева, продол-

¹² Отчет о восемнадцатом присуждении наград графа Уварова за исторические сочинения Спб., 1876, с. 21—30; также отдельный отт.: Спб., 1876. Извлечения из рецензии напечатаны на внутренней обложке «Исторического розыскания».

¹³ «Лит. вестник», 1902, т. 4, № 8, с. 317—334; 1903, т. 5, № 4, с. 445—450; 1903, т. 6, № 5, с. 22—32; 1904, т. 7, № 3, с. 28—50; 1904, т. 8, с. 8—19, 132—135, 172—202.

¹⁴ Там же, 1902, т. 4, № 8, с. 319.

жить описание журналов XIX в.¹⁵ Существенным побуждением к продолжению работы Неустроева было то, что автор «Исторического розыскания» завещал Академии наук полученные им за оба своих труда денежные премии в качестве особой «премии имени А. Н. Неустроева» за: а) составление исторического розыскания о русских повременных изданиях и сборниках за 1803—1850 гг.; б) составление и напечатание указателя к вышеозначенному розысканию; в) составление указателя к «С.-Петербургским» и «Московским ведомостям» 1703—1750 гг. Присуждение этой премии должно было состояться лишь один раз, в 1915 г.¹⁶, однако никаких работ на соискание представлено не было.

В 1875 г. к работе над составлением списка русских периодических изданий с 1703 г. приступил Н. М. Лисовский. В приложении к издававшемуся им журналу «Библиограф» в 1891 и 1892 гг. были дважды напечатаны начальные листы его большого труда «Русская периодическая печать. (Материалы для истории журналистики). 1. Хронологический список русских периодических изданий, выходивших в России с 1703 по 1891 год». Позднее это издание было переработано и печаталось выпусками с 1895 по 1915 г., когда оно вышло в двух вариантах: в лист — под названием «Русская периодическая печать 1703—1900 гг. (Библиография и графические таблицы)» и в малую осьмушку — под названием «Библиография русской периодической печати 1703—1900 гг.» (без таблиц).

Принципы описания, принятые Лисовским, восходили к тем, которые были положены в основу работы В. Г. Анастасевича в «Росписи» Смирдина. Это — прежде всего хронологическое расположение материала, точное воспроизведение названия, сведения о периодичности и длительности издания, об издателях и редакторах, о продолжениях и предшественниках, об изменениях названия и приложениях. Н. М. Лисовский не указывал формата изданий и типографий, в которых они печатались. В то время как Анастасевич в основном черпал свои сведения из титульных листов описываемых журналов и газет, Лисовский производил многочисленные и разнообразные разыскания по истории изданий, устанавливал издателей и редакторов, сообщал сведения по внешней истории изданий. Поэтому его труд во многих случаях имеет характер первоисточника, и довольно надежного. В конце книги приложены: а) общий алфавитный

¹⁵ Об этих попытках см.: Ильинский Л. К. К вопросу об описании русских журналов.— «Лит.-библиол. сборник», Пг, 1918, с. 82—84; Фомин А. Г. Современное состояние русской библиографии и ее очередные задачи.— «Книга о книге», 1927, Л., [сб.] 1, с. 157—158; Масанов Ю. И. Библиография статей периодических изданий.— «Сов. библиогр.», 1947, вып. 3(22), с. 28—29; Инструкция для описания журналов. Изд. 2-е, доп. Л., 1928, с. 9—10.

¹⁶ Новый энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон, т. 1, стб. 658.

список всех включенных в нее периодических изданий (по полному названию и по первому существительному; таким образом, «Русский вестник», например, фигурирует в списке и под «Вестник (русский)» и «Русский вестник»), б) систематический список. «Систематический список изданий, — как указывает Н. М. Лисовский, — составлен с объединением в нем двух систем: предметной (по содержанию изданий) и территориальной (по месту выхода их в свет)¹⁷. Фактически этот второй признак оказался основным: издания сгруппированы как петербургские, московские и провинциальные, а внутри каждой группы систематизированы по рубрикам с очень невыдержанными принципами деления: издания политические, общественные и литературные, издания официальные и информационные, издания ученые и научно-практические разнородного содержания (по разнообразным отраслям знания), издания преимущественно гуманитарные и, наконец, издания преимущественно по естественным и физико-математическим знаниям, с их прикладными.

Наличие списков, алфавитного и систематического, очень облегчает наведение первых, простых справок. Именной указатель также является ценным дополнением книги Лисовского. Однако наибольшую ценность представляют графические таблицы, приложенные к большому изданию книги. По горизонтальной оси идут цифровые обозначения годов от 1703 по 1900, по вертикальной — названия изданий. Это сочетание дает возможность по горизонтали зрительно проследить долговечность тех или иных изданий, а вертикальное сечение каждого года позволяет точно установить, какие журналы и газеты выходили в тот или иной момент.

Несмотря на наличие пропусков и неясность критерия отбора «периодических изданий», книга Н. М. Лисовского должна быть признана едва ли не высшим достижением досоветской русской библиографии.

Труд Лисовского, даже в неполном виде, когда появились 1-й (1895) и 2-й (1901) выпуски его, получил очень высокую оценку авторитетных ученых. «Книга Н. М. Лисовского „Русская периодическая печать“, — писал А. Н. Пыпин в своем заключении для экспертной комиссии Выставки печатного дела 1895 г. по поводу 1-го выпуска „Русской периодической печати“, — есть важнейший труд, появившийся во время Выставки печатного дела... [она], конечно, надолго сохранит свое значение и останется самым крупным воспоминанием о первой русской выставке печатного дела». По случаю выхода в свет 2-го выпуска А. М. Ловягин писал: «Грандиозный труд Н. М. Лисовского „Рус. пер. печ.“ представляет собою одну из замечательнейших библиографических работ, какими только располагает наша литература». Называя книгу Н. М. Лисовского «монументальным издани-

¹⁷ Русская периодическая печать. Пг., 1915, с. 225.

ем», Н. К. Пиксанов в 1915 г. правильно указывал, что «историки русской литературы и общественности постоянно будут возвращаться к этому почтенному труду». «Не вдаваясь в подробную оценку исполненной Н. М. Лисовским поистине грандиозной работы», У. Г. Иваск справедливо считал: «... мы можем гордиться тем, что обладаем трудом, подобного которому не имеет даже западноевропейская литература»¹⁸.

К словам Иваска, написанным 40 лет назад, можно прибавить, что и сейчас в зарубежной библиографии по журналистике нет изданий, снабженных такими таблицами, какими украшена «Русская периодическая печать» Н. М. Лисовского.

Во время печатания книги Лисовского, занявшего почти четверть века (1891—1915), появился еще один важный библиографический труд по русской журналистике — «Список русских повременных изданий с 1703 по 1899 год с сведениями об экземплярах, принадлежащих библиотеке императорской Академии наук. Корректурное издание» (Спб., 1901). Составителем этого списка был В. И. Срезневский, сын известного академика И. И. Срезневского, позднее сам член-корреспондент Академии наук. Отмечая во вступительной заметке, что «Список русских повременных изданий» имеет «в виду служить исключительно нуждам библиотеки имп. Академии наук», автор вместе с тем определяет свою работу как «попытку дать полный список русских повременных изданий за 1703—1899 года [!] на основании подлинных экземпляров имп. Публичной библиотеки и библиографических пособий». Впрочем, в самом «Списке» составитель не указал, какие издания описаны им по подлинникам и какие взяты из библиографической литературы, что, конечно, снижает научную достоверность работы: ведь довольно часто в литературных источниках встречаются ошибки, опечатки; часто объявления о подписке на то или иное издание, впоследствии в свет не выходявшее, вводят в заблуждение библиографов и исследователей; часто, наконец, одно и то же издание фигурирует в литературе под двумя названиями («Прибавления к Русскому инвалиду» — «Новости литературы») и т. д.

Несмотря на этот существенный недочет, «Список русских повременных изданий» представляет интерес с методической стороны. Стремление сочетать в своей работе общенаучную, библиографически-учетную цель, требовавшую возможной «полноты», с практическими нуждами журнального отдела библиотеки Академии наук заставило В. И. Срезневского построить

¹⁸ Цитированные отзывы заимствованы из брошюры [Б. С. Боднарского] «Труды Н. М. Лисовского по русской периодической печати с отзывами о них» (прил. к журн. «Библиогр. изв.», 1915, № 3/4. [12] с.). Отмечу попутно не учтенную в библиографиях ценную рецензию на «Русскую периодическую печать» Лисовского, принадлежащую Л. К. Ильинскому и помещенную в «Журн. М-ва нар. просвещения» (1916, № 12, отд. 2, с. 258—269).

«Список» как алфавитный перечень (по первому слову заглавия) всех известных ему повременных изданий, каждая запись которого сопровождается указаниями на отсутствие или наличие данного издания (полностью или частично) в составе возглавлявшегося им журнального отдела. Например, «Ежегодник Лохвицкого общества сельских хозяев. Харьков. 1889. Ак. нет» (№ 640, с. 244), или «И то и сию. Спб., 1769. Ак. полн. экз.» (№ 1139, с. 446), или «Медицинское обозрение. Ежемесячный журнал. Москва. 1874—прод. Ак. 1874—1884, 1885 (неполн.), 1886... Изд. 2-е, 1874 (№ 1/2)» (№ 1459, с. 552).

Несомненно, что В. И. Срезневский, готовя свой «Список», воспользовался вышедшим к 1901 г. (или, точнее, к моменту завершения работы над «Списком») выпуском «Русской периодической печати» Н. М. Лисовского (вып. 1—Библиография и таблицы изданий, возникших в 1703—1856 гг. Спб., 1895). Вполне естественно, что в свою очередь «Список» Срезневского был в дальнейшем использован Н. М. Лисовским в работе над второй частью «Русской периодической печати» (см. предисловие к изд. 1915 г., с. VIII).

Однако, несмотря на подобную зависимость одного труда от другого, «Список» Срезневского и «Русская периодическая печать» Лисовского взаимно дополняют друг друга. В методическом отношении труд Лисовского более совершенен и гибок, тогда как «Список» Срезневского, очевидно, из-за своего сугубо служебного назначения, более краток в описательной части и беден в отношении вспомогательных указателей.

Подводя итоги развития библиографии русской журналистики в дореволюционный период, можно с полным правом сказать, что труды Неустроева, Срезневского и Лисовского образуют прочный фундамент для исчерпывающей библиографической работы в этой отрасли знаний.

В области библиографического изучения дореволюционной периодики задача состоит сейчас не в создании нового сводного труда по библиографии русской периодической печати, но главным образом, как принято говорить, «в продолжении Лисовского», с одной стороны, и аналитическом описании журналов первой половины XIX в. (конечно, не по устаревшим принципам Неустроева), с другой.

Идея «продолжения Лисовского» была высказана в ряде рецензий сразу же после выхода в свет последнего выпуска «Русской периодической печати». Так, А. А. Шилов писал, что издание Лисовского, «хотелось бы думать, не остановится на 1900 г., но будет продолжено автором и за дальнейшее время ознаменованное развитием периодической прессы»¹⁹.

¹⁹ «Библиогр. изв.», 1915, № 3/4, с. 179.

IV. Советские учетно-регистрационные библиографии периодической печати

В первые годы Советской власти была сделана попытка учета периодических изданий революционного периода. В свет вышли только «Список повременных изданий за 1917 г. Ч. 1. Алфавитный список повременных изданий» (Пг., 1919) и «Список повременных изданий за 1918 г.» (Пг., 1922); обе книги были составлены проф. Л. К. Ильинским и вышли в качестве изданий Российской книжной палаты, находившейся тогда еще в Петрограде.

Л. К. Ильинский, человек достаточно умеренных, чтобы не сказать больше, политических взглядов, имел к этому времени значительный практический и теоретический опыт в области истории литературы и библиографии, в частности — библиографии периодической печати. Ему принадлежит упомянутая выше большая, содержательная рецензия на «Русскую периодическую печать» Н. М. Лисовского, теоретическая работа «Что такое „повременная печать“?» и статья «К вопросу об описании русских журналов» (об этих двух работах см. ниже). В этих произведениях Л. К. Ильинский стоял на довольно твердой и, как ему представлялось, неотразимой теоретической позиции, согласно которой предлагал производить описание всех русских повременных изданий. Однако, столкнувшись на практике с описанием изданий революционного 1917 г., он был вынужден отступить от своих позиций и учитывать такой жанр *периодических* изданий, как однодневная газета («Газета-Протест», «День свободы», «День печатников»), как *непериодическое* издание («Родовой листок», 4-й г. изд.), как листки («Летучие листки Самарского избирательного комитета», «Летучий листок Исполнительного комитета солдатских депутатов Эриванского гарнизона», «Летучий листок Кинешемского избирательного комитета») и др.

Дав в ч. 1 «Списка повременных изданий на 1917 год» только алфавитный перечень самих изданий, Л. К. Ильинский одновременно подготовил к печати и ч. 2 — «Списки изданий по городам, организациям, времени выхода и именные указатели редакторов и издателей». Однако эта работа в свет не вышла. Тем не менее обращает на себя внимание то, что Л. К. Ильинский, исходя из своеобразия описывавшегося материала, вынужден был ввести такую новую — политическую — рубрику в классификации периодических изданий, как «организации».

Работы Л. К. Ильинского о повременной печати 1917—1918 гг., при большом количестве пропусков и при всех противоречиях между теоретическими позициями составителя и реальной действительностью, имеют большое значение и как исторический источник, и как определенный момент в истории русской библиографии повременной печати.

Прервавшаяся на втором году описания работа по текущему учету периодических изданий с 1920 г. была перенесена на страницы «Книжной летописи»²⁰, и попыток дать годовые своды подобных материалов не делалось до второй половины 20-х гг., когда Книжная палата подготовила «Список периодических изданий РСФСР за 1927 и 1928 гг.», «Список журналов за 1929 и 1930 гг.» и «Список газет за 1931 г. (по 1 сентября)», но все эти работы не были изданы²¹.

С 1933 г. Книжная палата начала издавать «Летопись периодических изданий СССР»²²; в ней учитываются разнообразные издания, которые могут быть с разной степенью убедительности подведены под категорию периодических. Чувствуя недостаточную ясность своей позиции, редакция «Летописи периодических изданий СССР» писала в предисловии к выпуску за 1949 г.: «... „Летопись периодических изданий СССР“ выходит в двух частях. Часть 1 „Журналы, труды и бюллетени“ и часть 2 „Газеты“. Часть первая „Журналы“ содержит, кроме периодики чистого типа (журналы, бюллетени), также периодические издания типа „трудов“ (продолжающиеся или сериальные издания), в том числе серии книг (отдельные монографические выпуски, которые учитываются также в „Книжной летописи“) <...>, информационные письма, блокноты агитаторов, периодические сборники, ежегодники, альманахи, выходящие регулярно, с продолжающейся из года в год нумерацией и под одним заглавием» (с. 3 нenum.). Такое широкое понимание термина «периодическое издание» приводит к тому, что в «Летопись» включают всякого рода каталоги и списки, например «списки и каталоги новых поступлений». В известной логичности подобной позиции отказать нельзя: если всевозможные летописи Всесоюзной книжной палаты признаются периодическими изданиями, то такими же изданиями должно признать и каталоги разных промышленных и иных предприятий, списки новых поступлений и т. д.

Ввиду того, что значительное количество периодических изданий, выходящих в СССР, продолжает печататься из года в год, Всесоюзная книжная палата признала нецелесообразным переиздавать «Летопись периодических изданий» ежегодно.

С 1951 г. стали выходить дополнительные выпуски «Летописи периодических изданий СССР», по два в год; в одном приводится перечень всех новых, переименованных и прекратившихся журналов и газет на 1 апреля соответствующего года; во втором — перечисляются нерегулярно выходящие издания: «труды»,

²⁰ В 1919 г. в Москве был выпущен «Указатель периодических Советских и Коммунистических изданий, выходящих в РСФСР в 1919 г.».

²¹ Соловьев В. И. Предисловие к «Списку периодических изданий РСФСР в 1933 г. (на 1 июля)». М., 1933, с. 13.

²² В первый год издания она называлась «Список периодических изданий РСФСР в 1933 г. (на 1 июля)», в 1938—1939 гг. — «Ежегодник периодических изданий СССР».

«ученые записки», «сборники» и пр., поступившие во Всесоюзную книжную палату в течение отчетного года²³.

В дальнейшем предполагается издание полных кумулированных (за пятилетие) списков всех журналов, газет и других периодических изданий, выходящих в СССР²⁴. Первый кумулированный список периодических изданий СССР за 1950—1954 гг. вышел в 1955 г.

Так была решена очень важная задача текущего учета периодической печати в СССР. Признать ее решенной полностью и окончательно нельзя, так как в «Летописи периодических изданий СССР» не учитывается такой специфический для советской эпохи материал, как «многотиражки» — газеты отдельных предприятий и учреждений (заводов, колхозов, совхозов, МТС и др.), а также газеты временного характера, выходящие в период определенной кампании²⁵.

Вероятно, будущие (а может быть и современные) историки упрекнут Всесоюзную книжную палату за то, что она оказывала предпочтение перед «многотиражками», отражающими жизнь советских промышленных предприятий и сельскохозяйственных организаций, «каталогам и спискам новых поступлений».

V. Советские ретроспективные библиографии периодической печати за 1901—1916 гг.

Ко времени начала печатания «Летописи периодических изданий СССР» перед советской библиографией стояли две большие задачи: дать «продолжение Лисовского» и учесть огромный материал по библиографии периодики советского периода с 1917 г.

Попытку продолжить описание русской периодической печати после 1900 г. сделал сам Лисовский, когда им была закончена работа по основной книге. Очевидно, это было около 1912—1913 гг., потому что в печати имеются указания на то, что сохранилось неопубликованное продолжение работы Н. М. Лисовского с 1900 по 1912 г.²⁶ Существует также указание, будто и У. Г. Иваск также предпринимал подобную попытку²⁷. Менее известно, что в начале 20-х гг. С. Д. Балухатый подготовил по принципам, положенным в основу «Русской периодической печати» Лисовского, продолжение последней с 1901 по 1916 г. включительно. Единственная полная рукопись работы С. Д. Ба-

²³ Летопись периодических изданий СССР. Новые, переименованные и прекратившиеся журналы и газеты с 1 янв. 1950 по 1 апр. 1954 г. М., 1954, с. 2.

²⁴ Масанов Ю. И. Государственная регистрационно-учетная библиография в СССР. Справочник. М., 1952, с. 26.

²⁵ Там же, с. 24.

²⁶ Соловьев В. И. Предисловие к «Списку периодических изданий РСФСР в 1933 г. (на 1 июля)». М., 1933, с. 11; Велижева А. Б., Рогожин Н. П. Составление общей библиографии советских журналов за 1917—1946 гг. (Из опыта работы). — «Сов. библиогр.», 1949, вып. 2(27), с. 63.

²⁷ Там же, с. 63.

лухатого, принятая к печати Ленинградским отделением Государственного издательства, была, как рассказывал нам автор, утеряна и, несмотря на тщательнейшие поиски, так и не отыскана.

Однако все эти единоличные попытки, конечно, не могли с должной точностью, подробностью и полнотой охватить огромный материал по периодическим изданиям 1901—1916 гг. Если «одиноким подвиг» Н. М. Лисовского, как справедливо была названа его «Русская периодическая печать 1703—1900 гг.»²⁸, выразился в описании около 2900 названий журналов и газет за двести лет, то, по самым скромным подсчетам, количество периодических изданий за 1901—1916 гг. должно было составлять не менее 10—12 тыс. названий²⁹. Поэтому всякие единоличные попытки «продолжения Лисовского» были заранее обречены на неудачу. Такие задачи по силам только большим и хорошо организованным коллективам, опирающимся на материальные ресурсы государства.

В середине 30-х гг. нашего века Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина приступила к составлению библиографического списка всех повременных изданий, вышедших в 1901—1916 гг. на территории бывшей России на всех языках³⁰. В течение двух лет (с середины 1936 по середину 1938 г.) было составлено около 15 тыс. описаний по более подробной программе, чем та, которой пользовался Лисовский, хотя в целом начатая работа должна была явиться продолжением «Русской периодической печати». В частности, характерной чертой новой работы было обращение к цензурным архивам, давшим возможность частью проверить, частью ввести в научный оборот огромное количество фактов из истории журналистики в России в период с 1901 по 1916 г. Предполагая, что описание повременных изданий указанного времени займет несколько томов, а подготовка его к печати и самое печатание продлятся несколько лет, дирекция Гос. Публичной библиотеки обратилась к крупнейшим советским научным библиотекам и к ряду научных работников с просьбой высказать свои соображения, не целесообразно ли до выхода в свет всего труда в целом приступить к предварительному выпуску отдельных описаний в форме блок-карт. К печатному письму, изданному в количестве 100 экз. и разосланному 4 июня 1938 г., были приложены в качестве образца 8 карт (13,5×19,5) с описанием «Алтайской газеты», «Алтайского края», «Амурского края» (двойная карточка),

²⁸ Синебрюхов С. И. Труды Н. М. Лисовского в области библиографии русской периодической печати.— «Библиогр. изв.», 1921, № 1/4, с. 46.

²⁹ Подсчеты эти, как будет видно из дальнейшего, были ниже действительной цифры.

³⁰ Подробности см. в ценном труде Ю. А. Меженко: Опыт работы по составлению библиографии периодических изданий России 1901—1916 гг. Л., Лениздат, 1943. 51 с. (Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

«Особого прибавления к Амурскому краю», «Телеграмм Российского телеграфного агентства» (выходивших вместо приостановленной газеты «Амурский край»), «Амурского летописца», «Барнаульского листка» и «Буревала». Описание состояло из названия издания, подзаголовка (характеристики), годов (длительности издания), прежнего и нового названия (если они имелись), периодичности, места издания, перечня редакторов и издателей, условий подписки, объема издания (т. е. формата и количества страниц). На обороте перечислялись приложения, если таковые были, а в примечаниях — данные по цензурной истории газеты или журнала. Некоторые примечания были достаточно обширны, например в описании газеты «Амурский край» они занимали 34 строки петита.

Предполагалось, что будет объявлена подписка на это блоккарточное издание и что каждая карточка будет стоить 50—70 коп.; в течение 1938 г. намечено было выпустить описания первых 500—700 названий. Но дороговизна всего издания (7500-10 000 рублей) и сложность хранения такой большой блоккартотеки явились причиной того, что издание это полностью не осуществлялось. Возможно, что и начавшаяся вскоре Великая Отечественная война также была причиной того, что блоккарточное описание не увидело света.

В 1949 г. Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина издала «Предварительный список периодических изданий России 1901—1916 годов», подготовленный коллективом сотрудников по плану и под руководством Ю. А. Меженко.

Из всего количества записей в «Предварительном списке» только $\frac{1}{4}$ была проверена по подлинникам — около 3500 номеров. Поэтому Ю. А. Меженко в редакторском предисловии вполне резонно предупреждал, что «не все записи имеют одинаковую степень достоверности» (с. 6). В самом деле, сведения, почерпнутые из карточных каталогов крупнейших научных библиотек СССР, следует считать более надежными, чем данные списков местной периодики, присланных республиканскими и областными библиотеками; менее достоверны показания библиографических и, как это ни парадоксально, архивных и печатных цензурных источников; последние, как это убедительно пояснил рядом примеров Ю. А. Меженко, во многих случаях подходили формально к вопросу о действительном существовании некоторых периодических изданий и сообщали о их прекращении, тогда как они вовсе и не выходили, несмотря на наличие разрешения.

Очень ценны в «Предварительном списке» имеющиеся при каждой записи указания на то, к какой категории источников эта запись восходит: при изданиях, проверенных по подлинникам, нет никаких обозначений; цифры 1, 2 и 3 соответственно означают библиотечные, библиографические и цензурно-архивные источники.

Расположение материала в «Предварительном списке» алфавитное и топографическое: в алфавитном порядке помещены сперва издания, выходившие в Петербурге — Петрограде, затем в Москве и, наконец, в прочих городах. Для облегчения разысканий к перечню изданий, выходивших вне Петербурга и Москвы, составлен особый алфавитный указатель. Таким образом, получаются три больших алфавитных ряда: для Петербурга, для Москвы и для прочих городов. Когда место издания известно, может быть, такое построение книги облегчает розыски; когда же мы не знаем, где выходила та или иная газета или журнал и приходится искать в трех алфавитных рядах, это вряд ли можно считать удобным. В конце «Предварительного списка» приложен «Алфавитный указатель мест издания», сопровождаемый данными о количестве выходивших в том или ином месте органов печати, а также цифрами, обозначающими номера по основным спискам.

В целом, несмотря на несомненную практическую полезность рассматриваемой работы, следует одобрить осторожность редактора, назвавшего книгу «Предварительным списком» и определившего ее только «как подсобный рабочий аппарат, преследующий узкую задачу первичного выявления всех периодических изданий» за время с 1901 по 1916 г. В этой формуле уязвимым, как было отмечено выше, является то, что учтены будто бы все издания, выходившие в России в 1901—1916 гг., а на самом деле в «Предварительном списке» находятся издания только на русском языке.

Работа над созданием полной библиографии русской периодической печати 1901—1916 гг. в Государственной Публичной библиотеке продолжается. Кроме того, печатается «Служебный каталог Газетного отдела ГПБ», охватывающий газеты на русском языке с начала русской прессы по 1916 г. включительно.

VI. Советские ретроспективные библиографии за 1917—1949 гг.

Несколько позднее начала работы над «продолжением Лисовского» в Гос. Публичной библиотеке Всесоюзная книжная палата, во исполнение постановления ЦК ВКП(б) «О литературной критике и библиографии» (ноябрь 1940 г.)³¹, приступила к составлению общей библиографии советских журналов за 1917—1940 гг. В постановлении ЦК указывалось, что «Книжная палата обязана произвести полный учет выпущенной за годы Советской власти литературы» (с. 490). В связи с этим после нескольких организационно-методических совещаний с участием

³¹ О партийной и советской печати. Сборник документов. М., 1954, с. 487—490.

ряда авторитетных библиографов и представителей трех крупнейших научных библиотек СССР было принято решение «работу по созданию общей библиографии советской периодики вести раздельно — по газетам и журналам»³².

Так как материалы, собранные Всесоюзной книжной палатой по библиографии книг и частично газет за 1917—1940 гг., погибли во время войны при пожаре здания и сохранилась только картотека журналов, в 1945 г. было приступлено к дальнейшей работе над библиографией одних только журналов. В течение 1950—1952 гг. была напечатана законченная к этому времени картотека журналов, издававшихся в СССР с 1917 по 1945 г. на всех языках. Оказалось, что журналов, в том понимании, которое определило отбор материала, с 1917 по 1945 г. включительно было учтено 20 тыс.³³ В это число входили:

- а) журналы чистого типа;
- б) продолжающиеся и сериальные издания типа «Трудов», «Ученых записок», «Известий», «Материалов» и т. п.;
- в) периодически издаваемые сводки материалов и цифровых данных (конъюнктурные, статистические, метеорологические и др.);
- г) бюллетени, периодические сборники циркуляров, приказов и т. п.;
- д) периодически издаваемые информационно-инструктивные сводки и письма;
- е) периодически издаваемые каталоги издательств и библиотек, программы и т. д.;
- ж) ежегодники, а также альманахи, охватывающие материал одного года и выходящие под одним названием с продолжающейся из года в год нумерацией³⁴.

Большое место в процессе работы заняло уточнение схемы описания журналов и принципов перенесения данных описания на сводную регистрационную карточку. Количество затраченного труда на составление сводных карточек для 20 тыс. журналов можно представить себе по одному тому, что вся картотека была напечатана на 100 тыс. карточек³⁵.

Работа по подготовке и изданию картотеки советских журналов 1917—1945 гг. позволила Всесоюзной книжной палате приступить к печатанию, уже в книжной форме, серии «Периодическая печать СССР. 1917—1949. Библиографический указатель». В основу деления серии были положены принципы, по

³² Велижева А. Б., Рогожин Н. П. Составление общей библиографии... — «Сов. библиогр.», 1949, вып. 2(27), с. 64.

³³ Там же, с. 70.

³⁴ Там же, с. 68.

³⁵ Сведения об этой большой работе можно найти, кроме указанной статьи А. Б. Велижевой и Н. П. Рогожина, еще в статье А. Б. Велижевой «Картотека советских журналов за 1917—1945 годы. — «Сов. библиогр.», 1950, вып. 1(30), с. 101—109.

которым классифицируются издания Всесоюзной книжной палаты; всего намечено к изданию 9 отраслевых томов и один том, включающий сводные вспомогательные указатели.

В 1955 г. вышли три выпуска этой серии: «Журналы, труды и бюллетени по сельскому хозяйству», «Журналы, труды и бюллетени по технике и промышленности» и «Журналы, труды и бюллетени по транспорту, связи и коммунальному делу». В 1956 г. был издан выпуск: «Журналы, труды и бюллетени по естественным наукам и математике».

Если при издании картотеки периодических изданий перед Всесоюзной книжной палатой не вставали вопросы внутренней классификации каждого отраслевого раздела и библиотеке, приобретшей подобный специальный комплект, представлялось по собственному усмотрению располагать карточки в алфавитном или хронологическом порядке, то эти вопросы с неизбежностью возникли, когда нужно было перевести материалы картотеки в форму печатной книги. Станным образом при этом не было принято однотипное решение этого важного вопроса.

Правильно, на наш взгляд, поступила Всесоюзная книжная палата в двух последних выпусках «Периодической печати СССР. 1917—1949 гг.». Материалы этих выпусков расположены по основным отделам, с дальнейшими тематическими подразделениями. Внутри подразделов материал располагается по типу периодических изданий: 1) журналы, 2) труды, 3) бюллетени. В число последних, помимо собственно бюллетеней, включались информационные материалы, материалы по обмену опытом, приложения к газетам, сборники циркуляров, приказов, постановлений и пр. Внутри рубрик расположение материала строго алфавитное. В основу деления подразделов положена продуманная схема классификации по содержанию. В выпуске, посвященном транспорту, после каждого подраздела идет перечень соответствующих библиографических изданий; сюда, помимо собственно библиографических изданий, включаются рефераты, переводы и аннотации. В последнем выпуске библиография вновь выделена в самостоятельный раздел.

Иначе поступила Всесоюзная книжная палата в выпусках «Периодической печати СССР. 1917—1949 гг.», посвященных сельскому хозяйству и технике. Здесь принципы деления не выдержаны, смешано деление по содержанию с делением по форме.

Такое смешение едва ли может быть оправдано обычным в подобных случаях доводом — спецификой материала. Это нарушение логики классификации тем более удивительно, что при данных выпусках имеются хорошо построенные вспомогательные указатели: алфавитные — журналов на русском языке и на языках народов СССР (в алфавите языков); указатель журналов по месту их издания: сначала — Москва, затем — совместно Москва и другие города, далее — Ленинград и совместно Ленин-

град и другие города, далее — в алфавите городов; наконец, указатель издающих учреждений и организаций.

Наличие таких указателей, в особенности последнего, делает, как нам кажется, ненужным введение отдела «Издания академий, институтов, обществ...», нарушающего стройность классификации материала. Включение последнего указателя также оправдывает то, что в серии «Периодическая печать СССР. 1917—1949 гг.» применяется описание по названиям журналов, а не под коллективным автором.

Когда Всесоюзная книжная палата закончит издание «Периодической печати СССР. 1917—1949 гг.» и к последней прикнут кумулированные пятигодники периодических изданий с 1950 г., а Гос. Публичная библиотека издаст «Периодические издания России с 1901 по 1916 г.», — на очереди останется только вопрос об издании описания газет, выходивших в СССР с 1917 по 1949 г. Если будет осуществлена и эта большая задача, советская культура получит во всех этих библиографиях исторический источник исключительной важности.

В решении этой задачи заинтересована вся советская общественность, и сведения о работе по созданию полной библиографии периодических изданий, выходивших в России и выходящих в СССР, должны быть широко публикуемы в общей, а не только книговедческой прессе. <...>.

VIII. Несколько выводов и обобщений

Рассмотренные в предшествующих главах материалы позволяют сделать кое-какие обобщения.

«Опыт российской библиографии» Сопикова представляет факт прогрессивной русской мысли, осознавшей патриотическую важность создания библиографического свода русской печати. С горечью указывал Сопиков, что, «несмотря на нынешние быстрые успехи просвещения в России, поныне недостает еще такой книги, из которой можно было бы видеть состояние и постепенный ход отечественной нашей словесности»³⁶. Понимая под «словесностью» как художественную литературу, так и печатную продукцию вообще, Сопиков создал свой «Опыт», выделяя в общем алфавитном ряду произведения художественной литературы под фамилиями русских и иностранных писателей и под жанровыми рубриками. Таким образом, в рамках общей русской библиографии намечилось выделение в самостоятельную библиографическую разновидность: а) персональной библиографии и б) библиографии специальной. Совершенно несомненно, что вовсе не случайно то, что труд Сопикова появился в 1813 г., непосредственно вслед за победным окончанием Отечественной

³⁶ Сопиков В. С. Опыт российской библиографии. Изд. 2-е, т. 1. Спб., 1904, с. XVI.

войны. Конечно, материалы для такого труда Сопиков должен был собирать долго, может быть именно те двадцать лет своей книгопродавческой деятельности, о которых он упоминает в предисловии к «Опыту», но важно то, что к печатанию книги он приступил в годы патриотического подъема, вызванного Отечественной войной. Известен большой интерес читательских кругов к периодической печати в эти годы, и, по всей вероятности, это и было побудительной причиной к выделению в «Опыте» в особую рубрику «ведомостей» и «ежемесячных и периодических сочинений». Так ли это или не так, но первый опыт библиографии русской журналистики восходит к общей библиографии русской книги, составляя ее органическую часть и образуя внутри ее некий зародыш будущей самостоятельной библиографии. Обособилась же библиография русской периодической печати в особую ветвь библиографической науки опять-таки в период общественного подъема, связанного с движением декабристов, когда быстро развивавшаяся журналистика стала играть чрезвычайно важную роль в русской действительности. Характерно, что с 1827 г., когда была напечатана статья «Журнального сыщика», и до 1864 г., т. е. в период николаевской реакции и в первые годы после смерти Николая I, не было новых попыток в области общей библиографии русской периодики. И опять-таки как отражение общественного подъема конца 50-х — начала 60-х гг. XIX в. появляется в прогрессивном «Настольном словаре» Толля (1864) статья «Периодические издания», о которой было сказано выше.

В «Библиографических заметках», сопровождавших напечатанную в 1856 г. на страницах «Современника» статью Н. А. Добролюбова «Собеседник любителей русского слова. Издание кн. Дашковой и Екатерины II. 1783—1784», были намечены принципы аналитической библиографии журналистики XVIII в. Конечно, ни в коей мере нельзя делать А. Н. Неустроева последователем Добролюбова. Но в то же время не следует забывать об этих попытках великого критика — революционного демократа нащупать новые формы библиографического изучения старинной русской журналистики. Что же касается библиографических трудов по русской периодике, принадлежащих перу Неустроева, Лисовского и Срезневского, то, хорошо понимая их связь с буржуазной русской культурой конца XIX — начала XX в., мы отмечаем их субъективную классовую обусловленность и целенаправленность и критически используем эти библиографические работы, подобно тому, как и многие другие элементы культуры досоветского периода. Получившие новую целенаправленность — служить укреплению и развитию социалистического общества, — все эти критически переработанные и усвоенные явления предшествующей культуры становятся органическими фактами и в то же время факторами нашей советской, социалистической культуры.

Вторая группа заключений относится к вопросу об объекте библиографии русской периодики. Дело в том, что здесь наблюдается постоянное изменение и отграничение предмета изучения. Так, у Сопикова были выделены в особо самостоятельные рубрики «ведомости», т. е. газеты, и «ежемесячные и периодические сочинения»; иными словами, в сознании Сопикова (и, очевидно, не только его одного) не было еще объединяющего понятия «периодического издания» или, если оно и было, то не было применено в «Опыте» — возможно, с целью более дробно классифицировать библиографический материал. Если в отношении трактовки понятия «ведомости» у нас в основном нет расхождений с Сопиковым, то сложнее обстоит, как было показано в соответствующем месте, с понятием «ежемесячные и периодические сочинения», куда входило и то, что мы сейчас понимаем как наши современные журналы, и сборники, и серийные издания, и, наконец, произведения одного автора, выпускавшиеся по ряду причин (большей частью финансового характера) по подписке или отдельными выпусками.

Хотя в дальнейшем в практике библиографирования периодических изданий круг включаемых материалов постепенно сужался и уточнялся, и сборники и альманахи уже не вводились в указатели повременной печати, тем не менее для библиографии периодической печати XVIII в. порядок этот сохранился и даже сохраняется и сейчас. Заслуживает внимания то, что Неустроев чувствовал, очевидно, различие между современным ему пониманием «периодических изданий» и пониманием «ежемесячных и периодических сочинений» в XVIII в. и начале XIX в.; поэтому свой труд он назвал «Историческим розысканием о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг.». Очевидно, ко времени Неустроева и понятие «сборник» стало отделяться от периодических изданий и потребовало в дальнейшем большей дифференциации, и поэтому появились особые ветви библиографии — библиография альбомов, альманахов и сборников³⁷.

Несмотря на возникшее в русской библиографии стремление четко отделить альманахи и сборники от периодических изданий, на практике это не всегда удавалось. В рецензиях на «Русскую периодическую печать» Лисовского встречаются указания

³⁷ Путятин Е. Переключка альманахам. Материалы для библиографии русских альманахов и сборников конца XVIII и первой половины XIX столетия (1794 г. по 1850 г.). Новая — Ушица, 1893; Дополнение. — Там же, 1893; Венгеров С. А. Русские книги, т. 1. Спб., 1895, с. 198—206 («Альбомы»), 210—214 («Список Альманахов и литературных сборников. Расположен в порядке первого слова заглавий, как это принято относительно периодических изданий, к которым приближаются альманахи») и 214—229 («Альманахи. Применение: Здесь описаны все сборники, какого бы они не были содержания, если в заглавии их есть слово Альманах»); Литературные альманахи и сборники в России. — Новый энцикл. словарь. Брокгауз и Ефрон, т. 24, с. 654—655; Ежов И. С. Альманахи и сборники. — Лит. энциклопедия, т. 1, 1929, с. 100—104

на то, что одни издания, представлявшие журналы (например, «Мнемозина» 1824—1825 гг.), не были включены автором, в то время как ряд других, в основном конца XVIII — начала XIX в., являющиеся сборниками, были введены составителем в его труд, хотя они не имеют «отношения к периодическому выходу в свет»³⁸.

Около времени выхода в свет труда Лисовского в Петрограде образовался историко-литературный кружок, задавшийся «целью заняться вопросами изучения журналистики»³⁹. В него входили С. Д. Балухатый, Л. К. Ильинский, В. Е. Евгеньев-Максимов, А. С. Поляков, В. С. Спиридонов, А. Г. Фомин, А. А. Шилов и др. По инициативе кружка при Русском библиологическом обществе была образована Комиссия по описанию русских журналов, принявшая весьма показательное решение: «2. В описание должны войти все журналы. 3. В описание должны войти и альманахи и сборники. 4. В описание должны войти и газеты»⁴⁰.

Таким образом, здесь опять был сделан шаг назад от намеченного в библиографии периодики и альманахов стремления уточнить и разграничить объекты изучения и описания.

В процессе работы комиссии был подготовлен к печати и в 1918 г. издан «Литературно-библиологический сборник», среди материалов которого обращает на себя внимание интересная, хотя и противоречивая статья Л. К. Ильинского «Что такое „повременная печать“?»⁴¹.

Опираясь на материалы юридические и законодательные, а также на практику журнально-газетной прессы и на суждения историков литературы и журналистики, Л. К. Ильинский попытался если не дать определение понятия «периодическое издание», то хотя бы «выделить наиболее существенное, — то <...>, на чем можно и должно настаивать как на обязательном в деле распознавания периодического издания». К таким признакам периодического издания Л. К. Ильинский отнес: «1) единство названия; 2) организованность редакционного коллектива; 3) мыслимую непрекращаемость издания как такового; 4) разнообразие содержания»⁴².

Не приходится говорить, насколько зыбки и ненадежны все выделенные автором признаки. Если стать на развиваемую им точку зрения, то большевистская «Правда», в 1912—1914 гг. и в 1917 г. весьма часто менявшая вследствие цензурных преследований свое название, не является периодическим изданием или представляет ряд отдельных самостоятельных газет. Не может

³⁸ Шилов А. А. [Рец. на кн.]: Лисовский Н. М. 1915 Русская периодическая печать. 1703—1900 гг. (Библиогр. и граф. табл.). Пг., изд. автора, 4°, XIV+267 с. с 48 табл. — «Библиогр. изв.», 1915, № 3/4, с. 179.

³⁹ Ильинский Л. К. К вопросу об описании русских журналов — «Лит.-библиол. сборник», 1918, с. 82.

⁴⁰ Там же, с. 83

⁴¹ Ильинский Л. К. Что такое «повременная печать»? — Там же, с. 107—118.

⁴² Там же, с. 118.

быть признана в качестве обязательного момента и «организованность редакционного коллектива»: есть журналы издаваемые единолично каким-либо писателем и заполняемые целиком его собственными произведениями: «Дневник писателя» Достоевского; «Дневник писателя» Д. Аверкиева (1885—1886); коллективный «Дневник писателя» (М., 1907—1909); есть периодические издания с очень непрочным текучим «редакционным коллективом». Какая «мыслимая непрекращаемость» может быть у однодневной газеты, выпущенной специально в связи со смертью Маяковского или ко дню приезда какого-либо писателя или политического деятеля? Что касается до «разнообразия содержания», то и сам автор признавал, что это «приходится понимать относительно»⁴³.

Если руководствоваться этим критерием, то встанет вопрос о правомерности включения в понятие «периодическое издание» всяких «Летописей» Книжной палаты и «каталогов и списков новых поступлений».

Более прав, нам кажется, Л. К. Ильинский, когда в начале своей статьи пишет: «Полноты определения нет. Характерно признание Комиссии 1862 года о трудности дать юридическое определение в силу отсутствия такого признака, по которому можно было бы безошибочно отличить повременное издание от всякого другого. Признание, над которым стоит подумать. Подумавши, может быть, и придется отказаться от мысли дать точное определение, ибо никакое определение не дает всей полноты признаков»⁴⁴.

Любопытно, что к аналогичным выводам незадолго до Л. К. Ильинского (но не в отношении определения «периодической печати», а «литературы») пришел Л. И. Пономарев во вступительной лекции в Казанском университете — «Об определении „литературы“». «Ни одно из существующих определений „литературы“, — писал Пономарев, — не может быть признано точным <...>. Существующие определения суть только попытки установить фактическое словоупотребление <...>. Если бы даже удалось <...> на основе исчерпывающего изучения отдельных произведений создать понятие „литература“, то в таком случае оно настолько изобиловало бы определениями, что им затруднительно было бы пользоваться»⁴⁵.

Ошибка Л. К. Ильинского и Л. И. Пономарева заключается в том, что понятия исторически развивающиеся, как «периодическое издание» и «литература», они хотели раз навсегда подвести под застывшие формулы формально-логического определения.

⁴³ Ильинский Л. К. Что такое «повременная печать»? — «Лит.-библиолог. сборник», 1918, с. 116.

⁴⁴ Там же, с. 109.

⁴⁵ Пономарев Л. И. Об определении «литературы» Казань, 1912, с. 11—12.

Очевидно, что понятие «периодическое издание» во времена Анастасевича и «Журнального сыщика» и в наше время наполняются не одним и тем же содержанием.

Библиографическая наука в наше время, как и всякая другая, развивается двояко: путем разграничения и дифференциации, с одной стороны, и путем сближения смежных объектов, с другой. Мы видели, что из понятия «повременные издания» выделились «сборники», «альманахи», «альбомы» и пр., затем «альбомы» и «альманахи» слились, а разделить «альманахи» и «сборники» не представляется возможным. В подготовленном к печати «Служебном каталоге Газетного отдела ГПБ» делается опыт создания самостоятельной библиографии русских газет. Но и здесь встречаются большие теоретические трудности.

Если же мы обратимся к советским работам по библиографии периодической печати, то увидим, как широко понимается их составителями термин «периодическое издание». Можно спорить по отдельным частным решениям этого сложного вопроса, можно возражать и протестовать против того, что «Летопись периодических изданий СССР» не учитывает такой важный вид газет, как многотиражки. Однако бесспорным является право нашей эпохи иметь свое понимание термина «периодическое издание»: насколько наша современность сложнее эпохи, в которую жил В. С. Сопиков, настолько сложнее и наше современное понимание термина «периодическое издание» по сравнению с «ведомостями» и «ежемесячными и периодическими сочинениями» в «Опыте» Сопикова. Однако исторически правильно и то и другое. Всякие же попытки дать единое определение понятия «периодическое издание» раз и навсегда являются антиисторичными и отдают метафизикой.

Есть ли необходимость вновь касаться такого простого и ясного вопроса, как связь библиографии с научной работой и научной работы с библиографией? Вопрос этот, может показаться, принадлежит к числу таких очевидностей, которые давно уже общепризнаны и не нуждаются в каких-либо уточнениях или пересмотре. Кроме того, скажут, об этом столько написано, что едва ли есть нужда в современном обращении к данной теме.

Может быть, в этих гипотетических возражениях и есть значительная доля справедливого, но гораздо в меньшей степени, чем это может показаться до непосредственного обращения к рассмотрению подлежащего анализу материала.

Начнем с последнего вопроса: так ли уж много написано (точнее: напечатано) специально по вопросу о месте библиографии в процессе научной работы. Оказывается, не только очень мало, но можно сказать, почти ничего. Мне известна только одна небольшая статья на эту тему на русском языке «О значении библиографии для науки» В. Я. Брюсова². На иностранных языках, несмотря на усиленные поиски как мои личные, так и ряда опытных ленинградских библиографов, обнаружить что-либо подходящее не удалось. Правда, статья В. Я. Брюсова, несмотря на свой небольшой объем, очень содержательна и интересна; однако она не только не исчерпывает всей совокупности проблем, возникающих при рассмотрении данной темы, но, как будет видно из дальнейшего изложения, даже не ставит некоторых существенных вопросов.

Если же обратиться к рассмотрению тезиса об очевидности связи между библиографией и наукой, то и здесь окажется, что дальше многократно повторяемого простого признания этой связи мы не идем. А ограничиться одним лишь подобным признанием значит, как мне представляется, отмахнуться от рассмотрения важного вопроса; больше того, это значит — не отдать себе отчета, как, в какой степени, в какой форме и при каких условиях научному работнику необходимо обращаться к библиографии и каких результатов можно ожидать в том или ином случае от этих обращений.

Наконец, и вопрос об отношении библиографии к научной работе также недостаточно, хотя и больше, чем первый, освещен в литературе. Если в библиографической литературе ставился

¹ Статья печатается в порядке обсуждения.

² «Библиогр. изв.», 1929, № 1/4, с. 3—7.

вопрос о том, является ли библиография наукой или, как говорят некоторые авторы, «отраслью знания», то вопрос о том, как относится библиография к науке, — независимо от признания библиографии наукой или «отраслью знания», — по-настоящему не ставился. По крайней мере в существующей литературе вопроса никаких специальных работ на эту тему мы не находим, а отдельные высказывания, причем не библиографов, а ученых, не идут далее самых общих положений.

Тема, рассматриваемая в настоящей статье, не нуждается на первый взгляд, в каких-либо уточнениях или пересмотре. Обращаясь к разработке этой темы, мы считаем нужным предупредить, что речь в нашей статье пойдет не о пересмотре, — т. е. полном или хотя бы частичном опровержении, — существующих точек зрения, а в большей мере — в раскрытии отдельных сторон вопроса.

I. Место библиографии в научной работе

Когда в марте 1928 г. М. Горьким в связи с его шестидесятилетием было получено множество поздравлений, он откликнулся на эти приветствия статьей «О возвеличенных и „начинающих”», в которой, между прочим, писал:

«Некоторые поздравители именуют меня „великим”. Не сомневаюсь, что это — искренно, но должен сказать что, это — лишнее слово в песне. Я — человек совершенно нормального роста и никакого величия в фигуре моей не чувствую. Могу, пожалуй, признать, что я неплохой работник, потому что люблю свой и всякий труд. Но и в этом я — человек, каких немало есть, много растет и каким должен быть всякий рабочий. Чин рабочего считаю высоким чином, выше его только чин „научного работника...”»³.

Свое уважение к науке и научным работникам Горький высказывал не однажды. «Труд и наука, — писал он в статье «О „маленьких” людях и о великой их работе», — выше этих двух сил нет ничего на земле»⁴. И тут же прибавил: «Окончательная победа рабочего класса — в теснейшем соединении его великого труда с трудом, направленным к той же цели, работников науки, — единственных людей, которые вместе с „маленькими” героями честной, героической, бескорыстной трудовой жизни имеют право на титул великих людей нашего мира»⁵.

Отмечая, что «наука — высшая, наиболее продуктивная форма труда»⁶, М. Горький в той же статье подробнее раскрывает свое понимание роли научных работников как творцов и художников: «Великие люди, — писал Горький, — это те, у которых

³ Горький М Собр. соч. в 30-ти т., т. 24. М., 1953, с. 359.

⁴ Там же, т. 25, с. 13.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 16.

лучше, глубже, острее развиты способности наблюдения, сравнения и домысла-догадки, „сметки”. Это люди, которые умеют воплощать свои наблюдения над явлениями природы и социальной жизни „маленьких” в руководящие идеи, в формы научных теорий, законов науки и произведений искусства»⁷.

Высказанные М. Горьким взгляды имели в свое время, в конце 20-х — начале 30-х гг., жгучее, актуальное значение. Однако, наряду с историческим смыслом, они имеют и общепринципальный характер, который не утрачен ими и сейчас, через 25—30 лет после появления статей великого писателя.

Глубокое уважение М. Горького к науке и научным работникам является не только его индивидуальной чертой, но и отражением взглядов рабочего класса СССР, Коммунистической партии и правительства на науку и научных работников.

Все это обязывает каждого советского научного работника с максимальной требовательностью относиться к себе, к своему труду, к созданию условий, при которых его научная деятельность будет в наибольшей мере плодотворна, полезна и производительна. Это означает, в первую очередь, что научный работник, какова бы ни была его специальность, должен отдавать себе ясный отчет в том, из каких элементов,— отвлекаясь от конкретных частных случаев,— состоит его научная деятельность.

Вступая на путь научного творчества, каждый начинающий ученый застает в своей области деятельности три основных, неотъемлемых, обязательных момента: прошлое своей науки, ее современное состояние и тенденции или пути ее развития, ее будущее. Это положение остается неизменным даже и для самых молодых, только что возникших или возникающих наук: каждая из них выросла не на голом месте, появилась не из ничего, а из каких-то предварительных наблюдений, замечаний, соображений ученых, занимавшихся более или менее близкими, родственными науками. Уже давно установлено, что развитие науки идет двумя путями: а) обособлением отдельных областей изучения от более общих и б) теоретическим, философским обобщением результатов частных наук. Но и в первом и во втором случае ученый должен считаться с тем, что изучаемая им область природы или общественной жизни имеет более или менее длительное прошлое, имеет свой «сегодняшний день» и свое будущее.

Со всем этим научный работник обязан быть хорошо знаком. Как бы ни были значительны и даже велики его собственные достижения и заслуги в развитии данной науки, он не может и не должен заниматься своим делом в полном отрыве от прошлого и настоящего своей отрасли знания. Уже одна только опасность — пускай даже добросовестно заблуждаясь,— выдать за новое открытие или изобретение то, что давно или недавно от-

⁷ Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 24. М., 1953, с. 9.

крыто или изобретено другими, должна заставить ученого знать, что сделано и что делается в изучаемой им области. А подобными фактами,—огорчительными для лиц, оказавшихся в незавидном положении «нового Колумба», как говорят в таких случаях, пестрит история и современное состояние, по-видимому, каждой науки. Чем бывают вызваны так называемые «вторичные открытия Америки» в области науки? Незнанием прошлого своей сферы изучения, неуважением и невниманием к современному ее состоянию.

Однако вторичными открытиями не ограничиваются отрицательные результаты пренебрежительного отношения некоторых ученых к прошлому и настоящему своей науки. Не менее опасным,—скорее даже более опасным,—следует признать, то, что, не зная или недостаточно зная историю своей области науки, не следя или недостаточно внимательно следя за ее нынешним положением, научный работник может вести свои занятия не по главному пути развития науки, может посвящать время изучению не основных, а второстепенных и третьестепенных вопросов своей дисциплины. Правда, иногда—но именно только иногда—такие блуждания могут привести к существенным научным достижениям, однако, случайностям в науке не должно отводить места: работать по принципу «авось что-нибудь выйдет» в науке нельзя.

Поэтому основным положением всякой серьезной научной деятельности, подчиненной идее «науки как высшей, наиболее продуктивной формы труда», должно быть постоянное углубление знаний в области прошлого своей науки и не менее постоянное пристальное внимание к ее современному состоянию.

И с тем, и с другим, как и с третьим—с тенденциями развития своей науки—научный работник может знакомиться разными путями: и слушая лекции специалистов, и посещая музеи, работая в лабораториях, трудясь в экспедициях, смотря научные или научно-популярные фильмы, переписываясь или беседуя с товарищами по профессии и т. д. Но все эти способы приобретения знаний о прошлом и современном положении науки являются в большей части случаев второстепенными по сравнению с самостоятельным усвоением подлежащего материала путем чтения. И если древнеегипетский ученый читал папирусные свитки, испещренные иероглифами, а наш современный научный работник все чаще начинает пользоваться чтением проекций микрофильмов, то меняется только форма чтения и материал для чтения, но самый процесс чтения не меняется, не отменяется и вряд ли будет отменен даже при самом широком использовании электронных машин.

Впрочем, не будем предрешать вопрос, нас интересует сейчас современное положение дела, а в настоящее время без чтения невозможна, немислима никакая, даже самая экспериментальная наука.

Итак, только при помощи чтения может научный работник систематически, последовательно и постоянно знакомиться с тем, что питает его научную деятельность — с прошлым и настоящим своей науки. И здесь не должно играть особенно большую роль, то, что для некоторых наук обращение к прошлому имеет меньшее, а для других большее значение. Существенно основное: в каждой науке имеются традиции, имеются великие деятели, имеются достижения, остающиеся не мертвым грузом, холодными реликвиями, с которыми можно, по желанию, считаться или не считаться.

Поскольку чтение было и остается основным способом приобретения сведений об этапах развития и о сегодняшнем дне науки, для ученого важно знать, где может он прочесть нужное, т. е. найти необходимые для этого источники. Ответ на это дает библиография.

Что такое библиография, приблизительно знает каждый научный работник. Но именно эта приблизительность играет весьма отрицательную роль. Дело в том, что, по вине самих библиографов, существующее определение библиографии как «отрасль знания о способах и методах составления и изучения указателей, списков, обзоров произведений печати»⁸, в разных вариантах повторяющееся почти во всех случаях, не только не раскрывает, но, напротив, затемняет научную сущность библиографии как общественного явления.

Приведенное выше определение на первый взгляд может показаться вполне убедительным и даже точным. Ведь в самом деле, библиография складывается из перечней, списков, справочников, указателей и обзоров. Но это только форма библиографии, а не существо ее. А в форме библиографии — в этом отношении она ничем не отличается от любого другого явления в природе и обществе — заключено определенное содержание. И подобное содержание имеется в любом библиографическом труде, какова бы ни была его тема, объем и назначение. Имеем ли мы рекомендательный список детских книг для чтения подростков, или перечень изданий Академии наук СССР за какой-либо определенный период, или, наконец, обзор книжных новинок по животноводству, — всегда за формой перечня, списка и обзора скрывается известное, — варьирующееся в зависимости от характера этой библиографии — содержание. Больше того, сказанное должно быть применено не только к отдельным частным явлениям библиографической литературы, но и к библиографии какого-либо народа, страны, языка и к библиографии в целом.

Каково же содержание библиографии? Библиография учитывает книги и статьи, журналы, сборники, газеты, ноты, карты и т. д., в которых выражается и отражается культура народа в целом или в части, как в прошлом, так и в настоящем, как

⁸ Библиография.— БСЭ. Изд. 2-е, т. 5, с. 137.

в общественно-политической и экономической жизни, так и в области науки, литературы и искусства и т. п. В идеале библиография должна быть зеркалом национальной — и шире — общечеловеческой культуры, это особой формы инвентарь всего того, что сделало в разных областях человечество в целом или в своих частях, — в качестве отдельных народов. Если мы говорим не о всеобщей, универсальной, а о национальной библиографии, то последнюю можно рассматривать как самую строгую, самую объективную форму учета достижений народа во всех проявлениях общественной жизни, учета, осуществляемого особыми приемами, отличающими библиографию от других форм учета, например от трудов по статистике и по истории национальной культуры.

Сказанное о библиографии в целом относится и к специальным видам и разновидностям библиографии. Если перед нами, например, библиография русской литературы по математике, или список печатных работ какого-либо ученого, или «Ежегодник книги СССР» за определенный год, или отдельный выпуск «Летописи журнальных статей», все равно — это учет вклада в национальную культуру целого ли коллектива ученых, действовавших в определенной области (в данном случае — математики), одного ли научного работника, всего ли народа за больший или меньший отрезок времени.

Однако библиографический учет является в то же время и отчетом о сделанном. Своеобразие библиографии как особой формы науки в том и заключается, что проводимый ею учет — то исчерпывающе полный, то сознательно хронологически или территориально ограниченный — отражает вклад отдельных ученых, или научных коллективов, или народа в целом в сокровищницу национальной культуры. Поэтому мы вправе рассматривать библиографию не только как самую строгую, самую объективную форму учета творчества народа, но — по идее — и как самую точную и беспристрастную форму отчета о деятельности народа во всех сферах национальной жизни.

Наконец, являясь формой учета и отчета о творчестве народа за все время его жизни или за отдельные ее периоды, библиография в то же время представляет форму распространения сведений об этой деятельности народа, способ пропаганды достижений народа в области широко понимаемой культуры. Всякий раз, когда мы имеем перед собой библиографический труд, — общий, как, например, «Опыт российской библиографии» Сопикова, или специальный, как какая-нибудь библиография по астрономии или гельминтологии, — собранный в ней материал предполагает какого-то потребителя, которому этот материал понадобится и на которого эта библиография рассчитана. Иными словами, даже когда библиография ставит своей целью только учет и отчет о деятельности народа в области культуры, она в то же время в целом или в частях стремится довести этот

материал до сведения какого-то читателя, пропагандирует этот материал. Ошибочно мнение, что пропагандирует только рекомендательная или научно-рекомендательная библиография. Если понимать библиографическую пропаганду не просто как рекомендацию, а как сознательное, целенаправленное доведение до сведения читателя данных о каких-либо достижениях в той или иной области науки, литературы, искусства, общественной жизни, тогда мы не можем не признать, что библиография есть не только учет достижений народной культуры, не только отчет об этих достижениях, но и своеобразная форма их пропаганды.

В этом отношении ярким примером может служить советская библиография, которая не только информирует о литературе, но и пропагандирует литературу, критически ее оценивает. Таким образом, она является мощным средством идеологического воздействия на читателя.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что библиография — это не «отрасль знания о способах и методах составления и изучения списков, указателей, обзоров произведений печати», а учет, отчет и пропаганда вклада в национальную и, значит, в мировую культуру, сделанного отдельными лицами, группой лиц или всей нацией в целом, — выраженные в форме перечней, списков, указателей, справочников, обзоров произведений печати и, — чтобы быть точным, — не только одной печати⁹.

Если принять предлагаемое понимание библиографии, то за каждым библиографическим трудом мы должны видеть выражение иногда большой, иногда маленькой, иногда огромной энергии отдельных лиц или всего народа, проявившейся в форме книг или статей, должны видеть отражение непрерывного, непрекращающегося культурного творчества. Библиографический труд, независимо от его объема, темы и назначения, должен рассматриваться нами как своеобразные ноты, которые, с одной стороны, можно просто видеть и не понимать их значения, а с другой — играть по ним, понимать их внутренний смысл. Читая библиографическую запись, научный работник уже составляет или может составить себе представление, о каком вкладе в национальную культуру (в данном случае в науку) идет речь, он знает, или, по крайней мере, может знать, как научную величину автора библиографически описанной работы, представлять себе круг интересов, занятий, степень эрудированности этого автора, его научный авторитет, достоинства его как литератора и понимать, чего можно ожидать от этой работы. Заглавие, указываемое в библиографической записи, если оно достаточно

⁹ Более подробно о нашем взгляде на библиографию и, в частности, на библиографию также и рукописной книги, см. нашу вступительную статью «„Общие библиографии русских книг гражданской печати 1708—1955” М. В. Сокуровой и некоторые вопросы из области теории и истории библиографии» в названной книге М. В. Сокуровой, с. 5—38.

ясно, позволяет научному работнику заключить, о совершенно новом или об уже известном, но по-новому освещаемом вопросе идет речь, как ставится вопрос и т. д. Указание в библиографической записи, когда, в каком журнале или в каком издательстве напечатана эта работа, также говорит читателю достаточно много: одно дело, если перед нами работа старая, помещенная в неавторитетном периодическом издании или в каком-либо малоизвестном частном издательстве, другое — если перед нами труд новый, который — в идеале — должен учесть все развитие науки, причем напечатанный в каком-нибудь журнале Академии наук или во внушающем доверие издательстве. И хотя всегда возможны «разочарования» и старая работа в иных случаях может оказаться ценнее плохой новой, но в целом правило остается правилом, а «разочарования» — исключениями.

Предложенное выше общее понимание библиографии в применении к научной работе имеет еще большее значение. Рассматривая библиографический список, перечень, указатель, обзор литературы вопроса, научный работник должен видеть за ними живое движение своей науки; ее прошлое, ее настоящее, ее деятелей, ее проблематику, тематику, тенденции развития. Для него этот материал еще в большей мере должен быть своеобразными нотами, которые он должен уметь «читать с листа», как читают настоящие музыканты.

Для всякого работника, например повышающего свою квалификацию рабочего или колхозника, обращение к рекомендательной библиографии является предварительным условием последующего продуктивного чтения. Однако это условие для него не обязательное: он может спросить в заводской или колхозной библиотеке, или в книжном магазине, или киоске, что ему лучше прочесть по интересующему его вопросу. Для научного работника подобный путь заказан: он обязан сам находить указания относительно необходимой для его работы научной литературы. Надеяться только на библиотекаря или на книготоргового работника ему никак не следует. Научный работник должен быть хорошо подготовлен в библиографическом отношении, должен знать библиографическую литературу общую и по своей специальности, должен уметь пользоваться этой литературой. Лишь тогда, когда у самого научного работника «не получается» при пользовании тем или иным справочно-библиографическим пособием, когда он испробовал все доступные ему библиографические источники и приемы их использования, но не добился нужного результата, — только тогда следует обращаться к библиографическим консультантам в научной библиотеке, или к каким-либо авторитетам в данной специальности. Для научного работника библиография должна быть обязательным предварительным условием его научного труда, должна быть обязательной вспомогательной дисциплиной, вспомогательной наукой.

В самом деле, если научный работник не может не знать прошлого своей науки, не может не следить, вернее, обязан следить за современным состоянием своей науки, чтобы не отставать от ее движения вперед,— то совершенно понятно, что он может это делать лишь при помощи все той же библиографии. Даже выписывая два-три или несколько журналов по своей специальности, научный работник не может быть уверен в том, что он полностью следит за развитием своей науки. Нельзя также забывать, что современное состояние любой науки требует того, чтобы занимающиеся ею лица знали также и то, что делается в этой области знания за рубежом, в науке буржуазной и в науке стран народной демократии, в прогрессивной науке и в странах капитализма. Все это еще в большей мере обязывает научного работника следить за библиографической литературой по своей специальности.

Следовательно, библиография в настоящее время является всеобщей обязательной вспомогательной наукой, знать которую и уметь пользоваться которой должен и обязан всякий советский научный работник. Нужно признать нетерпимым такое положение, при котором на библиографию смотрят не как на обязательную вспомогательную дисциплину, а как на просто вспомогательную, которой: хочешь,— пользуйся, не хочешь,— нет. Пора понять, что библиография, в том значении, которое было предложено выше, есть неременное условие поступательного движения научной мысли, движения науки.

Без ясного представления о том, что такое библиография и каково ее место в научной работе, нельзя быть настоящим научным работником.

II. О практическом применении библиографии в научной работе.

Библиографическое источниковедение

Вскоре после возникновения библиографии в европейской науке конца XVI—начала XVII в. ее стали называть, по обычаю того времени по-латыни: *omnium scientiarum clavis* («ключ ко всем наукам») и стали аллегорически изображать в виде золотого ключа. Несколько позднее библиографию стали сравнивать с ариадниной нитью в лабиринте знаний. Сравнительно недавно академик С. И. Вольфович писал: «Если допустимо сравнивать научно-исследовательскую работу с военной операцией наступления, то библиография — важнейшее средство ориентировки во всей окружающей боевой обстановке»¹⁰.

Во всех этих старых и новых образных характеристиках библиографии есть одна общая часть — библиография рассмат-

¹⁰ Вольфович С. Важнейшее средство ориентировки — «Техн. книга», 1939, № 7, с. 12.

ривается как необходимое предварительное условие всякой научной работы. При всей несомненной правильности этого положения оно в настоящее время уже для нас недостаточно. Чтобы добиться лучших, более действенных результатов в своей научной работе, ученый — все равно, начинающий или уже обладающий исследовательским опытом — должен ясно представлять себе, когда и в каких случаях следует применять золотые ключи или ариаднину нить библиографии; должен понимать, во всяких ли условиях является библиография важнейшим средством ориентировки — и только, или иногда имеет другие функции.

Анализируя, а затем классифицируя и обобщая отдельные конкретные случаи обращения научного работника к библиографии, мы можем прежде всего установить, что различаются общее обращение к библиографии и частное.

Под частным обращением к библиографии следует разуметь такие случаи, когда научному работнику для какой-либо конкретной статьи, книги или другой формы научного творчества (например, лекции) нужно найти соответствующий литературный или цифровой и т. д. материал. В подобных случаях при помощи библиографии собираются нужные сведения именно для данной, определенной задачи.

Однако наряду с такими частными, разовыми обращениями к библиографии практика научной работы требует и постоянно, общего обращения к ней. Под общим обращением к библиографии мы понимаем систематическое, регулярное, постоянное пользование библиографическими источниками, не связанное с решением какой-либо конкретной исследовательской задачи.

Поскольку научному работнику должны быть в максимально полном виде известны возможные источники для его исследовательской, преподавательской или научно-популярной работы, постольку он прежде всего должен хорошо знать библиографические источники по своей специальности, и так как таковые являются частью общей национальной библиографии, то также — и по этой последней.

Здесь уместно указать, что наука библиографии в настоящее время состоит из трех основных разделов: а) библиографического источниковедения, которое представляет совокупность существующих библиографических трудов; б) библиографической эвристики, являющейся учением об отыскании при посредстве библиографических пособий недостающих нам сведений о каких-либо печатных или рукописных произведениях, или об отдельных элементах этих сведений, или об установлении вовсе неизвестных фактов подобного рода; в) библиографической технологии, которая содержит принципы и правила составления библиографических трудов, начиная от простейших библиографических сносок в статье или книге и составления для себя

библиографической записи (карточки) и кончая большими специальными библиографиями.

Научному работнику — хочет он этого или не хочет — в той или иной мере необходимо знакомство со всеми тремя разделами библиографии. Ему приходится пользоваться для своей работы рядом библиографических трудов, и, следовательно, даже простейшие, элементарные сведения из области библиографического источниковедения у него имеются или должны быть. Далее, производя даже самые несложные разыскания в известных ему библиографических трудах, например, отыскивая название издания, где помещена та или иная работа определенного автора, или уточняя название приблизительно известной статьи или книги, научный работник приобретает навыки в области библиографической эвристики, которые могут позднее привести его к самостоятельному решению и более сложных, а иногда и трудных случаев разысканий. Наконец, приводя цитаты или делая ссылки, составляя для себя карточки или указатель литературы, использованной для диссертации, книги или статьи, мы применяем (правильно или неправильно, научно или дилетантски, — другой вопрос!) библиографическую технологию.

Надо признаться, что из-за существующей у наших научных работников недооценки значения библиографии и, не в меньшей степени, из-за того, что большинство научных работников не считает нужным посвятить ознакомлению с ней потребное количество времени, затрата которого позже с избытком окупается, наши библиографические знания стоят на довольно низком уровне, и это несомненно сказывается на характере наших работ. Может быть, отчасти виновны в этом и сами библиографы, которые недостаточно раскрывают научным работникам (в особенности молодым) смысл, значение и практическую пользу библиографических знаний¹¹.

И частные, и общие обращения к библиографии, о которых говорилось выше, предполагают некоторые знания из области двух первых разделов библиографической науки: знание библиографического источниковедения (хотя бы важнейших библиографических трудов) и знакомство с библиографической эвристикой (опять-таки хотя бы в ее простейших формах).

Следует принять одно, как нам кажется, не требующее доказательств правило: научный работник любой специальности не обязан быть библиографом-специалистом, но владеть библиографическим минимумом (по всем трем указанным выше разделам библиографической науки) он безусловно обязан. Если мы признаем эту аксиому, то тогда нам станет ясно, что знать прошлое своей науки, ее традиции, ее крупнейших и даже не

¹¹ В последнее десятилетие в СССР делается довольно много в области пропаганды библиографических знаний, в крупнейших научных библиотеках проводятся читательские семинары по библиографии и т. д.

обязательно крупных представителей, следить за ее современным состоянием, ее сегодняшней проблематикой, тематикой и методологией, улавливать, уяснять тенденции ее движения вперед, ее развития научный работник может и сможет только при помощи золотых ключей библиографии.

Для этого научный работник должен помнить, что библиографические труды образуют: а) текущую (регистрационную) библиографию, учитывающую печатную продукцию сегодняшнего дня, отчитывающуюся в ней и пропагандирующую ее, и б) ретроспективную библиографию, проделывающую то же самое с печатной продукцией прошлого, в особенности того времени, когда регистрационной библиографии не было. Совершенно понятно, что каждый из этих видов библиографического источниковедения дает научному работнику возможность решать различные задачи. При помощи ретроспективной библиографии нельзя следить за современным состоянием своей науки, как и при посредстве текущей нельзя изучать прошлое этой науки. Впрочем, в текущей библиографии регистрируются работы по истории науки, и, следовательно, в отдельных случаях текущая библиография помогает изучать прошлое науки. Равным образом, в ретроспективной библиографии иногда можно найти материалы, позволяющие понять те или иные стороны, вопросы, темы, приемы современного состояния науки. В основном же ретроспективной библиографии присвоена функция исторического изучения, регистрационной — современного.

Однако, как мы видели, научному работнику важно знать не только то, что было и что сейчас есть в изучаемой им области знания. Чтобы идти вровень с развитием своей науки, он должен знать и то, что будет с ней или, по крайней мере, в ней завтра. Этой цели служит возникающая на наших глазах перспективная библиография, представляющая предположительные данные о печатающихся, подготовленных или готовящихся к печати книгах и статьях; это — тематические или перспективные планы издательств на ближайший год или на пятилетку; это — объявления редакций журналов о том, что находится в их портфеле и будет опубликовано в предстоящем году; это — беседы с директорами издательств, помещаемые в газетах, большей частью — в «Литературной газете», и содержащие сведения о том, какие собрания сочинений или отдельные произведения тех или иных писателей, классических или современных, своих или зарубежных, предполагается выпустить в свет в текущем или следующем году или следующих годах.

Правда, между ретроспективной и текущей (регистрационной) библиографией, с одной стороны, и перспективной, с другой, есть существенная разница. Два первых вида библиографии имеют дело с уже вышедшими книгами или с уже напечатанными статьями, т. е. имеют дело с фактами; в перспективной же библиографии речь идет о планах, предположениях, намерениях,

и может случиться, как это и бывает нередко на самом деле, что намеченная к изданию работа (иногда даже объявленная как вышедшая) в действительности не появляется. Однако, не становясь типографской реальностью, книга или статья, отмеченная в перспективной библиографии, тем не менее не перестает быть фактом, свидетельствующим о путях и тенденциях развития науки. Из подобных перспективных библиографий мы узнаем, какие темы предполагается разрабатывать, кто ими занимается, в какой форме намечается осуществление плана и т. п. И даже если данная работа не будет напечатана, мы можем вступить по заинтересовавшему нас вопросу в переписку с автором ее или станем подробнее заниматься с другими его произведениями, написанными на близкие темы.

К сожалению, у нас перспективная библиография пока еще тесно связана с книготорговой библиографией, и следить за ней не так легко. Однако все же можно указать еженедельный журнал — бюллетень «Новые книги», который совмещает функции учета текущей (выборочно) и перспективной (еще более выборочно) библиографий (издается с апреля 1956 г.). По этому журналу можно следить за более или менее крупными печатающимися изданиями.

Все же не следует отдавать какому-либо из трех указанных выше видов библиографий предпочтение: для научного работника, желающего в полной мере владеть материалом своей науки, необходимо уделять если не равномерное и одинаковое внимание всем трем видам библиографии (следить за современной литературой по специальности все же важнее всего), то иметь основные сведения в области ретроспективной библиографии данной науки и естественно — общей ретроспективной библиографии.

О тесной связи ретроспективной библиографии с текущей (регистрационной) в научной работе убедительно, хотя и не во всем с вполне приемлемой для нас методологической (позитивистской) позиции, писал в 1920 г. В. Я. Брюсов, не только выдающийся русский поэт конца XIX — начала XX в., но и замечательный филолог и историк, настоящий ученый, в отличие от многих других своих современников — поэтов и ученых, уделявший внимание книге и библиографии¹²: «Справедливо сказано, что знание состоит не столько в запасе сведений, сколько в умении найти нужные сведения в книгах. В самом деле, область человеческого знания за последние века разрослась безмерно. Никакой ученый не в силах работать даже в пределах своей специальности, не обращаясь к помощи книг, — трудов других ученых, предшествовавших и современных. По каждой отрасли

¹² Литвин Э. С. Книга в жизни и творчестве Брюсова. — «Труды Ленингр. гос. библ. ин-та им. Н. К. Крупской», 1956, т. 1, с. 159—184; Боднарский Б. С. Брюсов как библиограф. — «Сов. библиогр.», 1933, вып. 1/3, с. 156—165.

знания литература ежегодно вырастает на тысячи и десятки тысяч томов. Никакое внимание и трудолюбие не в состоянии уследить за этим ростом без содействия специальных пособий. Отсюда вытекает огромное значение библиографии в современной науке.

С другой стороны,—продолжает Брюсов, и именно здесь, в ближайшей фразе сказывается его тогдашнее позитивистское мировоззрение,—вся современная наука проникнута духом эволюционизма. Опыт веков научил нас, что научные истины видоизменяются и сменяются. Мы более не верим в истины догматические, которые будто бы должны остаться таковыми навсегда. Мы знаем, что даже математические аксиомы понимаются ныне в науке иначе, нежели понимались в прежние столетия. Не все то, что признавалось «научными истинами» в эпоху Ньютона, осталось таковым и в современности, и мы уверены, что многое из того, что сейчас считаем «научной истиной», будет позднее опровергнуто. Поэтому по каждому научному вопросу важно знать не только современное суждение науки, но и его происхождение, его историю, взгляды и мнение предшествовавших исследователей. Вот почему все научные работы и серьезные учебники всегда начинаются «литературой» предмета, т. е. его библиографией.

Таким образом, каждая наука основывается на библиографии»¹³.

Не все в этой большой выдержке из статьи Брюсова правильно: ошибочно, конечно, его утверждение, что каждая наука основана на библиографии. Советский научный работник знает,—и, вероятно, и сам В. Я. Брюсов понял бы это, доживи он до более позднего времени,—что каждая наука основана на применении диалектического метода к материалу этой науки и что далеко не все научные истины сегодняшнего дня будут, как он утверждает, позднее опровергнуты. Вместе с тем Брюсов в вопросе о библиографии и ее значении для науки был на правильном пути и нащупывал правильную формулировку. Неточность его состояла в том, что он поставил слово «наука» там, где следовало сказать «история науки».

Да, история каждой науки основывается на библиографии. Больше того, хронологически расположенная библиография каждой данной науки—это ее своеобразная летопись. Чтобы написать историю своей науки, надо в эту предварительно подготовленную бесстрастную, бездушную, немую летопись вдохнуть душу, мысль о том, что история науки—это история идей, а «история идей есть история смены и, следовательно, борьбы идей»¹⁴. И

¹³ Брюсов В. Я. О значении библиографии для науки.—«Библиогр. изв.», 1929, № 1/4, с. 5—6

¹⁴ Ленин В. И. Рецензия. Н. А. Рубакин. Среди книг, том II (изд-во «Наука»). М., 1913 г. Цена 4 руб (изд. 2-ое).—Сочинения, т. 20, с. 237. (Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 25, с. 112.—Ред).

вместе с тем надо понять, что никакой смены и, следовательно, борьбы идей мы не сможем показать, если не будет предварительно сделана библиографическая, хронологически расположенная сводка материалов по данной науке. Хронологически построенная библиография науки, искусства, литературы, любой отрасли общественной жизни, отражающейся в библиографируемой форме, представляет собой скелет истории этой области человеческой деятельности.

Так устанавливается взаимоотношение между библиографией и историографией, если понимать под последней не просто «писание истории», как это утверждалось ранее, а историю любой науки, любого искусства и т. д.

Итак, чтобы понимать историю и современное состояние своей науки, каждый научный работник должен в определенной мере — и чем полнее и прочнее, тем лучше — овладеть библиографическим источниковедением. Это предполагает:

во-первых, достаточное знакомство с различными типами библиографий: общими и специальными; персональными, тематическими и систематическими, хронологическими, алфавитными, ретроспективными, текущими или регистрационными и перспективными, рекомендательными и критическими;

во-вторых, основательное усвоение им названий общих библиографий, национальных и универсальных, а также важнейших библиографий по своей непосредственной специальности самых разных типов;

в-третьих, прочное усвоение названий текущих (регистрационных) библиографий типа «Летописей» Всесоюзной книжной палаты и республиканских книжных палат, а также реферативных изданий по специальности; сюда же относится сказанное о перспективной библиографии;

в-четвертых, создание себе ясного представления о том, что, помимо непосредственных библиографий самых различных типов, в научной работе приходится пользоваться справочными пособиями не вполне библиографического или вовсе не библиографического характера, вроде энциклопедий, словарей, лексиконов, биографических словарей, атласов, альбомов, статистических изданий, адресных и телефонных книг, путеводителей и т. п., и что для каждого подобного рода справочников имеются либо печатные, либо (в справочно-библиографических отделах крупнейших библиотек) рукописные библиографические перечни.

Этим, однако, не исчерпываются пути, которые окажутся необходимыми научному работнику для овладения библиографическим источниковедением. Но наша задача и не заключалась в том, чтобы предусмотреть не только абсолютно все, но даже и сколько-нибудь полно потребности разнообразной научно-исследовательской, научно-педагогической или научно-популяризаторской практики. Мы хотели показать, что подлинно творческое отношение к науке требует постоянного сочетания прошлого,

настоящего и будущего, вчерашнего, сегодняшнего и завтрашнего дня науки и, следовательно, пользования ретроспективной, текущей и перспективной библиографией.

Пользоваться же ими можно, только овладев библиографическим источниковедением и постоянно расширяя свои знания в этой неизменно растущей области знания.

III. О применении библиографии в научной работе (продолжение). —

Библиографическая эвристика. —

Библиографическая технология

Выше было указано, что современная наука библиографии состоит из библиографического источниковедения, библиографической эвристики (методики библиографического разыскания) и библиографической технологии. В основной части настоящей статьи мы рассмотрели важнейшие вопросы, связанные с библиографическим источниковедением.

Для полноты характеристики нашей темы следовало бы с такой же подробностью сказать и о применении библиографической эвристики и библиографической технологии в научной работе. Однако это не представляется возможным в настоящее время. Дело в том, что развитие науки библиографии шло неравномерно: в течение ряда столетий (зарождение современной библиографии принято вести со времени появления в 1545 г. «Всеобщей библиотеки» швейцарского ученого Конрада Геснера) бесконечно росло количество библиографических трудов самых разнообразных по принципам построения и описания книг. В соответствии с этим отчетливо формировались, с одной стороны, библиографическое источниковедение, с другой — библиографическая технология.

Вопрос же о том, как пользоваться справочным материалом, заключающимся в накопленных горах трудов по библиографическому источниковедению, почти не вставал и в специальной литературе не освещался. Казалось вполне достаточным познакомиться с предисловием к библиографической работе, если таковое имелось, — бывали случаи, когда составители библиографий даже не считали нужным объяснить читателям структуру своего труда, излагать принципы описания, наличие вспомогательных указателей (ключей) и пр., — чтобы уже сразу знать, как этой работой пользоваться.

В целом это, конечно, правильно, без ознакомления с предисловием трудно малоопытному научному работнику разобраться в каждом новом для него библиографическом труде, и надо взять себе за правило (это относится даже к самым опытным ученым): при обращении к неизвестному библиографическому пособию обязательно знакомиться с предисловием или вве-

днем, а также с оглавлением (или содержанием) книги, в котором с особой ясностью отражается ее структура.

Однако все это достаточно только для самых простых типов разысканий, например, когда в алфавитно-авторском или персональном библиографическом указателе надо отыскать какую-то нужную нам работу определенного ученого или уточнить время издания или появления в журнале этой работы. Довольно просто бывает также, когда нужно, допустим, по регистрационной библиографии (например, по «Книжной летописи» и «Летописи журнальных статей») составить хронологический список важнейших работ какого-либо научного работника.

Все это несомненно библиографические разыскания, но элементарного типа, и для того чтобы производить их, вполне достаточно обладать простым человеческим здравым смыслом и для убыстрения работы познакомиться с предисловием и оглавлением библиографического труда. Но в научно-исследовательской практике довольно часто встречаются случаи, когда существующие справочники по самому принципу построения не дают возможности быстро и просто решить вопрос. Здесь имеется в виду следующее. Допустим, мы встречаем в печатном или рукописном тексте название какого-либо произведения, автор которого не указан, а по ходу работы возникает необходимость установить этого автора. Так как примерно с последних десятилетий XIX в. в библиографиях установилось расположение материала в алфавите фамилий авторов, а не их произведений, как было до того времени, сейчас определение автора в таких случаях представляет большие трудности. Поэтому в некоторых библиографических пособиях (например, в «Спутнике читателя» Я. Е. Кипермана, 1929 и 1931) прилагается, среди прочих вспомогательных ключей, еще также «указатель, заглавий произведений».

Бывают в практике исследовательской или комментаторской работы случаи, когда приходится иметь дело с авторами-однофамильцами, с несколькими произведениями с одинаковым заглавием, с анонимным или псевдонимным произведением, относительно автора которого существуют различные гипотезы. Все подобные случаи нельзя решить элементарными способами библиографического разыскания, о которых говорилось выше. Здесь должна была бы выступить на арену библиографическая эвристика как методологически обоснованная и практически подтвержденная теория и методика библиографических разысканий.

К сожалению, кроме единичных, самых начальных опытов в этом направлении у нас нет ничего. И характерно, что об эвристике в области библиографии нет специальных работ, насколько нам известно, также и на Западе. Создается впечатление и даже убеждение, что библиографическая эвристика как самостоятельная и важная часть науки библиографии стала

формироваться именно у нас, в СССР. Здесь можно назвать работы Н. Ю. Ульянинского¹⁵, А. Г. Фомина¹⁶, Е. И. Шамурина¹⁷, М. А. Садовой¹⁸ и др.¹⁹ Отсылая читателей, интересующихся данным вопросом, к названным работам, мы отметим здесь только самое главное и в самом кратком виде.

Библиографическое источниковедение и библиографическая эвристика тесно переплетены. Трудно представить себе научного работника, который бы только знал «Книжную летопись» или «Русские биографические и биобиблиографические словари» И. М. Кауфмана и не умел ими пользоваться. Библиографическая эвристика начинается с самых обычных форм пользования библиографическим пособием и кончается (если иметь в виду результат положительный или даже окончательно отрицательный) самыми сложными разысканиями, длящимися иногда много лет. Как во всякой науке, в библиографической эвристике есть элементарные приемы и есть очень сложные, серьезные виды разысканий, в которых сочетаются внимательность к деталям, исследовательская зоркость, общая наблюдательность, мобильность знаний (т. е. умение по ассоциации быстро привлекать нужный материал из своего научного запаса) и способность комбинирования. Все это обязательно должно быть сопровождено строжайшей, придирчивой критикой собственных построений, и чем жестче будет эта самокритика, тем лучше для конечных результатов нашего библиографического разыскания. Чем недоверчивее, спокойнее, обдуманнее будем мы относиться к выдвигаемым нами самими предложениям, в области ли библиографической эвристики, в области ли наших общих или частных научных построений, тем надежнее будут они. Гораздо важнее самому предусмотреть все или хотя бы большую часть возможных возражений против нашей гипотезы, чем потом, выдвинув недостаточно аргументированную точку зрения, услышать упреки в ее несостоятельности. Поэтому в библиографической эвристике полезно (как, впрочем, и вообще в научной работе) в максимальной степени прояв-

¹⁵ Ульянинский Н. Ю. Библиографическое разыскание (эвристика). — «Библиогр.», 1929, № 1, с. 38—43 и отд. отт.

¹⁶ Фомин А. Г. Библиография литературная. — Лит. энциклопедия, т. 1. М., 1930, стб. 485—488; Фомин А. Г. Путеводитель по библиографии Маркса, Энгельса, Ленина. Л., 1934, с. 22—40; Фомин А. Г. Путеводитель по библиографии, биобиблиографии, историографии, хронологии и энциклопедии литературы. Л., 1934, с. 45—55.

¹⁷ Шамурин Е. И. Методика библиографической работы. М., 1933, с. 59—102.

¹⁸ Садова М. А. Библиографические разыскания при выполнении читательских требований. Из опыта работы библиографов Русского фонда. (Наблюдения и некоторые выводы). Л., 1955 (стеклограф).

¹⁹ См. главу «Библиографическое разыскание (библиографическая эвристика)» в нашей книге «Введение в технику литературоведческого исследования» (Л., 1955, с. 127—142), где на последней указанной странице приведены названия ряда новейших работ в данной области.

лать к собственным концепциям скептицизм, понимая последний не как мировоззрение, а как эффектный рабочий прием.

Овладение библиографическим источниковедением предполагает также усвоение основных элементов библиографической технологии. Записывая для себя название какой-либо чужой работы или давая сведения (в автобиографии, в анкете и т. д.) о своих собственных трудах, мы уже применяем — может быть уподобляясь в известной мере мольеровскому мещанину во дворянстве, не знаящему, что он всю жизнь говорил прозой — библиографическую технологию. И если мы делаем это кустарно, дилетантски, не приводя всех или хотя бы основных элементов описания, то это результат того, что, во-первых, документы, в которых мы сообщаем эти библиографические данные, не требуют научной точности описания и что, во-вторых, мы сами не знаем, что существуют установленные и общепризнанные правила библиографического описания. Поэтому научный работник для успешности своих занятий должен отказаться от смешных попыток создать свою кустарную библиографическую технологию, а овладеть основными, простейшими приемами библиографического описания.

Должен научный работник быть знаком и с более сложными формами библиографической технологии, например, с принципами составления простейших библиографических указателей типа списка использованной литературы для диссертации или какой-либо научной работы, перечня собственных произведений или чьей-либо персональной библиографии, именного, предметного и других указателей к научному труду и т. д. Словом, чем яснее представит себе научный специалист разнообразие форм библиографической технологии и степень их практической полезности, тем больше будет у него побудительных мотивов к овладению основными приемами этой ветви науки библиографии.

При внимательном анализе соотношений между тремя ветвями библиографии — источниковедением, эвристикой и технологией — можно заметить, что тесная связь имеется не только между источниковедением и эвристикой, как было указано выше, но и между эвристикой и технологией. Как только мы сталкиваемся с библиографически-технологической работой более сложной, чем простое описание книги и статьи, все библиографические элементы которой (фамилия автора, название произведения, выходные данные) налицо, мы неизбежно должны пользоваться эвристикой и источниковедением. Если перед нами произведение псевдонимное или анонимное, мы должны постараться определить, при помощи «словарей псевдонимов» или «списков анонимных книг», фамилию автора. Если нам нужно составить даже самый краткий перечень литературы по какому-нибудь вопросу, мы должны знать, где перечислена эта литература. Если мы составляем персональную библиографию какого-

либо ученого или писателя, мы должны уметь найти источники для данной работы. Словом, библиографическая технология не может обойтись без эвристики.

Но библиографическая эвристика также нуждается в помощи библиографической технологии. Нельзя быстро находить нужные сведения без знания основных приемов описания, применявшихся в разное время в библиографии, например того, что в XVIII — начале XIX в. сперва описывалось название произведения, а затем автор и выходные данные, что менялись принципы систематического расположения библиографического материала, что существуют разнообразные формы ключей — указателей к библиографическим трудам и т. д.

Из сказанного видно, что в настоящее время подлинно научная работа требует от советских ученых внимательного отношения к вопросам библиографии. Последняя не есть чья-то особая прерогатива, до которой нет дела специалистам-ученым. Нужно понять, что без усвоения минимума сведений из области библиографической науки нельзя плодотворно работать и в своей области.

Полезно, вспоминая аллегорическое изображение библиографии в виде золотого ключа, повторять восточную пословицу «ищешь ключей, а они у тебя за поясом».

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ, НАКОНЕЦ, БИБЛИОГРАФИЯ?

Едва ли имеется в мировой книговедческой литературе термин, который бы в большей степени вызывал споры по существу своего определения и сомнения в отношении правильности метода построения и даже самой возможности построения этого определения, чем термин «библиография». Трудность вопроса осложняется еще и тем, что словом «библиография» пользуются для обозначения ряда близких, но не тождественных понятий, в результате чего то, что можно было бы определить как «собственно библиографию», оказывается смешанным с частными, «метонимическими», переносимыми по аналогии применениями этого термина. Достаточно посмотреть сказанное о «библиографии» в недавно вышедшем «Словаре книговедческих терминов» Е. И. Шамурина, чтобы убедиться в том, что из восьми приведенных автором определений к «собственно библиографии» относится только первое, а остальные частью представляют «вторичные» употребления термина (2—5), частью являются неудачными (6) или устаревшими (7—8) его применениями¹.

Однако и с определением «собственно библиография» дело обстоит из рук вон плохо. Если бы отобрать из полного свода существующих на всех языках определений библиографии только те, которые имеют самостоятельный характер, и затем сгруппировать их по важнейшим принципам их построения, то обнаружилась бы невероятная терминологическая пестрота и лексикографическая неразбериха. Позволю проиллюстрировать сказанное, оставаясь в пределах только XIX—XX вв. и опираясь преимущественно на русский материал и при этом взятый из толковых и энциклопедических словарей, источников, которыми пользуется самая широкая читательская аудитория и которые поэтому более показательны, чем определения в специальной книговедческой литературе.

Начнем со старейшего русского издания подобного рода «Нового словотолкователя» Н. М. Яновского (1803 г.; в словарях XVIII в. термина «библиография» я не нашел): «Библиография или вивлиография, гр[еческ.]. Наука, имеющая предметом познание книг, их наименований, изданий, каталогов, цены и

¹ Шамурин Е. И. Словарь книговедческих терминов. Для библиотекарей, библиографов, работников печати и книжной торговли. М., 1958, с. 29.

проч.»². Мы не станем входить в рассмотрение вопроса о зависимости данного определения от ходячих европейских, главным образом, французских определений библиографии конца XVIII—начала XIX в.³ Для нас существенным является то, что библиография определена здесь как наука. Но это только первая часть определения,— то, что в логике называется «родом» определяемого понятия. Когда же мы обращаемся к рассмотрению «характеризующих признаков» этого понятия, то обнаруживается, что первый из них — «познание книг» — очень неопределен. Что значит «познание книг»? Знание их содержания? Но какая же наука может обойтись без «познания книг», в которых она заключается? Следовательно, это — «признак», «характеризующий» не одну только библиографию, то есть он не является признаком специфически библиографическим. Знание заглавий книг? Но что это за наука, которая состоит в механическом усвоении названий предметов и не занимается анализом этих предметов, не устанавливает существующих в их развитии закономерностей. Ведь суть науки в том и состоит, что от описания предметов, явлений и процессов человечество переходит к раскрытию их существа, к установлению законов их развития и, в пределах возможного, к управлению этими предметами, явлениями и процессами.

Таким образом, определение «Нового словотолкователя» не является действительно научным раскрытием термина «библиография», чего, впрочем, и нельзя было требовать от составителя-неспециалиста. Но мы видели, что его определение полностью совпадает с ходячими европейскими определениями «библиографии» конца XVIII — начала XIX в. Поэтому все они имеют сейчас для нас только исторический интерес, — как начальный этап в истории понимания этого термина.

Перейдем к другому «словотолкователю», отделенному от первого 60-ю годами. В одном из лучших русских изданий подобного рода середины XIX в. — в «Настольном словаре для справок по всем отраслям знания» петрашевца Ф. Г. Толля —

² Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, ч. 1. Спб., 1803, с. 374.

³ Сравните определение библиографии у Габриэля Пеньо: «La bibliographie proprement dite est, comme on l'a déjà répété tant de fois, une science qui consiste dans la connoissance des livres, de leurs différentes éditions, de leur degré de rareté, de curiosité, de leur valeur intrinsèque et extrinsèque (c'est à dire, aux yeus des savants et dans le commerce de la librairie), et enfin du rang qu'ils doivent occuper dans le système de classification adopté». Gabriel Peignot. Répertoire bibliographique universel. P., A.-A. Benouard, 1812, p. XII. («Собственно библиография, как это многократно уже повторяемо, — это наука, которая состоит в познании книг, их различных изданий, степени их редкости, достопримечательности, их внутренней и внешней ценности (то есть, с точки зрения ученых и на книжном рынке) и, наконец, места, которое они должны занимать в применяемой системе классификации». Габриэль Пеньо Всеобщий библиографический репертуар. Париж, А.-А. Бенуар, 1812, с. XII).

«библиография» определена еще более сбивчиво и расплывчато: «Библиография, также Библиогнозия и Библиология (греч.), наука о литературных памятниках всех времен и народов; делится на чистую и прикладную. Чистая Б. имеет задачу указать, что вообще написано и напечатано. Но как обстоятельное решение этой задачи невозможно, поэтому новейшая литература Б. состоит только из произведений отдельных эпох, стран или наук... Прикладная Б. рассматривает книги по их формальному качеству, их судьбе и их внешним условиям, определяющим ценность их по отношению к склонностям и потребностям собирателей (библиотекарей, библиоманов, любителей)»⁴.

Это пространное определение, заимствованное либо непосредственно из «Всеобщего библиографического словаря» Ф. А. Эберта⁵, либо из какого-то промежуточного источника, вызывает еще больше недоумений. Что значит «наука о литературных памятниках всех времен и народов»? Чем тогда библиография отличается от истории литературы, которая с большим правом может называться наукой о литературных памятниках всех времен и народов? И что это за наука, которая «имеет задачу» «указать» все когда-либо существовавшие произведения? С какою целью указать? И только указать? И,—далее,— что значит: «...рассматривает по их формальному качеству»? Словом, определение 1863 г. еще более запутало вопрос.

И все же существенно, что и «Настольный словарь» Толля считает библиографию наукой. Поэтому нам полезно познакомиться с тем, как Толль истолковывает понятие «наука»; это поможет нам представить себе яснее суть данного в «Настольном словаре» определения термина «библиография». «Наука,— пишет он,— употребляется в просторечии в смысле *учения и знания*, в собственном значении есть совокупность однородных сведений, расположенных в строгом логическом порядке и сведенных в систему или выведенных из одного общего основного начала» (т. 2, с. 977). В приведенной в конце статьи «Наука» классификации наук библиография отсутствует. Приходится поэтому предположить, что слово «наука» в определении «библиографии» было применено Толлем не «в собственном значении», а «в просторечном употреблении», то есть как «знание», не обладающее систематичностью, логическим порядком и единством исходного начала. Нельзя при этом не вспомнить, что свое издание Толль назвал «Настольный словарь для справок по всем отраслям знания».

⁴ Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. (Справочный энциклопедический лексикон). В 3-х т. Т. 1 (А—Дви), сост. под ред. Ф. Толля, при деятельном участии В. Волленса. Спб., 1863, с. 257.

⁵ Ebert Fr. A. Allgemeines bibliographisches Lexicon. B. I, Lpz., 1821. Vorrede, S. IX—XII. Ср.: Ловягин А. М. Библиологические очерки. Пг., 1916, с. 10(178).

В последующие десятилетия, по мере того, как, с одной стороны, бурно росли естественные и точные науки, а, с другой, буржуазия становилась все менее заинтересованной в признании материалистического толкования истории и общественных наук вообще, предсказывавшего ее неизбежную гибель, понятие «наука» в буржуазной литературной и научной практике начали применять с большей осторожностью и недоверчивостью. Прежде всего это сказалось на трактовке истории и истории литературы, которым либо прямолинейно было отказано в звании наук, либо предписано числиться науками «идиографическими», то есть описательными. Отразилось это и на понимании термина «библиография». А. Е. Яновский, автор статьи «Библиография» в «Энциклопедическом словаре» Ф. Брокгауза и И. Ефрона, писал в 1891 г.: «Б. нельзя признать наукой в тесном смысле этого слова, она не стремится к раскрытию законов определенной сферы явлений внешнего или внутреннего мира, но она является основой, краеугольным камнем всякого научного исследования: ни одно научное исследование не может быть предпринято без справки о том, что уже достигнуто по данному вопросу. Отсюда значение Б. для науки вообще и для истории литературы и науки в особенности»⁶.

Таким образом, брокгаузовский «Энциклопедический словарь» решительно отказывает библиографии в звании науки, но в то же время не говорит, чем же она все-таки является. Сказать, что она «основа», «краеугольный камень всякого научного исследования», еще не значит дать научное определение «библиографии», а дать научное определение предмету или явлению, даже тому, которому отказано в звании науки, — обязанность, как нам кажется, всякого автора, пишущего в подобного рода изданиях.

Авторитетный «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона повлиял на многих последующих книговедов, пытавшихся определить термин «библиография». Так, Н. М. Лисовский в «Большой Энциклопедии», почти перефразируя слова А. Е. Яновского в начале своей статьи, в дальнейшем подобно своему предшественнику, совершенно обходит вопрос о том, что такое библиография: «По основному своему назначению Б. занимается приведением в известность, описанием и историей печатных книг, но во многих библиографических трудах отводят место также и рукописям, а также произведениям вроде карт, планов, эстампов, гравюр и т. п.»⁷. Нет определения библиографии в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона⁸ и других энциклопедиях начала XX в.

⁶ Энциклопедический словарь под редакцией профессора И. Е. Арсеньева, т. 3а (полутом 6). Спб., 1891, с. 709.

⁷ Лисовский Н. М. Библиография. Обзор трудов библиогр. содержания. Спб., 1900, с. 1. Отт. (с доп.) из «Большой Энциклопедии» т-ва «Просвещение».

⁸ Т. 6. Спб., 1910, стб. 421.

На несколько иной точке зрения стоял в своей статье «Библиография» в «Энциклопедическом словаре» т-ва Бр. А. и И. Гранат и К^о Б. С. Боднарский, писавший, что «Библиография, в широком смысле этого слова есть наука о книге вообще, книговедение, т. е. отрасль знания, изучающая историю книги, роль ее, и т. д., в тесном — книгописание, т. е. составление справочных библиографических репертуаров, или списков книг, в виде всякого рода указателей и каталогов»⁹. В определении Б. С. Боднарского слово «наука» применяется только к «широкому значению» слова «библиография»; когда же он говорит о «книгописании», то, подобно Н. М. Лисовскому и др., не уточняет положения вещей. Однако и при «широком значении» понятие «наука» было употреблено Б. С. Боднарским суженно: он пишет — «наука, т. е. отрасль знания».

Тем не менее заслуга Б. С. Боднарского несомненная: после двадцатилетия полного непризнания научного существа библиографии, после всяческих ухищрений и замалчиваний при объяснениях того, что она собой представляет, Б. С. Боднарский веско заявил, хотя и с оговорками, что библиография — наука, отрасль знания. Тем самым он продолжил прогрессивные традиции русских библиографов середины XIX в. и явился соединительным звеном между последними и советской библиографией.

Мы подробно останавливались на рассмотрении определений библиографии с 1803 по 1911 г. для того, чтобы излагаемые ниже споры советского времени вокруг этого термина анализировались не вне времени и пространства, а на фоне исторической перспективы, соотносились с определенными течениями в русской дореволюционной библиографии. Однако заранее заметим, что то, что было прогрессивно в 1911 г., не могло полностью сохранить своего значения после Великой Октябрьской социалистической революции, в советских условиях.

Примененному Б. С. Боднарским выражению «библиография — отрасль знания» особенно повезло в советской библиографической литературе. Его мы находим в первом издании Большой Советской Энциклопедии в статье Н. Ф. Яницкого: «Библиография, отрасль знания, занимающаяся описанием книг, т. е. перечислением их внешних и внутренних признаков (автор, заглавие, место и год издания, содержание, оценка и пр.)»¹⁰. А. Д. Эйхенгольц применил то же выражение во втором издании БСЭ: «Библиография — отрасль знания о способах и методах составления и изучения указателей, списков, обзоров произведений печати»¹¹. О библиографии как «отрасли знания о способах и методах составления и изучения указателей, списков, обзоров произведений печати, имеющей своей

⁹ Энциклопедический словарь Гранат, т. 5, стб. 549.

¹⁰ БСЭ. Изд. 1-е, т. 6, стб. 119.

¹¹ БСЭ. Изд. 2-е, т. 5, с. 137.

задачей выявление, описание и оценку этих произведений», говорит «Энциклопедический словарь» под ред. Б. А. Введенского (т. 1. М., 1953, с. 183)¹².

Нет необходимости подробно перечислять дальнейшие применения этого популярного выражения. Достаточно указать, что оно дошло буквально до наших дней; мы находим его в «Словаре книговедческих терминов» Е. И. Шамурина, правда, в чуть расширенном виде: «Библиография — область знания и практической деятельности, имеющая своим объектом: а) учет, описание, систематизацию и качественный анализ произведений печати и б) составление различных пособий, которые облегчают ориентировку в имеющейся литературе, пропагандируют ее и содействуют лучшему ее использованию»...¹³ Нам придется еще в дальнейшем обратиться к определению Е. И. Шамурина; заметим только, что опущенная нами последующая фраза в его статье также не содержит определения, а представляет характеристику советской библиографии и поэтому для терминологического анализа не может быть использована: она только конкретизирует первую часть фразы, процитированную выше.

Не вносит ничего существенно нового и определение библиографии, данное В. Н. Денисьевым в его широко популярном учебнике «Общей библиографии». Он определяет библиографию как «область идеологической работы, которая занимается раскрытием содержания книжных богатств с точки зрения их идейной, научной и практической ценности и тем самым облегчает трудящимся их использование»¹⁴. Оставляя пока в стороне рассмотрение вопроса о том, в какой мере полна и точна данная характеристика библиографии¹⁵, мы остановимся на том новом,

¹² Особое место занимает в нашей словарной советской литературе о библиографии статья Л. Н. Троповского во 2-м издании Малой Советской Энциклопедии «Библиография — формальное и критическое описание различных произведений печати как со стороны внешних признаков, так и содержания. Теория Б. занимается разработкой методов и приемов составления описаний. Целью Б. является ознакомление читателя с печатными произведениями в такой форме, которая наиболее облегчает ему разыскание и выбор необходимых для той или иной цели материалов» (МСЭ. Изд. 2-е, т. 1, стб 899) Обращает на себя внимание, что в 1933 г. Л. Н. Троповский не дал определения библиографии ни как «науки», ни как «отрасли знания», а теорию библиографии понимал только как «разработку методов и приемов составления описаний».

¹³ Шамурина Е. И. Словарь книговедческих терминов, с. 29.

¹⁴ Денисьев В. Н. Общая библиография. Учеб. пособие для учащихся библиотечных техникумов. М., 1954, с. 5

¹⁵ Точка зрения В. Н. Денисьева подвергалась рассмотрению на страницах сборника «Советская библиография»: а) Николаев В. А., Коршунов О. П. Спорные вопросы общей библиографии — «Сов. библиогр.», 1955, вып. 41, с. 33—41; б) Ильина А. К., Копылов С. И., Чагина Н. Г. Некоторые недостатки ценной книги. — Там же, с. 41—44; в) Решетинский И. И. О теории и практике библиографии. — Там же, 1956, вып. 42, с. 37—44; г) Антипина Ю. П., Брисман М. А., Лебедев Н. С. О критической библиографии и терминологической путанице — Там же, с. 45—49; д) Бакрадзе Г. И.

что предложил в своем определении В. Н. Денисьев. Вместо обычной «отрасли знания», как мы видим, он применил формулу «область идеологической работы». Опять-таки, не входя в подробный анализ этого определения, заметим только, что отход от привычной формулы «отрасль знания» уже свидетельствует о том, что этот шаблон перестал удовлетворять библиографов, исследователей и педагогов. Прибавим еще, что за полгода до подписания к печати учебника В. Н. Денисьева появилась и наша статья «В защиту библиографии» в «Советской культуре», в которой была подвергнута сомнению формула «библиография — отрасль знания»¹⁶. Таким образом, в 1954 г. наметился некоторый перелом в библиографической практике: и книга В. Н. Денисьева, и вышедшая в самом конце того же 1954 г. брошюра М. А. Брискмана «Введение в библиографию», о которой подробнее см. ниже, уже не пользуются «областью знания». Обошлась без этой формулы и «Общая библиография» под ред. А. Д. Эйхенгольца (1957). Поэтому не может не вызвать огорчения то обстоятельство, что такой авторитетный ученый, как Е. И. Шамурин, вновь извлек на свет эту в свое время полезную, но сейчас уже совершенно отжившую формулу.

В упомянутой выше брошюре М. А. Брискмана «Введение в библиографию» и в написанной им же для учебника «Общей библиографии» главе «Задачи и принципы советской библиографии» мы встречаем другое определение интересующего нас термина. В этой брошюре М. А. Брискман писал: «Библиография — это вспомогательная научная дисциплина, изучающая произведения печати под углом зрения возможности активного содействия их использованию»¹⁷. Некоторыми, не только стилистическими подробностями характеризуется определение библиографии, данное тем же автором в «Общей библиографии» под ред. А. Д. Эйхенгольца: «Библиографию можно определить как вспомогательную дисциплину, изучающую произведения печати под углом зрения возможности содействия их распространению и использованию»¹⁸. Мы видим, что во втором определении уже нет той категоричности, что в первом: «можно определить», но, значит, можно и не определить, исчезло прилагательное, «активного» (перед словом «содействия»), и прибавлено «распространению».

Однако существенны не отличия между обоими определения-

Нужен учебник библиографии для вузов.— Там же, вып. 43, с. 33—36;

е) Вытяжков В. Т. О предмете библиографии.— Там же, вып. 44, с. 40—45;

ж) Кленов А. В. О критической библиографии.— Там же, с. 45—49;

з) О некоторых теоретических вопросах советской библиографии.— Там же, 1958, вып. 50, с. 5, 6 и 11. Эта дискуссия обнаружила такую путаницу в терминологии и в понимании простейших понятий науки, что над нею безусловно будут потешаться будущие историки советской библиографии.

¹⁶ Берков П. Н. В защиту библиографии.— «Сов. культура», 1954, 15 апр., № 45, с. 2.

¹⁷ Брискман М. А. Введение в библиографию. М., 1954, с. 8.

¹⁸ Общая библиография. Учебник для библ. ин-тов. М., 1957, с. 9.

ми М. А. Брискмана, а то общее в них, которое осталось: это признание (и, во втором случае — полупризнание) библиографии не «областью знания», не «наукой», а «вспомогательной научной дисциплиной».

Выдвигая такое, казалось бы, новое понимание термина «библиография», М. А. Брискман, во-первых, не был оригинален и, во-вторых, не был прав. За сорок лет до выхода в свет брошюры «Введение в библиографию» акад. В. Н. Перетц опубликовал свою известную книгу «Из лекций по методологии истории русской литературы», в которой, после характеристики методов, применявшихся в тогдашнем литературоведении, уделил довольно много места так называемым «вспомогательным наукам». Он писал: «Под вспомогательными науками мы разумеем как знания, помогающие усвоить технику исследования, так и вообще знания, расширяющие научный горизонт исследователя и ориентирующие его в вопросах, с которыми соприкасается историк литературы в своем исследовании»¹⁹. Указав затем, что некоторые западные ученые не признают вспомогательные науки самостоятельными, В. Н. Перетц продолжал: «Нам в данный момент совершенно безразлично — науки или не науки: библиография, история, биография, палеография, хронология, история языка и др. Мы знаем лишь то, что ни одно историко-литературное обстоятельное и добросовестное исследование не может игнорировать знаний, доставляемых вспомогательными науками»²⁰.

Из приведенных цитат явствует, что В. Н. Перетца не интересовал вопрос о том, что представляет собой библиография как таковая; он рассматривал ее только по ее отношению к основному предмету своих занятий — к истории литературы. В данном случае он следовал за европейскими и русскими историками, которые давно уже включали библиографию своего предмета в число «вспомогательных наук», «знаний», «дисциплин»²¹. Ошибка В. Н. Перетца заключалась в том, что он в число «вспомогательных наук» истории литературы включал и совершенно самостоятельные науки, как история, история языка и др., наряду с палеографией, хронологией и т. п., то есть не различал «смежные науки» и «вспомогательные».

¹⁹ Перетц В. Н. Из лекций по методологии истории русской литературы. История изучений. Методы. Источники. Корректированное изд. на правах рукописи. Киев, 1914, с. 221; Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Лб., 1922, с. 53.

²⁰ Перетц В. Н. Из лекции по методологии истории русской литературы, с. 222.

²¹ См.: Ланглуа Ш., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. Пер. с франц. А. Серебряковой. Спб., 1899, с. 31; там же приведена и более ранняя западная литература вопроса. О русской см.: Библиография русской библиографии по истории СССР. Аннот. перечень библиогр. указ., изд. до 1917 г. М., 1957. По-видимому, термин «русская историческая библиография» впервые был применен бр. Ламбинными в их известном труде под таким же названием (1861—1884).

Уже в дореволюционный период у русских историков стало применяться выражение «вспомогательные исторические дисциплины» вместо прежнего «вспомогательные науки». Так, Н. И. Кареев в своей «Историке» помещает «общий обзор так называемых вспомогательных исторических дисциплин (или «наук»)»²², а А. М. Большаков — уже в советское время — читает осенью 1920 г. курс вспомогательных исторических дисциплин, выпущенный им через несколько лет отдельной книгой (Тверь, 1923. 126 с.) и выдержавший затем еще три издания. Следует, однако, всячески подчеркнуть, что ни Кареев, ни Большаков, ни В. И. Пичета (автор «Введения в русскую историю». М.—Пг., 1923), ни другие историки, выпускавшие подобного рода труды в конце 20-х — начале 30-х гг., не включали библиографию в число вспомогательных исторических дисциплин.

А. Г. Фомин в своей недостаточно оцененной статье «Библиография литературы» в т. I «Литературной энциклопедии» (1930, стб. 483) впервые применил к библиографии термин «вспомогательная дисциплина»; при этом он специально оговорил особый характер даваемого определения. «Под Б. как вспомогательной для истории литературы дисциплиной следует понимать не нечто особое, а лишь ту часть библиографии, которая помогает историко-литературной работе».

А. Г. Фомин различал «библиографию вообще» как одну из частей книговедения, «ставящую основными своими задачами описание произведений печати и составление их библиографических списков разного типа», и библиографию «как одну из важнейших вспомогательных дисциплин» истории литературы (там же).

Мы не станем останавливаться здесь на неточностях формулировки А. Г. Фомина, например, на подмене определения библиографии указанием на ее задачи, на сведении всей литературной науки к одной только истории литературы и прочем. Для нас важно в данном случае то, что А. Г. Фомин определил библиографию как вспомогательную историко-литературную дисциплину, то есть конкретизировал ее служебную роль по отношению к другой науке.

Иначе поступает М. А. Брискман. Он, как мы видели, определяет библиографию просто как «вспомогательную дисциплину». Для какой науки, для каких «областей знания», он не указывает. Поэтому предлагаемое М. А. Брискманом определение не может быть принято без оговорок и уточнений. Никто не сомневается в том, что ни одна из современных наук, ни одно из современных искусств, никакая сторона общественной жизни не может сейчас обойтись без помощи библиографии. Поэтому мною

²² Кареев Н. И. Историка. (Теория исторического знания). Изд. 2-е. Пг., 1916, с. 47.

несколько лет назад была предложена формула: «библиография — всеобщая вспомогательная наука»²³.

Однако, продолжая считать данную формулу безусловно правильной, я нахожу в то же время нужным отметить, что это не *определение* предмета «по существу», а *характеристика* библиографии «по функции». Сказать, что библиография есть «вспомогательная научная дисциплина» (Брискман) или «всеобщая вспомогательная наука» (Берков), это еще не значит определить ее сущность, раскрыть ее общественно-политическое и научное содержание. Конечно, имеет при этом значение и противоположение «вспомогательной науки» — «вспомогательной дисциплине».

В цитированной только что статье мне приходилось уже останавливаться на вопросе о том, почему сейчас, в советских условиях, следует библиографию считать наукой (там же, с. 12—15), а не неопределенной «отраслью знания». Более подробно я говорю об этом в выходящей на днях своей книге «Библиографическая эвристика». В настоящей же статье я полагаю необходимым уточнить одну сторону вопроса. Утверждая, что библиография есть наука, мы должны прибавить: «наука из цикла общественных наук». Только с таким уточнением наша точка зрения будет правильно выражена и может быть правильно понята: у точных и естественных наук, вроде астрономии, химии и биологии, есть свои характерные признаки, как и у общественных наук, вроде философии, истории, литературоведения. Библиография как наука относится не к первой группе наук, а ко второй.

Поэтому, уяснив «функциональный» смысл формулы «библиография — всеобщая вспомогательная наука», мы должны вновь обратиться к вопросу, чем же является библиография «по существу» <...>.

Обратимся к любой науке — химии, медицине, физике, юриспруденции и т. д., — что они, «науки» или «практическая деятельность»? Советская агрокультура, мичуринская биология, оптика, — отнимите у них «практическую деятельность», и что же тогда от них останется? Вся советская общественность говорит о содружестве, о неразрывном единстве науки и производства, то есть практической деятельности, этому вопросу посвящена обширная, все возрастающая литература, для разработки данной проблемы созываются в разных городах СССР специальные конференции, опыт новаторов производства научно обобщается, — словом, все свидетельствует о том, что разрыв между «наукой» и «практикой» преодолевается в процессе строительства коммунизма <...>.

²³ Берков П. Н. «Общие библиографии русских книг гражданской печати 1708—1955» М. В. Сокуровой и некоторые вопросы из области теории и истории библиографии. — В кн.: Сокурова М. В. Общие библиографии русских книг гражданской печати 1708—1955. Изд. 2-е. Л., 1956, с. 14.

В спорах вокруг учебника В. Н. Денисьева и в передовой статье «О некоторых теоретических вопросах советской библиографии»²⁴ часто фигурировало слово «теория». Но как оно понимается? По нашему мнению, узко, ограниченно. Редакция «Советской библиографии» приводит содержание статей И. И. Решетинского и В. Т. Вытяжкова, напечатанных в вып. 42 и 45 сборника, в том числе и следующее место: «Библиография имеет свою теорию. Ее предметом является практическая деятельность по информации о произведениях печати и по пропаганде их среди читателей. Теория библиографии обобщает опыт библиографической работы, устанавливает ее научные принципы, помогает практике найти наиболее эффективные формы и методы информации о литературе, пропаганды произведений печати и руководства чтением. Библиографическая практика и теория библиографии теснейшим образом связаны между собой и взаимозависимы» (с. 6).

В этой длинной цитате на первый взгляд все хорошо, все на месте. Не все, правда, выражено достаточно ясно, отчетливо; например, скороговоркой сказано о том, что теория библиографии «устанавливает научные принципы» библиографической работы, но не уточнено, какие «научные» принципы имеются в виду, общеметодологические ли, то есть ставящие своей целью применить марксизм-ленинизм к материалам библиографии, или только методические, то есть рекомендующие описывать произведения печати так-то и так-то, информировать о них читателей таким образом и руководить их чтением так, а не иначе. Из всего контекста цитаты и из всей установки передовой статьи явствует, что редакция «Советской библиографии» подлинную теорию библиографии понимает исключительно как методику библиографической работы. Поэтому не удивительно, что более правильную точку зрения коллектива, писавшего «Общую библиографию» под редакцией А. Д. Эйхенгольца, авторы передовой статьи считают только «приближающейся» к позиции И. И. Решетинского и В. Т. Вытяжкова. А между тем в «Общей библиографии» вполне отчетливо разграничиваются понятия «теория» и «методика». Здесь мы видим совершенно правильную, действительно научную, марксистско-ленинскую трактовку вопроса: «Чтобы плодотворно развивать и углублять библиографическую работу, необходимо понять общественную роль библиографии в развитии науки, литературы, печати, искусства, просвещения. Иначе говоря, необходимо изучение вопросов теории, истории и методики библиографии»²⁵.

Эту точку зрения я считаю правильной потому, что она свидетельствует о широком научном горизонте автора в понимании библиографии, ее общественной роли и ее места в развитии че-

²⁴ «Сов. библиогр.», 1958, вып. 50, с. 3—9.

²⁵ Общая библиография, с. 6—7.

ловческой культуры. (Все перечисления в приведенной цитате — «в развитии науки, литературы и т. д.» — только описательная замена одного слова — «культура; она свидетельствует и о том, что методика здесь теории не подменяет и не заменяет») <...> Я полагаю, что для науки о культуре, какой является библиография, характерным признаком должен быть учет всего, абсолютно всего, что напечатано, так как в этом и выражается ее «сохраняющее» значение для истории человеческой культуры; этот учет тем самым является и отчетом о прошлом и современном состоянии культуры и о тенденциях ее будущего развития; наконец, из всего, учтенного библиографией, выделяется то, что в каждый исторически определенный момент, с определенных классовых позиций, для определенных категорий читателей и для определенных целей (политических, научных, художественных и т. д.) признается подлежащим пропагандированию. Библиография, как давно уже общепринято в советской книговедческой науке, явление классовое, — и тогда, когда она производит учет, и когда является отчетом, и, тем более, когда занимается пропагандой.

Многое из того, что изложено выше, в той или иной форме уже неоднократно высказывалось в советской книговедческой литературе.

Поэтому считаю нужным с полной ответственностью заявить, что я совершенно не претендую на создание чего-либо нового в области теории библиографии. Мои взгляды на поднятые вопросы сложились в результате изучения марксизма-ленинизма и его применения в области литературной науки советскими литературоведами. В какой мере правильно усвоено мною то и другое, вопрос особый. Изучал я и историю русской дореволюционной и советской, а также и европейской библиографии. Многие мысли, изложенные в моих работах, высказывались — и неоднократно — до меня. Ниже я приведу примеры этого. Мне же принадлежит обобщение и систематизация воззрений моих предшественников и, вероятно, некоторые частные положения. Поэтому, обрушиваясь на меня своей критикой, авторы передовой статьи, на самом деле, полемизируют с моими предшественниками, чего не зная они не могут, но по известным им одним причинам не говорят.

Вот доказательство:

Н. В. Здобнов, выдающееся значение которого в советской библиографии признают и авторы передовой статьи, в <...> «Основах краевой библиографии» <...> писал следующее: «Библиография, как другие научные дисциплины, может быть теоретической и практической»²⁶. <...>

Несколько раньше приведенной только что цитаты Н. В. Здобнов в той же книге писал <...>: «Библиография — орудие прак-

²⁶ Здобнов Н. В. Основы краевой библиографии. Изд. 2-е. М.—Л., 1931, с. 9.

тической деятельности и научного исследования. Никакая наука не может успешно развиваться без *учета* того, что сделано раньше, чтобы не повторять, а продолжать сделанное, не задерживаться на занятых этапах, а продвигаться дальше. Этот учет дает прежде всего библиография. Никакая практическая деятельность не может дать максимальных результатов, если она не опирается на коллективный опыт и на соответствующие коллективные знания, отраженные в книге. Эти знания и опыт *выявляет* библиография. Без библиографии книга забывается, затеривается, подобно тому как без книги забываются добытые знания и опыт.

Но библиография не только хранит память о книге, не только приводит в систему книжную массу и ориентирует в ней. Библиография *пропагандирует* книгу и запечатленные в ней знания и опыт... Библиография была, остается и будет орудием классовой борьбы, пока эта борьба существует»²⁷.

Итак, Н. В. Здобнов, признавая библиографию «научной дисциплиной» (с. 9), видит в ней «учет», «выявление знаний и опыт» и «пропаганду», и все это правильно рассматривает не вне времени и пространства, а в условиях классовой борьбы. В своих статьях я также считаю библиографию наукой («научная дисциплина» и «наука» почти синонимы), вижу в ней «учет», «отчет» (у Н. В. Здобнова «выявление») и «пропаганду» и подчеркиваю ее классовый характер²⁸. Таким образом, в определенной части своей концепции я полностью присоединяюсь к взглядам Н. В. Здобнова <...>

Второй пример: Я неоднократно говорил, что библиография в целом и в частях есть своеобразное отражение и выражение национальной и мировой культуры. Одно время я думал, что это — мое личное достижение, но оказалось, что у меня были предшественники. Назову некоторых из них.

«Систематическое обозрение литературы в России» Шторха и Аделунга (1810—1811) давно уже признано «новым и замечательным шагом вперед по пути развития русской библиографии»²⁹. В предисловии авторы связывали выпуск своего труда с обозначившейся у «всех просвещенных народов» потребности «обозревать от времени до времени состояние своей литературы и некоторым образом отдавать себе отчет в успехах или упадке точных и изящных наук». Из последних слов явствует, что термин «литература» Шторх и Аделунг понимали в старинном смысле как совокупность всей печатной продукции народа. Поэтому, не употребляя слова «культура», они несомненно имели

²⁷ Здобнов Н. В. Основы краевой библиографии. Изд. 2-е. М.—Л., 1931, с. 7—8

²⁸ Сокурова М. В. Общие библиографии русских книг гражданской печати 1708—1955. Изд. 2-е. Л., 1956, с. 9.

²⁹ Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. Изд. 3-е. М., 1955, с. 146.

его в виду, когда писали далее, что в таких обзорах можно видеть «состояние всей литературы вообще в течение какого-либо периода и сравнивать оное с состоянием другого периода»³⁰. Тем же целям служила и книжная статистика, начало которой положил тот же Шторх.

В 1858 г. в № 43 журнала «Атеней» была напечатана статья некоего М., озаглавленная «Русская библиография». Автор также задумывался над вопросом о библиографии как отражении культуры народа. Он писал, что библиография «является статистикой литературы и следовательно внешним мерилom внутренней жизни народа во все его существование или же в какой-нибудь известный период»³¹. Эти здравые мысли перемешаны у автора статьи с характерными для некоторой части тогдашних русских библиографов формалистическими и аполитичными взглядами, и именно поэтому, по-видимому, недооценил их такой тонкий и вдумчивый ученый, как Н. В. Здобнов, полагавший, что «автор довольно туманно излагает свою точку зрения на высшее значение библиографии...»³². На самом деле, таинственный М. только перефразировал слова Шторха.

В 1916 г. в статье «Библиография как синтез книжной мысли» Б. С. Боднарский писал: «...значение библиографии, кроме общепринятого, и во всяком случае не меньшее, заключается в способности ее к выяснению человеческой культуры, поскольку последняя проявляется в материализации мысли, запечатленной графически, в книге»³³. И далее: «Едва ли нужно пояснять, что, сообщая точные сведения о выходящих во всех углах земного шара произведениях печатного слова, библиография тем самым дает полную возможность в любой момент истории раскрыть всю сумму психической деятельности человека»³⁴. Далее Б. С. Боднарский приводит примеры из книжной статистики, которые, по его мнению, «иллюстрируют мысль о способности библиографии служить материалом для учета интеллектуальных ценностей»³⁵.

Заметим, что и в западной книговедческой литературе высказывались аналогичные мысли. Так, упоминавшийся выше Ф. А. Эберт писал в 1821 г., что «библиография в ее широком объеме...—надежнейшая шкала и высотомер (Grand- und Höhenmasses) литературной культуры и деятельности»³⁶. Сове-

³⁰ Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. Изд. 3-е. М., 1955, с. 146.

³¹ Там же, с. 338.

³² Там же.

³³ Боднарский Б. С. Библиография как синтез библиографической мысли.— «Библиогр. изв.», 1916, № 3/4, с. 83.

³⁴ Там же, с. 83.

³⁵ Там же, с. 84.

³⁶ Ebert F. A. Allgemeines bibliographisches Lexikon. Bd. I. Lpz., 1821, Vorrede, S. IX.

менные западно-германские библиографы, В. Тоток и Р. Вайтцель, приведя данное высказывание Эберта, считают, что «это толкование, переходящее в применении к общей библиографии границы допустимого, в отношении специальных библиографий в известной мере оправдано, так как последние, поскольку они критически обработаны, без сомнения являются в целом определенной „шкалой и высотомером” научной „культуры и деятельности” какого-либо периода»³⁷.

Таким образом, и второе мое положение не оригинально. Однако моей задачей было высказать не «оригинальные», а правильные мысли.

Итак, подводя итоги, повторю:

Библиография есть особая наука о культуре каждого отдельного народа и человечества в целом, представляющая учет, отчет и пропаганду вклада в национальную и, значит, мировую культуру, сделанного отдельными людьми, группами людей, всей нацией или человечеством в целом,— выраженные в форме перечней, списков, указателей, справочников, обзоров произведений печати и, чтобы быть точным,— не только одной печати. В то же время, будучи самостоятельной наукой, библиография является (и не может не быть) всеобщей обязательной вспомогательной наукой.

Всматриваясь в споры вокруг «некоторых теоретических вопросов советской библиографии», подытоженные в передовой статье «Советской библиографии», невольно вспоминаешь аналогичные споры в литературоведении во второй половине 20-х — начале 30-х гг. Однако советское литературоведение изжило болезни своего роста и сейчас спокойно смотрит на эти забытые страницы своей истории. Будем надеяться, что когда-нибудь историк советской библиографии, рассматривая теоретические споры наших дней, придет к таким же выводам. Все течет, все изменяется, только истина остается неизменной.

³⁷ Totok W., Weitzel R. Handbuch der bibliographischen Nachschlagewerke. Zweite Auflage. Frankfurt am Main, 1959, S. 1.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЭВРИСТИКА (К теории и методике библиографических разысканий)

Глава четвертая

Принципы марксистского диалектико-логического направления в области библиографического разыскания. — Разыскание как процесс диалектико-логического суждения. — Два типа разысканий: установление «недостающего звена» и подбор литературы по определенному вопросу. — Анализ разысканий первого типа с положительным, отрицательным и неопределенным результатами. — Что дает такой анализ для построения методики библиографического разыскания?

Было бы ошибкой считать, что предмет какого-либо конкретного библиографического разыскания представляет факт, совершенно обособленный, отъединенный от всего прочего мира явлений культуры. Как во всех областях общественной жизни, так и в библиографии явления тесно переплетены друг с другом, связаны с разными отраслями культуры, соприкасаются со многими другими сторонами социальной действительности; в полном объеме связи эти иногда очень трудно прослеживаются. Приведем один, но, на наш взгляд, показательный пример. Несколько лет назад вышла книга М. П. Алексева «Славянские источники „Утопии“ Томаса Мора» (Изд-во АН СССР. М., 1955. 119 с.) в серии: Доклады советской делегации на международном совещании славяноведов в Белграде. Попробуем рассмотреть, по каким библиографическим линиям связана эта книга с окружающим ее социальным миром.

Во-первых, она представляет часть книжной продукции нашей страны и поэтому естественно попадает в «Книжную летопись». Во-вторых, она попадает в «Ежегодник книги СССР за 1955 год» как книга, изданная в 1955 г. В-третьих, она является частью печатной продукции Издательства Академии наук СССР и поэтому естественно должна быть отражена в каталогах новых изданий этого издательства, а также и в общем каталоге его изданий. В-четвертых, она является произведением определенного лица и, следовательно, включается в персональную библиографию М. П. Алексева. В-пятых, она поступает в различные советские библиотеки, заносится в их инвентарные книги, а карточки попадают в алфавитный, систематический и предметный каталог. В-шестых, она была прочтена на международном совещании славяноведов в Белграде, и, конечно, ее содержание отражено в протоколах, отчетах и трудах этого совещания. В-седьмых, она посвящена рассмотрению одного из вопросов «Утопии» Томаса Мора, и, значит, в библиографии

этого произведения английского гуманиста должна занять свое место. В-восьмых, она рассматривает произведение жанра «утопии» и, конечно, будет учтена в библиографиях утопий. В-девятых, в ней идет речь о славянских источниках данной «Утопии», и, несомненно, в библиографии литературы по славяноведению она будет учтена. В-десятых, в книге М. П. Алексеева рассматриваются материалы по культуре Далматии; значит, в библиографии о Далматии ее безусловно следует отметить. В-одиннадцатых, автор этой книги тогда был членом-корреспондентом Академии наук (сейчас он — академик) и в качестве такового ежегодно отчитывался о своей работе перед руководящими органами Академии, перечисляя напечатанные за отчетный период труды; таким образом, в отчете Академии наук СССР за 1955 г. была указана эта работа как часть научно-исследовательской деятельности Академии. В-двенадцатых, этот доклад получил премию президиума Академии наук за 1955 г.; поэтому составитель библиографии книг, премированных Академией наук, не должен будет ее миновать. В-тринадцатых, премия эта могла быть присуждена только на основании специально написанного каким-либо авторитетным ученым отзыва; следовательно, данная рецензия о книге М. П. Алексеева войдет в список работ рецензента, а если она будет напечатана или, уже напечатана, займет место в «Летописи рецензий». В-четырнадцатых, доклад М. П. Алексеева был повторен в сентябре 1955 г. на Международной конференции по сравнительному изучению литератур в Венеции; это означает, что данный факт нашел отражение в отчетах венецианской конференции. В-пятнадцатых, экземпляры доклада были розданы участникам белградского совещания, среди которых были и представители капиталистических стран; если из библиотеки какого-либо участника белградского совещания книга М. П. Алексеева попадает на книжный рынок, сведения о ней могут быть напечатаны в каталоге какой-нибудь антикварной фирмы. В-шестнадцатых, если эта книга приобретена или будет приобретена Библиотекой Конгресса в Вашингтоне, она отразится в издаваемом Библиотекой «Ежемесячном бюллетене русских приобретений», и т. д., и т. д.

Мы привели шестнадцать возможных библиографических отражений одной книги. Несомненно, таких отражений значительно больше (например, нами не учтено то, что эта книга фигурирует в отчете типографии, отдела книжной экспедиции и т. д.). Для нас было важно, однако, не полностью исчерпать все мыслимые связи книги М. П. Алексеева, а показать хотя бы на одном примере многообразие и многочисленность библиографических отношений. Не все, конечно, книги имеют столь широкие связи и отношения. Пример, рассмотренный нами, взят из практики середины XX в., когда уже имеется разветвленный библиографический учет-отчет и пропаганда литературы, когда

восстанавливаются международные культурные связи и когда научные труды могут быстро распространяться.

Не такое положение было в предшествующие эпохи, но и тогда каждая книга, каждый факт библиографического порядка могли рассматриваться как «клубок связей». В числе этих связей есть и автор, и заглавие, и издание, и издательство, и место, и год издания, и т. д. Каждый такой признак позволяет включать данный книжный факт в различные библиографические источники: в учетно-регистрационную библиографию, в библиографию издательскую, в библиографию тематическую, персональную и т. д. Каждая фиксация любого из подобных признаков есть одна из связей, посредством которых этот библиографический факт вплетается в многообразие явлений жизни как факт научный, общекультурный, экономический (по линии издательства), как факт индивидуальной деятельности автора, редактора, переводчика, комментатора, художника-иллюстратора и т. д. И именно это многообразие связей такого явления, как книга, многообразие углов зрения, под которыми она рассматривается, создает различные типы библиографических указателей: общих, учетно-регистрационных, отраслевых, тематических, хронологических, топографических, персональных, книгоиздательских, библиотечных (каталоги), рекомендательных, критических и пр.

Каждая из таких библиографий основывается на одном каком-нибудь признаке книжного факта и, отодвигая прочие, подбирает — или, по идее, должна подбирать — свой материал, который отвечает требованиям этого признака; поэтому именно данный признак является характерным для этой библиографии, именно он является тем, что в логике — и формальной, и диалектической — носит название «достаточного основания» отбора. Таким образом, «достаточным основанием» включения книги М. П. Алексеева «Славянские источники „Утопии“ Томаса Мора» в «Книжную летопись» и «Ежегодник книги СССР за 1955 год» является то, что книга вышла в СССР в 1955 г. «Достаточным основанием» включения ее в каталог изданий Издательства Академии наук СССР является то, что в этом издательстве она вышла, и т. д. Признак, являющийся «достаточным основанием» для помещения книги в ту или иную библиографию, обычно представляет только одну из связей, включающих книгу в реальную действительность.

Каждая из таких связей представляет частность по отношению ко всему многообразию уже существующих или возможных связей. Но, стремясь охватить своим научным знанием весь предмет, мы должны охватить и отдельные связи. Имеем ли мы на это право? Имеем, если при этом мы не забываем, что таким путем мы не познаем предмет или явление в целом.

Итак, когда сведения о каком-нибудь произведении печати или о какой-нибудь рукописи (так как библиографическое ра-

зыскание может иметь дело не только с книгами, но и с рукописями, нотами, географическими картами и т. п.) включаются в какой-либо библиографический или — беря шире — научный источник, эти сведения представляют уже отражение не всей совокупности связей, а только одной какой-то частности, только данного признака. И упрекать библиографию за это нельзя: отражая в целом разные связи того или иного произведения как явления культуры, она в каждом отдельном библиографическом указателе может и должна отражать только одну какую-то связь, один какой-то признак.

Библиографическое же разыскание имеет дело с фактом или объектом, представляющим совокупность, клубок связей¹. Нахождение этого объекта или отдельного его элемента возможно для библиографа только путем последовательного распутывания этого клубка, расчленения суммы признаков, постепенного раскрытия отдельных связей и установления именно той связи, которая позволяет определить искомое. Путь этот лежит через использование источников, построенных на «частностях», на различных признаках.

Что побуждает нас обращаться к тому или иному библиографическому справочнику? «Интуиция», «Озарение», «Продолжительный личный опыт?» Нет, прежде всего, правильное логическое суждение: библиографический справочник есть более или менее полное и точное собрание фактического материала, организованного по каким-то для него характерным признакам. Он представляет более или менее верное отражение книжных фактов данной отрасли национальной или всемирной культуры. Всякий библиографический источник, будь это справочник-указатель литературы по какому-либо вопросу, или «Книжная летопись», или, наконец, каталог определенной библиотеки — есть не только собрание, но и известный отбор материала.

При всем разнообразии и различии по объему, профилю, методам обработки и т. д. все библиографические указатели имеют одну общую черту — каждый из них строится на какой-то одной теме, на каком-то одном предмете; иногда этот предмет очень широк, например, у Сопикова — вся русская книжная продукция с начала ее возникновения до 1812 г., или вся советская книжная производимость за определенный срок — в «Книжной летописи». Этот предмет, эта тема любой библиографической работы являются одним из основных ее «признаков». Знание подобных «признаков» библиографических трудов представляет существеннейший элемент в усвоении библиографического источниковедения. Однако это только условие для быстрого и правильного решения библиографического разыскания,

¹ Установление ошибки в читательском запросе тоже является библиографическим разысканием, но в данной книге идет речь о разыскании как таковом.

но еще не само разыскание. Не является разысканием в прямом смысле слова и тот момент в нашей работе, когда мы обнаруживаем недостаточность наших сведений в отношении какого-то книжного факта или части его. Это только отправной момент разыскания, сразу же переходящий во второй предварительный этап — в точную формулировку «недостающего звена», в строгое определение того, что нам нужно выяснить, в установление того, что является «искомым». Таким образом, разыскания могут быть двух типов: а) установление «недостающего звена» в каком-либо конкретном случае и б) подбор литературы по какому-либо определенному вопросу. В сущности второй тип разысканий также является «установлением недостающего звена» в наших знаниях, но уже в широком смысле, а не применительно к тому или иному частному случаю. В данной главе будут рассмотрены разыскания первого рода. Анализ их методики позволит сделать выводы, которые смогут облегчить анализ разысканий второго рода — последним порою присущи не меньшие, а даже большие трудности.

Так как всякое полное и точное библиографическое описание состоит из трех обязательных² элементов — автора, заглавия и выходных данных (плюс количественная характеристика), то «недостающее звено» может быть либо фамилией автора, либо заглавием или темой (содержанием) произведения, либо каким-нибудь элементом выходных данных (дата, место, количество страниц, количество экземпляров и т. п.). Возможны, конечно, случаи, когда в библиографическом разыскании требуется определить не одно, а два и даже больше «недостающих звена», но эта множественность задач кажущаяся: здесь обычно сведены в одну формулировку два (или больше) разных задания. Например, в одном из «упражнений» Л.-Н. Мальклес мы читаем: «Эриций Путеанский — латинизированное имя некоего бельгийского филолога. Когда жило это лицо? Каково его настоящее имя? Что было напечатано им?»³ Совершенно ясно, что здесь три задания — одно биографическое (не собственно библиографическое!) и два библиографических (установление автора по псевдониму; установление списка трудов).

Заметим, что из всех элементов библиографического описания наименее надежным, наименее определяющим в библиографическом разыскании является заглавие, во-первых, потому что

² Если произведение анонимно, то это не означает, что у него нет автора; равным образом, когда на книге не указаны место издания, год, типография или издательство, это не значит, что эти данные не существуют в реальности. Произведений без заглавий вообще нет: не озаглавленные автором, они получают условные обозначения по первой строчке или как-либо иначе. Таким образом, с библиографической точки зрения анонимные произведения и недатированные и не имеющие обозначения места издания книги («absque pota») являются произведениями с «нулевыми» авторами и книгами с «нулевыми» датами.

³ Malklès L.-N. Cours de bibliographie, p. 143.

часто заглавия произведений и книг, в особенности литературно-художественных, одинаковы («Война и мир» Л. Толстого и В. Маяковского, «Кавказский пленник» Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого; «Опыты» К. Н. Батюшкова, А. Х. Востокова, Р. Т. Гонорского, А. Д. Илличевского, И. И. Лажечникова, Монтэня, В. М. Перевощикова, Е. Н. Пучковой, А. В. Склабовского, Б. М. Федорова и др.); во-вторых, потому что в ряде случаев заглавие приходится устанавливать по теме произведения и, следовательно, формальный элемент разыскания — заглавие — тесно переплетается с элементом идейно-тематическим, с содержанием произведения; в-третьих, потому что с середины прошлого века русские библиографы при составлении справочников перестали брать за основу заглавие. Учитывая все эти моменты, мы все же принимаем за исходный пункт положение о том, что «недостающее звено» разыскания является одним из элементов библиографического описания.

Итак, процесс библиографического разыскания состоит в установлении тождества между нашим искомым и соответствующим указанием какого-либо библиографического источника; иначе говоря, библиографическое разыскание считается законченным, когда искомое «недостающее звено» обнаруживается в каком-либо библиографическом труде в качестве одного из элементов описания. Значит, вся суть разыскания сводится к установлению этого тождества, и весь вопрос заключается в том, как осуществляется это установление.

Анализируя задание и выделяя в нем какой-то один признак, который представляется нам удобным в качестве отправной точки для дальнейших поисков «недостающего звена», мы должны затем определить, какой из существующих (или, по крайней мере, известных нам) библиографических указателей построен на том же признаке. Здесь мы переходим в область библиографического источниковедения и в первое время по своей картотеке, по цветным карточкам с предметным словом и перечнем относящихся к этой рубрике библиографических указателей, а позднее уже по памяти определяем те справочники или тот один справочник, который построен на том же признаке, что и наше задание. К ним или к нему и следует обратиться и искать «недостающее звено». Например, если отыскивается неизвестное произведение определенного автора, то признаком является фамилия автора, и, следовательно, нужно искать либо специальную персональную библиографию данного писателя, либо общий или краевой библиографический указатель, в котором находятся перечни произведений разных деятелей, в том числе и того, чье произведение нужно определить (примеры см. ниже). Если отыскивается по известному нам заглавию или по теме произведения неизвестный автор, то признаком является уже заглавие или тема. В таком случае надо обратиться к таким библиографическим пособиям, которые построены либо

по признаку заглавия, как отмеченные выше «Указатели к XIII отделу систематического каталога русских книг Кронштадтской морской библиотеки» и др., либо по признаку темы. Если задание сформулировано по хронологическому признаку (например, когда напечатано такое-то произведение такого-то автора? Или какое произведение такого-то автора напечатано в таком-то году?), то здесь, опять-таки берется в качестве признака то, что известно, и отыскивается библиографическое пособие, построенное по этому известному признаку.

Словом, сколько бы ни было разнообразных случаев разыскания, всегда в задании имеются признаки, которые позволяют под разными углами зрения отыскивать библиографические пособия, построенные таким образом, что среди известных данных в качестве одного из элементов описания включено искомое, недостающее звено. Если бы можно было выразить это при помощи алгебраических знаков, то получилась бы, примерно, такая формула:

$$a + b + x = a + b + c,$$

где a и b — известные элементы разыскания,
 x — искомое,
 c — найденный элемент описания.

Конечно, эта формула дает решение только простейшего рода.

Нередко, однако, поиски, произведенные на основе выделенного признака в одном или нескольких справочниках, построенных по одному и тому же принципу, не приводят к желательному результату. Тогда приходится последовательно обращаться к другому типу справочников, в который выделенный нами признак входит под иным углом зрения, до тех пор, пока мы не обнаружим ответ, совпадающий с формулировкой нашего задания. Приведем несколько примеров, начиная с самых простейших⁴.

1. Нужно установить, когда была написана, а также когда и где опубликована статья М. Горького «О науке».

Здесь перед нами сразу три задания, для решения которых прежде всего надо определить, под каким годом печатается эта

⁴ В литературе вопроса имеется мнение, что библиографическое разыскание есть более сложное явление, чем простое обращение к библиографическому указателю. «Под библиографическими разысканиями,— пишет Е. А. Павлович,— мы понимаем работу, для выполнения которой приходится намечать самостоятельные пути, после того как использование справочных библиографических и тому подобных изданий не дало результатов или если сведения, приведенные в них, вызывают сомнения или противоречия» (Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Опыт работы. X, с. 61). Подобная точка зрения представляется нам ошибочной: разыскание — это любое использование библиографических источников, и простое, и сложное.

статья в сочинениях Горького. В указателе к тридцатитомному «Собранию сочинений» Горького этой статьи нет. Нет ее и в указателе к юбилейному изданию 1928 г. Следовательно, остается только путь более сложного библиографического разыскания. Естественнее всего предположить, что эта статья должна значиться в персональной (и притом наиболее полной) библиографии М. Горького. Предполагая, что такой библиографический справочник должен быть упомянут в статье о Горьком в БСЭ, мы обращаемся к этому изданию и в соответствующем месте (т. 12, с. 260—261) находим указание на две персональные библиографии Горького:

1. С. Д. Балухатый. Литературная работа М. Горького. Список первопечатных текстов и авторизованных изданий 1892—1934. М.—Л., 1936.

2. С. Д. Балухатый и К. Д. Муратова. Литературная работа М. Горького. Дополнительный список первопечатных текстов и авторизованных изданий. 1889—1937. М.—Л., 1941.

Обратившись к первой из названных книг, мы по оглавлению устанавливаем, что в ней есть «Алфавитный указатель произведений М. Горького». В нем на с. 439 мы находим статью «О науке» с указанием, что она была напечатана в 1928 г. Таким образом, одна часть разыскания может считаться выполненной; остается определить, когда написана и где была напечатана эта статья. В «Алфавитном указателе» против названия данной статьи указан № 1436; в тексте книги под № 1436 на с. 310 мы находим и полное описание: О науке — «Известия», 1928, 11 марта, № 61, с. 2; тут же указано, что под статьей имеется дата: «27 февраля 1928. Сорренто». Таким образом, решены и два последних вопроса нашего разыскания. Теперь остается проверить сведения библиографического источника, то есть обратиться непосредственно к указанному номеру газеты «Известия». Если данные подтвердятся, задача может считаться решенной. «Может» — потому что не исключена возможность опечатки в дате под статьей или описки автора, или намеренного изменения даты с какой-либо целью.

Приведенный нами пример относится к числу элементарных. Нам, однако, важно было отметить, что даже в таком обыкновенном примере разыскание представляло цепь логических рассуждений — очень простых, как и должно быть при простом задании. Однако, аналогичные процессы протекают в нашем сознании и при решении более сложных задач. Это видно из следующего примера.

2. Нужно определить, какому автору принадлежит роман «На заработках».

Прежде чем обратиться к решению данной задачи, следует напомнить, что именно говорят о разысканиях по установлению автора библиографические авторитеты — Е. И. Шамурин и А. Г. Фомин. Первый из них пишет: «Установление авторства —

трудная и очень ответственная задача... Определить автора книги, изданной анонимно или с ложным указанием автора, которому она на самом деле не принадлежит, можно только обладая значительной эрудицией, библиографическим и литературным чутьем, хорошим знанием вопроса...»⁵. Второй — дает указания рецептурного характера: «Разыскивается автор произведения, а) если оно не анонимное, но известно только его заглавие, б) если оно анонимное, в) если автор скрыт под псевдонимом, инициалами, анаграммой (сокращенной фамилией)⁶, криптонимом (шифрованной подписью); следует обратиться прежде всего: в первом и втором случаях — к специальному библиографическому указателю, посвященному истории литературы отдельной эпохи, если известен год издания произведения, или охватывающему историю литературы в целом или за несколько эпох, если неизвестен год издания произведения, перечисляющему произведения независимо от их ценности, аннотированному, предназначенному для литературоведов-исследователей; в третьем случае — к словарю псевдонимов»⁷.

Итак, и Е. И. Шамурин, и А. Г. Фомин справедливо считают установление авторства одним из самых сложных моментов в библиографическом разыскании. Первый вовсе не дает методов подобного установления; второй предлагает просматривать сплошь библиографические указатели по истории литературы отдельной эпохи или в целом, или за несколько эпох. Насколько трудоемка и ненадежна, а, может быть, и безнадежна такая работа, ясно каждому. Не следует упрощать сложность вопроса: могут встретиться случаи (см. ниже), когда мы не будем в состоянии найти требуемый ответ.

В методике отыскания автора, предложенную А. Г. Фоминым, можно внести поправку. Это мы покажем на решении поставленной нами второй задачи — кто автор романа «На заработках»? Анализируя формулировку задачи, мы видим, что в ней известно заглавие произведения, неизвестен — автор. Следовательно, признаком, характеризующим эту задачу, является наличие заглавия. Исходя из этого, можно считать, что данный роман должен, по крайней мере, может быть включен в библиографические пособия, построенные по принципу перечисления заглавий.

Если бы нам была известна дата написания или напечатания, или хотя бы упоминание где-нибудь этого романа, мы могли бы обратиться к какой-либо «росписи» или «каталогу» русских книг, которые представляют собой алфавитные списки произведений русской литературы за определенный период. Поскольку, однако, задача сформулирована в неуточненном виде, мы должны начать не с хронологически ограниченных, а с общих алфавитных списков литературных произведений. Наиболее полным

⁵ Шамурин Е. И. Методика библиографической работы, с. 86—87.

⁶ Здесь, как мы уже указывали, у А. Г. Фомина ошибка. Возможно, что после слова «анаграммой» пропущено слово «аббревиатурой».

⁷ Фомин А. Г. Путеводитель по библиографии <...> литературы, с. 46.

указателем подобного рода, как было отмечено нами в соответствующем месте, является книга: «Указатели к XIII отделу систематического каталога русских книг Кронштадтской морской библиотеки. Словесность» (Кронштадт, 1905). В самом деле, на с. 165 данной книги находится указание, что роман «На заработках» принадлежит Н. А. Лейкину. Для проверки, предполагая, что под таким же заглавием может быть роман и у другого автора, обращаемся к другому алфавитному списку литературных произведений — к «Биографиям русских писателей среднего и нового периодов» А. П. Добрыва (Спб., 1900). Здесь, на с. 20 приложения, находится упоминание о произведении Н. А. Лейкина «На заработках», но с указанием, что это юмористический рассказ; в биографии автора в той же книге, на с. 249, «На заработках» названо юмористическим очерком. Несмотря на эти разногласия в определении жанра данного произведения, мы, опираясь на кронштадтские «Указатели» и на Добрыва, получаем более или менее полную уверенность в том, что ни у кого другого, по крайней мере до 1905 г., не было произведения «На заработках».

Для уточнения найденных сведений об этом произведении мы смотрим в книгу А. В. Мезьер «Русская словесность с XI по XIX столетие включительно. Ч. 2. Русская словесность XVIII и XIX ст.» (Спб., 1902). На с. 80, под № 10275, среди произведений Лейкина указано: «На заработках. Ром. из жизни чернорабочих женщин. Спб., 1891». Теперь следует обратиться непосредственно к книге для проверки и окончательного подтверждения данных библиографического пособия. Таким образом, мы можем считать, что одно из решений нашей неуточненной задачи о романе «На заработках» то, которое нам удалось установить указанным выше способом. Поскольку задача эта связана с каким-то определенным в хронологическом или персональном отношении фактом, мы и можем решить, подходит ли к этим условиям найденный нами ответ. Может, однако, оказаться, что он неправилен или решение вообще при современном состоянии вопроса не может быть дано.

3. В «Истории русской библиографии до начала XX века» Н. В. Здобнова указано, что в качестве автора первой русской библиографической работы «Оглавление книг, кто их сложил» ученые называли ряд имен; в том числе приводится мнение П. К. Симони, что это был справщик Печатного двора Никифор. При этом ссылка, в отличие от всех предыдущих случаев, сделана не на какую-либо работу П. К. Симони, а на «Библиографию. Программу» А. Г. Фомина (Л., 1926)⁸. К этому указанию в книге Н. В. Здобнова редактор ее 3-го издания Б. С. Боднарский сделал примечание: «О мнении П. К. Симони упоминает

⁸ Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. Изд. 3-е. М., 1955, с. 36.

проф. А. Г. Фомин в программе своего курса „Библиография” (Л., 1926, с. 13), но не дает никаких сведений о том, где именно Симони называет Никифора автором „Оглавления”. К с. 36»⁹.

Таким образом, перед нами задание: «В какой работе П. К. Симони называет Никифора автором „Оглавления”?»

Первый признак, который может дать путь к решению разыскания, это — фамилия автора, П. К. Симони; значит, в списке его печатных работ следует прежде всего искать ответ. Из разных источников мы устанавливаем, что полного печатного списка работ П. К. Симони нет. В его некрологах такой работой, которая по своему заглавию могла бы оказаться интересующим нас источником, называется статья П. К. Симони «Библиография» в т. 6 «Нового энциклопедического словаря» Ф. Брокгауза и И. Ефрона. Однако в указанной статье (стб. 437) мы не находим имени справщика Никифора. Просмотр других более или менее близких по тематике работ П. К. Симони также не приводит к положительному результату. Приходится допустить, что сведения о Никифоре заключаются в какой-либо ненапечатанной работе П. К. Симони и что дальнейшие разыскания следует вести в его архиве. Однако одним из правил разыскивающего должно быть: обращаться к архивным источникам только тогда, когда печатные полностью исчерпаны. Так поступим и мы в данном случае, но для этого нам придется продолжить свое разыскание по другой линии: принять за «признак» не автора искомой работы — П. К. Симони, а автора сведений о ней — А. Г. Фомина. Ход рассуждений будет таков: сведения о том, что П. К. Симони считает справщика Никифора сочинителем «Оглавления», находится в книге А. Г. Фомина «Библиография. Программа». Если у него, кроме программы, имеется и самый курс русской библиографии, то естественно предположить, что в этом курсе материал будет изложен более подробно.

В работе П. Н. Беркова «Библиография А. Г. Фомина. 1904—1931 гг.» (Л., 1931), к сожалению, данных о «Курсе русской библиографии» не имеется, в эту брошюру были включены только труды, напечатанные типографским способом. Значит, надо искать сведения в работах А. Г. Фомина, напечатанных каким-то иным способом. В книге М. В. Сокуровой «Общие библиографии книг гражданской печати 1708—1937» в списке источников по библиографии русской библиографии находится указание, что существует стеклографированное издание «Курса русской библиографии, читанного А. Г. Фоминым на Высших библиотечных курсах в 1928 году» (Л., 1929. 174 с., стеклограф)¹⁰. Обратившись к этому стеклографированному курсу, мы

⁹ Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. Изд. 3-е. М., 1955, с. 577.

¹⁰ Сокурова М. В. Общие библиографии книг гражданской печати 1708—1937. Л., с. 39.

и в самом деле обнаруживаем более подробные сведения о точке зрения П. К. Симони. Вот что находится в книге А. Г. Фомина. Перечислив прежние гипотезы об авторе «Оглавления», А. Г. Фомин пишет: «На заседании О-ва Древней Письменности Симони в своем докладе выдвигает печатника Московского Печатного двора — Никифора Семенова»¹¹.

Теперь нам предстоит задача — проверить правильность указания А. Г. Фомина. Так как в статье П. К. Симони «Библиография» в т. 6 «Нового энциклопедического словаря», вышедшем в 1912 г., упоминаний о Никифоре Семенове нет, следовательно, доклад на эту тему был сделан между 1912 и 1928 г. (годом, когда А. Г. Фомин читал свой курс). Пересматривая печатные отчеты Общества древней письменности, в отчете о деятельности этой организации за 1917—1923 гг., мы находим подтверждение сообщения А. Г. Фомина: «Среди большого количества докладов, сделанных за последние годы на заседаниях Общества, — читаем мы здесь, — следует отметить некоторые, вызвавшие наибольший обмен мнений <...> П. К. Симони. Новый кандидат на титул автора „Оглавления книг, кто их сложил“ <...>»¹². Когда точно был прочитан этот доклад, были ли о нем сведения в печати, кроме приведенных в «Кратком отчете», почерпнул ли А. Г. Фомин данные об этом докладе из прессы, из беседы с П. К. Симони или лично присутствовал на заседании Общества, — вопросы, к нашему разысканию не относящиеся. Единственное, что еще можно прибавить к данному библиографическому разысканию — это вопрос о том, есть ли в печатной литературе хотя бы основные сведения о Никифоре Семенове. В «Русском биографическом словаре» этого лица мы не находим ни под именем «Никифор (Семенов)», ни под именем «Семенов Никифор». Но в «Азбучном указателе имен русских деятелей, имеющих быть помещенными в „Биографический словарь“, издаваемый императорским Русским историческим обществом», мы обнаруживаем кое-какие материалы о данном лице: «Никифор, расколоучитель московский из справщиков печатного двора; кажется это не одно лицо с протоиереем (1654 г.) московского Архангельского собора? В справщики определен вдовым (25 ноября 1664 г.), а в 1966 г. осужден как не правомыслящий на соборе»¹³.

Так может быть закончено наше разыскание¹⁴, анализ которого показывает, что оно могло быть решено только потому,

¹¹ Фомин А. Г. Курс русской библиографии, читанный А. Г. Фоминым на Высших курсах библиотековедения в 1928 г. Л., 1929, с. 52.

¹² Краткий отчет о деятельности Общества древней письменности и искусства за 1917—1923 гг. С приложением статей профессора Д. В. Айналова и А. И. Лященко. Л., 1925, с. 4—5.

¹³ Сборник императорского Русского исторического общества, т. 62. Спб., 1888, с. 77.

¹⁴ Дальнейшее разыскание должно вести уже на материалах архива Общества любителей древней письменности.

что мы видели в нашем задании клубок связей, сумму признаков, а не какую-либо одну связь, один признак. Приведем, однако, еще примеры аналогичных разысканий.

4. Нужно установить дату рождения В. Н. Рогожина, осуществившего второе издание «Опыта российской библиографии» В. С. Сопикова со множеством уточнений и добавлений и с превосходным «Указателем».

Первым делом мы обращаемся к энциклопедиям и энциклопедическим словарям. Выясняется, что ни в одном из этих изданий статьи о Рогожине нет. Нет его фамилии и в биографических словарях общих и краевых (он был уроженец Москвы).

Так как В. Н. Рогожин больше всего известен как библиограф, совершенно естественно искать сведения о нем в специальных словарях, посвященных деятелям книги. В «Русских биографических и библиографических словарях» И. М. Кауфмана, в разделе «Деятели книги», среди прочих материалов указан «Словарный указатель по книговедению» А. В. Мезьер (Л., 1924). Здесь, на стб. 52, приведена дата смерти Рогожина — 1909 г., а также библиография работ о нем. Пересматривая перечисленные тут источники — книги: «Имп. Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914 гг.)» (т. 2. М., 1915, с. 302—303), и В. Н. Рогожин «„Дела Московской цензуры“ в царствование Павла I как новые материалы для русской библиографии и словаря русских писателей» (вып. 2, 1798 год. Пг., 1922, с. I—II), — мы нигде даты его рождения не находим, а дата смерти уточнена — 24 марта 1909 г. Тогда мы обращаемся к другим источникам — к некрологам Рогожина. Зная точную дату его смерти, мы находим его некрологи в следующих изданиях 1909 г. — в «Историческом вестнике» (1909, май, с. 777—778), в «Московских ведомостях» (1909, 27 марта, № 70, с. 4), в «Новом времени» (1909, 10 апреля, № 11880, с. 5), но нигде даты рождения Рогожина не обнаруживаем. Из биографий В. Н. Рогожина мы узнаем, что он владел хорошей библиотекой, поэтому мы делаем попытку разыскать нужные нам сведения по признаку библиографии частных русских библиотек. Наиболее полным пособием по этому вопросу является труд У. Г. Иваска «Частные библиотеки в России». Во II части этой книги, на с. 35, мы находим указание, что В. Н. Рогожин родился в 1859 г.

Таков книжно-библиографический путь решения данной задачи. Могло, однако, оказаться, что в книге Иваска не было бы даты рождения Рогожина. Тогда оставался более сложный путь: по газетным объявлениям о его смерти и о дне похорон установить, на каком московском кладбище был похоронен Рогожин, и попытаться отыскать там его памятник, пользуясь помощью кладбищенской администрации, у которой должен иметь-

ся учет памятников. Если же памятник не сохранился или и на нем нет даты рождения Рогожина, тогда надо в Государственном историческом архиве Московской области отыскать кладбищенскую книгу данного кладбища за 1909 г. и искать в ней либо нужную нам точную дату, либо, по крайней мере, возраст погребенного. Впрочем, такое разыскание является биографическим, а не собственно библиографическим.

5. Перед нами книга без титульного листа, производящая впечатление отдельного оттиска. Наверху находится заглавие: «Письма императрицы Екатерины II». На последней странице под текстом напечатано: «Конец». Никаких выходных данных, никаких типографских помет на первых страницах каждого листа книги мы не обнаруживаем. Однако из первых же строк вступительной заметки мы заключаем, что это письма Екатерины II к фельдмаршалу П. А. Румянцеву. Просмотр книги подтверждает это. Следовательно, надо установить, оттиски ли это, и если да, то откуда.

Какие связи, какие признаки заключаются в приведенных нами данных? Во-первых, что это письма Екатерины II. Во-вторых, что они адресованы к П. А. Румянцеву. Поэтому мы должны прежде всего найти по мере возможности полную библиографию произведений Екатерины II. Ни в одной энциклопедии нет указаний на наличие подобной библиографии. Поиски сведений о ней в «Русском биографическом словаре» не могут быть произведены, так как том на букву «е» не вышел. Тогда мы начинаем поиски по линии словарей русских женщин-писательниц. В самом деле, в «Библиографическом словаре русских писательниц» Н. Н. Голицына (Спб., 1889) мы находим обширнейшую библиографию Екатерины II (с. 91 — 109), построенную в систематическом порядке; раздел «Е» озаглавлен «Переписка», причем материал расположен в алфавите адресатов. Здесь, на с. 104 — 105, находим указание, что письма Екатерины II к П. А. Румянцеву были напечатаны в книге «Переписка императрицы Екатерины II с гр. Румянцевым-Задунайским» (М., 1805; изд. 2-е. М., 1808) и что были изданы также письма ее к сыну последнего — гр. Н. П. Румянцеву, в «Русском архиве», 1869, с. 202, «Северном архиве», 1822, ч. 1—3, и др. Значит, и «Библиографический словарь русских писательниц» Н. Н. Голицына нам не помог, так как на письма 1805 и 1808 г. наше издание не похоже.

Тогда пробуем решить наше разыскание по признаку «П. А. Румянцев» и обращаемся к наиболее подробной статье о нем в «Русском биографическом словаре». В томе этого словаря, обозначенном по первой и последней фамилии «Романова — Рясковский» (Пг., 1918, с. 572), находим указание, что часть писем Екатерины II к П. А. Румянцеву напечатана в журнале «Северный архив», 1822. Следовательно, можно предположить, что в «Библиографическом словаре русских писатель-

ниц» Н. Н. Голицына в цитированном месте имеется ошибка: письма в «Северном архиве» адресованы не к сыну П. А. Румянцева, а к нему лично.

Чтобы установить, какое из указаний более правильно, проще всего было бы выписать журнал «Северный архив» за 1822 г. и de visu проверить, сравнив заодно и шрифты, и расположение набора, и т. д. Но оказалось, что комплект журнала того учреждения, где производилось разыскание, находился в переплетной. Поэтому была сделана попытка использовать в целях проверки новый признак — библиографию журнала «Северный архив». Предполагалось: если удастся обнаружить в указателе статей «Северного архива» название письма, вопрос можно будет — впредь до проверки de visu — считать решенным. В книге Н. А. Вукотич «Материалы для списка указателей русской периодической печати» (Л., 1928, с. 61) названы два таких указателя: А. Н. Афанасьева в «Архиве историко-юридических сведений о России» (кн. 1. М., 1850) и И. П. Быстрова «Опыт алфавитного указателя к русским периодическим изданиям. Часть историческая» (вып. 1. Спб., 1841). И в самом деле как в первом (Приложение II, с. 1—2), так и во втором (с. 28—29) находятся указания на «Письма императрицы Екатерины II фельдмаршалу П. А. Румянцеву-Задунайскому» в журнале «Северный архив». Но... в первом справочнике эти письма описаны под 1822 г., во втором — под 1823 г. Невольно вспоминается горький афоризм Ю. А. Меженко: «Вообще нужно признаться, что библиографу не следует полагаться на библиографический источник. Это замечание, однако, не следует понимать иначе, как упрек библиографам в недостаточной аккуратности»¹⁵.

Таким образом, это разыскание, — как, впрочем, и всякое другое, — все-таки должно быть проверено de visu, и только тогда окончательно будут решены два вопроса: 1) совпадает ли текст нашей беститульной книги с текстом писем Екатерины II к Румянцеву-Задунайскому и 2) напечатаны ли они в «Северном архиве» за 1822 или за 1823 г.

Нами были рассмотрены примеры библиографических разысканий с положительным результатом, то есть такие, в итоге которых мы, в конце концов, обнаруживали в том или ином источнике сведения, совпадающие с формулировкой нашего задания — с нашим искомым. Однако так бывает не всегда, и вот почему: в библиографические указатели включается литература, в которой отражаются только отдельные стороны сложных отношений, существующих в реальности между явлениями культуры, а не вся их совокупность, следовательно, может случить-

¹⁵ Меженко О. А. Опыт работы по составлению библиографии периодических изданий России 1901—1916 гг. Л., 1943, с. 16.

ся и так, что ни одно из произведений не отражает той стороны, которая является определяющей в нашем разыскании, или в них отражены несколько явлений культурной жизни таким образом, что они не могут явиться ответом на наше задание. В таких случаях многие разыскания приводят к итогам отрицательным или неопределенным. Первые получаются тогда, когда мы, в результате последовательного перехода от одного библиографического справочника к другому, убеждаемся в том, что ни один из них не построен так, чтобы дать нам ответ, или что наше задание неправильно, что наше искомое содержит в себе ошибку. Неопределенное же решение библиографического разыскания возможно в тех случаях, когда формулировка нашего задания включает в себе больше, чем одно неизвестное, или, по крайней мере, входящие в нее элементы условия недостаточно точны, что, естественно, может привести к нескольким в одинаковой или приблизительной мере правильным ответам.

Рассмотрим примеры отрицательных решений библиографического разыскания.

1. В вышедшем в 1905 г. «Новом сборнике статей по славяноведению, составленном и изданном учениками В. И. Ламанского при участии их учеников, по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности» есть приложение — «Библиографические перечни ученых и ученолитературных трудов учеников В. И. Ламанского и их учеников». Здесь, в перечне трудов П. Д. Драганова под № 49 значится: «Литература о русском правописании и русской стилистике. I. Орфография. II. Орфоэпия». (Спб., 1904). Однако этой работы не оказалось ни в ГПБ, ни в Библиотеке Академии наук, ни в других крупных ленинградских книгохранилищах. Не отмечена она и в «Списке книг, вышедших в России в 1904 г.». Известно, что очень часто составители автобиблиографий указывают в качестве отдельных изданий оттиски своих журнальных или других статей. Предполагая такую возможность и в данном случае, мы должны были бы ожидать, что Драганов, бывший как раз в это время сотрудником императорской Публичной библиотеки, принес ей в дар оттиск своей статьи; однако, как уже было отмечено, работы Драганова там нет. Приходится допустить, что автор по каким-то соображениям не пожелал сделать это.

Таким образом, перед нами встает задача: в каком издании была напечатана работа Драганова «Литература о русском правописании и русской стилистике» (Спб., 1904)? Просматривая список работ Драганова, мы устанавливаем, что он в основном печатался в «Известиях Отделения русского языка и словесности», «Журнале Министерства народного просвещения», «Литературном вестнике», «Известиях С.-Петербургского Славянского благотворительного Общества», «Новом времени» и др. Однако в указателях к первым двум из названных изданий

искомой статьи мы не обнаруживаем. Не дает нам положительного результата и просмотр двух следующих журналов за 1904 г. Перед тем, как обратиться к комплекту «Нового времени» за 1904 г., мы вновь просматриваем перечень трудов Драганова и замечаем, что в тех случаях, когда он перечисляет свои статьи в «Новом времени», описание их всегда очень подробно. Поэтому можно с полной уверенностью отвергнуть предположение, что работа Драганова «Литература о русском правописании и русской стилистике» представляет оттиск из «Нового времени». Внимательный просмотр перечня трудов Драганова приводит к выводу, что искомая нами работа не может являться оттиском, так как в ряде случаев указываемые им оттиски всегда помещены после основного места напечатания (№ 69, 70, 81 и 99). Еще более внимательный анализ перечня трудов заставляет нас насторожиться: в нем есть явные несообразности, например, под № 98 значится работа «Страна угличей и тиверцев. (Материалы по истории, этнографии и статистике). К столетию воссоединения Бессарабии (1812—1912)» — и это в книге, вышедшей в 1905 г.!

Далее в списке трудов Драганова мы находим книги, безусловно не выходявшие в свет, например, № 24—26: «Литература всего относящегося к Пушкину до конца XIX в. включительно» (Спб., 1902), «Указатель произведениям и изделиям художественного, ремесленного, кустарного и лубочного искусства с предметами фабрично-заводской промышленности, появившимися в свет в юбилейном 1899 году и соединенными с именем А. С. Пушкина» (Спб., 1902), «Указатель литературы о благотворительности, просветительных, человеколюбивых и вообще культурных учреждениях имени Пушкина в России и за границей и действующих, как таковые, со времени Пушкинского юбилейного 1899 года» (Спб., 1902). Всех этих книг нет в «Puschkinian'e» А. Г. Фомина за 1900—1910 гг. (Л., 1929). Их и не может быть здесь: все это рукописи. В этом убеждает нас аннотация Драганова к № 25 — «Рукопись в Пушкинском музее при императорском Александровском лицее». Несмотря на то, что это — рукопись, Драганов указывает: «Спб., 1902». Очевидно, в список своих трудов Драганов, помимо напечатанных, включал и рукописные, отмечая место и дату их написания, а в некоторых случаях дату начала работы над темой (см. № 98 выше на этой с.). Этим и объясняется отсутствие во всех ленинградских библиотеках ряда книг, указанных в его перечне. Так, например, безуспешны были поиски работы Драганова, обозначенной в списке под № 4, — «Русские ученые, писатели и публицисты в болгарском переводе с возникновения новоболгарской литературы до нашего времени» (Кишинев, 1895).

Таким образом, разыскание работы Драганова «Литература о русском правописании и русской стилистике» (Спб., 1902) не дало положительного результата. Приходится предположить,

что эта работа не напечатанная. Однако полной уверенности у нас в этом нет, так как «Нового времени» и других изданий 1904 г., кроме перечисленных выше, посмотреть не удалось. Не делалось попыток и отыскать архив П. Д. Драганова, в котором могли бы найтись следы интересующей нас работы.

2. В начале тридцатых годов текущего века в Библиотеку Академии наук СССР поступило из Историко-археографического института требование на книгу Ф. И. Страленберга «Историческое и географическое описание полуночно-восточной части Европы и Азии» (Спб., 1797). Отсутствие этого издания в карточном каталоге Библиотеки Академии наук (общем и специально XVIII в.) — с учетом орфографии «Страленберг» — «Штра-ленберг» привело к передаче этого запроса в Справочно-библиографический отдел. Разыскание было проведено по следующим признакам: а) автор — в указателях русских книг в алфавите фамилий авторов («Каталог русских книг библиотеки С.-Петербургского университета»); б) заглавие — в алфавитных указателях изданий XVIII в. (Сопиков); в) исторический и географический труд — в систематических указателях, включающих издания XVIII в. (Плавильщиков, Смирдин); г) дата — в хронологических указателях русских книг XVIII в. (Ю. Битовт); д) содержание (мемуары, путешествия) — в библиографиях мемуарной литературы (Минцлов); е) содержание (источник для изучения России) — в библиографических указателях отечествоведения («Всеобщая библиотека России» — каталог библиотеки А. Д. Черткова); ж) содержание (источник для изучения Сибири) — в указателях по Сибири («Сибирская библиография» Межова); з) форма («редкая книга») — в указателях библиографических редкостей (Геннади, Березин-Ширяев, Н. Б. <ерезин>). Сделано было предположение, не идет ли речь об оттиске какого-либо периодического издания; обращение к «Указателю» Неустроева дало отрицательный результат.

В дальнейшем процессе разыскания вновь было выдвинуто предположение о том, что искомое издание может рассматриваться как исторический источник, как материал для русской истории или историографии, в связи с чем решено было обратиться к «Опыту русской историографии» В. С. Иконникова. Здесь, действительно, было обнаружено несколько упоминаний искомого произведения, но исключительно как рукописного, причем одни переводы были сделаны по указанию В. Н. Татищева (ум. 1750), другие — по поручению И. И. Шувалова для И. И. Голикова (т. е. в конце XVIII, но до 1787 г., так как первое издание «Деяний Петра Великого» Голикова вышло в 1788—1790 гг.). Заглавие одного перевода, хранящегося в нынешней Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (в составе коллекции рукописей, принадлежавшей Н. П. Дурову), полностью совпадает с искомым изданием, за исключением только места. Вот это заглавие: «Истор. и геогр. опис. полуночноост. части Европы и

Азии, Штраленберга, рус. перев., Вятка, 1797»¹⁶. Расхождение в месте издания в заказе Историко-археографического института и в рукописи позволяло предположить, что в Вятке был только переписан печатный текст перевода.

Неудача всех этих поисков натолкнула на мысль о проверке биографических сведений о Страленберге. В полутоме 62 «Энциклопедического словаря» Ф. Брокгауза и И. Ефрона (с. 723) в статье В. Р. <удако> ва о Страленберге указано, что «Описание» впервые было напечатано на русском языке в 1797 г. в С.-Петербурге, и прибавлено, что выдержки из него были напечатаны в «Сибирском вестнике» за 1888 (№ 18—24). На самом деле, в № 18 «Сибирского вестника» за 1888 г. (от 10 февраля), в статье И. К. «Страленберг в Сибири» говорится: «Сочинение Страленберга <...> к сожалению, в русском переводе не появлялось <...> Мы пользовались книгой „Descriptions historiques de l'Empire Russien, traduits de l'ouvrage allemand etc.” (t. 11, 1757), из которой и перевели описание сибирских инородцев». Таким образом, совершенно очевидно, что указание В. Рудакова в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, послужившее основанием для заказа Историко-археографического института, представляет ошибку, восходящую, возможно, к «Опыту русской историографии» В. С. Иконникова. Следовательно, данное библиографическое разыскание привело нас к отрицательному ответу.

3. Нужно определить автора произведения: «Русские в Париже в 1858 году. Сцены для комедии <!>», напечатанного в «Колоколе» Герцена (1858, 15 марта, л. 11, с. 83—90). В «Колоколе» это произведение напечатано анонимно.

Для решения вопроса обращаемся к персональным библиографиям о Герцене, чтобы выяснить, какие указатели к «Колоколу» существуют. В брошюре Б. Я. Бухштаба «А. И. Герцен. Указатель основной литературы» (Л., 1945, Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) на с. 71 указано: Берков П. Н. Библиографическое описание изданий Вольной русской типографии в Лондоне 1853—1865 гг. Приложение к переизданию брошюры «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне» (М.—Л., 1935). В указанной книге на с. 74 мы находим только те сведения, какие сформулированы в нашей задаче. Следовательно, мы должны предположить, что либо к 1935 г. сведений об авторе анонимного произведения «Русские в Париже в 1858 году» в литературе не было, либо составитель «Библиографического описания изданий Вольной русской типографии в Лондоне» о них не знал. Обращаемся поэтому к новейшей специальной литературе о «Колоколе». По принятому нами порядку, прежде всего смотрим второе издание БСЭ. В т. 22 (1953), с. 19—

¹⁶ Иконников В. С. Опыт русской историографии, т. 1, кн. 1. Киев, 1891. с. 852.

20 находится статья о «Колоколе», сопровождаемая библиографическими сведениями об этом издании Герцена. Среди прочих материалов указаны работы Б. П. Козьмина (Журнально-публицистическая деятельность А. И. Герцена «Полярная звезда» и «Колокол». М., 1952) и З. П. Базилевой («Колокол» Герцена 1857—1867. М., 1949), а также два тома «Литературного наследства», посвященные Герцену (т. 39—40 и 41—42). Просмотр всех этих книг, а также недавно вышедших т. 61—62 «Литературного наследства» не дает решения нашей задачи. Обращение к литературе по Герцену, вышедшей после 1953 г., приводит нас к книге Е. С. Радченко «Колокол» А. И. Герцена и Н. П. Огарева. 1857—1957. Систематизированная роспись статей и заметок (1957, Всесоюзная книжная палата), но и в этой новейшей работе, подводящей итоги библиографическому изучению «Колокола», статья «Русские в Париже в 1858 г.» указана как анонимная. Не находим мы сведений о ней и в рецензии Ю. Г. Оксмана на книгу Радченко в «Вопросах литературы», 1958, № 11, с. 214—220, а также в рецензии В. А. Путинцева в «Советской библиографии», 1958, № 51, с. 123—127.

Следовательно, при современном состоянии вопроса мы должны признать, что предложенная нам задача библиографическими способами решена быть не может.

Означает ли такой вывод, что подобная задача вообще не может быть решена? Нет. Известны случаи, когда обнаруживаются документы, из которых мы узнаем о принадлежности того или иного анонимного или псевдонимного произведения какому-нибудь определенному лицу. Иногда это бывают находки в давно опубликованных письмах, дневниках, воспоминаниях различных деятелей культуры. Так, например, анонимная комедия «Зговор (Игроки)» (Спб., 1783) до недавнего времени оставалась литературной загадкой, пока ленинградский литературовед В. Д. Головчинер не обнаружила в «Записках» П. С. Батурина, напечатанных еще в 1918 г.¹⁷, сведений о принадлежности этому интереснейшему (хотя и малоизвестному) писателю указанной пьесы.

Иногда анонимное или псевдонимное авторство раскрывается благодаря тому, что случайно или в итоге последовательных поисков в собрании сочинений какого-либо писателя — чаще всего малоизвестного — обнаруживается произведение привлекшее наше внимание. Так московским литературоведом Д. Э. Шполянской было установлено, что автором анонимной драмы «Солдатская школа», о которой писал Г. А. Гуковский в «Очерках по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века» (Л., ГИХЛ, 1938, с. 85—93), является Н. Н. Сандунов, прогрес-

¹⁷ Батурин П. С. Записки (1780—1798 гг.). Под ред. и с предисл. Б. Л. Модзалевского. — «Голос минувшего», 1918, № 1/3, январь — март, с. 60—61.

сивный профессор, работавший в Московском университете в конце XVIII — первой трети XIX в.

Приведем еще пример подобных находок. В 1861 г. профессор Московского университета И. М. Снегирев издал книгу «Лубочные картинки русского народа в московском мире» (М., 136 с.); на обороте титульного листа было указано, что, кроме книги, печатается альбом воспроизведений наиболее интересных лубочных картинок. Однако ни в одной библиотеке этого альбома не имеется. Поэтому «Альбом» Снегирева считался лицами, изучавшими лубочные картинки, величайшей редкостью. Между тем в «Дневнике» И. М. Снегирева, изданном в 1904 г., на с. 205—206 отмечено, что за недостатком средств альбом издан не был. Таким образом, справка в этом источнике устранила недоразумение, длившееся почти столетие.

Последний пример показывает, что результаты некоторых библиографических разысканий зависят часто от того, что круг источников, привлекаемых нами для решения поставленных вопросов, ограничивается в основном библиографическими справочниками и не распространяется на другие виды пособий.

Примеры же с комедией П. С. Батурина и драмой Н. Н. Сандунова относятся к числу «случайных» открытий. О роли «случайности» в библиографических разысканиях нам придется подробнее говорить дальше. Сейчас же мы отметим, что к числу подобных находок следует отнести и такие случаи, когда в каких-либо библиотеках сохраняются два варианта той или иной книги: один — анонимный, другой — с указанием автора или переводчика.

Так, например, описанный библиографом А. Н. Неустроевым в его известном труде «Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг.» (Спб., 1874, с. 521—526) журнал «Утренние часы» отличался тем, что почти все помещенные в нем произведения не имели подписи. Поэтому Неустроев ничего существенного не мог сообщить о сотрудниках этого издания. В 1898 г. литературовед Ф. А. Витберг приобрел у одного из петербургских букинистов экземпляр «Утренних часов» (только две первые части из общего числа четырех), в котором под большинством произведений имелись подписи¹⁸. Благодаря этой находке Ф. А. Витбергу удалось установить важный факт в литературной деятельности И. А. Крылова — его выступление с первыми баснями еще в XVIII в., тогда как обычно в то время считалось, что к этому литературному жанру он обратился лишь в 1805 г. К сожалению, открытие Ф. А. Витберга не привлекло должного внимания: ни тогда, ни позднее, насколько нам известно, не было сделано попыток отыскать другие анало-

¹⁸ Витберг Ф. А. Первые басни И. А. Крылова. Испр. отт. Спб., 1900, с. 20 (Отд. отт. из «Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности» имп. Академии наук, [1900], т. 5, кн. 1, с. 204—259).

гичные экземпляры «Утренних часов», которые могли представлять полные комплекты этого журнала или, по крайней мере, содержать третью и четвертую части его. Отыскание двух последних частей тем более важно, что есть основание предполагать участие в «Утренних часах» А. Н. Радищева¹⁹. В книжках старых журналов нередко встречаются различные пометы об авторах статей анонимных или напечатанных под псевдонимом. Таковы, например, коллекции журналов XVIII и первой половины XIX в. из собрания М. Н. Лонгинова в библиотеке Института русской литературы (Пушкинский дом). Такие пометки встречаются и в редакционных экземплярах более поздних журналов. Несколько лет назад таким образом литературовед В. М. Морозов установил принадлежность В. Г. Белинскому рецензии на роман Г.-Х. Андерсена «Импровизатор», напечатанный во втором томе журнала «Финский вестник» за 1845 г.²⁰

Обращение непосредственно к книгам важно еще и потому, что дает иногда возможность установить различие экземпляров одного и того же издания. Так, например, известно, что книги первой четверти XVIII в. отличались этой особенностью. «В процессе работы по описанию изданий первой четверти XVIII в., — пишут Т. А. Быкова и М. М. Гуревич, — выяснилась необходимость детального сравнения между собой возможно большего числа экземпляров одного и того же издания, так как часто обнаруживались в разных экземплярах одного и того же издания различные текстовые и типографские особенности, различные концовки, инициалы. Сравнение приводит ко многим уточнениям, иногда дает картину издания книги»²¹. Сравнение разных экземпляров старых книг важно не только для истории книги или той или иной отрасли науки, к которой принадлежат сопоставляемые «дубликаты», но и для библиографии как таковой. Иногда встречаются экземпляры одного и того же издания, отличающиеся полнотой титульного листа. Так, например, несколько времени назад Т. А. Быкова обнаружила в фондах ГПБ, кроме обычного — анонимного — экземпляра книги «Жизнь и деяния Фридриха II, короля прусского» (Спб., 1788; Сопиков, № 4008) и другой, не известный еще в русской библиографии. На титульном листе обнаруженного издания указана фамилия переводчика — Т. Кириак. Кстати, этот перевод ни в одной библиографии его работ не учтен (у Геннади, в «Русском биографическом словаре» и др.).

¹⁹ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, с. 537.

²⁰ Новые материалы о В. Г. Белинском. — «Веч. Ленинград», 1956, 3 марта, № 54, с. 4.

²¹ Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий гражданской печати, 1708 — январь 1725 г. М.—Л., 1955, с. 40.

В процессе библиографического разыскания очень полезно также просматривать несколько экземпляров книги одного и того же названия, которые могут оказаться принадлежащими к разным изданиям. Так, например, в ГПБ хранятся два экземпляра студенческого сборника «Отклик», изданного в 1881 г. известным впоследствии поэтом-демократом П. Я. (П. Ф. Якубовичем): один — доцензурный, другой — цензурный.

Благодаря наличию первого варианта этого издания, С. А. Рейсеру удалось установить фамилию автора популярного стихотворения тех лет («Если трезвой мысли холод...»), до настоящего времени бывшего анонимным.

Совершенно понятно, что соответствующие пометки на самих экземплярах, сделанные авторами, владельцами или исследователями-библиографами или — что правильнее, — перенесенные на каталожные карточки, также нередко помогают в разысканиях. Бывают «находки» в виде дарственных авторских надписей на анонимных и псевдонимных книгах или оттисках (много примеров этого рода см. в «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И. Ф. Масанова, ч. 1—3. М., Всесоюзная книжная палата, 1956—1958). «Иногда эти подписи, — пишут И. Б. Ардашникова и Е. М. Райковская, — являются единственным источником, на основании которого удается установить автора книги»²².

К находкам такого же характера относятся пометы, встречающиеся на экземплярах анонимных и псевдонимных книг и оттисков, сделанных не авторами, а другими лицами.

В таких случаях, как, впрочем, и в указанных выше, нельзя принимать письменные указания полностью на веру — необходимо тщательно проверить их по другим источникам: ведь сколько стихотворений в рукописных альбомах второй четверти XIX в., а позднее даже в печати²³ ошибочно приписывалось Пушкину.

Примером, подтверждающим правильность чьей-то пометы на анонимной книге, является следующий случай. Много лет нас занимал вопрос о переводчике комедий польского драматурга Ф. Богомольца; печатались эти переводы в последней четверти XVIII в., сперва в Петербурге, а затем в Москве. Лицо, издававшее их, скрылось под инициалами А. А. Более двадцати лет нам не удавалось найти ответы на занимавший вопрос. И только в 1957 г., благодаря любезности Е. И. Кацпржак и Т. А. Быковой, нам стало известно о том, что на экземпляре одной из переведенных комедий Богомольца, находящемся

²² Ардашникова И. Б., Райковская Е. М. Из истории рекаталогизации книжных фондов Государственной публичной библиотеки. — В кн.: Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Опыт работы. [Вып.] 10. Л., 1955, с. 30.

²³ Ефремов П. А. Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях. Спб., 1903, с. 45 (раньше: «Новое время», 1903, № 9845, 9851).

в Гос. исторической библиотеке (Москва), к инициалам А. А. почерком XVIII в. дописано — Аким Апухтин. Проверка биографических данных об Акиме (Иоакиме) Ивановиче Апухтине подтвердила допустимость гипотезы об его авторстве²⁴.

Иногда разыскание не может быть доведено до конца из-за недостатка нужных иностранных пособий, на которые наталкивает русский материал. Так было в двух случаях, заслуживающих упоминания в настоящей работе.

1. В истории русской литературной науки известно анонимное произведение «*Essai sur la litterature russe*», дважды изданное в Ливорно, в 1771 и 1774 г. Оно является переводом (также анонимной) статьи «Известие о некоторых русских писателях», написанной неким «проезжим русским дворянином» и напечатанной в 1768 г. на немецком языке в лейпцигском журнале «*Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freyen Künste*». Вокруг обоих произведений накопилась обширная литература, одним из основных вопросов которой является вопрос об авторе названных работ²⁵. Нами было установлено, что в одном немецком источнике XVIII в. автором книжечки «*Essai sur ea litterature russe*» указан некий D. Blackford, а в «Подробном конспекте по словесности» М. И. Сухомлинова (Спб., 1878, литогр., с. 28) и в его же «Истории русской литературы. Лекции 1879—1880 гг.» (литогр., с. 69) этот же автор назван *Dominicus Blaeckford*. М. И. Сухомлинов почерпнул свои сведения из иного, нежели наш, источника: у него дано полное имя Блэкфорда, тогда как в немецком источнике приведен только инициал Д; кроме того, в последнем указаны: место издания — Рига и дата — 1772 г., у Сухомлинова же — Ливорно и 1771 г.²⁶ В лекциях 1877—1878 гг. Сухомлинов считал автором этой книжки кн. А. М. Белосельского-Белозерского, в лекциях 1879—1880 гг. — С. Г. Домашнева, в обоих случаях полагая, что Д. Блэкфорд — не подлинная фамилия, а псевдо-

²⁴ Берков П. Н. Русско-польские литературные связи в XVIII веке. М., 1958, с. 37—38.

²⁵ Берков П. Н. Кто был автором лейпцигского «Известия о некоторых русских писателях»? — «Изв. АН СССР». Отд-ние обществ. наук, 1931, № 8, с. 937—952 (приведена вся предшествующая литература); Ляшенко А. И. С. Г. Домашнев как автор. — «Известия о некоторых русских писателях» (1768 г.) — Там же, с. 953—975; Шамрай Д. Д. С. Г. Домашнев и «*Nachricht von einigen russischen Schriftstellern*». — Там же, с. 977—983; Томашевский Б. В. Ирон-комическая поэма. Л., 1933, с. 705—706.

²⁶ Свой источник М. И. Сухомлинов скрывал. Составитель конспекта «Истории русской литературы. Лекции 1879—1880 гг.», пишет: «Проф. Сухомлинову удалось еще отыскать памятник», и делает примечание: «Относительно этого вопроса справок навести не мог. Если буду иметь случай узнать об этом, то сообщу в одном из следующих листов». Но в последующих листах этот материал отсутствует. В библиографии трудов М. И. Сухомлинова упоминается еще один литографированный курс его лекций — «Источники и пособия при изучении истории русской литературы», читанный в 1883/84 г., но этой книги нет ни в одном ленинградском научном книгохранилище.

ним. Между тем нашими разысканиями в Библиотеке Академии наук СССР, в каталогах Парижской Национальной библиотеки и Британского музея установлено, что Доминик де Блэкфорд — реальное лицо, переводчик двух книг с шведского и издатель трех книг, включая «Essai sur la litterature russe». Возможно, что он был родом из английских североамериканских колоний. В библиографических словарях и других источниках (шведских, английских и американских) Доминик Блэкфорд отсутствует. Одно время существовала надежда, что сведения об этом лице содержит недоступное нам издание «Blackford genealogy» (F. Munsel's Sons, Albany, New York, sine anno)²⁷. Однако по наведенной для нас Д. С. Д. Симмонсом (Оксфорд) справке, и в этом источнике сведений о Доминике Блэкфорде не оказалось. Таким образом, данное библиографическое разыскание пока не может быть закончено, так как в имеющихся в нашем распоряжении источниках сведения об интересующем нас лице не отражены.

2. В историографии русского театра XVIII в. очень важным источником является статья акад. Я. Штелина «К истории театра в России. Из еще ненапечатанных записок по истории изящных искусств в России», опубликованная на немецком языке в сборнике А. Л. Шлецера «Haigold's Beylagen zum Neuveränderten Russland», Leipzig, 1769, В. 1, (S. 395—432). Во втором томе сборника (1770) помещены аналогичные статьи того же автора о танцах и балетах в России (S. 1—36) и о музыке (S. 37—192). Эти работы Штелина пользуются большой известностью. По словам его биографа — известного немецкого ученого, географа А. Ф. Бюшинга, к указанным статьям академиком Г. Ф. Миллером составлены примечания и помещены в издававшемся Бюшингом журнале «Wöchentliche Nachrichten»²⁸. П. П. Пекарский в «Истории императорской Академии наук в Петербурге» (т. 1. Спб., 1870, с. 577) указывает, что этих примечаний в Петербурге он отыскать не мог. В другом месте той же своей работы П. П. Пекарский приводит более точное указание А. Ф. Бюшинга: в 1774 г. в его, Бюшинга, издании «Wöchentliche Nachrichten» Миллер напечатал примечания на статью Штелина о музыке и драматическом искусстве в России и на карту нового северного архипелага. «К сожалению, — прибавляет П. П. Пекарский, — я не видал этих статей, так как выпусков Wöchentliche Nachrichten, где помещены они, ни в Публичной библиотеке, ни в академической не находится» (с. 415). В Библиотеке Академии наук, однако, имеется полный комплект журнала Бюшинга и, к тому же, с именованным указателем ко всему

²⁷ Подробнее см. нашу статью «Доминик Блэкфорд и русская литература». — «Науч. бюл. Ленингр. ун-та», 1946, № 8, с. 12—14.

²⁸ Busching A. F. Beiträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen. Halle, 1785, В. 3, S. 159.

изданию. Но, действительно, там примечаний на статьи Штели-на об искусствах нет. Возникает, однако, сомнение, могли ли эти примечания вообще быть напечатаны в «Wöchentliche Nachrichten» — издании, подзаголовок которого гласит: «Журнал, специально посвященный сообщению сведений о географических картах и критике их» (Берлин, 1773—1787).

Таким образом, формулируется задача библиографического разыскания: где напечатаны примечания Г. Ф. Миллера на статьи Штелина о театре и музыке в России? Очевидно, придется придти к выводу, что в настоящее время мы не в состоянии решить эту задачу. Следует отметить, что двукратный наш запрос в библиотеки Германской Демократической Республики не дал никаких результатов. Теперь вернемся к случаям с неопределенным результатом. Подобный исход разыскания, как мы уже указывали, имеет место тогда, когда нашему искомому в библиографических справочниках отвечает не одно, а несколько решений. Это чаще всего бывает в тех случаях, когда задание библиографического разыскания сформулировано недостаточно определенно, когда некоторые элементы его широки и неуточнены. Подтверждение сказанного можно найти в нижеследующем примере, где в задании содержится несколько неполных признаков, которым, именно в силу их неуточненности, в библиографических указателях соответствует ряд решений.

Нужно установить, кто является автором беллетристического произведения (точно жанр неизвестен) под заглавием «Встреча», напечатанного в одной из русских газет 90-х гг. прошлого века. Обращение к наиболее полному справочнику, содержащему перечни заглавий литературных произведений — «Указателям к XIII отделу систематического каталога русских книг Кронштадтской морской библиотеки. Словесность» (Кронштадт, 1905)²⁹, позволяет установить, что под таким заглавием существуют произведения В. И. Бибикова, В. Крестовского (Н. Д. Хвощинской), А. В. Круглова и И. Н. Потапенко. В алфавитном указателе заглавий при «Биографиях русских писателей» А. П. Добрыва (Спб., 1900) под тем же заглавием отмечены еще рассказы А. Афанасьева и В. М. Гаршина. Так как А. С. Афанасьев умер в 1875 г., Гаршин в 1888, В. И. Бибиков в 1892, Н. Д. Хвощинская в 1889, а произведение А. В. Круглова было напечатано в 1890 г. (см. А. В. Мезьер. Русская словесность, с XI по XIX столетие включительно, ч. 2. Спб., 1902, с. 161, № 9549), то все они не подходят в качестве искомых кандидатов³⁰. А повесть И. Н. Потапенко отдельно вышла в 1895 г.

²⁹ Хотя в нашем задании речь идет о газетной публикации, а в кронштадтском указателе учтены только отдельные издания и журнальные тексты, обращение к этому источнику все же целесообразно, так как иногда некоторые подобные произведения предварительно печатались в газетах.

³⁰ Впрочем, не исключена возможность, что в газете могло быть опубликовано данное произведение посмертно.

(см. Мезьер, там же, с. 309, № 14802); поэтому можно было бы предположить, что речь в нашей задаче идет именно об этом произведении. Такое предположение было бы еще более убедительным, если бы оказалось, что «Встреча» И. Н. Потапенко печаталась в какой-либо русской газете.

Отыскивая биографические данные об И. Н. Потапенко, мы, среди прочих материалов, обращаемся к такому библиографическому пособию, как «Сотрудники „Русских ведомостей“ 1863—1913»³¹. Действительно, здесь, на с. 139, мы находим указание, что в этой газете в 1892, № 276, была напечатана «Встреча» Потапенко. Казалось бы, вопрос нами решен окончательно. Однако полной уверенности у нас быть не может, так как произведений с подобным заглавием в газетах было немало. В частности, в «Нижегородском листке» (1896, 20 ноября, № 321, с. 1) была напечатана «Встреча. (Набросок)» М. Горького (см.: Балухатый С. Д. Литературная работа М. Горького. М.—Л., 1936, с. 35, № 235).

Мы привели ряд примеров различного рода библиографических разысканий — и простых, и более сложных; как с положительными, так и с отрицательными, и неопределенными результатами. Все их объединяет то, что они произведены не по карточным каталогам крупных библиотек, которые многим недоступны, а по различным библиографическим источникам. Однако сопоставление наших материалов с данными, заключающимися в работах библиографов — М. А. Садовой, Н. Ф. Козловой и М. П. Кожаниной, Е. А. Павлович, В. Э. Богграда и других лиц, пользовавшихся в своих разысканиях карточными каталогами крупнейших советских книгохранилищ, показывают, что принципиальная сторона процесса разыскания одна и та же, независимо от того, осознана ли теоретически эвристическая методика или не осознана. Из анализа приведенных примеров можно сделать ряд выводов.

Во-первых, не следует думать, будто все можно найти в печатных источниках.

В старину европейские архивисты утверждали: «Quod non est in actis, non est in mundo» («Чего нет в документах, того нет в природе»). Сейчас никто не полагает, что в печатных или рукописных источниках отражено все. Конечно, не следует также впадать и в прямую противоположность, полагая, что в печатных источниках ничего нельзя найти. Человеку, не работающему в таких крупнейших научных библиотеках СССР, как ГПБ, БЛ, БАН и некоторых других, в которых имеются обширные карточные каталоги, много труднее и сложнее производить библиографические разыскания. Тем не менее некоторые наблюдения и выводы работников справочно-библиографических бюро

³¹ Русские ведомости. 1863—1913. Сборник статей М., 1913, с. 1—219 (паг 2-я): Сотрудники «Русских ведомостей» 1868—1913.

библиотек имеют общеметодологическое значение. Одно из них тесно связано с первым нашим выводом из анализа произведенных выше примеров.

Опытный библиограф ГПБ М. А. Садова пишет: «В работе с читательскими требованиями библиографом должна руководить уверенность в существовании спрашиваемого издания, как бы неполноценно ни выглядело требование на первый взгляд, как бы тяжело ни поддавалось определению». Правильность этого тезиса М. А. Садова обосновывает своими многолетними практическими наблюдениями: «В большинстве случаев читатель бывает прав, и его требование включает если не всю истину, то хотя бы часть ее. Ошибки его памяти, источника, неудовлетворительная редакция требования, незнание читателем трудностей розысков, связанных с масштабами крупнейших книгохранилищ с недостаточно раскрытыми фондами, наконец, неизбежные пробелы и в самом фонде библиотеки, хотя сравнительно и редкие,— все это и многое другое создает тот запутанный лабиринт, из которого библиографу приходится выбираться иногда путем длительной и упорной работы». И затем М. А. Садова приходит к выводу: «Исчерпав все указания читателя, библиограф имеет уже право больше не верить ему, отойти от его показаний, но отойти не для того, чтобы прекратить разыскание, а, напротив, чтобы «в дальнейшем проявить инициативу, учитывая возможность разнообразнейших ошибок (в годе издания, в написании фамилии автора) или неполноту данных, не позволяющих сразу определить нужное издание, и т. д.»³²

И, наконец, вполне правильно заключительное положение М. А. Садовой в этом разделе ее работы: «Настойчивость в поисках требуемого издания и большое терпение должны характеризовать всю работу библиографа. Никогда не следует падать духом при первой неудаче. Надо хладнокровно и упорно двигаться вперед по тернистому пути розысков, веря в неисчерпаемые фонды своего книгохранилища» (с. 35—36).

Чрезвычайно поучительную иллюстрацию к цитированным словам М. А. Садовой представляет следующий случай, сведения о котором почерпнуто нами из брошюры М. Л. Лазарева «Навстречу читателю» (М., Госкультпросветиздат, 1953, с. 21—22). К дежурному библиографу Горьковской областной библиотеки имени В. И. Ленина обратился студент с просьбой отыскать устно указанную ему профессором статью, заглавия и автора которой он не расслышал, как не расслышал и название журнала. Переспросить профессора студент постеснялся, так как тот спешил, а в данный момент — профессора в Горьком нет. Единственное, что читатель запомнил — это был номер журнала — 19;

³² Садова М. А. Библиографические разыскания при выполнении читательских требований Л., 1955, с. 32; ср. с. 136. (Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Ротатор.

«Автор статьи, кажется историк»,— прибавил студент. После некоторых попыток разными путями найти ответ на запрос читателя, обращаясь к его памяти, библиограф решил отправиться от единственного фактического материала, сообщенного студентом,— от цифры 19. Вспомнив, что «Исторические записки» имеют сквозную по годам нумерацию, он достает № 19 «Записок». Юноша быстро перелистывает страницы журнала и находит нужную ему статью.

Приведенные нами выше выдержки из книг М. А. Садовой и М. Л. Лазарева как будто противоречат нашему положению о том, что не следует думать, будто бы все можно найти в печатных источниках. На самом же деле противоречия нет. Достаточно указать на многие факты современной литературы и общественно-политической жизни, которые не успели еще отразиться в печатных, тем более библиографических источниках. Кроме того, многие аналогичные факты прежних десятилетий и столетий не нашли вообще отражения в печати и, в лучшем случае, запечатлены в рукописных источниках, сохраняющихся в архивах, работа в которых значительно сложнее, чем в книгохранилищах. Вместе с тем известно, какое множество письменных документов из частных архивов (писателей, ученых, политических и общественных деятелей, деятелей искусства) вообще погибло.

Поэтому при общей правильности положений М. А. Садовой нужно все же понимать, что в ряде случаев разыскания прекращаются не в результате неопытности библиографа, а вследствие того, что некоторые факты не нашли своего отражения в печатных источниках.

Во-вторых, библиографическое разыскание есть процесс диалектико-логического суждения, основанный на многообразной связи явлений культурной жизни.

Мы видели, что в каждом из наших примеров задание подвергалось анализу, расчленению; устанавливались углы зрения, под которыми представлялось возможным и целесообразным обращаться к тому или иному библиографическому справочнику. В отдельных случаях нам было достаточно простых логических операций, иногда приходилось прибегать к значительно более сложным процессам, но и в первой и во второй категории разысканий мы действовали не под влиянием необъяснимых импульсов, а опирались на законы логики, руководствовались научными приемами мышления, а не «простым житейским здравым смыслом», пренебрегать которым, конечно, не следует, но не следует и абсолютизировать его.

В своих разысканиях мы отправлялись от приведенной выше <...> схемы классификации библиографических трудов, каждый раз стремясь обнаружить логическую связь между нею и нашим заданием и опираясь при этом на законы научного мышления. Говоря о правильном научном мышлении, мы разумеем

такое мышление, которое пользуется марксистским диалектическим методом, т. е. такое, которое отрешилось от метафизического понимания предметов и явлений, а рассматривает их во взаимосвязанности и взаимозависимости.

Только стоя на материалистической диалектико-логической точке зрения³³ и можно вести библиографическое разыскание. Эмпирическая позиция А. Г. Фомина, его инструктивно-рецептурные указания, что в таком-то случае следует обратиться к такому-то типу библиографических справочников, по существу закрывают пути библиографического разыскания, как только выясняется, что в данном типе справочников нет нужного нам ответа. Именно здесь и оказывается, что простой здравый смысл недостаточен, что эмпирические обобщения могут служить только до известного предела и что для дальнейшего ведения разыскания нужен материалистический диалектико-логический подход. Никакая интуиция и эмпирика не даст ответа там, где необходимо распутывать клубки связей. Поэтому права М. А. Садова, утверждая, что «в процессе работы над требованием приходится иногда оставлять один путь розысков, на котором библиографа постигает неудача или который оказывается недостаточным, и переходить на другой и третий, показавшиеся вначале менее убедительными» (с. 139). Но в этом, как мы сказали, правильном утверждении не все договорено до конца: нужно и можно только потому, что здесь действуют законы диалектической логики.

В-третьих, библиографическое разыскание может производить любой грамотный человек, овладевший основными положениями библиографической эвристики, а не только «избранные люди».

Принципы библиографического разыскания достаточно просты и могут быть легко усвоены. Конечно это не значит, что нет библиографов, которые быстрее других решают задачи разыскания и умеют найти ответы на вопросы более сложные, а иногда и вовсе трудные. Но это совсем не связано с какой-либо интуитивистской точкой зрения. В письме к Кугельману от 11 июля 1868 г. Маркс указывал, что нормальное человеческое мышление, сохраняя свой постоянный характер, имеет различные степени зрелости развития и, в частности, развития органа мышления³⁴. Сказанное Марксом можно отнести и к работе библиографа: мышление последнего постепенно развивается, становится более зрелым, распутывание клубков связей, требующее на первых

³³ Сознательно или бессознательно, не так уж существенно. «Ответы» и «решения», которые дает Л. Н. Мальклес в своем «Cours de bibliographie» несомненно лежат в плоскости материалистического диалектико-логического мышления, хотя, вероятно, сама Мальклес этого не осознает и, может быть, даже станет отрицать.

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 1-е, т. 25, с. 525. (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е, т. 32, с. 461.— *Ред.*)

порах известных напряжений органа мышления, с приобретением опыта делается все более и более легким, привычным, закономерным. Можно даже сказать, что происходит процесс, который в логике называется энтимемой, то есть, некоторые звенья рассуждения, ввиду их понятности, опускаются. Именно только в этом смысле и можно говорить об индивидуальных чертах специалиста, занимающегося библиографическим разысканием.

Здесь следует остановиться на вопросе о так называемой «догадке», которой в литературе о библиографическом разыскании уделяется известное место. «Библиографическая догадка, — пишет М. А. Садова, — сопутствует библиографу во все время работы. Здесь открываются разнообразные пути и неисчерпаемые возможности в зависимости от личных свойств библиографа, его опытности, быстроты соображения и т. п.» (с. 139).

Но ведь сказанное М. А. Садовой о догадке имеет место в любой области человеческой жизни. Следовало бы полностью отказаться от таких терминов, как «интуиция», «чутье» и «догадка», потому, что в них есть какой-то привкус веры в «чудесное», «необыкновенное». А между тем в «догадке» нет ничего необыкновенного. Это то же самое установление связей, только более отдаленных, лежащих не на поверхности, но, тем не менее, связей, реально существующих, а не выдуманных. М. А. Садова правильно подобрала синоним к слову «догадка» — «быстрота соображения».

Из сказанного явствует, что «догадка» при библиографическом разыскании есть такой же логический процесс, как и обыкновенная справка в библиографическом пособии, с той только разницей, что в первом случае опускаются близкие связи и раскрываются далекие, во втором — устанавливаются ближайшие связи, и этим процесс заканчивается. Если именно так понимать догадку, то в ней нет ничего такого, что противоречило бы библиографическому разысканию как логическому процессу. «Библиографическая догадка, — читаем мы у М. А. Садовой, — не есть просто предположение, догадливость, не „а вдруг так“, „а может быть“, она — нечто большее; это догадка, имеющая под собой солидный фундамент — знание всей энциклопедии библиотечной работы с читательскими требованиями, большее или меньшее знание книги и т. п. Она сопутствует библиографу на всем протяжении его рабочего дня. Она помогает ему быстро выправить фамилию автора, сразу переключиться от книжного каталога к периодическим изданиям, найти не тот, так другой выход из создавшегося затруднительного положения. Бывают, конечно, случаи, когда она обманывает библиографа, и указанный ею путь ни к чему не приводит, но без смелых предположений не может быть творческой работы, интересных и ценных находок. Библиограф в своей работе подчиняется общим законам логики, поэтому его смелые предположения нередко оказываются верными» (с. 119).

В этой связи необходимо коснуться вопроса о роли «случайности» в процессе библиографического разыскания. Опыт показывает, что так называемая «случайность» на самом деле представляет действие каких-то обусловленностей. Приведем пример. Несколько лет назад б. заведующая Библиотекой института русской литературы (Пушкинский дом) Л. Г. Гринберг рассказала нам следующий случай. Пришедший к ней по какому-то делу акад. И. Ю. Крачковский во время разговора взял со стола томик журнала пушкинского времени и машинально стал его перелистывать, продолжая вести деловую беседу. Вдруг он вскрикнул — от радости и изумления: им было найдено, как он объяснил своей собеседнице, сведение, которое он разыскивал несколько десятилетий. На первый взгляд это — случайность? Конечно! Но что здесь случайного? Не то, что И. Ю. Крачковский в течение нескольких десятков лет помнил свое «недостающее звено», а то, что ответ пришел тогда, когда ученый не ожидал его, не был подготовлен к этому, когда он не искал этого ответа специально.

Остановимся еще на одном примере. В работе над докторской диссертацией «Ломоносов и литературная полемика его времени 1750—1765.» (М.—Л., 1936) автор данного труда столкнулся с рукописью 1760 г., озаглавленной «Лифляндская экономия» — копией перевода с немецкого, сделанного Ломоносовым в 1747 г. Никаких указаний на источник в ней не обнаружено. Ознакомление с текстом рукописи показало, что «Лифляндская экономия» — труд по сельскому хозяйству Прибалтики. В немецких библиографических справочниках ни одного труда XVII и первой половины XVIII в. с заглавием «Лифляндская экономия» не оказалось. Прежде чем обратиться к четырехтомному «Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland» И. Ф. Реке и К. Э. Напьерского и к их двухтомному дополнению, искать в котором можно только путем последовательного просмотра страницы за страницей, решено было пойти по другому пути. Зная, что в Библиотеке АН книги до конца XIX в. расставлялись по так называемой Бэровской системе, то есть в соответствии с определенной классификацией наук, а в пределах каждой из них — в хронологической последовательности изданий, мы стали просматривать в отделе «сельское хозяйство» книгу за книгой, надеясь в предисловиях найти какие-нибудь следы «Лифляндской экономии». Сначала нас постигла неудача. Однако, когда нам в руки попала книга С. Губертуса «Stratagema oeconomicum oder Akker-Student» (Riga, 1688), было обнаружено, что, хотя в предисловии к ней ничего не сказано об интересующей нас работе, через все страницы проведен колонтитул «Liefländische Oeconomia». Сопоставление рукописи Ломоносова с текстом книги С. Губертуса подтвердило, что последняя и есть искомая «Лифляндская экономия». Таким образом, источник перевода Ломоносова был

установлен, но неясно было, почему книга «Stratagema oeconomicum, oder Akker-Student» называлась «Liefländische Oeconomia». Продолжая просмотр книг по сельскому хозяйству Прибалтики, мы нашли, как и предполагали, ответ и на этот вопрос: в предисловии И. Г. Арндта к книге И. Б. Фишера «Liefländisches Landwirtschaftsbuch» (Halle, 1753) указано, что пространное рукописное руководство по сельскому хозяйству, написанное в первой половине XVII в. рижским городским врачом Штопиусом и озаглавленное «Liefländische Oeconomia», пользовалось широкой популярностью, но из-за своего большого объема не было напечатано. Неизданной работой Штопиуса воспользовался С. Губертус, поэтому в читательской и издательской практике она называлась «Лифляндской экономией»³⁵.

Как видно из данного примера, решению разыскания помогла тоже «случайность» — в издании «Stratagema oeconomicum» 1688 г. оказался колонтитул «Liefländische Oeconomia». Но, если бы этой случайности и не было, правильный путь разыскания (чтение предисловий и просмотр текста) все равно привел бы к положительному ответу³⁶. В книге М. А. Садовой мы находим по этому поводу несколько дельных и интересных мыслей: «Скажем два слова о „случайных“ находках. Как ни странно кажется на первый взгляд это определение, но несомненно в практике встречаются подобного рода примеры. Что следует понимать под „случайной“ находкой? Это может быть и неожиданная встреча библиографа со специалистом, в один миг разрешающим его недоумение, и вдруг бросившаяся ему в глаза карточка с фамилией автора, которого долго и безуспешно искали, и т. д. <...> Случайные находки объясняются, с одной стороны, действительно удачной случайностью, а с другой — тем обстоятельством, что во время работы библиограф постоянно озабочен, обеспокоенная память всегда держит его начеку; приковывает его внимание не только к требованиям, уже попавшим в работу, но очень часто и к другим, к которым он едва прикоснулся или, наоборот, к уже законченным» (с. 119—120).

Все эти замечания правильны лишь в основном — потому что библиограф озабочен своими неудачными розысками не только во время работы, но и вне ее. Больше того, безуспешные разыскания вызывают у него особые психические раздражения, своего рода травмы, поэтому вполне естественно, что память его с большей активностью реагирует на всякие материалы, которые могут помочь решить незаконченное разыскание. На все, что так

³⁵ См. нашу работу: Ломоносов и «Лифляндская экономия». — В кн.: Ломоносов. Сборник статей и материалов. 2. М.—Л., 1946, с. 271—276.

³⁶ Так как в данном разыскании установление источника ломоносовского перевода велось исключительно библиографическими средствами, без обращения к историко-литературному стилистическому анализу, автор счел возможным привести этот пример, хотя вообще считает разыскания литературных источников задачами, лежащими за пределами библиографии.

или иначе связано с последним, он обращает повышенное, а иногда, может быть, болезненное внимание, тогда как в другое время равнодушнейшим образом прошел бы мимо многого. Это одна из особенностей профессиональной памяти библиографа, которая развивается у него, как развиваются другие свойства у специалистов иных областей науки и искусства.

Таким образом, анализ различных разысканий первого типа как с положительными, так и отрицательными, а также неопределенными результатами свидетельствует о том, что путь рассуждения во всех случаях остается один и тот же: установление на основе материалистической диалектики тех конкретных связей, которыми искомое нами «недостающее звено» объединено с теми или иными библиографическими описаниями разнообразных явлений человеческой культуры, отраженных в печатных или рукописных произведениях.

Глава пятая

Особенности библиографического разыскания второго типа — подбора литературы по определенному вопросу и связь этого разыскания с методикой составления библиографических указателей. — Анализ «сплошного» и «эпизодического» методов составления библиографических указателей. — Методика разысканий, представляющих подбор библиографического материала.

Как уже указывалось выше, библиографические разыскания бывают двух типов: а) установление «недостающего звена» и б) максимально или относительно полное выявление (подбор) литературы по определенному вопросу: по той или иной теме, либо какому-нибудь лицу, либо вышедшей за какой-то указанный период, либо в каком-то определенном месте и т. д. Разыскания первого типа рассмотрены нами выше, при этом было показано их значение для науки.

Библиографические разыскания второго типа еще в большей мере являются одним из важнейших условий развития науки и культуры в целом. Именно благодаря накоплению и приведению в систему библиографических сведений о любой отрасли человеческой культуры, создается возможность исторического ее изучения. Подобранная по данной теме библиография представляет как бы скелет и основу историографического обзора соответствующего вопроса. Благодаря наличию такой библиографии, можно установить не только историю вопроса, но и действующие в рассматриваемой области тенденции, наметить еще не решенные проблемы, определить имена лиц, связанных с развитием определенной отрасли жизни общества и создать предпосылки для более детальной разработки темы. Таким образом, библиография литературы по определенной теме — это

условие для подведения итогов в изучении проблемы и составления планов дальнейших исследований.

Поэтому так существенно создание библиографий именно по тем вопросам общественной жизни, которые только понемногу, постепенно начинают привлекать внимание исследователей. Вначале это даже не специальные, самостоятельные работы по данному вопросу, а только попутные замечания в трудах, посвященных другим темам. мимоходом оброненные суждения и частные наблюдения, реже — обобщения. Затем начинают появляться и специальные, хотя и небольшие работы, — скорее всего статьи, — на данную тему, и лишь затем возникают и книги. Так складывается то, что называют литературой вопроса. Подобранные материалы становятся «литературой вопроса» только тогда, когда они хотя бы самым первичным образом библиографически оформлены. Примером сказанного могут служить возникшие совсем недавно библиографии литературы о мирном применении атомной энергии, кибернетике, в частности, о проблемах машинного перевода, об астронавтике и т. д.

Таким образом, библиографически подобрать литературу по какому-нибудь новому или старому вопросу — это значит, руководствуясь определенными критериями и методическими принципами, выделить из бесконечного множества произведений печатной и рукописной (а иногда — какой-либо одной) продукции соответствующие теме материалы. Процесс такого выделения подлежащей учету литературы несомненно является библиографическим разысканием, и иногда очень нелегким. Его характерной особенностью является прежде всего то, что оно имеет дело не с «недостающими звеньями», как первая рассмотренная группа разысканий, а с полными описаниями произведений печати или рукописных документов. В разысканиях первой группы мы имели дело с установлением то автора, то заглавия, то выходных данных, то каких-либо иных элементов книги (иллюстрации, карты, количество томов, порядковый номер издания и т. д.); в данном же случае нас интересуют все составные части описания.

Задачи отбора у нас могут быть разные. Мы можем учитывать всю вновь выходящую печатную продукцию СССР или всю печатную продукцию на каком-либо одном национальном языке. Можно учитывать библиографический материал, посвященный той или иной отрасли культуры, определенной теме или какому-нибудь частному вопросу. Может производиться подбор по признаку персональному — когда составляется библиография трудов одного лица или группы лиц, например: преподавателей определенного учебного заведения³⁷ или ряда учебных заведе-

³⁷ Коган М. Я. Библиографический указатель печатных работ коллектива научных работников Иркутского государственного педагогического института за 1940—1957 гг. — «Учен зап. Иркут. пед. ин-та», 1958, вып. 16. Кафедра марксизма-ленинизма, истории СССР и всеобщей истории, с. 369—400.

ний³⁸; работ членов какого-либо научного или литературного общества³⁹ или учеников какого-нибудь крупного ученого⁴⁰. Возможны библиографические разыскания в полном хронологическом объеме или как-то ограниченные. Имеют место библиографические разыскания по территориальному, краевому принципу и т. д.

Выше приходилось отмечать, что подобные библиографические разыскания имеют тесную связь с составлением библиографических указателей. Точнее говоря, разыскание-подбор представляет один из основных элементов работы по созданию библиографических указателей. Поэтому естественно, что часть вопросов, образующих методику составления библиографических указателей, относится и к методике подобного рода библиографических разысканий. К этим вопросам надлежит сейчас обратиться: раньше мы знакомились с методикой составления библиографических указателей для того, чтобы уметь лучше пользоваться ими для разыскания-установления недостающего звена; сейчас мы обратимся к этой же методике с иной целью, — чтобы усвоить приемы разыскания нужного нам по нашей теме библиографического материала.

При изложении приемов анализа библиографического указателя было отмечено, что на первом месте стоит точное определение темы данного библиографического справочника, затем — его идеологической позиции, профиля, характера, объема, хронологических границ, приемов описания, конструкции, наличия вспомогательных ключей, предисловия, списков использованной литературы и т. д. Первые шесть из перечисленных вопросов относятся к собиранию материала, остальные к оформлению этого материала в указатель. Нас сейчас интересует первый круг вопросов.

Понятно, что библиографическое разыскание-подбор материала может быть успешно осуществлено только в том случае, если с необходимой степенью точности будет определен объект подбора, тема данного разыскания. А точно установить тему, объект вовсе не так просто, потому что в социальной действительности, особенно в культуре, разграничение близких и смеж-

³⁸ Статьи научного и педагогического содержания, изданные лицами, состоящими на службе при средних и низших учебных заведениях Киевского учебного округа. Опыт сист. каталога. Составлен в 1895 г. Киев, 1895. 59, 11 с.

³⁹ Словарь, членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. М., 1911. 2, 11, 342, 1 с.

⁴⁰ Семинарий русской филологии академика В. Н. Перетца. Участники Семинария — своему руководителю. Л., изд. Семинария русской филологии, 1929, с. 33—56; Работы членов Семинария. — В кн.: Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности. Спб., 1905 Приложение, с. V—LXI: Библиографические перечни ученых и учено-литературных трудов учеников В. И. Ламанского и их учеников.

ных областей не всегда легко заметно и, главное, не легко формулируется. Например, мы предпринимаем составление библиографии русских народных картинок. Казалось бы, и объект определен, и тема уже сформулирована. Но как только мы приступаем к отбору материала, возникают такие недоуменные вопросы: должны ли считаться народными картинками на религиозные темы, резанные монахами Киево-Печерской лавры в XVII—XVIII вв. или изготовлявшиеся разными издателями XIX—XX вв.? Нужно ли причислять к народным картинкам Теребеневские карикатуры 1812 г., обложки лубочных книжек, песенников? Подлежат ли включению в понятие «народные картинки» плакаты досоветского и советского периода? и т. д.

Таких примеров можно привести бесконечное множество, так как почти любая библиографическая работа по подбору материала с самого ее начала сталкивается с большими трудностями при определении объекта разыскания. Кажется, проще всего в этом отношении обстоит дело с персональной библиографией⁴¹, в первую очередь библиографией произведений литературного или научного деятеля. Все остальные вопросы первой группы только облегчают последующее библиографическое разыскание данного типа, так как вносят в тему уточнения идеологического характера, ограничения в отношении хронологии и объема материала (книги или статьи; журнальные или газетные); определяют профиль (рекомендательный, научный), тип справочника (аннотированный, регистрационный). Лишь после того, как совершенно четко и ясно сформулирована и ограничена тема и установлены принципы, можно приступить к библиографическому разысканию-подбору материалов. Но как из необозримой массы книг и статей производить отбор намеченного материала? Что должно быть в данном случае критерием?

Рассмотрим простейший случай, когда библиографическое выявление материала происходит в пределах одного языка, без ограничения в отношении времени и идеологии, то есть, когда имеется в виду «идеальная» библиографическая полнота. В подобном случае отбор материала подчинен только одному требованию: отобранное должно соответствовать теме, то есть в подобранном материале должно быть нечто общее с темой — то, что, по существу, либо полностью, либо частично совпадает с ней. Например, для темы настоящей работы — «Библиографическая эвристика» — автором подбирались материалы, в котором непосредственно или попутно была затронута та же проблема. К нему относятся уже названные выше работы: статья Н. Ю. Ульянинского «Библиографическое разыскание (эвристика)», разделы книг А. Г. Фомина, озаглавленные «Методы разыскания ма-

⁴¹ Впрочем, см. по этому поводу статью С. Д. Балухатого «К пересмотру принципов литературной библиографии. (Тезисы докл.)». — В кн.: Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934, с. 459—463.

териалов для литературоведческой работы» и «Методы разыскания библиографических сведений о произведениях К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина и работах о них», соответствующая глава книги Е. И. Шамурина «Методика библиографической работы», книга М. А. Садовой «Библиографические разыскания при выполнении читательских требований» и др. Общим как для темы настоящей книги, так и для перечисленных работ является понятие «разыскание». Здесь же общее основание отбора, как явствует из приведенных данных, совпадает с формулировкой темы. Выявлять подобный материал помогают оглавления книг или содержания сборников и журналов, а в особенности предметные, именные и прочие указатели. Отсюда становится понятно, как важны толковые, подробные оглавления и всякие указатели в книгах, в многотомных изданиях, журналах и т. д.⁴² Однако в привлеченном автором материале имеется и статья А. Г. Фомина «Библиография литературы», помещенная в «Литературной энциклопедии» и лишь частично затрагивающая вопрос разыскания. При сравнительном анализе темы настоящей книги («Библиографическая эвристика») и заглавия только что названной статьи А. Г. Фомина найти общее уже трудно, почти нельзя. Но если предположить, что отдельные части статьи А. Г. Фомина имеют свои заглавия, станет очевидно, что те части, которые могли бы быть озаглавлены «Библиографическое разыскание», уже подходят под основное правило как имеющие общее основание деления с темой настоящей работы.

Итак, при подборе материала по какой-либо теме необходимым условием является соблюдение логического закона о достаточном основании или общем основании деления. Привлеченные библиографические источники, несмотря на наличие общего основания деления, имеют все же отличительные черты. Так, например, в статье «Библиографическое разыскание (эвристика)» Н. Ю. Ульянинский ставит вопрос широко, не ограничивая материала, а названные разделы книг А. Г. Фомина, напротив, имеют специальный характер, в первой из книг проблема разрешается на материале истории литературы, во второй — на произведениях классиков марксизма-ленинизма. Таким образом, при библиографическом разыскании-подборе нужно в зависимости от характера темы идти по линии учета либо общего материала, либо частного; при этом тема общего порядка требует материала и общего и частного, тема же частного порядка — по преимуществу материала частного. Соответственно с этим и должно строить разыскание-подбор.

После точного определения темы разыскания этого типа, в зависимости от ее характера, общего или частного, мы ищем

⁴² Кричевский Г. Г. Об указателях к содержанию книг и периодических изданий. — «Сов. библиогр.», 1949, вып. 1 (26), с. 24—31.

по принципу общего основания деления нужный материал в уже существующих библиографических указателях, в тематически одинаковых или родственных журналах, сборниках, газетах и т. д. Однако, помимо специальных изданий, необходимо учитывать и общие, в которых может оказаться нужный материал. Здесь пока речь идет о работах более или менее крупного размера: книгах, статьях, рецензиях. Иногда, однако, имеет исключительно важное значение не только такой материал, но и более дробный, например, специальные высказывания корифеев науки по тому или иному вопросу, связанному темой разыскания-подбора. В таких случаях следует обращаться к предметным указателям для отыскания предметного слова, полностью или частично совпадающего с разрабатываемой темой или имеющего общее основание деления с одним из объектов, охватываемых ею. Нетрудно заметить, что в таком случае предметное слово может рассматриваться как заглавие (пусть не авторское) для соответствующего отрывка, то есть иными словами, принцип остается тот же, что и при отборе крупных работ.

Нельзя попутно не отметить, что В. И. Ленин придавал большое значение наличию предметных указателей в серьезных книгах. Так, в рецензии на книгу «Экспонаты по охране труда на Всероссийской гигиенической выставке в С.—Петербурге в 1913 г.» (Спб., 1913) В. И. Ленин писал: «К книге приложен прекрасный указатель литературы по вопросам охраны труда. Недостаток книги — отсутствие во многих случаях абсолютных цифр (указаны только относительные цифры) и общего *предметного* указателя, который давал бы возможность быстро находить соответствующие данные по отдельным вопросам. Было бы желательно, чтобы при следующих изданиях эти недостатки были исправлены»⁴³. В статье «Переписка Маркса с Энгельсом» он же указывал: «С технической стороны, неудовлетворительно составлен указатель, один ко всем четырем томам (например, пропущены имена Каутского, Стирлинга)»⁴⁴. В известной работе «Еще раз о профсоюзах <...>» В. И. Ленин высказал пожелание, чтобы вышедшее тогда в свет «издание сочинений Плеханова выделило все статьи по философии в особый том или особые томы с подробнейшим указателем и проч.»⁴⁵. Наконец, в апреле 1921 г. он направил в Госиздат (копия Книжной палате) письмо, в котором предлагал: «Составить подробнейший систематический и алфавитный указатель к месячному комплекту указанных газет, который обнимал бы все материалы, имею-

⁴³ Ленин В. И. Сочинения. Изд. 4-е, т. 20, с. 72 (Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 24, с. 282 — *Ред.*).

⁴⁴ Ленин В. И. Сочинения. Изд. 4-е, т. 19, с. 502. (Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 24, с. 263. — *Ред.*).

⁴⁵ Ленин В. И. Сочинения. Изд. 4-е, т. 32, с. 73 примеч. (Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 42, с. 290. — *Ред.*).

щиеся в газете, включая объявления»⁴⁰. К сожалению, высокая оценка В. И. Лениным указателей как библиографического пособия мало учитывается нашими издательствами.

Итак, мы установили, что принцип отбора материала при втором типе библиографического разыскания остается тот же, что применялся при разыскании «недостающего звена». При этом одними заглавиями работ также никак нельзя ограничиваться. Занимающийся разысканием должен знать содержание книг, а не одни только заглавия, и чем больше книг он знает, тем легче будет идти его работа. Для разыскания данного типа нужно установить не только принципы отбора, но и самый порядок и последовательность выявления материала. В нашей небогатой литературе о библиографических разысканиях как раз этому вопросу более или менее повезло — на нем останавливались крупные библиографы — дореволюционные (П. П. Пекарский, А. Ф. Бычков, В. П. Семенников) и советские (Н. Ю. Ульянинский, А. Г. Фомин, Н. В. Здобнов, Е. И. Шамурин, Ю. А. Меженко, М. В. Сокурова, Т. А. Быкова и М. М. Гуревич и др.), поэтому данный вопрос можно считать более или менее полно разработанным. Однако это благополучие только относительное. Дело в том, что в большей части перечисленных работ речь идет либо об узко очерченной теме разыскания («петровские книги» у Пекарского, Т. А. Быковой и М. М. Гуревича), либо о теме никак не ограниченной — о подборе вообще. Между тем, библиографический материал собирается для разных целей, для разных видов библиографических трудов, и это не может не сказаться на методике его выявления. Выше мы привели схему классификации библиографических работ. Опыт показывает, что методы разыскания материала для библиографий персональных, тематических, топографических, издательских, хронологических, хотя и имеют общие черты, все же они не одни и те же. Следовательно, строя методику разыскания-подбора, надо строго дифференцировать приемы, применяемые в отдельных случаях в зависимости от задания. Этого, как уже отмечено, не учитывают авторы, писавшие по данному вопросу. Ниже мы увидим, к чему это приводит.

В литературе указывается, что есть два основных метода библиографического разыскания с целью подбора материала: «сплошной» и «эпизодический». При сплошном методе, по мнению Н. Ю. Ульянинского, «библиограф для осуществления поставленной задачи обследует сплошь и без пропусков все наличие имеющихся пособий и источников <...> при огромной затрате труда и времени этот метод всего более гарантирует успех достижения цели»⁴⁷. По нашему мнению, подобный метод

⁴⁶ Ленинский сборник XXXV. М., Госполитиздат, 1945, с. 239. Речь идет о газетах: «Известия ВЦИК», «Правда», «Экономическая жизнь», «Петроградская Правда». (Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 52, с. 319—Ред.).

⁴⁷ Ульянинский Н. Ю. Библиографическое разыскание («эвристика») — «Библиогр.», 1929, № 1, с. 41.

возможен лишь для эпох с относительно небольшой печатной продукцией, например, для составления библиографии славяно-русских книг до XVIII в. или русской периодической печати и книг XVIII в. Уже для XIX в., в особенности второй его половины и начала XX в., применять этот метод невозможно, а о советском периоде ввиду огромного количества печатных произведений и говорить не приходится.

Однако о целесообразности применения сплошного метода при подборе материала следует говорить не только в связи с обилием источников и трудоемкостью работы. Можно возражать против этого способа выявления материала и в связи с тем, что бессмысленно затрачивать силы и время на просмотр произведений печати, не имеющих прямого или даже сколько-нибудь близкого отношения к избранной теме, например, обращаться к медицинской или военной литературе при подыскивании материалов по вопросу — «История русских народных танцев». Конечно, иногда могут быть и курьезы. Например, в журнале «Пчеловодство» в 1948 г. была напечатана статья В. И. Толстого «Пчелы в жизни и творчестве Л. Н. Толстого» (№ 9, с. 49—56), в 1950—статья С. А. Розова «Пчеловодство и пчеловоды в художественной литературе» (№ 12, с. 57—62). В 1899 г. статья о Пушкине появилась даже в «Почтово-телеграфном журнале» (№ 5), и в ней было собрано все, что говорит великий поэт о почте и ямской гоньбе. Однако из-за этого нет необходимости применять сплошной метод библиографического разыскания при сравнительно узких темах и просматривать комплекты газет и журналов за десятки лет. Практика показывает, что сплошной метод в самом прямом смысле слова остается только теоретическим построением и никогда на деле не применяется. Трезвая реальность заставила библиографов идти по другому пути — по пути «ограниченно сплошного» метода. Не применяя этого термина, Н. В. Здобнов правильно определяет его сущность таким образом: «Под <...> методом сплошного обследования мы понимаем такое обследование, при котором заранее следует решиться просмотреть те или иные категории изданий, с целью разыскания в них интересующих нас материалов, хотя бы не зная наверное, есть они там или нет, но предполагая возможность нахождения их там»⁴⁸.

Это значит, что для выявления необходимого материала по намеченной теме библиограф должен строго взвешенно отобрать источники для просмотра и в пределах отобранной литературы проводить действительно сплошное обследование. И здесь прежде всего возникает вопрос, по какому принципу должно намечать круг источников. К сожалению, на этом вопросе подробно

⁴⁸ Здобнов Н. В. Основы краевой библиографии. Практ. руководство. Изд. 2-е, перераб. и значит. доп. М.—Л., 1931, с. 46.

не останавливались ни Н. Ю. Ульянинский, ни Е. И. Шамурин. Н. В. Здобнов пошел по более правильному пути: имея в виду цели краевой библиографии, он, во-первых, предупреждал, что «к решению вопроса о необходимости обследования или о возможности оставления без обследования того или иного издания следует подходить осторожно»⁴⁹, во-вторых, наметил категории источников, которые теоретически обязательны при отборе материалов именно для краевой библиографии. Критерием для отбора таких источников Н. В. Здобнов считал наличие в них или, по крайней мере, возможность наличия в них сведений о том или ином крае СССР. Правильность позиции Н. В. Здобнова, кроме ее общеметодической логичности, заключалась еще и в том, что он подошел к решению вопроса, имея в виду конкретный вид библиографического разыскания-подбора определенного характера литературы. Этим выгодно отличаются его соображения от несколько абстрактных указаний других авторов, писавших на ту же тему.

Анализ рассмотренных материалов диктует вывод: при ограниченно сплошном обследовании отбор источников строго определяется содержанием задания,— причем содержание это целесообразно соотносить с примерной схемой классификации библиографических трудов, приведенной в настоящей работе <...> и намечать разные категории источников в зависимости от того, подбирается ли материал по автору, по теме (содержанию) или по отдельным элементам выходных данных.

Так, например, подбор библиографических материалов по социалистическому реализму потребует иного круга источников, нежели создание полной библиографии произведений Гоголя или русских переводов Виктора Гюго, а две последние должны строиться на иных источниках, нежели библиография изданий Академии наук или изданий с иллюстрациями Кукрыниксов и т. п.

Можно ли сформулировать требования, которые должны предъявляться к отбору источников при подобном понимании ограниченно сплошного обследования? Нам представляется, что можно. Каковы бы ни были частные требования или условия отбора, главное — это то, чтобы и в нашем задании и в намеченном к просмотру материале было общее и по возможности близкое основание логического деления, чтобы «тема» задания либо прямо, полностью и непосредственно, либо частично совпадала с «темой» подлежащего обследованию источника.

«Эпизодический метод» или «выборочный», как бы его не именовать («выборочным») предпочитает называть его Е. И. Ша-

⁴⁹ Здобнов Н. В. Основы краевой библиографии. Практ. руководство. Изд. 2-е, перераб. и значит. доп. М—Л, 1931, с. 47.

мурин⁵⁰ — и это, по нашему мнению, более точное обозначение существа такого вида подбора материала), имеет, подобно сплошному, свои недостатки и достоинства. В названной уже выше работе «Библиографическое разыскание (эвристика)» Н. Ю. Ульянинский пишет, что при эпизодическом разыскании «библиограф отправляется или от главных источников, или от известных хронологических дат, или от тех или других фактов, или, наконец, от выдающейся научной работы, посвященной общей или близкой к его интересам теме. Постепенно, с помощью привлечения других материалов, сфера его разыскательной работы расширяется и увеличивается, приводя почти к тем же, в отношении полноты, результатам, как и при сплошном методе». Определив таким образом эпизодическое разыскание, Н. Ю. Ульянинский, не являвшийся сторонником этого метода, тут же продолжает: «Но успех работы все же здесь менее обеспечен, так как нет достаточной гарантии обнаружить все необходимое и для полноты и для всестороннего освещения» (с. 41).

При сопоставлении первой части цитаты из статьи Н. Ю. Ульянинского со второй обращает на себя внимание их противоречивость: если эпизодическое разыскание приводит «почти к тем же, в отношении полноты, результатам, как и при сплошном методе», как же можно тут же, в следующей же фразе, утверждать, что «успех работы все же здесь менее обеспечен»? Если считать идеалом библиографической работы абсолютную, сверхисчерпывающую полноту, тогда Н. Ю. Ульянинский был бы прав, но жизнь показывает (и учит!), что значительная доля материалов, собранных в такой «полноте», оказывается лишней и только осложняет пользование библиографиями. Нам кажется, что в данном вопросе прав был А. Г. Фомин, считавший хорошей библиографической работой такую, в которой не упущено ничего существенного и не включено ничего явно ненужного, лишнего.

Несколько иначе определял эпизодический метод Н. В. Здобнов. «Под эпизодическим исследованием, — писал он, — мы понимаем такое, когда исследуются частично, эпизодически, издания, которые предварительно решено было не просматривать, предполагая, что в них не может быть интересующих нас материалов, но в которых эти материалы в процессе работы (по каким-либо ссылкам, косвенным указаниям) обнаружены»⁵¹. Из этого определения со всей очевидностью явствует, что Н. В. Здобнов не противопоставлял эпизодический метод сплошному, как.

⁵⁰ Шамурин Е. И. Методика библиографической работы. М., 1933, с. 66. Впрочем, у Е. И. Шамурина оба метода имеют в виду только «источники библиографической информации — справочники, указатели, каталоги и др.» (там же), а не более широкие источники — книги и периодические издания.

⁵¹ Здобнов Н. В. Основы краевой библиографии. Практ руководство. Изд. 2-е, перераб. и значит. доп. М — Л., 1931, с. 46—47.

это делали Н. Ю. Ульянинский и Е. И. Шамурин, а видел в нем дополнение к первому. Эта точка зрения, на наш взгляд, единственно правильная. Сплошной и эпизодический метод не исключают друг друга, но взаимно дополняют, совместно обеспечивая разумную и необходимую полноту библиографической работы. Если применять один только сплошной метод, неизбежно выпадают работы, иногда очень важные, но не отражающие в заглавии своего отношения к теме задания или находящиеся вне намеченного круга источников. Если ограничиться одним лишь эпизодическим методом, опять-таки неизбежны пропуски, и нередко также очень существенные.

Просмотр предисловий ко многим советским библиографическим указателям тридцатых — пятидесятых годов (обе «Пушкинаны» А. Г. Фомина, работы С. Д. Балухатого по библиографии М. Горького, ряд библиографических работ Л. М. Добровольского и В. М. Лаврова, работы К. Д. Муратовой, Н. И. Мацуева и пр.), а также некоторых специальных работ (например, Ю. А. Меженко⁵² и др.) показывает, что их авторы применяли и применяют комбинацию сплошного и эпизодического методов.

В библиографической практике наметились две линии применения этих методов: а) одни авторы библиографий исходят из круга намеченных первоисточников (периодических изданий как таковых и периодических изданий библиографического содержания — в первую очередь «Книжной летописи» и прочих летописей Всесоюзной книжной палаты), а затем по существующим библиографическим трудам проверяют собранные материалы; б) другие — начинают со справочно-библиографических пособий, затем идут к периодическим изданиям, чаще всего упоминаемым в библиографической литературе и, наконец, производят сопоставительную сверку собранных данных.

Примером первого типа работы может служить «Puschkiniana» 1900—1910 А. Г. Фомина (Л., АН СССР, 1929. [3], X, 306, [2] с.). При ее составлении были просмотрены «Списки» Главного управления по делам печати и «Книжная летопись», а также 45 журналов, 19 библиографических пособий, ряд сборников и книг и т. д. Для второй своей «Puschkinian'ы» (1911—1917) (М.—Л., АН СССР, 1937. XXIV, 539 с.) А. Г. Фомин просмотрел 125 журналов, 13 газет, 7 изданий «Архивов», 5 серий отчетов Академии наук, библиотек и музеев, 22 сборника (иногда многотомных), 16 юбилейных и «памятных» сборников и 35 библиографических указателей. Впрочем, начал А. Г. Фомин свою вторую «Puschkinian'у» не с просмотра журналов, а с библиографических пособий, и, таким образом, эта работа является примером второго типа комбинированного применения сплош-

⁵² Меженко Ю. А. Опыт работы по составлению библиографии периодических изданий России 1901—1916 гг. Л., 1943. 51 с.

ного и эпизодического методов. Опыт показывает, что этот второй путь более целесообразен. Как же он осуществляется?

Установив точно формулировку своего разыскания, мы должны начать, если это возможно, с самых простейших пособий — с энциклопедических словарей, причем с самых новых, затем перейти к просмотру в обратно-хронологическом порядке⁵³ старейших. «Как бы это странно не показалось,— пишет М. А. Садова,— но считаем необходимым подчеркнуть важность самых общеизвестных, элементарных справочников. Мы имеем в виду энциклопедические словари. Им не всегда придают значение, ими нередко пренебрегают (и совершенно напрасно) молодые библиографы. А между тем, минуя их, библиограф часто непроизводительно удлиняет путь библиографического разыскания. Помимо того, что энциклопедические словари обогащают сведениями об авторах, объясняют незнакомый термин, уясняют географическое положение неведомой местности, дают богатый библиографический материал в разнообразнейших областях, они иногда сразу же разрешают возникшее недоумение» (с. 23—24). Собрав первоначальные библиографические сведения из энциклопедических словарей, мы должны в дальнейшем идти по двум линиям:

а) обращаться, если возможно, к печатным и карточным систематическим или предметным библиографическим указателям, отыскивая в них непосредственно относящиеся к теме материалы, а также работы общего или близкого характера, в которых можно ожидать рассмотрения интересующей нас темы;

б) производить поиски по персональному признаку, отправляясь от фамилий авторов, писавших по данному вопросу, предполагая, что в списках их трудов можно обнаружить и другие их произведения, связанные с нашей темой. В литературе же об этих авторах найти указания об их предшественниках, современниках или позднейших исследователях, работавших в той же области.

Чрезвычайно полезно выявлять связанные с темой рецензии, так как в последних очень часто заключается богатый фактический, иногда историографический материал, а также теоретические соображения, наталкивающие библиографа на дальнейшие поиски.

Очень редко используются при подборе материала тематические картотеки соответствующих учреждений; просмотр их необходим, как бы незначительны ни были сосредоточенные в них библиографические сведения. Иногда одно-два библиографических указания, найденных в таких картотеках, наводят на ряд новых источников.

⁵³ О целесообразности применения обратно-хронологического порядка см.: Шамурин Е. И. Составление библиографических указателей. М., 1939, с. 19. (Гос. науч. б-ка. Науч.-метод. отд.).

Большое значение имеет также учет того, в каких периодических изданиях печатались собранные материалы; обращаясь к указателям просматриваемых журналов и газет (если таковые указатели существуют)⁵⁴, мы можем обнаружить в этих изданиях дополнительные, неизвестные нам ранее сведения. Эти последние в свою очередь должны служить отправным пунктом для поисков в области персональной библиографии тех авторов, работы которых удалось вновь выявить. Персональные библиографии имеют весьма существенное значение, и приходится очень пожалеть, что этот вид литературы у нас не особенно развит. В дальнейшем мы более подробно остановимся на ней, а сейчас продолжим рассмотрение процесса библиографического разыскания-подбора материала, как он нам представляется.

Для некоторых библиографических работ можно ограничиться указанными выше приемами собирания материала, не прибегая к просмотру других источников, в частности непосредственно самих периодических изданий. Так именно приходится поступать, когда, например, впервые сводятся материалы по библиографии какого-либо совершенно нового явления (в области науки, искусства, вообще культуры), не успевшего еще широко отразиться в печати, или когда обрабатывается тема, хотя и не совсем новая, однако, до сих пор не привлекавшая специального внимания исследователей. Впрочем, и в том, и в другом случае едва ли полностью можно обойтись без ограниченно сплошного обследования первичных источников. Обычный же порядок библиографического разыскания-подбора литературы состоит в том, что собранные указанными выше способами библиографические материалы дополняются записями, полученными в результате просмотра ряда периодических изданий, без которых не может быть создана ни одна полная, научная библиография. Так например, какова бы ни была тема библиографической работы, предпринимаемой советским библиографом на современном материале, он не может исключить такие источники, как газета «Правда», а иногда и другие газеты. Библиографии на общественно-политические темы не могут обойтись без обязательного привлечения периодических изданий, таких как «Правда», журналы «Коммунист», «Вопросы философии», «Воп-

⁵⁴ Наша литература по библиографии указателей к периодическим изданиям очень бедна и устарела. Наиболее крупные старые работы: 1) Лисовский Н. М. Список указателей к русским периодическим изданиям XVIII—XIX ст. Из журн. «Лит. вестн.», 1903, № 5, 7—8; 2) Вукотич Н. А. Материалы для списка указателей русской периодической печати. Л., Изд-во АН СССР, 1928, 74 с. Рецензии с ценными дополнениями: Азадовский М. К.—«Библиогр.», 1929, № 2/3, с. 71—73; Покровская Н.—«Книга и пролет. революция», 1929, № 17, с. 51—52. (Существует еще не вышедший в свет указатель А. С. Полякова, доработанный Л. К. Ильинским. Корректурные экземпляры его имеются в некоторых крупных советских библиотеках).

росы экономики и права», «Вопросы истории», «Вопросы литературы» и т. д., в зависимости от более точной формулировки задания.

Если же библиографический указатель составлен без применения сплошного метода разыскания (хотя бы к ограниченному кругу первоисточников), целесообразно назвать его «материалами для указателя» на такую-то тему.

Охарактеризованный на предыдущих страницах процесс библиографического разыскания с целью выявления литературы по определенной теме рассматривался нами в суммарном виде, без учета того, имело ли наше обследование в виду подбор библиографических сведений о литературно-научной, художественно-литературной и т. п. деятельности какого-либо автора, подбор литературы по какой-нибудь научной или литературной теме или, наконец, по какому-либо из элементов выходных данных. Сейчас мы остановимся на каждом из этих видов разысканий и попытаемся хотя бы в основных чертах определить их специфику.

Мы видели выше, что при подборе литературы по любому вопросу одним из надежных и испытанных способов является обращение к персональным библиографиям лиц, занимавшихся этой темой. И чем полнее такая персональная библиография, тем полезнее она. Анализ вышедших за последние пятнадцать — двадцать лет советских и зарубежных персональных библиографий показывает, что таковых существует четыре типа:

а) краткие, включающие только книги, иногда и крупные журнальные статьи (так называемые «библиографии основных работ»);

б) относительно полные, включающие все книги, журнальные и газетные статьи, но не учитывающие рецензий;

в) полные, включающие книги, статьи, предисловия, послесловия, рецензии, редактированные издания;

г) полные, учитывающие кроме того и литературу о данном лице, то есть представляющие собой сочетание подлинной персональной библиографии с библиографией тематической — библиографией того, что написано о данном лице.

Для библиографического разыскания любого характера наибольшее значение имеют полные персональные библиографии четвертого типа. Помимо работ самого автора, связанных с темой нашего разыскания, мы находим в таких библиографиях сведения о периодических изданиях и издательствах, в которых печатались произведения с данной тематикой. Эти сведения открывают нам пути отыскания в самих таких изданиях или в библиографиях о них новых материалов. Вместе с тем мы можем обратиться к библиографии данного издательства и там искать нужный нам материал. Однако этим не исчерпывается значение полных персональных библиографий. Благодаря учету рецензий (как самого автора, так и рецензий на его работы),

мы узнаем иногда заглавия таких произведений по интересующей нас теме, которые другим путем едва ли могли стать нам известными, устанавливаем новые имена лиц, писавших по данному вопросу, и названия таких периодических изданий, которые не были нами включены в предварительно составленный круг обязательных источников. Наконец, перечень изданий, редактированных лицом, чью полную персональную библиографию мы рассматриваем, может привести на новые находки в нашем разыскании.

Сказанное выше еще раз подтверждает всю важность работ по персональной библиографии. Отметим попутно, что в интернациональных библиографиях персональных библиографий⁵⁵ русский материал отражен крайне скудно.

Обычно персональными библиографиями считают отдельно изданные или напечатанные в каких-либо журналах, газетах, альманахах и сборниках перечни литературных или научных произведений определенного лица. Однако термин «персональная» можно понимать несколько шире. Всякий даже не полный перечень чьих-либо печатных (и рукописных) произведений, где бы он ни был помещен,— в энциклопедии, в библиографическом словаре, каталоге библиотеки (печатном или карточном), на обложке какой-нибудь книги (в таких случаях дается заголовок: «того же автора»),— следует рассматривать как персональную библиографию. Так поступила, например, О. И. Шведова, составительница полезного и недостаточно оцененного с методической стороны справочника «Историки СССР» (М., Всесоюзная книжная палата, 1941. 152 с.). Она для своего труда использовала библиографические материалы из трех энциклопедий, шести общих библиографических словарей, двадцати четырех специальных словарей и аналогичных источников и двадцати словарей местных деятелей, а также обследовала свыше двадцати пяти названий журналов.

По существу всякий алфавитный авторский каталог,— печатный или карточный,— есть цепь персональных библиографий, иногда перебиваемая описаниями анонимных или коллективно-авторских изданий. Поэтому в печатных алфавитных каталогах больших библиотек, например, в «Каталоге русских книг библиотеки императорского С.-Петербургского университета» (в 2-х т. Спб., 1897. [2], 1088 с.; 1902. [2], 881 с.), «Каталоге русских книг библиотеки императорского Юрьевского университета» (Юрьев, 1910. VIII, 653 с.) и т. д., можно иногда найти обширные персональные библиографии, в особенности лиц,

⁵⁵ Наиболее новую сводку данных об интернациональных библиографиях персональных библиографий см. в книге: Wilhelm Totok, Rolf Weitzel. Handbuch der bibliographischen Nachschlagewerke, 2., stark erweiterte, völlig neu bearbeitete Auflage. Frankfurt am Main, V. Klostermann, 1959, S. 135—137.

причастных к деятельности данного учреждения. Так, например, в «Каталоге» Петербургского университета (т. 1, с. 879—881 и т. 2, с. 720—721) перечислено 100 работ И. И. Срезневского (в том числе и несколько работ о нем), бывшего во второй половине XIX в. профессором в этом учебном заведении. Этот список не был учтен О. И. Шведовой, хотя другие, менее подробные источники она в статью о Срезневском включила. В «Каталоге» Юрьевского университета (с. 435—436) помещен перечень трудов проф. Е. В. Петухова в количестве 38 номеров. Конечно, не всегда алфавитные каталоги так подробны, как в приведенных примерах, но из последних видно, что алфавитные каталоги являются существенными источниками при персонально-библиографических разысканиях.

Другим ценным и неучтенным в нашей библиографической литературе видом персональных библиографий являются упомянутые выше перечни работ какого-либо лица, помещаемые то на авантитуле (обычно во французских изданиях,— у нас редко), то в конце книги или отдельного оттиска, иногда на обложке. Такие библиографические списки носят чаще всего название: «Отдельно изданные работы того же автора» или просто «Того же автора» (см. в книгах В. Н. Перетца, В. В. Сиповского и др.).

Переходя к специальной литературе данного вопроса, напомним, что для разыскания в области русской персональной библиографии совершенно незаменим называвшийся выше труд И. М. Кауфмана «Русские биографические и биобиблиографические словари» (Изд. 2-е. М., 1955, 751 с.), где один только указатель имен занимает 10 печ. л. При собирании биографических сведений о лицах, живших не позднее конца XVIII в., полезно обращаться к «Указателю к „Истории России с древнейших времен“ Сергея Михайловича Соловьева», составленному М. С. Соловьевым (Спб., «Общественная польза», [б. г.]. 616 стб., 1 табл.), к «Указателю имен личных, упоминаемых в Дворцовых разрядах» кн. Н. Н. Голицына (Спб., имп. Археологическая Комиссия, 1912. [4], 322, [1] с.), к «Алфавитному указателю к камер-фурьерским, походным, банкетным и церемониальным журналам. 1695—1774» (Спб., Общ. Архив Мин-ва имп. двора, 1910. 355 с.), к «Росписи сорока книг Архива князя Воронцова с азбучным указателем личных имен» (М., 1897. [4], 240 с.), к «Общему именованному указателю ко всем IX-ти томам академического издания сочинений Державина» (в «Сочинениях» Державина, т. 9. Спб., 1883). Для аналогичных целей по первой половине XIX в. незаменимы указатели личных имен в «Сочинениях» К. Н. Батюшкова (Спб., 1886—1887, т. 1—3), в «Остафьевском архиве князей Вяземских» (Спб., 1899—1914, т. 1—5), в «Архиве братьев Тургеневых» (Спб.—Л., 1911—1936, т. 1—8), «Ключ ко всем двадцати двум книгам сочинения Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина» (в «Жизни

и трудах М. П. Погодина» Н. П. Барсукова, кн. 22. Спб., 1910. VII, 385 с.)⁵⁶.

Из новейших работ подобного рода заслуживает внимания «Указатель имен», составленный И. Я. Айзенштоком к недавно вышедшему в «Серии литературных памятников» «Дневнику» А. В. Никитенко («Дневник в трех томах», т. 3. ГИХЛ, 1956, с. 477—581). Это целый биографический словарь по второй и третьей четверти XIX в. Целесообразно обращаться и к другим «указателям имен», например, к «Серии литературных мемуаров», издаваемой с 1948 г. и сейчас насчитывающей уже пятнадцать выпусков⁵⁷, что особенно рекомендуется делать в тех случаях, когда библиографическое разыскание касается второстепенных и третьестепенных деятелей, о которых молчат другие источники. Вообще комментированные издания мемуаров, произведений классиков литературы, общественной мысли и науки также необходимо привлекать в качестве источников⁵⁸ для библиографических разысканий. Специально следует отметить «Справочный том к 4 изданию Сочинений В. И. Ленина» в 2 ч. (М., Госполитиздат, 1955—1956. 671, 351 с.), а также указатели к сочинениям В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова.

Помимо печатных библиографий и прочих вспомогательных справочников, библиограф должен хорошо знать рукописные источники: картотеки, неизданные труды библиографического и биобиблиографического характера, предметные и именные указатели и т. д., которые находятся в разных крупных книгохранилищах и других учреждениях (институтах, издательствах и пр.). Так, в ряде крупнейших советских библиотек — Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина, в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в библиотеке Всесоюзной книжной палаты имеются машинописные копии подготовленного к печати труда А. Г. Фомина «Писатели России и СССР. Биобиблиографические материалы» (доведен до 1936 г.). Кроме того, в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина су-

⁵⁶ Очень полезный перечень пособий подобного рода, вышедших до 1890 г., находится в ценной статье А. Е. Яновского «Библиография» в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, полумом 6, 1891, с. 784.— Из пропущенных в этой статье источников отмечу «Алфавитные указатели к Сенатским объявлениям» (1836—1916), в которых приведены сведения о продаже с торгов имений разных помещиков и т. п. (Подробнее об этих указателях см.: Алфавитный служебный каталог русских дореволюционных газет (1703—1816). Л., 1958, с. 4—5; Указатель к «Степенной книге» Л. П. Автократова (Спб., изд. Археогр. комис., 4, 61, {1}, с 10 таб.). См. также: Подробный каталог изданий Археографической комиссии, вышедших в свет с 1836 по 1918 год (изд. 6-е. Пг., 1918, с. 94—95: Указатели).

⁵⁷ Тамарченко Г. О серии литературных мемуаров.— «Вопр. лит.», 1958, № 12, с. 150—162.

⁵⁸ Заслуживает всяческой поддержки мысль И. М. Кауфмана о создании сводного «Именного ключа» к существующим русским справочникам библиографического и биобиблиографического характера. См.: Кауфман И. М. Биобиблиография. М., 1959, с. 14—15 (ротапонт).

существует картотека статей биобиблиографического характера, напечатанных в советское время, в 1955 г. эта картотека насчитывала до 6000 персональных карточек. В упоминавшейся выше книге Е. А. Павлович и М. М. Арван «Библиографическая редакция алфавитного каталога» (Л., ГПБ, 1956) указывается, что полезным источником для ряда разысканий были читательские анкеты научных читальных залов ГПБ, позволявшие устанавливать тождественность авторов, фигурировавших в карточках алфавитного каталога, с теми или иными читателями библиотеки; у последних удавалось получать уточнения разыскиваемых библиографических сведений.

Если персональные библиографии живых лиц в печатном виде не существуют, следует просматривать различные «Летописи» Всесоюзной и республиканских книжных палат, отправляясь от квартальных и годовых именных указателей. Большим подспорьем при составлении биобиблиографических работ являются печатные и рукописные отчеты и истории различных научных и учебных заведений, юбилейные издания, сборники, посвященные отдельным ученым⁵⁹ и т. д. При необходимости найти первичные сведения о каком-либо лице не следует пренебрегать такими дореволюционными изданиями, как «месяцесловы с росписью чиновных особ», «адрес-календари», «памятные книжки такой-то губернии»⁶⁰, как адресные книги: «Вся Россия», «Вся Москва», «Весь Петербург» и др., а также телефонные книги и «списки чинов» различных ведомств. Последние частично учтены в двухтомном «Каталоге русских книг библиотеки императорского С.-Петербургского университета» под словами «состав», «списки» и «список». Некоторые материалы подобного характера имеются и в «Русских биографических и биобиблиографических словарях» И. М. Кауфмана.

В ряде случаев краткие сведения о писателях, ученых, общественных деятелях и других лицах находятся в так называемых «некрологах». Первый перечень лиц, умерших в определенном году, преимущественно в России, был напечатан в газете «Северная пчела» в 1828 г. (№ 19, 23 и 26) под названием «Список умерших в течение 1828 г. знаменитых и известных особ». Затем некрологи регулярно печатались с 1831 г. в «месяцесловах», издававшихся Академией наук, с 1838 г. в «Журнале Министерства народного просвещения», а с 1841 г. в «Се-

⁵⁹ Большим упущением в нашей справочной литературе является отсутствие библиографий юбилейных и памятных сборников. По этому поводу см.: Malclès L.-N. Les Sources du travail bibliographique, т. 1, р. 275—276; Тренков Хр. Специјална библиографија. Софија, «Наука и изкуство», 1958, с. 53—54; Берков П. Н. Введение в технику литературоведческого исследования. Л., 1955, с. 113—114.

⁶⁰ Относительно полный список «памятных книжек» находится в рец. Л. К. Ильинского на «Русскую периодическую печать 1703—1900 гг.» Н. М. Лисовского.— «Журн. М-ва нар. просвещения», 1916, № 12, отд. 2, с. 266—267.

верной пчеле». С 1858 г. Г. Н. Геннади начал печатать «Краткие некрологи русских писателей» сперва в «Библиографических записках» (1858, т. 1, № 12, стб. 378—382; 1859, т. 2, № 20, стб. 646—662; 1861, т. 3, № 4, стб. 117—126), затем в «Книжном вестнике» (1860, № 11/12, с. 107; 1863, № 18, с. 316—317; 1865, № 1, с. 13—14) и, наконец, в «Русском архиве» (с 1864 г. по 1877, с исключением 1876 г.). Регулярно печатался отдел «Некролог» в «Крестном календаре» А. А. Гатцука, затем его наследников (1865—1918) и в «Русском календаре» А. С. Суворина (1872—1916).

Для второго десятилетия текущего века могут быть полезными «ежегодники» газеты «Речь», издававшиеся с 1912 по 1916 г.: в выпусках 1913 и 1914 гг. содержится «Некролог», составленный на основании статей и заметок в «Речи», «Новом времени», «Русской мысли», «Историческом вестнике», «Matin», «Temps», «Neue Freie Presse», «Vossische Zeitung» и других периодических изданиях. Перечни некрологов с 1912 г. см. в «Библиографических ежегодниках» И. В. Владиславлева (вып. 2, 1912, с. 273—276; вып. 3, 1913, с. 321—324; вып. 4, 1914, с. 304—305; вып. 7, 1918—1923, с. 383—393). Список более поздних перечней некрологов см. в «Русских биографических и библиографических словарях» И. М. Кауфмана (изд. 2-е, с. 281). Особо ценными источниками типа «некрологов» являются тринадцать выпусков «Обзора жизни и трудов покойных русских писателей и писательниц» Д. Д. Языкова с 1881 по 1893 г., выходявшие с 1885 по 1916 г. Мы подробно останавливаемся на некрологах потому, что из дальнейшего будет видно, какое значение имеет этот вид источников для некоторых этапов библиографического разыскания.

Другим полезным видом кратких справочников по биографиям писателей и ученых являются при всей своей неточности литературные календари. Первые подобные работы на русской почве принадлежат известному в свое время библиографу С. И. Пономареву: 1) «Литературный календарь. (Дни рождения и смерти русских писателей и других знаменитых людей; дни замечательнейших событий по истории образования). (Июль — Август)» — в газете «Русский», 1868, 1 августа, № 24, с. 1; 2) «Историко-литературный календарь в «Русском календаре на 1880 год» А. С. Суворина, с. 88—106; 3) Историко-литературный календарь. Новое издание дополненное — в журнале «Новь», 1885/86, № 1, 3, 5, 7, 9, 11. Затем в Москве вышел в свет «Литературный иллюстрированный календарь на 1887 год» (М., 160 с.), в котором были перепечатаны стихотворения и рассказы ряда старых писателей и включен отдел «Некрологи» (с. 146—151; с портретами). Далее следовали — «Календарь для писателей и литераторов» на 1889 и 1890 гг. М. М. Бродовского (Спб., 1889, [2], IV, 272 с.; 1890. VIII, 262 с.) и «Справочная книжка для писателей, литераторов и издателей»,

его же (Спб., 1890. VII, 254, [7] с.), как вторая часть «Календаря» на 1890 г.⁶¹ С 1896 г. по 1904 г. И. Г. Советов последовательно выпустил в свет следующие издания: а) «Справочная и записная книжка-календарь для деятелей печати» (М., 1896. [3], 424 с.); б) Календарь для деятелей печати (литераторов, публицистов, ученых, а также издателей, книгопродавцов и вообще для всех любителей литературы и печати) на 1897 г. (М., 1896. 320 с.); в) Календарь для деятелей и любителей литературы. На 1901 г. (М., 1901. [2], 266, 106 с.). Несколько иначе построено четвертое издание «Календаря» И. Г. Советова — пространное заглавие этой книги, несмотря на рекламный характер, хорошо определяет его содержание: «Литературный указатель. Справочная книга, заключающая в себе сведения о писателях, литераторах, издателях, литературных учреждениях, периодических изданиях, заведениях печатного дела, — сведения, необходимые для издателей, редакторов, сотрудников, корреспондентов, читателей, учащихся и вообще для деятелей и любителей литературы» (изд. 4-е. М., 1903. 312 с.)⁶².

К периоду — после революции 1905 г. относятся два издания Оскара Норвежского⁶³: «Литературный календарь-альманах 1908» (Спб., 1908. 153 с.) и «Литературный ежегодник (литературный календарь-альманах) на 1909 г.» (Спб., 1908. VI, [2], 231 с.). Несмотря на очень низкий уровень обеих книг, первая интересна наличием в ней 18 автобиографий тогдашних писателей, в том числе А. Блока, Л. Андреева и др.

В советское время вышли следующие литературные календари:

1) *Календарь-справочник литературного работника, писателя, журналиста на 1929 год*. Л., Ленингр. отд. Литфонда РСФСР, 1929. 192 с.;

2) *Литературный календарь*. Сост. К. Каплун и др. Ред. Е. Гиляров. Л., 1937;

3) *Пушкинский календарь*. К столетию гибели А. С. Пушкина, 1837—1937. М., Соцэкгиз, 1937. 158 с.;

4) *Литературный календарь*. Сост. Ш. Левин, при участии М. Рожновой и Б. Кочакова. Л., ГИХЛ, 1939. 142, [6] с.;

5) *Сибирский литературный календарь*. Сост. Б. И. Жеребцов. Иркутск, Обл. изд-во, 1940. 163, [5] с.

⁶¹ Существует еще «Новороссийский календарь» на 1893 год, издаваемый Одесским городским общественным управлением, под ред. А. С. Бориневича (т. 2, отд. 4. Литературный. Одесса, 1893, [4], 208 с.). Здесь опубликованы только краеведческие материалы. Считать это издание литературным календарем нельзя.

⁶² Об И. Г. Советове см.: Советов И. Г. Литературный указ. Изд. 4-е, с. 190—191; «Ист. вестн», 1909, № 3, с. 1262; Фомин А. Г. Путеводитель по библиографии, бибблиографии, историографии, хронологии и энциклопедии литературы Л., 1934, с. 241.

⁶³ Псевдоним некоего О. М. Картожинского.

При всех отмеченных рецензентами неточностях этих литературных календарей они иногда содержат даты рождения и смерти писателей, о которых отсутствуют сведения в других источниках. Поэтому пренебрегать ими никак не следует.

При отсутствии или недостаточности печатных сведений об интересующем нас лице, помимо указанных выше способов выявления необходимых библиографических данных, можно рекомендовать следующие. Для получения материалов о современных советских писателях и ученых целесообразно обращаться в те учреждения или отделения Союза советских писателей, с деятельностью которых связаны данные лица; в их личных делах почти всегда имеются более или менее подробные автобиографии и списки хотя бы основных печатных работ⁶⁴. Большое количество подобных материалов имеется в Архиве Академии наук СССР в фонде упраздненной комиссии по изданию справочника «Наука и научные работники». В отделе рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится архив дореволюционного Общества для пособия нуждающимся писателям и ученым (Литературный фонд), в делах которого находится значительное количество документов, устанавливающих биографические и библиографические данные о многих, в особенности второстепенных литературных деятелях второй половины XIX и начала XX в. Там же хранится полностью подготовленный к печати «Словарь русских художников» Н. П. Собко (напечатано было три тома, кончая буквой П), а также рукописные материалы для т. IV «Справочного словаря о русских писателях и ученых» Г. Н. Геннади⁶⁵. В центральных государственных исторических архивах (фондах послужных списков) Москвы и Ленинграда находятся биографические сведения о большом количестве лиц, находившихся на государственной службе. Наконец, следует иметь в виду, что нередко оказывают помощь в установлении биографических дат кладбищенские и другие церковные книги, обычно хранимые в областных исторических архивах.

Кроме ведомственных архивных материалов, большое значение для разысканий имеют различные собрания биографических и библиографических документов, принадлежавшие ученым дореволюционного и частично советского периода и ныне находящиеся в научных учреждениях нашей страны.

На первом месте здесь необходимо назвать знаменитое собрание автобиографий русских писателей и ученых и библио-

⁶⁴ Первичные справки о современных советских писателях (без дат рождения, но с адресами) можно найти в выпущенном Союзом советских писателей СССР «Справочнике на 1959 год». (М., «Сов. писатель», 1959. 707 с.) Предыдущие «Справочники» вышли в 1950 и 1954 гг. (М., «Лит. газ», 1950 307 с.; М., «Сов. писатель», 1954 483, [2] с.).

⁶⁵ При просмотре «путеводителей» многих московских и ленинградских архивов обнаруживается, что в ряде фондов находятся различные «материалы для словаря русских писателей».

графических материалов о них, принадлежавшее С. А. Венгеро-ву и в настоящее время входящее в состав рукописного отделения Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР⁶⁶. Здесь же хранятся биографические картотеки: по XVIII—первую половину XIX в. Б. Л. Модзалевского и, значи-тельно меньшая, В. И. Саитова. Обе эти картотеки построены по одному плану (Б. Л. Модзалевский был одним из участников так называемой «Саитовской академии») и представляют кар-точки с кратчайшими указаниями биографических и библиогра-фических материалов, почерпнутых из печатных (очень часто — газетных) и архивных источников, с обязательным обозначением последних. Известную ценность представляют находящиеся там же биографические материалы о русских писателях XVIII — начала XIX в. графа Д. И. Хвостова (в фонде журнала «Рус-ская старина»). Очень полезно также хранящееся в Пушкин-ском доме собрание библиографических материалов Н. Н. Бах-тина, содержащее данные о переводах на русский язык произведений писателей всех народов и времен, с указанием критической литературы об этих произведениях. Материалы Н. Н. Бахтина сгруппированы по отдельным литературам в ви-де тетрадок, каждая из которых посвящена общему обзору ли-тературы и отдельным писателям; в последнем разделе в алфа-витном порядке заглавий произведений, в хронологической по-следовательности приводятся перечни русских переводов. Кро-ме того, в некоторых случаях имеются строго хронологические перечни всех переводов произведений данного писателя. Анало-гичная картотека имеется в ГПБ⁶⁷.

Из собраний, находящихся в других местах, следует отме-тить тетради С. Д. Полторацкого, библиографа второй четверти прошлого века. Часть их вошла в состав отдела рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, часть — в состав такого же отдела Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. В тетради Полторацкий вносил записи своих воспоминаний о писателях, газетные вырезки, выписки из раз-личных русских и иностранных источников. Тетради заполня-лись без какого бы то ни было плана, по мере накопления ма-териала; это вызывало необходимость помещения в каждой из них оглавления. В дальнейшем, когда количество тетрадей очень сильно увеличилось, Полторацкий вынужден был завести специальные указатели для каждых пяти или десяти тетрадей. Материалы Полторацкого почти никем не использовались, хотя в них содержатся ценные фактические данные. По сообщению

⁶⁶ Ввиду широкой известности собрания С. А. Венгерова, мы не считаем нуж-ным давать его характеристику. Об этом собрании см. предисловие С. А. Венгерова в его книге «Критико-биографический словарь русских пи-сателей и ученых», т. 1. (изд. 2-е. Пг., 1915, с. VIII—LXIX).

⁶⁷ Умикян А. Д. Библиографическая картотека произведений мировой лите-ратуры в русских переводах.— «Сов. библиогр.», 1959, вып. 4, с. 65—72.

Ю. И. Масанова, только 13 тетрадей, хранящихся в Ленинграде, содержат 1587 листов текста со сведениями примерно о 400 деятелях литературы, науки и искусства⁶⁸. Еще менее известны биографические материалы «Русского биографического словаря», находящиеся частично в отделе рукописей ГПБ, частично, как нам любезно указал А. И. Андреев, в отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Из московских собраний следует отметить хранящийся в отделе письменных источников Гос. исторического музея фонд известного библиографа Д. Д. Языкова, автора «Обзора жизни и трудов покойных русских писателей и писательниц». В фонде Языкова находятся «черновые материалы к 24 неопубликованным выпускам „Обзора“ (с 1894 по 1917 г.) в виде газетных вырезок, с дополнениями из других источников. Обработанность данных неравномерна, и чем ближе к 1917 г., тем меньше отметок, сделанных рукой составителя. Не будучи вполне подготовлены к печати, материалы, однако, вполне доступны для пользования, так как находятся в полном порядке, разбиты по годам и, в пределах года, расположены по алфавиту. Недостаёт лишь общего перечня имен»⁶⁹. Возможно, что за истекшие восемнадцать лет этот перечень уже сделан.

Для библиографа представляют интерес не только научные документальные собрания и картотеки, но и сведения о том, как они складывались, какими методами руководствовались их прежние владельцы при их формировании. В научной литературе существуют указания, что упомянутый выше Д. Д. Языков составлял свои библиографические работы, отправляясь от некрологов или хроникерских заметок о смерти того или иного литературного деятеля⁷⁰. Более подробные сведения по этому вопросу находятся в специальной работе Г. Г. Кричевского, посвященной автору «Обзора жизни и трудов покойных русских писателей и писательниц»⁷¹.

Методика работы С. Д. Полторацкого, исходившего в своих записях из личных воспоминаний, а также Д. Д. Языкова, отправлявшегося от некрологов в периодической печати, находилась в зависимости от своеобразия русской прессы конца XIX — начала XX в., уделявшей большое внимание таким литературным жанрам, как воспоминания, некрологи, юбилейные статьи и т. п. В советской периодической печати, решающей совершенно другие общественные проблемы, чем решала буржуазная русская пресса дореволюционного времени, все эти жанры

⁶⁸ Масанов Ю. И. Сергей Дмитриевич Полторацкий. (Из истории рус. библиогр. XIX в.) — «Сов. библиогр.», 1947, вып. 2, с. 65.

⁶⁹ Кричевский Г. Г. Д. Д. Языков и его библиографическая деятельность — «Сов. библиогр.», 1941, вып. 1(19), с. 181.

⁷⁰ Ульянинский Н. Ю. Библиографическое разыскание (эвристика). — «Библиогр.», 1929, № 1, с. 42.

⁷¹ Кричевский Г. Г. Д. Д. Языков и его библиографическая деятельность, с. 180—181.

занимают значительно меньше места, и это обстоятельство ставит перед специалистами библиографического разыскания задачу выработать иные методы этой работы. Выше было указано, как используются работниками отдела алфавитного каталога ГПБ различные рукописные источники, вплоть до читательских анкет научных залов. Мы предложили и некоторые другие приемы, проверенные нами на опыте: обращение к «личным делам» писателей, ученых и т. д., к архивам учреждений и пр. Но разработка методики всякого рода, в том числе и библиографического и биобиблиографического разыскания,— дело коллективное. Надо ждать дальнейших работ в этом направлении. И не только ждать, но и стимулировать их появление.

От вопросов методики разысканий по персональным библиографиям мы снова обратимся к вопросам выявления литературы по какой-либо теме, но на этот раз под другим углом зрения. В отличие от персональных библиографий, в которых отправным пунктом разыскания является фамилия автора (реальная, псевдоним, аноним), при подборе литературы по теме мы имеем дело с содержанием книги и его отражением в форме заглавия. Именно здесь, при выявлении библиографического материала, связанного с тематикой произведения печати, особенно большое значение имеет несоответствие заглавия содержанию книги или статьи.

Поэтому давно уже в литературе отмечено, что сложность и порою трудность библиографических разысканий с целью подбора материала по какой-либо теме больше всего определяется тем, что только очень незначительная часть существующей в наличности литературы отражена в систематических библиографиях. Применять при таких условиях метод сплошного обследования совершенно не рационально. Здесь целесообразнее всего начать с «эпизодического» или «выборочного» метода, но не в трактовке Н. В. Здобнова, а в понимании его Н. Ю. Ульянинским и Е. И. Шамуриным, то есть отправляясь от какого-нибудь известного источника (библиографического или иного) по заданной теме, либо от юбилейной даты, либо от каких-нибудь сообщений периодической печати. При этом могут встретиться три вида заданий: а) подобрать новейшую литературу по такому-то вопросу; б) подобрать литературу по такому-то новому вопросу; в) подобрать всю или основную литературу по уже известному вопросу. И в том, и в другом, и в третьем случае мы прежде всего должны определить, в какую категорию классификационных рубрик печатной продукции в органах государственной регистрационно-учетной библиографии относится наше задание. Для этого следует обратиться к книге «Классификация литературы в органах государственной регистрационно-учетной библиографии» (изд. 2-е, испр. М., Всесоюзная книжная палата, 1955. 140 с.) и по предметному указателю (с. 110—139) установить, есть ли наша тема в нем непосредственно или приближенно. В дополнение

к этому изданию полезно привлечь еще одну книгу аналогичного содержания — «Схему библиотечной классификации, применяемой в типовых каталогах и на печатных карточках для массовых библиотек» (М., Всесоюзная книжная палата, 1955. 144 с.), так как в ней (в тексте, а не в предметном указателе) находятся более дробные деления, чем в первой «Классификации литературы». Иногда целесообразно посмотреть и в «Библиотечную классификацию (сокращенный вариант) Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. (Проект для обсуждения.)» (М., 1951. VIII, 159 с.).

Установив таким образом, в какую существующую рубрику библиографического учета входит или к какой приближается наше задание, мы могли бы приступить к дальнейшим этапам разыскания. Но прежде нам надо точно определить хронологические границы, в пределах которых должен быть обследован материал. Иными словами, мы должны установить, как понимать выражение «новейшая литература по такому-то вопросу» или вообще «литература вопроса», с какого момента начинать библиографирование и до какого — доводить его. Далее необходимо выяснить, должны ли в составляемую библиографию входить только книги или и журнальные и газетные статьи. Только после окончательного уточнения условий нашего задания мы можем приступить к непосредственному разысканию.

Прежде всего мы должны по имеющимся советским библиографиям русской библиографии второй степени установить, существуют ли специальные библиографии по непосредственной теме нашего задания или по более широкому комплексу тем, в который может входить материал также и нашего разыскания. Если такая библиография существует, она должна быть проанализирована, то есть выяснены все те вопросы, о которых было сказано в главе первой по поводу приемов анализа библиографических пособий. Кроме того, следует обратить внимание на то, кто из современных авторов-специалистов в соответствующей области упомянут в данной библиографии, какие периодические издания были обследованы составителем, в каких издательствах выходила основная литература по интересующему нас вопросу. Зная период, за который произведен учет материала в существующем библиографическом пособии, мы начинаем сбор «новейшей литературы вопроса» по двум линиям: а) по «летописям» Всесоюзной книжной палаты, отправляясь от установленной нами ранее предметной рубрики нашего задания; б) по персональным библиографиям специалистов, выявленных нами при анализе существующего библиографического справочника; затем — путем ограниченного сплошного обследования определившихся периодических изданий и просмотра библиографий соответствующих издательств. Проведение разыскания по обоим направлениям гарантирует необходимую полноту нашей библиографии. Для контроля полезно сверить получен-

ные материалы с имеющимися систематическими каталогами (печатными или карточными) больших библиотек.

Предложенный метод подбора литературы основан, как мы видели, на допущении, что, с одной стороны, уже существует какая-то библиография вопроса, а с другой, что мы ничего предварительно не знаем в данной области: ни имен работающих в ней специалистов, ни названий соответствующих периодических изданий, ни профилей издательств, ни, наконец, того, в какую библиотечно-библиографическую категорию входит тема нашего разыскания. На самом деле так не бывает. Во-первых, приступая к библиографической работе по подбору литературного материала, мы уже известным минимумом нужных сведений обладаем (выше, в общей части настоящей главы, были указаны пути предварительного ознакомления с вопросом). Во-вторых, довольно часто отсутствуют специальные библиографии по нашей теме. Все это и облегчает, и осложняет намечаемую работу. В самом деле, наличие у нас некоторых предварительных сведений сберегает время на те подготовительные процессы, которые были указаны на предыдущих страницах. Но, вместе с тем, для того, чтобы произвести библиографическое разыскание-подбор, необходимо эти предварительные знания пополнить сведениями о новейших течениях и явлениях в данной области, необходимо иногда отрешиться от ходячих, ошибочных представлений, то есть проделать какую-то критическую работу, что не всегда легко дается.

Отсутствие специальных библиографий, от которых можно было бы отправиться в наших разысканиях, также имеет и положительные и отрицательные стороны. Так, например, положительным является то, что мы не связаны в таких случаях никакими традициями и освященными этими традициями авторитетами, следовательно мы можем строить библиографическое разыскание по своему личному разумению, опираясь на современное понимание задач библиографии; отрицательным — то, что нам самим приходится проделать всю предварительную работу, охарактеризованную выше, и это не может не сказаться на темпах, а иногда — при недостаточной опытности в подобных разысканиях — на их результатах.

В отличие от библиографических разысканий с целью подбора произведений какого-либо определенного автора, которые требовали обращения к библиографиям, построенным на алфавитно-авторском принципе, в разысканиях, рассматриваемых нами сейчас, главным подспорьем должны быть библиографические пособия, основанные на систематическом распределении материала вроде «Росписей» Плавильщикова, Смирдина и пр., «Каталогов» Базунова, Исакова, Глазунова, работ Межова, «Библиографических ежегодников» Владиславлева и т. д. Большое значение имеют в подобных разысканиях систематические каталоги крупных библиотек, например, «Каталог библиотеки

императорского Новороссийского университета» (т. 1, Одесса, 1878—1884. VIII, 749 с.; т. 1, ч. 2, 1914—1916. 300, XXV с.; т. 2, 1884—1887. [4], VI, 451 с.; т. 3, 1893. V, 751 с.), «Систематический каталог библиотеки Главного штаба» (ч. 1. Науки военные. Спб., 1879. XVI, 463 с.; ч. 2. Отдел общий, 1880. XXIII, 927 с.; Первое дополнение к каталогу <...> с приложением алфавитного указателя. Спб., 1885. 122 с.), «Каталог книг библиотеки Государственной думы». (т. 1, ч. 1. Систематический каталог и предметный указатель. Спб., 1914. XIV, 612 с.) и пр. Для начала XX в. в таких случаях могут быть полезными — «Каталог библиотеки общества служащих в Министерстве финансов» (изд. 6-е. В 5-ти ч. Спб.—Пг., 1913—1915. 356; II, 145, 7, 62; V, 97, XIV, 630; VII—X, 63—215; XI, 233—267 с.), «Каталог книг библиотеки Л. Идзиковского», сост. И. И. Токаревым (Киев, 1915. VIII, 990 с.) и др.

Рассмотренный нами метод подбора литературы по определенной теме сравнительно нетруден, когда идет речь о четко сформулированном «односоставном», «одноаспектном» задании. Сложнее обстоит дело в тех случаях, когда в нашей теме возможны разные аспекты, например, когда к теме «библиография машинного перевода» можно и нужно подойти с математической, лингвистической и электронно-машиностроительной точки зрения. Это значит, что в подобных заданиях необходимо расчленять тему и соответственно с этим искать библиографические материалы в разных разделах обследуемых нами источников.

Хуже всего приходится тогда, когда мы имеем дело с заданиями такого рода: подобрать материал по отражению такой-то темы в художественной литературе, например, «Межпланетные путешествия в советской литературе», «Образ хирурга в литературе», «Урал в русской поэзии» и т. д. Трудность подобных разысканий обусловлена рядом причин. Во-первых, у нас при большом количестве первичных работ такого характера, рассеянных преимущественно в журналах, а иногда и газетах, нет обобщающих библиографий, вроде: «Библиография по истории тем и мотивов немецкой литературы» Курта Бауэрхорста⁷², «Профессия и труд в немецкой прозе» Франца Ансельма Шмитта⁷³, «Края и люди в немецкой прозе» Артура Лютера и Гайнца Фриденхана⁷⁴ и др.⁷⁵ Во-вторых, создание первичных биб-

⁷² Bauerhorst K. Bibliographie der Stoff und Motivgeschichte der deutschen Literatur. Berlin, Walter de Gruyter, 1932. XVI, 118 S.

⁷³ Schmitt F. A. Beruf und Arbeit in deutscher Erzählung. Stuttgart, Hiersemann, 1952. XVI, 334 S.

⁷⁴ Luther A., Friedenbahn H. Land und Leute in deutscher Erzählung. 3. Aufl., Stuttgart, Hiersemann, 1954. 10 S., 556 Sp.

⁷⁵ Имеющаяся на русском языке библиография литературно-тематического содержания частично (до 1955 г. включительно) перечислена в моем «Введении в технику литературоведческого исследования», с. 95—97, частично (до 1931 г. включительно) — в книге А. Г. Фомина «Путеводитель по библиографии... литературы», с. 167—183.

лиграфических работ литературно-тематического содержания требует от автора и большой предварительной начитанности, и более сложных, чем обычно, приемов разыскания нового материала, и значительной затраты времени на специальное ознакомление с обнаруженной художественной литературой. Ко всему этому присоединяется и то, что, за исключением довольно ограниченного числа тем, наши издательства и журналы в последние несколько лет таких работ не печатают.

При литературно-тематических разысканиях приходится пользоваться тремя видами источников:

а) специальными библиографическими пособиями, например, Агишев Р. К. (сост.). Советский Дальний Восток в художественной литературе. Библиогр. указ. Изд. 2-е, доп. и испр. (Хабаровск, Кн. изд-во, 1957. 206 с.); Винер Е. Н., Ребок М. В. Ленинград в художественной литературе. Рек. указ. литературы. Ред. Е. И. Наумов. Изд. 2-е, перераб. и доп. (Л., ГПБ, 1957. 76 с.) и др.;

б) историко-литературными книгами и статьями, обзорами, монографиями, диссертациями, написанными по поводу отдельных тем, образов, мотивов и т. п. Например, Замотин И. И. Предания о Вадиме Новгородском в русской литературе (Воронеж, 1901. [2], 112, [1] с.); Тельпугов В. П. (сост.). Держать руку на пульсе жизни. Материалы дискус.—«Тема современности в произведениях прозы последних лет». Сборник статей (М., «Сов. Россия», 1958. 166 с.); Брудный Д. Л. Вопросы атеизма в художественной литературе (Фрунзе, Об-во по распространению полит. и науч. знаний. Кирг. отд-ние, 1956. 34 с.); Белецкий А. И. Образы Киева в художественной литературе.—«Науч. зап. Киев. гос. ун-та им. Т. Шевченко», 1964, т. 5, вып. 2, с. 5—30; Полотай А. М. Образ Степана Разина в советской литературе. Автореф. канд. дис. (Киев, Киев. гос. ун-т, 1955. 14 с.); Озеров В. Образ коммуниста в советской литературе (М., Гослитиздат, 1954. 275 с.);

в) готовыми тематическими подборками литературно-художественного материала — антологиями, сборниками, хрестоматиями, такими, например, как «Стихи и легенды о Байкале. Сост. А. В. Гуревич и И. И. Молчанов» (Иркутск, Кн. изд-во, 1938. 88 с.); «Балтийцы. Сборник лит.-худож. и публицистич. материалов о боевых действиях Балтийского флота в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945» (М., Воениздат, 1955. 535 с.); «Покоряем мы земли целинные. Репертуарный сборник произведений местных авторов» (Чкалов, Кн. изд-во, 1955. 52 с.); «Поэзия Крыма. Сборник стихов рус. поэтов. Под ред. И. А. Белоусова» (М., «Утро», 1909. [6], IV, 136, VI с.) и др.

Соответственно этим трем группам источников и следует производить библиографическое разыскание при подборе материала по какой-либо литературной теме. Ввиду отмеченного ра-

нее отсутствия сводных библиографий по русским тематическим библиографиям, розыски нужных материалов лучше всего начинать по издаваемой Всесоюзной книжной палатой «Библиографии советской библиографии» (с 1939 г.). Помещаются такие работы в отделе «Литературоведение. Художественная литература. Фольклор», в подотделе «Общие вопросы». Обзорные статьи, монографии и авторефераты диссертаций, посвященные отражению какой-либо темы в литературе, естественно искать в «Летописях» и «Ежегодниках» Всесоюзной книжной палаты в отделе «Литературоведение», а сборники и антологии — в отделах «Художественная литература» и «Фольклор». Материалы о тематических сборниках досоветского времени можно найти в библиографиях русских альманахов — Н. П. Смирнова-Сокольского⁷⁶, О. Д. Голубевой⁷⁷ и Н. П. Рогожина⁷⁸.

К сожалению, во всех названных справочниках не особенно полно учтены работы именно того типа, который нами рассматривается сейчас. Объясняется это, главным образом, тем, что большая часть наших тематических сборников выходила в свет (и поэтому библиографически описывалась) под фамилией составителя, в результате чего многие из них ускользали от внимания авторов библиографий альманахов. Приведем несколько примеров подобных сборников, не учтенных в перечисленных выше библиографиях:

а) В библиографиях русских альманахов у Н. П. Смирнова-Сокольского отсутствуют издания: «Памяти А. С. Пушкина. Собрание стихотворений русских авторов, посвященных священной памяти великого поэта. Сост. А. А. Соколов» («Майор Бревнов») (М., 1899. 32 с.); «Русские поэты о Пушкине. Юбилейный сборник стихотворений. Сост. М. Н. Араловой» (Спб., 1899. 2, 73, 5 с.);

б) В библиографии русских альманахов О. Д. Голубевой нет работ Л. и О. Рудкевич «Детская душа. Сборник художественных отрывков из произведений русских писателей, обрисовывающих психологию детей» (М., 1907. 456 с.); «После Пушкина. Сборник стихотворений русских поэтов». Изд. 2-е, доп. и пересмотр. (М., «Русская мысль», 1907. XX, 410 с.); «Книга о русских поэтах последнего десятилетия. Критические очерки <...> Стихотворения и автографы-автобиографии. ...Под ред. Модеста Гофмана» (Спб.—М., т-во М. О. Вольфа, [1908]. [1], 410, 11 с.);

в) В библиографии русских альманахов Н. П. Рогожина пропущены произведения: «О Русь святая! (Россия в русской поэ-

⁷⁶ Смирнов-Сокольский Н. П. Русские литературные альманахи и сборники. XVIII—XIX вв. М., Всесоюз. кн. палата, 1956. 163 с.

⁷⁷ Голубева О. Д. Литературно-художественные альманахи и сборники. 1900—1911 гг. М., Всесоюз. кн. палата, 1957. 483 с.

⁷⁸ Рогожин Н. П. Литературно-художественные альманахи и сборники. 1912—1917 гг. М., Всесоюз. кн. палата, 1958. 527 с.

зии)» (М., 1914. 88 с.); Кузнецов С. Море и моряки. Сборник русских и иностранных писателей. Ч. 1. Лирика и эпос (изд. 2-е. Спб., 1914. IV, 344 с.); Скрынька А. Мать. Избранные произведения русской литературы (Полтава, 1915. 102 с.).

Поиски тематических сборников, изданных до возникновения «Летописей» и «Ежегодников» Всесоюзной книжной палаты и по этой причине не попавших в библиографии альманахов, следует вести в отделах беллетристики и литературно-художественных сборников печатных систематических каталогов больших общественных библиотек, как например, в каталогах упомянутых выше библиотек — Общества служащих в Министерстве финансов, Л. Идзиковского, а также Харьковской общественной библиотеки (в 4-х т.), Херсонской общественной библиотеки и др.

Еще сложнее приходится библиографу при подборе литературы на темы, для которых предварительными библиографическими разысканиями не удалось обнаружить ни одного из перечисленных выше видов источников. К таким, например, относится тема «Ученые-атомники в художественной литературе». Случай этот — гипотетический. Возможно, что в настоящее время еще нельзя составить такой библиографический указатель, так как «литература вопроса», мала но, можно не сомневаться, что в недалеком будущем литературных произведений об ученых-атомниках будет гораздо больше — за это говорит опыт истории литературных вкусов: было время, когда чрезвычайно разросшаяся к нашим дням русская художественная литература о море и моряках исчерпывалась «Гисторией о российском матрозе Василии Кириацком и о прекрасной Ираклии, принцессе Флоренской Земли» и песней «Буря море раздымает».

Работа по подбору художественной литературы на какую-либо новую тему или новейшей литературы на уже изучавшиеся темы знает пока только один метод: непосредственное знакомство с нововыходящими художественными произведениями. В качестве дополнительного приема рационально читать рецензии и критические статьи, посвященные выявленным ранее материалам: весьма часто критики сопоставляют анализируемые ими литературные новинки с предшествующими разработками того же сюжета или той же темы, и не исключена возможность, что последние не известны библиографу. Конечно, в силе остаются и общие соображения о принципах тематических разысканий — просмотр персональных библиографий, указателей к журналам и каталогов издательств, в которых могут оказаться произведения на интересующую тему.

Одним из важных методических вопросов, возникающих при тематических библиографических разысканиях по художественной литературе, является вопрос не столько подбора, сколько отбора материала. Ведь довольно часто литературу на какую-либо определенную тему мы можем найти у писателей третьестепенных, малодаровитых, это могут быть произведения и идей-

но и художественно слабые, как, например, псевдоисторические романы дореволюционных «лубочных» и реакционных издательств. Стоит ли засорять ими советские библиографические указатели? Стоит ли вообще тратить время на поиски материала в литературе этого сорта? По-видимому, некоторым критерием отбора может быть следующее: если фамилия того или иного автора, вызывающего у нас сомнение, находится в советских или в авторитетных дореволюционных энциклопедиях или общих биографических словарях, тогда включать можно. Для краевых писателей критерий должен быть соответственным образом изменен — смотреть следует не общие, а краевые словари писателей. Всего целесообразнее в таких случаях получить предварительно консультацию у какого-нибудь специалиста.

Нам остается сказать несколько слов о разысканиях, связанных с третьей группой библиографических признаков — с выходными данными, а также с показателями тиражности.

Начнем с разысканий по выходным данным. Ввиду того, что понятие «выходные данные» включает сведения о месте и годе появления того или иного произведения печати и об издательстве, выпустившем его в свет, библиографические разыскания с целью подбора литературы могут иметь задания, связанные либо с местом, либо с датой, либо, наконец, с издательством. Возможны, — впрочем, довольно редкие на практике, — специальные разыскания, представляющие комбинацию из этих элементов, например библиография послевоенных изданий Ленинградского отделения издательства «Советский писатель». Обычно разыскания эти имеют обособленный для каждого элемента «выходных данных» характер. Подбор литературы по месту издания чаще всего производится для городов с небольшой печатной продукцией и поэтому является скорее элементом краевой библиографии. В самом деле, трудно себе представить в наше время специальное разыскание об изданиях, выпущенных в Москве или Ленинграде, Киеве, Минске, Тбилиси и т. д. в течение всего периода существования книгопечатания в каждом из этих городов или хотя бы в течение XX в. Но для более ранних периодов такие разыскания возможны: например — книга А. С. Зерновой «Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. Сводный каталог». Под ред. Н. П. Киселева (М., Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, 1958. 152 с.).

Осуществление подобных так называемых «топобиблиографических» разысканий, если речь идет об учете материалов за много лет, а не о подборе текущей литературы, целесообразно начинать с краевых и краеведческих библиографий, в которых почти всегда есть отделы: «культура, печать и литература». Затем полезно просмотреть под соответствующим углом зрения печатные каталоги крупнейших библиотек данного города, словари местных писателей, общие и областные энциклопедии, статистические справочники по печати дореволюционной России

и пр. Далее неизбежны и такие трудоемкие работы, как ограниченно сплошные обследования общих русских библиографий или хотя бы крупнейших из них, в том числе и «Летописей» Всесоюзной и республиканских книжных палат. Разумеется, необходимо использовать в таких разысканиях топографические указатели, все чаще встречающиеся в наших библиографиях, в особенности в библиографиях русской периодической печати. Внимательное, сплошное обследование местной прессы (включая местные календари, путеводители, памятные книжки и т. п.) также является условием полноты подготовляемой библиографии.

Разыскания по подбору литературы, вышедшей в таком-то году — например, в 1905 г., 1917 г., во время Великой Отечественной войны, — едва ли могут быть предприняты без специальных ограничений в отношении территориального, тематического и т. д. признаков. Осуществляются они опять-таки по тому же принципу диалектико-логической связи задания с библиографическими источниками (о котором подробно рассказано выше), либо построенными на том же признаке (например, «Списки» Главного управления по делам печати, «Книжная летопись» и другие библиографии, представляющие последовательно хронологический учет печатной продукции), либо содержащими материалы о деятельности определенных издательств в интересующий нас период. Статистические сведения о движении печати за те или иные годы (как советские, так и дореволюционные) также могут принести при разысканиях данного рода пользу, так как в них указывается распределение печатной продукции по городам.

Библиография издательств является одной из наименее развитых ветвей нашей советской библиографии, в особенности в последние годы. Вместе с тем, можно отметить широкое развитие в это же время так называемой перспективной библиографии, — печатание различными советскими издательствами «тематических планов». Как бы надежны эти перспективные библиографии, — примеры были приведены выше, — тем не менее для создания библиографии какого-либо издательства они, наряду с источниками вроде «Книжной летописи» и газетными и журнальными объявлениями, дают крайне ценные материалы, требующие, правда, особенно осторожного к себе отношения. Однако поскольку проверка всех собранных библиографических сведений *de visu* является обязательным условием всякого разыскания, поскольку не приходится опасаться неточности, а то и ошибочности показаний «тематических планов» издательств: неосуществленные замыслы так или иначе будут обнаружены.

Кроме выходных данных, разыскание может быть направлено на три элемента книжного описания, ведущих нас уже к библиографии библиофильской: а) формат книги; б) наличие иллюстраций; в) количество экземпляров (по тиражу или по судьбе издания). Об этих разысканиях следует сказать несколько слов.

Собирание книг по форматному признаку возможно только применительно к так называемым миниатюрным изданиям. Собирать книги крупноформатные едва ли приходило кому-либо в голову, между тем как библиофилы-«миниатюристы» были и есть. Приведем данные о малоизвестном, кажется, единственном на русском языке, библиографическом указателе подобной литературы. Таким является — в свою очередь миниатюрное издание (47 мм×36 мм) — со следующим титулом: «Ленинградское общество библиофилов. LV заседание 5 апреля 1927 г. Докл. Л. К. Ильинского. Миниатюрные издания. Демонстрация миниатюрных изданий. Начало в 8 час. вечера. Ленинград. Губернская Центр. библиотека (пл. Лассаля, 3). (Л., 1927. 39 с. Тираж — 150 экз.) Всего в этом издании зарегистрировано 106 номеров.

Для библиографических разысканий по признаку наличия иллюстраций и количества экземпляров⁷⁹. Источниками являются все те пособия, в которых библиографическое описание содержит эти элементы, то есть, прежде всего «Книжная летопись». Далее должны привлекаться издания, посвященные советской книжной графике, в особенности каталоги выставок советской книжной иллюстрации, специальные монографии о старых и новых иллюстраторах, статьи о них и о советском искусстве книги в энциклопедиях, общих и специальных, и пр. Все эти сведения находятся в ежегоднике «Библиография советской библиографии» Всесоюзной книжной палаты. Помогают также при таких разысканиях именные указатели к «Летописям», содержащие фамилии иллюстраторов. Подобным же образом следует поступать при разысканиях по вопросам тиража.

Приведенные виды разысканий и намеченные нами пути решения их ни в коей мере не исчерпывают всего возможного разнообразия заданий и методических приемов их выполнения, которые возникают на практике. Однако для целей нашей работы в этом «исчерпании», если бы оно и оказалось возможным, нет необходимости. Главное для нас было — показать, что всякое библиографическое разыскание подчиняется общим правилам марксистской диалектической логики. И мы глубоко убеждены, что непредусмотренные в предшествующем изложении виды библиографических разысканий, какова бы ни была их сущность, все равно будут решаться так же, как и те, о которых говорилось выше, и как те, которые мы предлагаем ниже в качестве заключительных примеров библиографического разыскания для подбора литературы по теме и для составления персональной библиографии.

1. В процессе изучения русской литературы XVIII в. и русской народной драмы XVII—XX вв. автору настоящей книги

⁷⁹ Старые работы по библиографии русских иллюстрированных изданий и вообще по библиофильской библиографии перечислены в «Словарных указателях по книговедению» А. В. Мезьер.

неоднократно приходилось обращаться к текстам народных (лубочных) картинок по известному изданию Д. А. Ровинского. В связи с этим у него возникло убеждение в необходимости познакомиться и с другими публикациями народных картинок. Однако, как выяснилось, никакой специальной библиографии по народным картинкам не существует. Пришлось создавать ее самостоятельно. При этом было принято решение предварительно учитывать все то, что разными авторами понималось как народные картинки, чтобы потом произвести более строгий отбор.

Первым этапом работы явилось обращение к энциклопедическим словарям, в которых оказались статьи: «Лубочные картины»⁸⁰, «Лубочные картинки»⁸¹, «Лубочная литература»⁸², «Лубок»⁸³. Далее автор обратился к библиографическим указателям по русской литературе⁸⁴, по этнографии⁸⁵, по книговедению⁸⁶. На этом этапе работы оказалось также целесообразным просмотреть библиографические материалы отдела народного творчества Института русской литературы (Пушкинский дом). Здесь автор нашел только две неизвестные ему записи, относящиеся к лубочным картинкам, демонстрировавшимся на выставках в память Тургенева и Кольцова, но это натолкнуло его на поиски таких же данных по другим писателям.

Из собранных таким образом материалов определялось, что наиболее видными исследователями народных картинок были И. М. Снегирев, И. А. Голышев, Д. А. Ровинский, В. В. Стасов, И. А. Шляпкин, С. А. Клепиков. Тогда автор стал просматривать биографии и персональные библиографии названных лиц и, благодаря этому, значительно пополнил свою картотеку по народным картинкам. Доступ к генеральному алфавитному каталогу Библиотеки Академии наук и Гос. Публичной библиотеки позволил уточнить расхождения и противоречия в ряде записей и еще больше пополнить материалы.

Исходя из того, что существенным библиографическим источником являются рецензии, на определенном этапе разыскания

⁸⁰ Справочный энциклопедический словарь. Под ред. А. В. Старчевского, т. VII. Спб., 1853, с. 292—294; Настольный словарь Ф. Толля, т. 2. Спб., 1864, с. 732 и Дополнения, с. 291 (1271); Русский энциклопедический словарь, отд. 2, т. 1. Спб., 1874, с. 503.

⁸¹ С. <омов> А — Энцикл. словарь. Брокгауз и Ефрон, полутом 35, с. 57—58; Новый энцикл. словарь. Брокгауз и Ефрон, т. 24, стб. 957—960; Соколов Ю — Лит. энциклопедия, т. 1. Л.—М., изд-во Л. Д. Френкеля, 1925, стб. 423—424.

⁸² Сперанский М. Н — Энцикл. словарь. Гранат, т. 27, стб. 416—420; Соколов Ю. — Лит. энциклопедия, т. 6. М., 1932, стб. 595—605.

⁸³ БСЭ. Изд. 1-е, т. 37, стб. 445—446; БСЭ. Изд. 2-е, т. 25, с. 440—441.

⁸⁴ Межов В. И. История русской и всеобщей словесности. Библиогр. материалы. Спб., 1872, с. 18—19.

⁸⁵ Зеленин Д. К Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700—1910 гг. (Жилище. Одежда. Музыка. Искусство. Хозяйственный быт). Спб., 1913, с. 296.

⁸⁶ Мезьер А. В. Словарный указатель по книговедению. Л., 1924, с. 494—498; То же. Ч. 2. М.—Л., 1933, стб. 453—456.

автор поставил своей задачей сбор рецензий на зарегистрированные им работы. Для этой цели были просмотрены печатные библиографические издания, в которых учтены рецензии (работы Межова, «Примерный каталог» К. Н. Дерунова, «Летопись рецензий» и др.), а также картотека С. А. Венгерова в Институте русской литературы (под словами «Ровинский», «Снегирев», «Шляпкин»). От рецензий вновь потянулись ниточки к ранее неизвестным автору материалам о народных картинках.

После этого началась проверка всех записей *de visu* и непосредственное ознакомление с книгами, статьями и заметками о народных картинках. Эта часть работы отняла больше всего времени, но зато дала много новых и весьма ценных сведений, направивших автора на новые поиски. При ознакомлении, например, с книгой Вл. Денисова «Война и лубок» (Пг., 1916) автора удивил эпиграф из Пушкина: «Эти картины в нравственном, как и в художественном отношении стоят внимания образованного человека». Выяснилось, что Вл. Денисов в цитате опустил частицу «не» перед глаголом «стоят»⁸⁷. Особенно трудоемким процессом было чтение «Дневника» И. М. Снегирева (М., 1904—1905). Зато благодаря этому удалось выяснить, что как уже отмечалось выше, считающийся величайшей библиографической редкостью альбом народных картинок к книге Снегирева «Лубочные картинки русского народа в московском мире» (М., 1861) вовсе не выходил в свет, что Снегиреву был известен автор популярной картинки «Как мыши kota хоронили», которую он называет «Мыши kota погребают» и пр.

Попутно нами были проверены и старые неразобранные материалы в личной картотеке, среди которых обнаружена карточка на неучтенную в прочих источниках работу А. Э. Мальмгрена «Русские народные картинки. Материалы для полного описания их со снимками» (ч. 1. Митава, 1915). Это заставило нас собрать сведения о данном лице, в результате чего картотека пополнилась еще несколькими карточками, а чтение работ Мальмгрена повело к новым разысканиям.

Когда автор счел свою работу законченной, ему пришлось в голову посмотреть библиофильскую литературу (А. Е. Бурцев, Д. В. Ульянинской и др.), и это позволило снова дополнить собранную картотеку. При всем этом, по-видимому, какие-то линии связей темы с библиографическими источниками все же не были обнаружены. Тем не менее, когда автору показалось, что все возможное для выявления данных по библиографии народных картинок им сделано, дальнейшие розыски были прекращены. И все же он не позволил себе назвать свою библиографию иначе чем «Материалы для библиографии литературы о русских

⁸⁷ К сожалению, таким же недозволенным приемом «подчистки» Пушкина воспользовался советский писатель Е. Дорош в статье «Русский народный лубок» («Огонек», 1958, № 51, с. 24—25).

народных (лубочных) картинках»⁸⁸, так как, по его мнению, полные библиографии могут быть составлены только путем применения ограниченно сплошного обследования последовательными усилиями ряда специалистов, отправляющихся от какой-то первой, еще несовершенной работы.

2. Когда в 1955 г. умер чл.-кор. АН СССР Д. И. Абрамович, под руководством которого в годы своей аспирантуры некоторое время работал автор настоящего труда, последний счел своим долгом почтить память своего учителя составлением библиографии его работ, так как было известно, что в печатном виде таковой не существует. Начав с энциклопедических словарей и собрания автобиографий в фонде С. А. Венгерова, мы в то же время познакомились с составленными самим Д. И. Абрамовичем списками его печатных работ, находящимися в архиве АН СССР и в Гос. Публичной библиотеке; в последней покойный работал с 1909 г. по 1927. Предпринимались нами и попытки получить материалы из Виленского Гос. университета, в котором Д. И. Абрамович преподавал в последние годы своей жизни, но, как гласил ответ, здесь данных не оказалось.

Собранные материалы свидетельствовали, что Д. И. Абрамович печатался преимущественно в «Известиях Отделения Русского языка и словесности» имп. Академии наук, «Христианском чтении» (Спб., изд. духовной академии), изданиях Публичной библиотеки (ныне им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) и Пушкинского дома. Просмотр указателей к первым двум из перечисленных изданий дал некоторые дополнения к имеющимся материалам и натолкнул автора на более подробное ознакомление с комплектами «Христианского чтения» (с 1904 г. по 1909, к которым не было указателя), и в частности с прилагавшимися к этому журналу печатными «Протоколами заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии». Издания ГПБ и Пушкинского дома пришлось просматривать сплошь, причем, следует это отметить, здесь нужных материалов оказалось меньше всего.

Пока велись сборы библиографических данных, появились два некролога Д. И. Абрамовича (в «Известиях АН СССР. Отделение литературы и языка» и в «Трудах Отдела древнерусской литературы ИРЛИ»). Сопоставление накопленных материалов с перечисленными в некрологах названиями работ Д. И. Абрамовича показало, что нам не были известны некоторые произведения покойного, печатавшиеся в изданиях Академии наук УССР. Пришлось повести розыски и в этом направлении.

Обратив внимание, что одна из работ Д. И. Абрамовича была напечатана в серии Общества любителей древней письменности, мы пересмотрели издания этого общества и в выпускавшейся последним «Библиографической летописи» (1914—1917)

⁸⁸ Русский фольклор. Материалы и исследования, [т.] 2. М.—Л., 1957, с. 353—362 (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом)).

обнаружили ряд рецензий покойного. Некоторую помощь принесло ознакомление с библиографиями тех писателей, изучением которых, как показывали собранные материалы, занимался Д. И. Абрамович. Сделано это было по «Русским писателям XIX—XX вв.» и «Литературе великого десятилетия» И. В. Владиславлева. Отправляясь от полученных здесь сведений, мы пересмотрели журнал «Начала», в котором участвовал Д. И. Абрамович,— нашли и тут кое-какие дополнения.

Обязательная проверка *de visu* всего найденного библиографического материала не дала, однако, никаких дополнений. Это позволило считать работу законченной. Но здесь как раз и выступила «случайность»: именно в это самое время ГПБ купила в одном из букинистических магазинов Ленинграда литографированный «Курс лекций по новой русской литературе» Д. И. Абрамовича, напечатанный в 1903 г. в 21 экземпляре. Благодаря любезности библиографа и литературоведа Д. Д. Шамрая, мы получили возможность познакомиться с этим «курсом» и, тем самым, дополнить библиографию трудов Д. И. Абрамовича. Это была та самая работа, которая послужила причиной удаления последнего как «неблагонадежного» профессора из С.-Петербургской духовной академии.

Приведенные примеры не исчерпывают всех существующих и тем более возможных путей библиографического разыскания литературы по теме, но задача наша была только проиллюстрировать данными опыта высказанные выше теоретические положения.

Рассмотрение материалов, относящихся к методике библиографического разыскания второго типа (подбор литературы по теме) убеждает нас, что и в данном случае эвристический процесс подчинен тем же общим законам логического анализа.

Заключение

Библиографическая эвристика как ответ на потребности советской науки.— Что нужно сейчас советской библиографии?

История науки на каждом шагу подтверждает правильность не нового, но, несмотря на это, не утратившего своего важного значения тезиса о том, что без рациональной теории не может быть и рациональной практики и что теория является результатом исторических обобщений коллективного опыта. В поступательном развитии науки очередь теоретических обобщений дошла, наконец, и до библиографических разысканий.

Но чем же, все-таки, объясняется, что очередь эта дошла так поздно? Только ли тем, что среди дореволюционных и советских библиографов не встречалось людей, у которых был бы вкус к подобного рода проблемам? То есть по причинам биографического характера? Конечно, нет! Проблема теории библиографи-

ческого разыскания, как мы уже указывали выше, не могла возникнуть в предшествующих столетиях, так как состояние науки в то время не нуждалось в максимально быстром и полном информировании ученых о результатах работ их коллег. «В настоящее время в СССР издается около 250 текущих библиографических журналов и бюллетеней: регистрационных аннотированных и реферативных»⁸⁹. Мыслимо ли было такое положение с библиографической информацией не только в XVIII—XIX вв., но и в первой половине XX, и не только у нас, но и на Западе? Конечно, нет! Вызванное бурным ростом советской науки развитие библиографического дела в нашей стране закономерно потребовало создания теории и методики библиографического разыскания, так как последние естественно ускорят темпы и улучшат качество библиографической работы. Поэтому именно у нас, в СССР, началось с конца 20-х гг. движение, представленное именами А. Г. Фомина, Н. В. Здобнова, Н. Ю. Ульянинского, Е. И. Шамурина, за создание теории и методики библиографического разыскания, за создание библиографической эвристики. Сейчас появилась уже целая группа работ библиографов крупнейших советских библиотек (М. А. Садовой, Г. Б. Колтыпиной и др.), которые делятся своим опытом в области библиографических разысканий. Так постепенно создается обстановка, благоприятствующая возникновению библиографической эвристики как полноправной и необходимейшей части целостной науки библиографии. Эта часть возникла и могла возникнуть только в наше время, только в СССР в качестве ответа на потребности науки общества, перешедшего к строительству коммунизма. Здесь уместно привести несколько слов из выступления президента АН СССР, акад. А. Н. Несмеянова на Внеочередном XXI съезде КПСС: «В науке возможен слепой поиск решения назревшей задачи. Это — эмпиризм. Но гораздо более эффективно и достойно советской науки теоретическое решение задачи и многогранное использование этого решения в науке и практике»⁹⁰. Однако, как ни важно теоретическое развитие проблематики библиографических разысканий, было бы глубокой, даже непоправимой ошибкой противопоставлять библиографическую эвристику другим составным частям науки библиографии. Только советская библиография в целом — и практическая и теоретическая — может и должна решить задачи, стоящие перед ней как всеобщей вспомогательной, так и самостоятельной наукой.

За последние пять лет советская библиография несомненно переживает период интенсивного развития. Чрезвычайно расширилась и приобретает новые, более эффективные формы учета

⁸⁹ Веревкина А. Н. Состояние и задачи текущей библиографии в СССР. М., 1959, с. 4 (ротатор).

⁹⁰ «Правда», 1959, 5 февр., № 36 (14795), с. 5.

и информации государственная библиографическая регистрация. Окреп и начинает постепенно становиться серьезным теоретико-научным и практически-информационным органом сборник «Советская библиография». Уже одно то, что он фактически стал двухмесячным журналом, свидетельствует о подъеме советской библиографии. А ведь не так уже далеко то время, когда появление в течение года хотя бы одной книги «Советской библиографии» было событием, обращавшим на себя внимание специалистов.

Появилось за это пятилетие много капитальных трудов по библиографии, как исторических и теоретических, так и практических. Перечислить даже важнейшие из них по основным отраслям науки не представляется возможным и едва ли это нужно: «Библиография советской библиографии» за указанное пятилетие дает достаточно полную и ясную картину этого роста <...> Прежде всего следует создать универсальные советские библиографии, которые могли бы далеко превзойти известные иностранные работы Т. Бестермена, И. Мэдж, Л.-Н. Малькес, Г. Шнейдера, В. Тотока и Р. Вайтцеля, Г. Богатты и Ф. Годеса. Нам нужны и обобщающие работы по библиографии стран народной демократии, а также Индии, Индонезии, Афганистана и др.

Нам необходимо издание сводной «Советской библиографии 1917—1957», которая освободит нас от кропотливых и трудоемких поисков в «Книжной летописи» и «Ежегодниках книги СССР». Всесоюзная книжная палата делает громадной важности дело, регулярно выпуская, кроме своих «Летописей» разного рода, еще «Ежегодник книги СССР» и «Библиографию советской библиографии», но в этих сериях, начавшихся не сразу после 1917 г., имеются большие пропуски, которые необходимо как можно скорее восполнить.

Следует всемерно поддержать идею, высказанную на страницах «Коммуниста», об издании «Советского биографического словаря». Как верно указывали инициаторы этого предложения, в настоящее время подобный словарь издается в ряде стран («Who's who») ⁹¹. Для исследователей в любой области знаний крайне необходим библиографический справочник, в котором были бы указаны все крупные карточные каталоги, имеющиеся в различных библиотеках, архивах и музеях СССР.

Всесоюзной книжной палате необходимо восполнить пробелы, имеющиеся в издании «Летописи диссертаций» за прошлые годы, а также издавать «Ежегодники диссертаций», так как пользоваться списками их, печатающимися с 1955 г. в конце каждого номера «Книжной летописи», крайне неудобно.

⁹¹ Родовская Б., Гусенкова А., Самохина Н. Об издании справочно-библиографической литературы — «Коммунист», 1955, № 12, с. 127. См. изданный в США «Biographic Dictionary of the USSR» (N. Y., Scarecrow Press, 1958, IX, 782 с.).

Весьма желательно издание таких (подготовленных илиготавливаемых) работ, как «Русская библиография третьей степени» Б. С. Боднарского; «Путеводитель по библиографии» И. К. Кирпичевой; «Печатные каталоги библиотек (до 1917 г.)» Ц. А. Озеровой и др. По существу, после работы Д. В. Ульянинского (очень устарелой по профилю и методике) и А. Е. Яновского (отдаленной от нашего времени двумя третями века) у нас нет никаких библиографических пособий, заменяющих названные труды.

Советские библиографы должны также присмотреться к некоторым зарубежным библиографиям, представляющим известный интерес по поставленным ими вопросам. Там, например, подготовлены специальные библиографии по книгам, изданным без обозначения места и времени⁹², по изданиям, по каким-либо причинам незаконченным⁹³, по работам, не учтенным в известном Grundriss'e Гёдикe⁹⁴ и др. Следует учесть опыт таких работ, как пособие для наведения справок об авторах произведений немецкой художественной литературы Макса Шнейдера⁹⁵, как девяти томный «Путеводитель по романам. Содержание романов и повестей» В. Ольбриха, И. Бера и др.⁹⁶, как четырех томный «Словарь литературных произведений всех времен и стран» издательства Лаффон-Бомпьяни⁹⁷, как «Зашифрованная литература» Г. Шнейдера⁹⁸, раскрывающая реальную фактическую основу романов немецкой и иностранных литератур, и т. д.

Надо также поставить вопрос о том, чтобы к нашим историческим и другим журналам в конце года давались указатели хотя бы личных имен и географических названий, как это имело место в дореволюционных изданиях этого рода («Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник»). Ведь мно-

⁹² Sine loco et anno. 1. Teil. Verzeichnis undatierter Drucke des XVI. Jahrhunderts. 2. Teil. Undatierte Drucke des XVII. bis XIX. Jahrhunderts. (Bibliotheca Bibliographica. Bd. 3 und 4 Verlag Walter Krieg. In Vorbereitung).

⁹³ Mehr nicht erschienen. Ein Verzeichnis unvollendet gebliebener Druckwerke. Auf Grund des von weiland Hofrat Dr. Moriz Grolig, Bibliotheksdirektor in Wien, gesammelten Materials bearbeitet und ergänzt von Michael O. Krieg. Bd. 1—3. Bad Bocklet—Wien—Zürich—Florenz, Verlag Walter Krieg, 1954—1958, XII, 441; XIV, 469 S. (Bibliotheca Bibliographica. Bd. 2).

⁹⁴ Nicht bei Goedecke. Viertausend in Goedeckes «Grundriss zur Geschichte der Deutschen Dichtung» fehlende Schriftsteller und Werke. (Bibliotheca Bibliographica, Bd. 1. In Vorbereitung).

⁹⁵ Schneider Max. Deutsches Titelbuch. Ein Hilfsmittel zum Nachweis von Verfassern deutscher Literaturwerke. 2 Aufl. Berlin, Max Paschke, 1927. 798 S. (1. Aufl. Berlin, 1907, unter dem Titel: «Von wem ist doch das?»).

⁹⁶ Der Romanführer. Herausgegeben von J. Beer, unter Mitwirkung von W. Olbrich und R. Weitzel. Bd. 1—9 Stuttgart, Hiersemann, 1950.

⁹⁷ Dictionnaire des oeuvres des tous les temps et des tous les pays. Littérature, philosophie, musique, science. V. 1—4. Paris, Lafont-Bompiani, 1951—1954.

⁹⁸ Schneider G. Die Schlüsselliteratur. Bd. 1—3. Stuttgart, Hiersmann, 1951—1953.

жество ценнейших данных по истории революционного движения и по советской истории находится на страницах «Исторических записок», «Исторического архива», «Вопросов истории», «Красного архива», «Красной летописи» и др., но из-за отсутствия ключей, недоступно исследователю. Надо настаивать на возобновлении таких критических и информационных журналов, как «Историческая литература» и «Литературное обозрение». Для тех же целей разысканий крайне нужен обобщающий библиографический указатель по тематической библиографии, вроде «Библиографии по истории тем и мотивов немецкой литературы» Карла Бауэрхорста. Также необходим и библиографический указатель юбилейных и памятных сборников.

Создание новых библиографических работ, отвечающих самым разнообразным потребностям советской культуры, возобновление некоторых библиографических журналов, введение именных и других указателей к журналам явилось бы значительным облегчением для исследователей, занимающихся разысканиями в любой области. Конечно, можно и пешком добраться из одного конца Москвы или Ленинграда в другой, но на метро доезжают и быстрее и с меньшей затратой сил. Библиографические разыскания делаются и при отсутствии хороших библиографических пособий, но делаются медленно, с нерациональной затратой сил, с потерей нервной энергии, и в то же время с большим количеством неопределенных и даже отрицательных решений. Причиной этого является, как уже было сказано выше, не только недостаток хороших библиографических пособий, отвечающих возрастающим потребностям советских читателей и библиографов, но и далеко недостаточная разработанность теории и методики библиографических разысканий, зачаточное состояние библиографической эвристики.

Пора преодолеть и то, и другое. Учреждениям и организациям, возглавляющим библиографическое дело в стране, надо пропагандировать значение библиографии как большого звена социалистической культуры, как важного условия коммунистического строительства. Следует фактами доказывать ее громадное общественное значение и создавать достойные нашей эпохи монументальные библиографии. В то же время необходимо бороться и за признание библиографической эвристики, за включение ее в систему советской библиографии в качестве законной и самостоятельной отрасли последней. И чем скорее осознают такую необходимость библиографы, чем чаще и шире будут публиковаться работы по этому вопросу, тем скорее библиографическая эвристика из предмета научного спора, каким она фактически все еще является, превратится в предмет преподавания в библиотечных учебных заведениях, тем быстрее войдет в практику библиотечной и библиографической работы и тем, следовательно, лучше станет содействовать решению великих задач, стоящих перед народом нашей страны.

Историческое изучение библиографии, стремление установить закономерности, которым она подчинена в своем развитии, определить общественно-политические и специфически-научные условия, вызывающие к жизни те или иные виды и жанры библиографических работ, характеризовать роль, которую они играют в социальной действительности, ни в какой мере не могут и не должны препятствовать типологическому исследованию деятельности отдельных библиографов, раскрытию индивидуальных черт каждого из них. Только в сочетании собственно исторического, социально-политического и типологического, **общественно-психологического** аспектов изучения может получиться полная и максимально объективная история библиографии.

Библиография, как и всякая наука, создается людьми, и индивидуальные особенности каждого библиографа, как бы ни были они социально-обусловлены, сказываются на тематике и характере его работ, на целях, которые он перед собой ставит, на методах, которыми он пользуется.

Наряду с рядовыми библиографами, библиографами-практиками,—крайне необходимыми для удовлетворения многообразных потребностей общества в отношении к библиографии,—библиографическая наука знает разные типы библиографов, пролагающих новые пути в своей области, создающих фундаментальные труды, посвящающих выполнению их многие годы жизни, большую энергию и даже,—как это ни покажется парадоксальным в применении к такой «скучной материи», как библиография,—вдохновение.

Среди деятелей библиографии прошлого и настоящего можно назвать немало таких, которые пролагают новые пути в своей области, создают фундаментальные труды, посвящают их выполнению многие годы жизни, затрачивают большую энергию и работают с истинным вдохновением.

Известно немало библиографов-экспериментаторов, искателей и библиографов-рационалистов, методически спокойно, по однажды задуманному и проверенному плану в течение десятилетий выполняющих предпринятые ими работы. Как непохожи друг на друга такие библиографы, как С. А. Венгеров с его широкими начинаниями, страстностью в работе, умением привлечь к своим замыслам, увлечь ими отдельных лиц, студенческую молодежь, авторитетные академические учреждения, и — В. С. Иконников — в одиночку, вдали от столичных книго-

хранилищ, незаметно, тихо и планомерно осуществивший одно из замечательных достижений русской специальной библиографии досоветского периода — «Опыт русской историографии». Какими психологическими противоположностями представляются нам всегда взволнованный, полемичный, увлеченный Б. С. Боднарский и спокойный, замкнутый, флегматичный Д. В. Ульянинский! Так же непохожи друг на друга, с одной стороны, размеренный, до педантичности методический и точный, поразительно выдержанный в своих библиографических работах (хотя в жизни — горячий и вспыльчивый) А. Г. Фомин и, с другой, — кипучий, неумный, стремительный Н. В. Здобнов.

Если попытаться дать короткое типологическое определение А. В. Мезьер как библиографа, то, по моему мнению, самое точное будет — библиограф-«романтик».

Характерной чертой библиографа-«романтика» является выбор им для своих работ таких тем, осуществление которых не сулит ему непосредственных, немедленных практических выгод, и общественный смысл и научное значение которых открывается не сразу, иногда много лет спустя после выхода их в свет. Библиограф-«романтик» бескорыстно увлечен своей работой, беспрестанно, напряженно и с тревогой думает о своем будущем читателе, о том, как бы сделать свой труд более удобным, пригодным и легким для использования; он всегда ищет лучших форм для осуществления своего замысла, на каждом этапе работы критически оценивает сделанное, порою недоделывает, часто переделывает, по-детски радуется своим достижениям, нередко впадает в уныние, не верит в свои силы и в то же время способен на длительный, упорный, настойчивый труд даже в ущерб своему здоровью.

Посмотрите автобиографию А. В. Мезьер, предисловия к ее большим трудам — чаще всего здесь встречаются «романтические» глаголы: «манило», «заманчиво было», «манила мысль», «хотелось», «увлекалась», «ухватились за этот план» и т. д. и тут же другого ряда слова: «мелькнула мысль», «сталкиваюсь с мыслью», «мысль вновь всплывает», «думалось мне», «думается», «много и долго думала», «много и долго беседовала», «повторяю, я много над этим думала». И, наконец, такие фразы: «в результате усидчивой пятилетней работы», «в работе над словарем я провела десять лет».

А. В. Мезьер, как и многие другие крупные русские библиографы дореволюционного и советского времени, была библиографом-энтузиастом. Без энтузиазма, без «романтики» не совершается ни одно большое явление истории, истории культуры. Библиография не представляет в этом отношении исключения. И «Опыт российской библиографии» Сопикова и «Библиография русской библиографии» Б. С. Боднарского, и «Библиотека Д. В. Ульянинского», и «История русской библиографии»

Н. В. Здобнова, и «Русские биографические и биобиблиографические словари» И. М. Кауфмана, и многие другие труды по библиографии могли быть осуществлены и осуществились только в результате романтической мечты, в результате «манило», «хотелось», «заманчиво было».

А. В. Мезьер вошла в историю русской культуры и в историю русской библиографии двумя своими большими работами, по моему мнению, классическими, — «Русской словесностью с XI по XIX столетие включительно» и «Словарным указателем по книговедению». Как это очень часто бывает, по выходе в свет обе эти работы были подвергнуты резкой, придирчивой и несправедливой критике.

Но правильно заметил Люсьен Лефевр, — эти слова Л. Н. Мальклес поставила в качестве эпиграфа к своей книге «Библиография»: «Библиограф вообще привык к неблагодарности со стороны тех, кто ему обязан. Но ему достаточно сознания того, что его труд полезен и порождает другие труды: в этом его вознаграждение».

Несмотря на то, что обе работы А. В. Мезьер были встречены критикой неблагоприятно, библиограф-энтузиаст продолжала усердно работать. И, как бывает часто в биографиях деятелей такого масштаба, как А. В. Мезьер, признание ее как одного из выдающихся русских библиографов, начавшееся уже в последние годы ее жизни, окончательно пришло к ней после смерти. Ее «Русская словесность», при всех своих неточностях и недочетах, была и остается необходимейшим справочником для всех занимающихся историей русской литературы с древнейших времен и до конца XIX в. Мы часто пользуемся выражением: «Этот труд устарел». Но если книгу Мезьер нечем заменить, значит она не устарела, значит, несмотря на то, что она не во всем отвечает нашим потребностям, она все же нужная и живая книга.

Еще большее и пока недостаточно осознанное значение имеет «Словарный указатель по книговедению». В предисловии к первому тому издания 1931 г. А. В. Мезьер высказала ряд соображений о роли указателя. «Только ли она подсобная? Разве указатель только дает ответы, а не ставит вопросы, не подсказывает их? А если так, то роль его направляющая, руководящая». В этих словах в сущности заключается определение того, что собою представляет «Словарный указатель по книговедению». Это не простой справочник, а в известном смысле слова конспект огромного, обобщающего труда по истории и теории русского книговедения дореволюционного времени и первого десяти—пятнадцатилетия советского периода, это — сжатый алфавитно построенный перечень проблем, входящих в понятие книговедение; это — контуры громадного здания советского книговедения, как оно понималось в конце 20-х — начале 30-х гг.

Заранее условимся: не будем искать в библиографических (и не только библиографических) трудах прошлого ответы на наши сегодняшние потребности, притом ответы в духе нашей современности. «Словарный указатель по книговедению», как и «Русская словесность», ничем не заменен и едва ли когда-нибудь будет заменен. И это обеспечивает ему определенное, исторически ограниченное и, в то же время, исторически подтвержденное значение. Но часто бывает так, что вдумчивое обращение к прошлому очень помогает понять и решать современные задачи науки.

В ряде рецензий на «Словарный указатель» издания 1924 г. было с большим неодобрением обращено внимание на то, что свой труд автор посвятил «старой» книге. «Она, — писала в посвящении А. В. Мезьер, — как преданный друг, не раз ободряла и утешала меня в минуты самой тяжелой скорби и одиночества. Вместе с Петраркой, ее, неживую, предпочитаю я тем живым, которые „только потому считают себя живыми, что видят собственное дыхание в холодном воздухе”».

Посвящение «Словарного указателя» «старой» книге не было демонстрацией неприятия «новой» книги: из работ А. В. Мезьер вообще, и из четырех томов «Словарного указателя» в частности, видно, что она не менее внимательно следила за «новой» книгой, чем за «старой», прекрасно осознавала историчность и относительность понятий «новая» и «старая» книга. Поэтому А. В. Мезьер с полным правом предпослала предисловию к первому тому «Словарного указателя» издания 1931 г. две строчки из стихотворения забытого поэта начала XX в.:

«Не книжности, а жизни я покорен,
Когда о книгах речь свою веду».

В этих — довольно прозаичных — строчках из Вл. Нелединского (Владимира Гиппиуса) А. В. Мезьер нашла точное выражение своей книговедческой позиции: действительно, вся ее библиографическая деятельность <...> была тесно связана с реальной, общественной жизнью, с революционно-демократическим движением начала XX в.

<...> Перед нами проходят разные этапы жизни и деятельности А. В. Мезьер — и ее библиотечная работа, и библиографическая, и педагогическая, и рецензентская, и деятельность в качестве обозревателя, популяризатора, переводчика, пропагандиста передовых взглядов, знаний. Не является случайным, что социал-демократические воззрения были близки А. В. Мезьер, что она сотрудничала в социал-демократических изданиях, преподавала в Смоленских вечерне-воскресных классах для рабочих, писала очерки по экономической географии для самообразования и школ рабочих.

<...> Ярko встает образ А. В. Мезьер как неутомимого, пытливого, ищущего библиографа-энтузиаста. Если мы раньше

уважали А. В. Мезьер как автора капитальных работ по русской литературной и книговедческой библиографии, то теперь, познакомившись с ее жизненным путем, полным непрерывных и разнообразных трудов, мы полюбили эту замечательную русскую женщину, эту самоотверженную труженицу в области русской библиографии.

Характеристика нравственного облика А. В. Мезьер будет неполной, если мы не отметим ее исключительной скромности, даже робости. Автор многочисленных работ, признанный авторитет в области библиографии, она откровенно пишет в предисловиях к «Словарному указателю» о своих сомнениях, колебаниях, о своей неуверенности: «Не без колебаний выпускаю я в свет свою работу... Моя задача много скромнее... Не обошлось, впрочем, без промахов и даже весьма немаловажных... Меня пугала малая разработанность вопроса и еще больше моя собственная неосведомленность» и т. д. Или «... я шла ощупью, не уверенная, что иду нужной дорогой... Весьма вероятно, знатоки вопроса укажут много пропусков и, может быть, даже ошибок. Но ведь у меня не было предшественников в этой области, а пролагать пути всегда трудно». Однако, когда дело идет о принципах, убеждениях, голос А. В. Мезьер звучит твердо и непоколебимо: «Меня могут упрекнуть в том, что я говорю ересь. Но пусть мне докажут практически, а не простым утверждением».

За А. В. Мезьер утвердился репутация автора *практических* справочников, далекого от теоретических интересов библиографической науки. Это как будто подтверждается списком ее печатных трудов: ни одной собственно теоретической работы — книги или статьи — в нем нет. Однако, если подходить к вопросу не формально, а по- существу, то А. В. Мезьер нужно признать одним из крупнейших работников в области теории построения библиографических справочников. Заслуживают самого пристального внимания и глубокого анализа приемы группировки и классификации материала в разных ее справочниках и указателях, начиная от самых маленьких и кончая монументальным «Словарным указателем по книговедению», последовательность в расположении рубрик, приемы описания в разные периоды ее деятельности и т. д. Интересно проследить, отчего она отправлялась в начале своей библиографической работы, чему училась и что внесла своего, нового, самостоятельного, закрепившего за нею известность и авторитет, и в той или иной форме повлиявшего на дальнейшее развитие русского книговедения.

В этой связи необходимо уделить особое внимание предисловиям, которыми предваряла А. В. Мезьер свои большие библиографические труды, в частности, предисловиям к «Словарному указателю по книговедению» издания 1924 и 1931 г. На первый взгляд может показаться, что эти предисловия — и в особенности

к изданию 1931 г.,— представляют собой не что иное, как отчеты о том, как возникла идея, как складывалась и как велась работа по созданию «Словарного указателя». На самом деле это много больше, чем простые отчеты. Излагая историю первоначального замысла «своего труда, характеризуя сложности, возникавшие на отдельных этапах осуществления идеи книги, намечая возможные аспекты дальнейшей разработки словника и отдельных рубрик, А. В. Мезьер попутно, может быть незаметно для себя, но, скорее всего, сознательно, ставит множество важных, сложных и интереснейших вопросов теории библиографии. Выше было уже указано, что А. В. Мезьер выдвинула и правильно решила вопрос о направляющей, руководящей, а не подсобной роли библиографических указателей. Таковы же вопросы: «автор с книговедческой точки зрения», «момент соавторства», «влияние отдельных книг на читателя» и т. д.

Нельзя не отметить при этом, как была прозорлива в своих теоретических построениях А. В. Мезьер тогда, в конце 20-х — начале 30-х гг., когда еще только смутно вырисовывались новые очертания советской библиографии. «Эвристика, или библиографическое разыскание,— писала она в предисловии к изданию 1931 г.,— новая ветвь библиографии, которой при дальнейшей углубленной разработке предстоит занять очень видное место, так как она дает новые черты к определению понятия библиография» (с. XI). Чутье большого ученого, теоретическая и практическая зоркость подсказали А. В. Мезьер эти справедливые, веские слова <...>

КНИГА Ю. И. МАСАНОВА «В МИРЕ ПСЕВДОНИМОВ, АНОНИМОВ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ПОДДЕЛОК» И ПРОБЛЕМЫ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ СОБСТВЕННОСТИ»

На западноевропейских языках с давних пор существует обширная литература, посвященная необычным, сложным и любопытным случаям в писательской и книгоиздательской практике, — всевозможным литературным обманам, подделкам, мистификациям, плагиатам, подражаниям, стилизациям, пародиям, шаржам и карикатурам, происхождению различных авторских псевдонимов, книгоиздательским контрафакциям, шедеврам и курьезам типографского искусства, библиофильским редкостям и т. п.¹ У нас подобных изданий до сих пор, насколько мне известно, не было. Претенциозная «Литературная мистификация» Евг. Ланна (М., 1930) представляет скорее исследование, чем произведение, обращенное к читателю неспециалисту. «Рассказы о книгах» Н. П. Смирнова-Сокольского (М., 1959—1961) также не вполне подходят под эту рубрику.

Книга Ю. И. Масанова «В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок» является, таким образом, первым опытом на русском языке в данном роде.

Подобные работы имеют двойное значение: хотя они обращены к широкой читательской аудитории, они в то же время накапливают и сохраняют для науки полезные материалы, рассеянные в разных, порою самых неожиданных и трудно находимых источниках, и, таким образом, представляют собрание ценных фактов, которые могут быть использованы специалистами в различных научных областях. Вместе с тем такие книги выполняют и свое прямое предназначение: написанные легко и доступно, они пользуются широкой популярностью в кругах людей, интересующихся литературной жизнью в прошлом и настоящем и стремящихся почерпнуть знания путем регулярного, внимательного, но не утомляющего чтения.

Избранная Ю. И. Масановым тема представляет несомненный интерес для самых различных групп советских читателей: к ней обратятся и библиографы, и литературоведы, и историки, и юристы, вообще научные работники разных категорий и — особенно — так называемый «широкий читатель». Общеизвестно, как неизмеримо выросли культурные запросы советских читательских масс. «Литературная газета» расходится во многих

¹ Из огромной литературы по данному вопросу ниже указываются наиболее известные, причем только в первых изданиях: D'Israeli J. *Curiosities of literature*. London, 1791; Nodier Ch. *Questions de littérature legale*. Paris, 1812; D'Israeli J. *Amenities of literature*. London, 1841; J. M. Quérard. *Les supercheries littéraires dévoilées*. T. 1—5. Paris, 1847—1853 <...>

сотнях тысяч экземпляров; большой популярностью пользуются «местные», «краеведческие» работы по литературоведению. Таким образом, можно не колеблясь сказать: книга Ю. И. Масанова найдет своего читателя и будет иметь у него успех. Автору удалось сочетать интерес содержания, обилие фактического материала, иногда имеющего самостоятельный исследовательский характер (очерки «Подвиг жизни», «Un bibliophile russe», «Среди музыкантов и художников»), с живостью и приятной простотой изложения.

Содержащая множество интересных и разнообразных материалов книга Ю. И. Масанова не только удачно суммирует малоизвестные советскому читателю факты из области истории литературы и книговедения, но и наталкивает его на размышления о прочитанном, ставит перед ним вопросы, заставляет искать на них ответы. Словом, это одновременно и увлекательная книга для чтения, и научный труд, к которому станут обращаться и который будут цитировать специалисты.

Такая характеристика, как известно, приложима далеко не ко всякому изданию, попадающему на прилавки книжных магазинов и на полки библиотек. Поэтому к работе Ю. И. Масанова следует отнестись с особым вниманием и, сознавая все ее несомненные достоинства, отметить также и некоторые стороны вопроса, не нашедшие освещения в данной книге.

Вводя читателя в захватывающе интересный «мир псевдонимов, анонимов и литературных подделок», Ю. И. Масанов пользуется привычными нам терминами «автор», «литературное произведение», «псевдоним» и т. д. в том виде и в том понимании, которые установились в последние четыре-пять столетий, то есть после изобретения книгопечатания. Это имеет свои преимущества, так как знакомит читателя с фактами, близкими ему по времени, понятными по своему содержанию и интересными, благодаря их отношению к тем писателям, — большей частью известным, — о которых идет речь. Однако подобный подход к материалу таит в себе также и опасность: многие явления, представляющие предмет рассмотрения Ю. И. Масанова, не будут правильно поняты, если брать их в том виде, в котором они определились в последние столетия.

Один из существеннейших вопросов, возникающих при чтении работы Ю. И. Масанова, составляет, по нашему мнению, именно проблема происхождения тех явлений литературной и — шире — книжной жизни, которые составили объект изучения автора и отчасти перечислены в названии книги; говорю: отчасти — потому что содержание труда Ю. И. Масанова шире его заглавия. Правда, автор в каждом отдельном случае объясняет, при каких обстоятельствах появляются псевдонимы вообще и псевдонимы определенных писателей; почему некоторые произведения, — как рукописные, так и печатные, — выходят в свет без имени своих создателей, то есть почему сложился и мог сложиться тип ано-

нимной книги; что, наконец, побуждает разных авторов заниматься плагиатом — литературным воровством и подделкой литературных произведений.

Однако, при всей правильности объяснений, приводимых Ю. И. Масановым и в конкретных частных случаях, и в качестве теоретических обобщений, они не исчерпывают существа вопроса и их необходимо дополнить и развить. Каждое из явлений литературной и книжной жизни, являющихся темой книги Ю. И. Масанова, нельзя рассматривать отдельно, обособленно. Они не являются самостоятельными, изолированными понятиями, возникающими каждое само по себе, независимо от других, а находятся в своеобразном «родстве» и, в конечном счете, — представляют продукт развития понятия так называемой «литературной собственности», понятия «авторского права», и не в меньшей степени понятия «автора», конкретно складывавшихся у разных народов по-разному, но теоретически проходивших, в конце концов, одни и те же этапы.

Только в свете истории этих понятий, лишь при учете того, как складывалось, укреплялось и распространялось в человеческом обществе — казалось бы, столь очевидное и простое — представление об авторе, о принадлежности литературного произведения определенному лицу и о праве последнего распоряжаться своим созданием, можно правильно понять внутреннюю связь между явлениями, которым посвящена книга Ю. И. Масанова. Лишь на фоне исторического развития понятий «автор», «литературная собственность» и «авторское право» можно увидеть в псевдонимах, анонимах, плагиатах, литературных подделках и проч. не разные, друг от друга обособленные явления, а нечто, органически выросшее на общей почве, можно понять их историческую природу. Вместе с тем на анализе данных материалов ясно обнаруживается преемственная связь явлений литературной и книжной культуры у разных народов с древнейших времен и до наших дней.

Но здесь нужно сразу же объяснить, как понимается нами термин «литературная собственность».

Напрасно стали бы мы искать объяснение этого понятия в советских энциклопедиях. Во втором издании Большой Советской Энциклопедии в статье «Собственность» о «литературной собственности» не говорится ни в разделе капиталистической собственности, ни социалистической, ни колхозно-кооперативной, ни даже личной; не говорится о ней и в какой-либо отдельной статье. Оказывается, однако, что в виду сложности, противоречивости, непохожести «литературной собственности» на любую другую форму собственности этот термин давно уже перестали применять даже в буржуазной юридической науке. Понятно, что еще большие основания не упоминать о литературной собственности имеют советские энциклопедии. В большей же части дореволюционных энциклопедий от термина «литературная собствен-

ность» читатель отсылался к статье «авторское право», в которой, однако, термин «литературная собственность» не только не определялся или объяснялся, но явно избегался, в особенности с конца XIX в. Обращает на себя внимание то, что статьи и книги об авторском праве и у нас, и на Западе писались и пишутся исключительно юристами. Даже тогда, когда изредка к рассмотрению этой проблемы обращались философы — Кант, Фихте, Гегель, — она интересовала их только своей юридической стороной.

Спору нет, вопросы, связанные с очевидным для нас правом писателя использовать в собственных материальных интересах результаты своего литературного труда; оградить свои произведения от незаконных посягательств каких-либо иных литераторов (плагиаторов) или издателей-контрафакторов, перепечатающих выпущенные другими лицами книги без оплаты авторского гонорара; закрепить за своими наследниками навечно или на определенный срок выгоды, вытекающие из публикации написанных автором сочинений, — несомненно, все это подлежит в первую очередь ведению юридической науки, так как перечисленные явления вырастают на почве гражданско-правовых отношений между людьми.

Однако было бы ошибкой считать, что данные вопросы должны входить в компетенцию одной только юридической науки.

История литературы и книговедения имеют не меньшие основания рассматривать проблемы авторского права или «литературной собственности», если пользоваться этим термином, помня его условность и понимая под ним признание определенного лица автором данного произведения со всеми отсюда вытекающими следствиями юридического характера.

В самом деле, юридическая наука и судебная практика имеют дело с уже существующими, давно сложившимися понятиями «автор», «право распоряжаться произведением», «псевдоним», «аноним», «плагиат», «контрафакция» и т. д. История же литературы и книговедение могут и должны определять и рассматривать условия и обстоятельства, при которых эти понятия возникли в процессе развития человеческой культуры.

Юриспруденция берет их в том виде, в каком они существуют приблизительно со времени изобретения книгопечатания, то есть со времени возникновения буржуазно-капиталистических отношений в области типографско-издательского дела. История же литературы и книговедения подходят к этим проблемам исторически, диалектически, а не статически и метафизически.

Литературоведу и книговеду ясно, что, для того чтобы возникли понятия «автор», «литературная собственность», «псевдоним» и т. д., человечество должно было пройти долгий путь литературного развития и что хотя эти понятия в разное время появляются у разных народов, но возникают они примерно на одном и том же уровне их сознания.

Действительно, кажущийся нам сейчас таким простым и понятным вопрос о принадлежности литературного произведения его автору, если подходить исторически и рассматривать этот вопрос в процессе развития литературного сознания человечества, оказывается вовсе уже не столь ясным и простым.

Как и все в человеческом обществе, понятия «автор», «литературное произведение», «литературная собственность» и т. п.— явления исторические. Они возникли только на определенном этапе существования человечества, и не на пустом месте, а преобразовались из более ранних понятий, их, так сказать, подготовивших, на них похожих и в то же время и непохожих, и как раз эти «предшественники» понятий «автор», «литературное произведение» и «литературная собственность» помогают нам разобраться в проблемах, которые рассматриваются в книге Ю. И. Масанова.

Конечно, может возникнуть вопрос о так называемом «первом портном»: Простакова в фонвизинском «Недоросле» спрашивает крепостного портного Тришку, у кого учился шить первый портной; тот отвечает, что первый портной ни у кого не учился, но шил хуже его, Тришки. Так и в данном случае, может быть задан вопрос не о «предшественниках» интересующих нас понятий, а об их первоисточках, их начале. Мы увидим сейчас, что исходный момент всех этих понятий, как ни может показаться это парадоксальным, связан с появлением человеческой речи.

Подобно тому как мы не можем указать «авторов» отдельных слов в языке, которым мы пользуемся, не могли указать их и люди более древнего времени. Ведь и сейчас, на наших глазах, возникают новые явления в человеческой культуре, например, кибернетика, электроника, космонавтика, полимеры, капрон, лавсан и т. д., но мы не знаем, кто «придумал», то есть первый употребил эти названия, хотя, может быть, специалисты в той или иной научной области и в состоянии назвать имена лиц, «придумавших» перечисленные и другие научные термины. В древнейшие времена, когда человеческий язык еще только развивался, он создавался «всеми», и у тогдашних людей не могло даже возникнуть представление о том, что кто-то определенный из членов рода, племени, народа является «автором» какого-либо слова, хотя в действительности именно так и было. Лишь в более поздние эпохи, когда у людей стал зарождаться очень примитивный «историзм» и у них возникла потребность узнать и объяснить, «откуда идет» то-то и то-то, кто был «создателем» того-то и того-то, постепенно стали появляться рассказы о «зачинателях» или «изобретателях вещей». Среди таких преданий встречаются также повествования о «назывателях вещей», о «знатоках слов». Обычно такими «изобретателями речи» оказывались авторитетнейшие для сознания первобытного человека образы либо богов, либо «созданных» богами «первых

людей», либо — позднее — древних мудрецов, имена которых сохранились в народной памяти.

«Как и другие народы классического Востока,— писал по этому поводу акад. Б. А. Тураев,— египтяне все свои культурные приобретения, в том числе письмо и литературу, возводили к небу и считали откровениями богов... Изобретателем письма и покровителем литературы и науки был бог премудрости Тот, „который подает словеса и писание“, именовавшийся „владыкой (т. е. хозяином) Слова Божия“ ...»². В Библии (Бытие, гл. II, ст. 19) сохранен миф, повествующий о том, что, завершив сотворение животных и человека, бог привел всех созданных им зверей и птиц к Адаму, «чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей». Подобные же идущие из глубочайшей древности предания о «вещих старцах», знающих «все слова» и дающие имена всему сущему, находятся у самых различных народов в противоположных концах земного шара.

Когда в процессе примитивного труда, создавшего и сплотившего первобытное общество, стали появляться трудовые песни, затем песни обрядовые, далее — магически-заклинательные, а еще позднее — мифы, сказки о животных, сказки богатырские и, наконец, эпические песни, «авторами» всех подобных устных произведений никогда не считались их действительные создатели. Как язык творился «всеми», так и устная поэзия первобытного человека и человека следующей исторической ступени развития создавалась «всеми». Понятия авторства применительно к данному виду художественного творчества тогда не существовало.

Однако на определенном этапе развития у людей стали возникать наблюдения, что при исполнении некоторых видов того, что является для нас сейчас устной поэзией, а для первобытного общества было чем-то большим, нежели поэзия, — было и наукой, и религией, и философией, — исполнители приходили в состояние экстаза, внезапного восторга, «божественного наития» и начинали говорить не обычным прозаическим языком, а стихами, ритмической, мерной речью, отличающейся особым характером лексики, особым синтаксисом, непривычным порядком слов. Большею частью это случалось с жрецами — шаманами, а позднее с певцами — импровизаторами, которых «осеяло» поэтическое «вдохновение». Отсюда возникло в то время представление, что подобные состояния жрецов и певцов являются следствием того, что в них вселяется «божество» или, по крайней мере, «вдыхает» в них свою божественную силу. Пережиточным остатком такого воззрения является наше слово «вдохновение», в психологической основе которого лежит идея о

² Тураев Б. А. Египетская литература, т. I. Исторический очерк древнеегипетской литературы М., 1920, с. 9.

ком-то, передающем поэту, художнику, певцу и т. д. свое дыхание, возбуждающем его своим «духом».

Так, мало-помалу в период варварства в человеческом обществе появляется мысль и укрепляется убеждение, что «автором» всех этих мифов космогонических, а затем героических эпических повествований в стихах является божество, которое избирает отдельных, особо им любимых людей в качестве своих «вещателей». Если о более ранних этапах данного процесса литературной науке приходится судить главным образом по аналогии с тем, как делает лингвистика по отношению к истории возникновения языка, то для более поздних периодов мы располагаем фактическими материалами, подтверждающими сказанное выше. Это произведения более древних эпох, долгое время передававшиеся устно, а затем, записанные, когда возникло и — главное — получило большее распространение письмо.

Так, например, «Илиада» Гомера начинается словами:

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына.

Это — явное свидетельство того, что в эпоху создания данной эпической поэмы (по-видимому, X—VIII вв. до н. э.) ее автором считалась богиня мудрости Афина, а не люди, исполнявшие отдельные песни «Илиады» или всю эпопею в целом. Даже несколько столетий позднее Платон в диалоге «Ион» развивал мысль о том, что поэтическое творчество — результат «божественной силы», «вдохновения». «Не умение, а божественная сила... тобою двигает... Муза сама вдохновляет одних, а от этих тянется цепь других вдохновленных... Не человеческого происхождения эти прекрасные поэмы и не людьми они созданы, а происхождения божественного и созданы богами, поэты же — не что иное, как истолкователи богов, одержимые каждый тем богом, который им владеет»³.

Римские поэты, возможно, под влиянием древних представлений, и может быть усвоив взгляды Платона, либо под воздействием и того и другого, — также считали себя в момент вдохновения лишь «органом» божества.

Est deus in nobis, agitante calescimus illo
(«Есть в нас божество, и когда оно действует, мы приходим в экстаз»). —

говорит Гораций в «Искусстве поэзии». Ту же мысль находим мы у Овидия, который писал: «Так как сам бог движет моими устами, то буду следовать его божественному повелению» («Превращения», кн. XV, ст. 143—144).

Еще в большей степени приписывалось божественное происхождение тем литературным произведениям, которые представ-

³ Платон. Полн. собр. творений, т. 9. Л., 1924, с. 84—85.

ляли главные документы древних религиозных систем. Бог Тот «считался автором священных книг» египтян⁴; у вавилонян бог солнца Мардук «передал» сочиненные им законы царю Гаммураби; точно так же, по Библии, Моисей получил из рук бога Ягве каменные доски — скрижали с начертанными на них десятью заповедями, основой древнееврейской религии.

Подобные же представления лежат в основе явления «пророчества»: пророк — только передатчик «словес божиих», а не творец их. «Внемлите, небеса, слушай, земля, ибо господь вещает», — так начинается книга пророка Исаии. Ср. стихотворения «Пророк» Пушкина и Лермонтова, построенные на материале поэзии пророков; в последнем важны стихи: «Глупец хотел уверить нас, что бог гласит его устами», из которых можно заключить, что «градские старцы», осмеивающие лермонтовского пророка, уже проникнуты религиозным критицизмом и недоверием.

Не останавливаясь подробнее на подтверждении сказанного, так как нам придется в дальнейшем в другой связи снова обратиться к этому вопросу, мы отметим сейчас, что все те авторы, анонимные и неанонимные, которые считали себя только «вещателями» речей божества, фактически пользовались именем бога как своеобразным псевдонимом, хотя ни сами они, ни их литературные потребители, — слушатели и читатели, — не сознавали этого. Здесь по существу лежат зачатки того, что впоследствии, на другом уровне человеческого сознания, стало называться псевдонимом.

Очевидно, такая «псевдонимизация» собственного литературного произведения, признание его автором божества имело бессознательный и, так сказать, добросовестный характер; не только первобытные слушатели, благоговевшие перед экстатическим жрецом — шаманом или поэтом-импровизатором, но и сами авторы-сказители простодушно верили этой фикции. Однако позднее в жреческой среде использование «псевдонима» божества делалось уже сознательно и с корыстными целями.

Следующим этапом в формировании понятия автора было представление о том, что божество призывает певца и поручает ему воспеть — уже своими словами и от своего имени — то, что для него, бога, важно. Обычно при этом бог, а позднее герой, подвиги которого должен был поэтически изложить ранее к этому не готовившийся певец, дают последнему выпить особый напиток, сообщающий призванному божественную силу. Этот «священный» напиток представлял материализованный процесс прежнего незримого вселения божества в певца, «естественнее» объяснял процесс поэтического наития, вдохновения. Сведения о подобном «призвании певца» дошли до нас

⁴ Тураев Б. А. Египетская литература, т. 1, с. 9.

в огромном количестве из истории культуры разных народов. Особенно подробно изучены советскими этнографами и фольклористами данные о «призвании певца» на основании свидетельств фольклора разных народов нашей родины⁵. Но об этом же, пережиточно сохраняя древние представления, говорят и художественные произведения более позднего времени, чем те, которые послужили материалом для советских исследователей. Такие свидетельства обычно воспринимаются современным читателем в качестве лишь поэтического образа, оборота речи; он не задумывается над тем, откуда идут эти художественные представления, являются ли они продуктом творчества писателей нового времени или последние используют готовые уже древние поэтические средства. Между тем в основе подобных образов и оборотов речи лежит древнее представление о реальности «призвания певца». Пушкин, конечно, не верил ни в Аполлона, ни в «священные жертвы»; однако, когда он говорит:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,—

и далее:

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,—

то мы имеем перед собою использование того, что когда-то было «древней правдой», а в новейшее время утратило свое живое содержание и стало пустой формой, поэтическим образом. Когда в человеческом обществе стали все больше усиливаться элементы критического отношения к действительности и люди перестали верить без исключения всему тому, что говорили им жрецы, обращение реальных авторов к «псевдониму» божества не убеждало уже слушателей, и поэтому пришлось отказаться от подобной формы объяснения происхождения произведений. На смену «автору» — божеству пришел — также «псевдонимный» — «автор» — человек, но не современник, а человек прошлого, какой-либо авторитетный герой народных преданий, например, древний жрец, народный вождь, царь и т. п. Достаточно даже бегло, но критически пересмотреть истории древнейших литератур — египетской, индийской, китайской, древнееврейской, — чтобы найти множество подтверждений сказанному.

Наконец, наступает такой момент в развитии понятия «автор», когда отпадает потребность в приписывании произведения реального человека «божественному» или «историческому» «псевдониму». Происходит это, по-видимому, в последний этап раз-

⁵ Жирмунский В. М. Легенда о призвании певца.— В кн.: Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели. М.—Л., 1960, с. 185—195; Жирмунский В. М. Введение в изучение эпоса «Манас».— В кн.: Киргизский героический эпос Манас. М., 1961, с. 91—92 (в примеч. 14—библиографии).

ложения родового общества, когда начинает приобретать определенное значение личность рядового члена коллектива,— такие выводы можно, по крайней мере, сделать из материалов, доставляемых перечисленными выше древнейшими литературами.

Однако при этом следует иметь в виду, что возникавшее понятие «личного авторства» относилось только к «важным» жанрам — дидактическим, эпико-героическим, отчасти лирико-героическим, как, например, гимны, дифирамбы и т. п. Лишь постепенно расширялся круг жанров и произведений, имена создателей которых удерживались в памяти ближайших и более поздних потомков.

Громадную роль в этом процессе становления понятия «личного авторства» сыграло изобретение письма и, в особенности, упрощение его из иероглифического в письмо алфавитное. Возможность записывать собственные произведения и снабжать такие рукописи-автографы своим именем, несомненно, сильно ускорила этот процесс.

В этой связи следует особенно отметить, что мы как-то недостаточно учитываем роль письма в возникновении и развитии литературы вообще и в особенности у народов античного мира, которые оказали огромное влияние на развитие европейской культуры. Известно, что и до появления письменности у древних греков и у римлян была достаточно богатая устная поэзия. Однако это был фольклор, и в основном, как всякий фольклор,— анонимный, а вовсе не литература. Литература начинается только с возникновением письменности. Уже один факт записи древних устных произведений, как, например, «Илиады», превращал фольклорный памятник в явление литературы. Таким образом, благодаря зарождению и распространению письменности в античных литературах все больше и чаще стали появляться произведения не просто записанные, а специально написанные, не зафиксированный фольклор, а настоящая литература. И именно в результате этого произведения стали сохранять имена своих авторов.

С разными местными и хронологическими отличиями подобное же явление наблюдается и в других древних литературах, например, китайской, индийской, древнееврейской. Но совершенно то же самое мы видим почти в каждой литературе: имена авторов «дописьменного» периода исчисляются единицами, а как только широко распространяется письмо, количество авторов сразу же значительно возрастает.

Вместе с тем не следует думать, что с этого момента полностью и раз навсегда устанавливается «авторский период» в книжном деле.

Наряду с рассмотренными выше «псевдонимными» произведениями (так называемыми «псевдэпиграфами» — ложнонаписанными сочинениями), и еще в большем количестве, древние литературы знают произведения анонимные. В основном —

это памятники народного творчества, но других жанров, чем те, о которых шла речь выше. Однако немало есть среди анонимных древних рукописей и собственно литературных произведений.

Анонимность возникала по ряду причин, из которых важнейшие следующие. Произведения народной словесности малых жанров, как мы видели, не сохраняли имена своих создателей ни в момент своего возникновения, ни позднее, когда их стали записывать; они по природе, так сказать, анонимны. Произведения же, созданные уже в период возникновения понятий «автор» и «литературная собственность», могли утратить имя своего творца и потому, что последний имел на то личные основания, как, например, скромность, опасения религиозных и политических преследований, нежелание считаться сочинителем несерьезных произведений, недооценка или даже пренебрежение к литературному творчеству. В количественном отношении анонимные произведения, как уже сказано было выше, превышали в древних литературах число произведений «авторских». Это в свою очередь влияло на отношение тогдашних читателей, — большей частью являвшихся одновременно и переписчиками, — к проблеме «авторства»: важные по своему содержанию и значению произведения при переписке обычно снабжались действительным именем автора или авторитетным «псевдонимом»; сочинения же незначительные по объему и тематике чаще всего воспроизводились без указаний автора. Могла иметь место и случайность — копия могла быть сделана с рукописи, в которой не хватало начала с обозначением автора.

В результате всего этого, не только у первобытного, но и у много более позднего потребителя литературы — слушателя и читателя — не всегда возникал вопрос об авторе того или иного воспринимавшегося им, преимущественно мелкого, произведения. Учитывая все различие между сопоставляемыми явлениями, мы можем сравнить отношение маленьких детей к читаемым им или рассказываемым взрослыми сказкам с отношением древних слушателей и читателей к литературному материалу: для тех и других характерен интерес к содержанию произведения, а не к имени автора. Анонимность большей части памятников древней и средневековой литературы объясняется этим, привычным для тогдашних читателей безразличием к реальному автору и интересом к самому произведению.

Возникновение письменности не сразу и не у всех народов отразилось на формировании понятия «литературная собственность». Еще очень долгое время, даже тогда, когда в период позднего варварства, а затем — раннего феодализма появились профессиональные певцы и актеры — увеселители, большая часть их были люди неграмотные, хотя они могли создавать и действительно создавали высоко художественные произведения, применяли сложнейшие поэтические приемы и соблюдали

труднейшие правила, установленные ими самими и подобными им людьми. Литературный репертуар этих древних певцов не записывался и мог храниться в памяти ближайших поколений, иногда с именем автора, а чаще всего без него. Могло случиться и обратное: могло сохраниться имя древнего поэта, а сами его произведения частично или полностью могли утратиться. Так, например, из «Илиады» и «Одиссеи» мы знаем только имена певцов Фамирида, Демодока, Фемиа, из «Слова о полку Игореве» — имя «вещего Бояна», «соловья древнего времени», знаем несколько цитат из его песнопений, но подлинные тексты последних до нас не дошли, как не дошло до нас и имя автора «Слова о полку Игореве».

У более поздних профессиональных певцов феодального периода мы наблюдаем уже явное стремление сохранить свое авторство. Возникновение этой тенденции у тогдашних поэтов было связано с влиянием (даже на неграмотных среди них) сведений об античных, главным образом латинских авторах, Овидии, Вергилии, Горации, может быть, Гомере, которые становились известными им через посредство образованных людей или в результате собственных школьных занятий или самостоятельного чтения. Исследования западноевропейских и русских ученых давно уже показали, что граница между народной поэзией средневековых певцов и школьно-латинской образованностью была не столь уж резкой и к концу данного периода все более стиралась.

Стремление средневековых певцов сохранить свое авторство по-разному проявлялось на Западе и на Востоке. У западных народов эта тенденция проявлялась в том, что безграмотные авторы — трубадуры, менестрели, миннезингеры — диктовали свои произведения профессиональным писцам⁶, а грамотные сами записывали сложные им песни и поэмы. У восточных средневековых певцов — ашугов, в подавляющем числе безграмотные даже в XIX в., стремление закрепить за собою авторство каждого отдельного стихотворения-песни привело к тому, что подлинное имя создателя произведения или его поэтическое имя, то есть с нашей точки зрения «псевдоним», обязательно включалось в последнюю строфу стихотворения-песни, так называемую «тапшырму». По словам исследователей, это было настолько действенной «охраной авторских прав», что случаев их нарушения, случаев плагиата история поэзии ашугов не знает: «опускание или изменение „тапшырмы“ преследуется адатом (обычным правом) и общественным презрением куда строже, чем плагиат законом»⁷, — писал около сорока лет

⁶ Ср. воспроизведение миниатюры из гейдельбергской рукописи миннезингеров XIV в. «Миннезингер, диктующий свою песню писцу». — В кн.: История зарубежной литературы. Раннее средневековье и Возрождение. Под общей ред. В. М. Жирмунского. М., 1959, с. 116.

⁷ Тер-Сарсян С. Армянские ашуги. — «Восточный сборник». I. 1924, с. 20.

назад армянский фольклорист, изучивший практику и традиции поэтов-импровизаторов Армении, ничем не отличавшиеся от порядков и воззрений в ашугской поэзии Средней Азии, Азербайджана и Турции.

Естественно, у нас возникает вопрос, с какою целью древние и средневековые авторы заботились о сохранении своих прав на литературное произведение. Для нового времени такое стремление понятно: за свой литературный труд автор получает гонорар: полистную плату или поспектакльный сбор и т. д. Рассуждая по аналогии, большинство читателей полагает, что и в древности, и в средние века авторский гонорар уже существовал. На самом деле, и это не так. «Гонорар» и существовал, и не существовал, то есть автор в какой-то форме вознаграждение получал, но денежный вид оплаты литературного труда был еще неизвестен, и — главное — оплачивался, как мы увидим, вовсе не литературный труд.

В самом деле, в родо-племенном обществе эпический певец, считавшийся, как мы видели, не автором, а «вещателем» «божественного» произведения, получал от своих слушателей для подкрепления физических сил пищу и, вероятно, одежду и другие нужные ему бытовые предметы в награду за исполнение, а не за создание того или иного поэтического творения. Поэтому, как ни различались, например, у древних греков аэды и рапсоды или у киргиз манасчи и джырчи, то есть певцы-творцы и певцы-исполнители уже существовавших чужих произведений, но и те и другие одинаково получали вознаграждение за то, что «усплаждали пиры» своим пением — рецитацией стихов, а не за самые стихи. Насколько можно судить по дошедшим до нас материалам, оплата таких первобытных певцов определялась не степенью их творческой самостоятельности, а лишь силой впечатления, которое производило их исполнение на слушателей или, если говорить точнее, на хозяина пира, царя или старейшину рода.

Скудность и случайность дошедших до нас материалов, почти полная их необработанность не позволяют установить, предшествовали ли странствующие певцы оседлым или наоборот, были ли у древних царей и старейшин родов постоянные «пиров усладители» или последние приглашались только по мере необходимости. Существенно, однако, то, что, наряду с бродячими певцами, переходившими с места на место и собиравшими, следовательно, вознаграждение за исполнение репертуара со своих слушателей, из античной и средневековой истории известны также придворные певцы, находившиеся на службе у своих хозяев и получавшие от последних оплату в разной форме — и натурой (пища, кров, одежда и т. п.), и, возможно, и деньгами. Однако такое денежное вознаграждение было только предшественником нашего современного литературного гонорара.

По мере социально-экономического и культурного развития общества и появления «индивидуальных» писателей вопрос об авторском праве, о литературной собственности еще более усложняется, и начинает оплачиваться уже литературный труд автора, а не только устное исполнение произведения. Более подробно и отчетливо известны нам условия и формы оплаты литературного труда в древнем Риме с I в. до н. э. Такие подробно и отчетливо известны нам условия и формы оплаты поэты, как Вергилий, Гораций, а после них Овидий, Марциал и др., сперва читали свои произведения публично, чтобы приобрести славу, а затем отдавали книгопродавцам для «издания», то есть переписки в нескольких экземплярах. Точных сведений о тиражах таких рукописных книг не сохранилось, но некоторые исследователи предполагают, что число переписанных экземпляров произведений особо популярных авторов достигало тысячи.

Из дошедших до нас источников явствует, что литературного гонорара в нашем современном смысле римские авторы не имели: они никогда не говорят о получении от издателей денег за свои произведения, не жалуются на эксплуатацию книгопродавцев. Зато сочинения этих писателей сообщают нам о другой форме оплаты литературного труда в те времена. Речь идет о меценатстве, то есть о покровительстве какого-нибудь богатого римского вельможи, делавшего «своему» поэту значительные вещественные и даже имущественные подарки, нередко являвшиеся единственным источником для существования писателя. Первый подобный покровитель поэтов, римский государственный деятель и сам писатель, Гай Цильний Меценат, по имени которого и получило название данное явление римской, а затем и вообще человеческой культуры, щедро одарял Вергилия, Горация и других писателей, группировавшихся вокруг него. Характерной чертой покровительства Мецената было глубокое уважение, которое он проявлял к «своим» поэтам. Распространение меценатства среди римских вельмож, в подавляющем большинстве своем людей значительно менее культурных, чем Меценат, привело к установлению между покровителем и покровительствуемым униженных отношений патронажа, то есть отношений, какие существовали по сложившейся традиции между богатым и высокомерным патроном и зависевшим от него бедным клиентом. Поэт Марциал особенно жаловался на свое тяжелое клиентское положение. Его эпиграммы (III, 46; IX, 100; X, 58, 74) показывают, что отдельные патроны, выплачивая покровительствуемым поэтам ежедневно небольшие суммы, требовали от них таких клиентских услуг, которые уместнее было выполнять рабам и которые не оставляли им времени для поэтических занятий.

Впрочем, римские писатели, выступавшие в других литературных жанрах (драматических, исторических, публицистических), либо продавали свои произведения какому-нибудь лицу,

которое становилось их вечным владельцем, имевшим неограниченное право издания, либо, если располагали средствами, сами их «издавали». Однако подобные случаи были много реже, чем отношения меценатства — патронажа. Эти последние можно сказать, являются типичными для эпохи императорского Рима.

Дошедшие до нас материалы из римской литературы начиная с I в. до н. э. неизменно говорят о бедности и житейской неустроенности большей части тогдашних писателей. Жалобы поэтов на бедность — постоянная тема их творчества. Многие из них пользовались славой или, по крайней мере, широкой популярностью, но могли повторить вслед за Марциалом знаменитый стих:

Nescit sacculus ista meus

(«Мой кошелек вовсе не знает о том») (XI, 3).

Подобная материальная необеспеченность создавала особую психологию у большей части римских писателей, лишала их чувства собственного достоинства, вызывала зависть к более удачливым из их среды, толкала на разного рода некрасивые, неэтичные поступки, вроде — литературного воровства, приписывания себе чужих произведений или противнику своих, которые были написаны от имени этого противника, но были направлены против его покровителя и должны были вызвать гнев последнего и лишение им материальной поддержки много автора.

У Марциала находится много указаний на то, что уже в его время были поэты-плагиаторы (самое это слово — в несколько иной форме — идет от него — см. кн. I, 52). (Ср. также I, 53, 63, 72; VI, 64; XI, 24 и др.). Марциал также неоднократно жаловался на то, что ему из корыстных целей завистники дерзко приписывают «те стихи, которых он не знает» (VI, 64), которые пропитаны «змеиным ядом» (VII, 12), «наполнены черным ядом» (VII, 27) (ср. IX, 3).

Свидетельства Марциала интересны для нас по ряду причин.

Во-первых, они показывают, что в это время уже с полной ясностью определилось понятие личного творчества и связанного с ним понятия литературной собственности.

⁸ Любопытно, что римские юристы не признавали литературного труда в качестве особой формы человеческого творчества, за которое писателю следовало бы получать гонорар, и склонны были оценивать лишь процесс записи поэтического произведения. «Если на чужом писчем материале поэт написал свои стихи, то владелец этого писчего материала, — рассуждали они, — не обязан платить поэту ничего или, в лучшем случае, должен заплатить столько, сколько получил бы за эту работу переписчик». В приведенном примере взяты исключительные условия: поэт использует чужой писчий материал без согласия владельца, и, в известном смысле, портит папирус или пергамент, то есть наносит материальный ущерб владельцу. В руках послед-

Во-вторых, из стихов Марциала явствует, что в его время уже изготовлялись сознательные литературные подделки, фальсификации. От прежних «псевдэпиграфов», приписывавшихся либо божеству, либо какому-нибудь безусловному авторитету глубокой древности и имевших почти всегда серьезный характер, подделки времени Марциала отличались и в том, и в другом отношении: их автором объявлялся современник, и содержание их по своему направлению было совершенно иным, порою даже непристойным и оскорбительным для писателя, которому они приписывались, не говоря уже о том, что такие фальшивки наносили материальный ущерб мнимому сочинителю.

Наконец, в-третьих, из данных Марциала можно сделать вывод, что фальсификаторы фактически пользовались своеобразными «псевдонимами», отличавшимися от обычных псевдонимов тем, что они являлись в то же время реальными именами писателей-современников.

Таким образом, по мере укрепления в римской литературе понятия литературной собственности возникли три новых явления, которым в дальнейшем, в новых социально-экономических условиях, предстояло особое развитие — плагиат, литературная подделка, псевдоним.

Пример взаимоотношений между римскими писателями и их покровителями-патронами, широко известный европейским ученым на протяжении многих столетий, благодаря непрерывному изучению латинских авторов в школах и постоянному их чтению в дальнейшем, привел к тому, что уже в середине века (при императорах каролингах и оттонах) и в особенности с эпохи Возрождения вновь появляется меценатство.

Поэты, писатели и ученые снова подносят свои произведения покровителям, получают подарки, иногда регулярную пенсию, пожизненную или временную, но денежного гонорара в нашем понимании, оплаты каждого отдельного своего произведения они не знают или почти не знают.

Эти поэты «работают» не на «рынок», а на «заказчика». Последующая переписка их произведений не давала им дополнительных выгод, они не получали никаких денег от «издателей», так как таковых и не было: переписка литературных произведений (не учебников!) была делом любителей. Если же литературное произведение переписывалось какими-либо переписчиками по заказу университетов, монастырей или немногочисленных книголюбов, то оплачивался только труд переписчика, а не автора. Ему в лучшем случае доставалась слава и

него остаются ненужные ему стихи поэта. Однако тот все же сделал какую-то работу. С точки зрения римских юристов работой должна быть признана переписка стихов, а не их сочинение: последнее не подлежит оценке, тогда как переписка может быть оценена оплатой переписчика.

полная возможность повторять слова Марциала о том, что его кошелек этого (т. е. славы) не чувствует.

Изобретение книгопечатания, позволившего выпускать сразу относительно большое количество экземпляров литературного произведения и по значительно более дешевой цене, внесло некоторые изменения в понимание авторского права. Как в римские времена прозаик или драматург продавал свою рукопись книгоиздателю, так со времени введения книгопечатания новые авторы уступали право издания своей книги какому-нибудь типографу, обычно «навечно». Лишь постепенно стали появляться исправленные, дополненные, пересмотренные издания, за обработку рукописей которых авторы стали получать от издателей дополнительную оплату. Но это меньше всего имело отношение к поэтам — они, и после изобретения книгопечатания, продолжали существовать на скудные средства, отпускавшиеся им меценатами-патронами. При этом существенно то, что только немногим из них, и не всегда наиболее крупным, удавалось стать придворными поэтами какой-нибудь владетельной особы или найти постоянных богатых покровителей из кругов высшего духовенства или «просвещенной» буржуазии. Чаще всего средние и мелкие поэты получали подарки и даже подачки за отдельные произведения, посвященные ими тому или иному высокому или просто состоятельному лицу или специально написанные в его честь.

Указанные изменения литературной практики имели все же влияние на дальнейшее развитие понятия «литературной собственности». Во-первых, вполне закономерно у издателей — владельцев типографии — возникло стремление обеспечить себя от конкурентов, которые стали перепечатывать готовые уже книги, не неся никаких расходов по выплате автору соответствующих сумм за рукопись и некоторой части типографских работников — корректорам, метранпажам и пр., — за превращение набора в окончательный текст. Уже в первые десятилетия после изобретения книгопечатания стали появляться подобные «пиратские издания» или контрафакции, и материально пострадавшие владельцы типографий — издатели стали добиваться от государственной власти охраны своих производственных интересов, по крайней мере, в пределах данного государства. Как ответ на эти домогательства капиталистов-издателей появились типографские привилегии, обеспечивающие за лицами, покупавшими у писателей их произведения, исключительное право печатания. Сначала привилегии выдавались без каких-либо ограничительных условий, позднее в них оговаривалось обязательное соблюдение «законов божеских и государственных» и печатание непременно красивыми и ясными шрифтами и на хорошей бумаге.

Таким образом, государственная власть стала прежде всего на защиту издателей-капиталистов, а не литературных работ-

ников — писателей; оплата труда последних еще очень долгое время никак не регулировалась специальными законами, и лишь в XIX в. возникло в ряде европейских стран законодательство об авторском праве. В течение же предшествующего времени писатели зависели от издателей, наживавшихся на их труде, или по-прежнему прибегали к покровительству вельмож и вообще богатых людей.

Если в средние века писатели подносили меценатам свои произведения в особенно аккуратно переписанных рукописях, то после изобретения книгопечатания они стали добиваться того, чтобы их сочинения печатались на средства милостивцев. В связи с этим особое значение приобрели «посвящения» меценатам, помещавшиеся в начале книги. Чем пышнее, витиеватее и льстивее была такая «дедикация», тем больше успеха мог ожидать автор у своего покровителя, которому предварительно представлялась рукопись. Экземпляры напечатанной книги обычно поступали в распоряжение автора, и он со значительной уступкой против реальной стоимости продавал их какому-нибудь книгоиздателю-книготорговцу или подносил отдельные экземпляры другим милостивцам. Насколько большое значение имели для писателей посвящения можно видеть из того, что в XVI—XVII вв. в Германии появилось на латинском языке несколько специальных наставлений, как их писать.

Однако чем больше росла литературная продукция и увеличивалось количество писателей и читателей, тем меньшую роль стало играть меценатство. Уже в конце XV — начале XVI в. известны случаи, когда книги печатались за счет автора. В XVII в. происходит, — правда, еще не полностью, — обособление типографского, издательского и книгопродавческого дела. Именно благодаря этому и могли меценаты, не будучи издателями и владельцами типографий, печатать посвященные им произведения писателей. Если раньше несостоятельный автор вынужден был сам предлагать типографу-издателю свою рукопись, то в XVII—XVIII вв. конкурирующие между собой издатели стали заказывать писателям книги, и таким образом постепенно установилась полистная плата, а с возникновением газет — почасовая. Но конкуренция существовала и среди писателей, зависевших от расчетов и прихотей издателей.

Удешевление книги и относительный рост культуры увеличили спрос на произведения печати, стали появляться издания, пользовавшиеся особым успехом у читателей, и — вполне естественно в условиях капиталистического общества — вновь возникло то явление, о котором писал Марциал, — появились плагиаторы, подражатели, писатели, спекулировавшие на модных темах, выбиравшие для своих работ заглавия, близкие к тем, которые пользовались читательским успехом, принимали псевдонимы, звучащие почти так же, как фамилии популярных авторов. Возникла «литературная промышленность» со всеми ха-

рактерными для всякой капиталистической промышленности чертами.

Но тут мы подошли уже к той эпохе, которой посвящена книга Ю. И. Масапова, и поэтому можно было бы закончить наше изложение. Однако нам необходимо еще коротко остановиться на двух вопросах: на вопросе о плагиате, так как из предшествующих страниц могло создаться впечатление, что между эпохой Марциала и XVIII—XX вв. плагиатов не было, и о сложности понятия «литературная подделка».

Что плагиаты были, и в большом количестве еще до XVIII—XIX вв., можно заключить прежде всего из того, что уже в XVII в. появилось несколько трактатов о «литературном грабеже» (Thomasius F. *Dissertatio historica de plagio literario*, 1673, и др.). Однако и в вопросе о плагиате, как и во всех иных случаях, о которых идет речь в книге Ю. И. Масапова, дело обстоит сложнее, чем это представляется на первый взгляд.

Из того, что изложено было выше об эволюции понятия «литературная собственность» с древнейших времен и до установления понятия «личного авторства», видно, что тогда различались два рода литературных произведений — высоких, освященных обычно авторитетом религии или истории, и простых, обыденных. Первые, как мы видели, чаще всего приписывались «псевдониму» — божеству или мудрым старцам древности и, таким образом, у них было имя «автора»; вторые были анонимы. Отношение писателей последующих эпох к этим двум группам литературных произведений было неодинаково: в то время как анонимные памятники считались результатом общего творчества и поэтому «принадлежали всем» и, следовательно, каждый новый писатель вполне законно мог использовать их в качестве материала для своей литературной работы, произведения, носившие имя «автора», — «псевдонима», вызывали к себе большее уважение, пиэтет и — в известные периоды — даже благоговение. Поэтому на них делались ссылки, из них приводились цитаты, их пересказывали, но никогда, — насколько известно, — не было случаев прямого плагиата.

В греческой и римской литературе последнего периода, описанного в эпитаграммах Марциала, положение резко изменилось. «Выдумывать писателей, которые не написали ни одной буквы, подделывать книги, приписывать новое седой древности, вкладывать в уста известных философов речи, совершенно противоречащие взглядам этих философов — все это было обычным явлением в последние века до Р. Х. и в первые — по Р. Х. До подлинного автора произведения всем было очень мало дела, если только само произведение угодило своим содержанием вкусам и потребностям эпохи», — писал около ста лет назад немецкий историк античной философии⁹.

⁹ Zeller E. *Vorträge und Abhandlungen*. 1865, S. 299.

В подобных условиях легко развился и плагиат: «Так как в древности не существовало охраны литературной собственности, ни один автор не был гарантирован от того, что кто-либо другой не спишет его произведение слово в слово. Лишь когда во время поэтических состязаний один из конкурентов похищал чужую литературную собственность, сразу же поднимался крик, и воровство даже наказывалось (Витрувий, кн. 7, предисл., 4 и сл.). Вообще же в древности очень мало прислушивались к преследователям плагиаторов»¹⁰.

Характерное для описываемого периода положение вещей не только не изменилось в средние века, но приобрело еще большие размеры и нашло новые формы или видоизменило старые. Так, известно, что и в античных литературах, и в литературах классического Востока возникали произведения, представлявшие переработки нескольких более ранних источников. В качестве наиболее яркого примера подобного отношения к памятникам предшествующего периода можно указать на Пятикнижие в Библии, где большей частью механически объединены недошедшие до нас тексты раннего периода древнееврейской религии, в одних из которых имя бога было Ягве, а в других — Элогим (в науке неизвестные авторы этих источников называются «Ягвист» и «Элогист»).

В средние века во всех литературах, в том числе и древнерусской, устанавливается еще более свободное обращение с предшествующими литературными памятниками. Возникают компиляции и контаминации. «Компиляция,— писал акад. В. Н. Перетц,— есть создание нового памятника на основании двух, трех и более. Компилятор берет идеи и элементы изложения, иногда целые фразы и более крупные части из своих источников, но подчиняет свое изложение чужого материала — той или иной руководящей идее, излагает его по своему плану, часто — со своим освещением... Контаминацией мы называем механическую спайку отдельных эпизодов из двух или более источников, когда составитель нового произведения не заботится об объединении своего материала, а списывает подряд, что дают ему его источники»¹¹.

В другом месте акад. В. Н. Перетц называет эти формы отношения к источникам «плагиатом», считая последний одним из приемов древнерусского литературного творчества. Но тут же он прибавляет, что «древняя Русь не имела понятия о „литературной собственности“...»¹². Следовательно, нет оснований ви-

¹⁰ Birt Th. Kritik und Hermeneutik nebst Abriss des antiken Buchwesens. München, 1913, S. 198—199.

¹¹ Перетц В. Н. Из лекций по методологии истории русской литературы. История изучений. Методы. Источники. Корректированное издание на правах рукописи. Киев, 1914, с. 330—331.

¹² Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы Пг., 1922, с. 76.

деть в контаминациях и компиляциях плагиат. Последний, по нашему мнению, можно усмотреть только тогда, когда в обществе существует ясно определенное понятие «литературной собственности» и когда заимствование чужого материала, во-первых, делается без ссылки на источник, и, во-вторых, в количественном отношении составляет большую часть нового произведения.

Однако термин «плагиат» в новейшее время употребляется не только в случае присвоения каким-либо писателем сочинения другого автора или даже только части чужого текста. Нередко говорят о плагиате применительно к «похищенному» сюжету или «украденной» идее литературного произведения. Подобные обвинения менее основательны, чем в первом случае, и вот почему. Если различать текст присваиваемого произведения, его сюжет и его идею, то несомненная, очевидная преступность действий плагиатора будет обнаружена только в том случае, когда он присваивает чужое произведение целиком, объявляя себя автором, или включает в свое сочинение большие куски не принадлежащего ему литературного материала, опять-таки не называя своего источника.

Если же обратиться к вопросу о похищении сюжета» и в особенности «идеи» произведения, то доказать последнее крайне трудно. Известен, например, такой случай. И. А. Гончаров обвинил И. С. Тургенева в том, что будто бы тот в романах «Дворянское гнездо» и «Накануне» воспользовался рассказанной ему обвинителем программой его еще ненапечатанного романа «Обрыв». Тургенев счел невозможным не отвечать на такое обвинение и в письменном виде потребовал «объяснения в присутствии избранных обоими доверенных лиц»¹³. Комиссия, состоявшая из авторитетных литераторов начала 60-х гг. прошлого века, не сочла убедительными доказательства Гончарова: «Приводимые им места сходства в повести „Накануне” и в своей программе мало убеждали в его пользу, так что победа явно склонилась на сторону Тургенева»¹⁴, — писал один из участников этого товарищеского суда, причем как раз человек очень близкий к Гончарову.

Вопрос о соотношении плагиата, использования сюжетов, «встречающихся в жизни», и идей, «носящихся в воздухе», давно уже привлекал внимание многих крупных писателей. Особенно интересны высказывания по этому поводу Вольтера и Анатоля Франса. Первый писал: «С книгами обстоит так же, как с огнем в наших очагах: его берут у соседа, зажигают у себя, передают другим и, в конце концов, он принадлежит всем»¹⁵.

Анатоль Франс, писатель, особенно склонный к парадоксам и обладавший феноменальной начитанностью, позволявшей ему

¹³ Сборник Российской публичной библиотеки, т. 2. Пг., 1924, с. 175

¹⁴ Там же, с. 175—176.

¹⁵ Fertiault F. Les amoureux du livre. Paris, 1877, p. 302.

легко находить одинаковые сюжеты в литературе разных эпох, посвятил вопросу о плагиате две статьи под одинаковым заглавием: «Апология плагиата». Конечно, нельзя принимать это название всерьез. Старый скептик,—впрочем, обе статьи были написаны Франсом в середине его жизни,—не ставил своей целью оправдать аморальное «право на плагиат» и, тем более, пропагандировать идею плагиата. Его задачей было показать сложность самого понятия и трудность доказательств того, что в том или ином случае перед нами действительно плагиат.

В первой статье, указав, что «речь идет об обвинении в плагиате», Франс писал: «Наши современники крайне щепетильны в этом вопросе, и в наши дни нужно считать большой удачей, если какой-нибудь знаменитый писатель не подвергается хотя бы раз в год обвинению в краже чужих идей»¹⁶. Повод, по которому была написана «Апология плагиата»,—обвинение поэтом М. Монтегю писателя А. Доде в том, что последний заимствовал из его драмы «Безумный» «основной сюжет» для своего романа «Препятствие». По словам Франса, сходство сюжетов обоих произведений «не подлежит сомнению». «Но поиски плагиата,—продолжает он,—всегда ведут дальше, чем думают и хотят. Тот сюжет, который г-н Морис Монтегю от чистого сердца полагал своей собственностью, был обнаружен» еще в четырех произведениях французских писателей XIX в. «Нужно признать,—пишет А. Франс,—что подобные сюжеты принадлежат всем». Таким образом, по мнению Франса, претензии Монтегю не только не основательны, но даже смешны. «Наши современные писатели,—развивает он свою мысль далее,—вбили себе в голову, что идея может быть чьей-нибудь исключительной собственностью». Франс решительно возражает против этого: «Когда мы видим, что у нас крадут мысль, посмотрим, прежде чем поднимать крик, действительно ли это наша мысль... ни один здравомыслящий человек не может похвастать, что он думает нечто такое, чего другой человек уже не думал до него... мысли принадлежат всем, и нельзя говорить: „Эта мысль моя“, подобно тому, как бедные дети, о которых упоминает Паскаль, говорили: „Эта собака моя...“».

Можно было бы после этого предположить, что Франс вообще отрицает искусство слова. Однако это вовсе не так: «Чем значительнее, искреннее, выше и правдивее искусство, тем допускаемые им комбинации становятся проще, обыденнее и безразличнее. Ценность придает им гений писателя. Взять у какого-нибудь поэта его сюжет — значит попросту воспользоваться дешевой и всем доступной темой».

И Франс кончает эту часть статьи одним из своих самых очаровательных парадоксов, который, несмотря на все свое изящество, все же остается только парадоксом: «... мысль ценна

¹⁶ Франс А. Собр. соч., т. 8. М., 1960, с. 280.

лишь по своей форме. . . придавать новую форму старой мысли — это и есть вся задача искусства и единственное возможное для человечества творчество»¹⁷.

Франс неправ в трех отношениях. Во-первых, он не учитывает того, что всякий раз новые социальные и экономические условия, новая техника создают и новую психологию и новую эстетику людей, создают новое общество, в результате чего, наряду с несомненно имеющим место переосмыслением старого запаса культуры и отменением известной его части, возникают и не могут не возникнуть новые мысли, новые сюжеты, новое искусство. И чем ближе искусство связано с жизнью, тем оно свежее, живее и оригинальнее.

Во-вторых, Франс допускает ошибку, когда он противопоставляет форму в искусстве содержанию, мысли. Это противопоставление с неизбежностью ведет к формализму, к безразличию к содержанию, к предпочтению формы содержанию, то есть к отрыву искусства от жизни, к гибели искусства.

Наконец, в-третьих, утверждая, что современным писателям остается только «придавать новую форму старым мыслям», он проявляет странную и удивительную непоследовательность: если все «мысли» уже «передуманы», то почему же нельзя утверждать того же и о «форме» — что все формы уже перепробованы и ничего нового в этой области создать нельзя? Да и где доказательства, что все мысли действительно передуманы? И когда закончилось это передумывание, если оно, действительно, закончилось?

Выше были приведены слова Франса: «Поиски плагиата всегда ведут дальше, чем думают и хотят». По поводу его парадокса о форме как «всей задаче искусства и единственном возможном для человечества творчестве» можно сказать, перефразируя приведенную цитату: «Парадоксы всегда ведут дальше, чем думают и хотят». Все произведения Франса последних лет его жизни, когда Октябрьская революция показала ему другое «возможное для человечества творчество», свидетельствуют о том, что он нашел подлинные задачи для литературы и что новое, социалистическое искусство не нуждается в «апологии плагиата».

И все же не нужно думать, что, если заключительный парадокс А. Франса ошибочен, то неверны все остальные его суждения. Нет, ряд замечаний Франса правилен, и в особенности заслуживает внимания историчность его подхода к анализу понятия «плагиат».

И, наконец, обратимся к последнему вопросу — о «литературных подделках».

Понятие это, на первый взгляд, очень просто: некий писатель X создает произведение, которое выдает не за то, чем оно является на самом деле, то есть прежде всего — не за свое сочине-

¹⁷ Франс А. Собр. соч., т. 8. М., 1960, с. 280.

ние. Какими мотивами он при этом руководствуется,— материальными, политическими, религиозными и т. д.,— не так уже существенно. Основное то, что оно публикуется не под фамилией своего автора, а либо под чужим именем, либо как произведение анонимное. Некоторое время оно может признаваться читателями и даже учеными исследователями действительным сочинением того лица, которому приписал его фальсификатор, или анонимным творением далекой эпохи, но в какой-то момент его подлинность по тем или иным причинам начинает возбуждать сомнения, затем подозрения усиливаются, и, в конце концов, то ли документально, то ли путем анализа удастся установить, что перед нами «подделка», а не «настоящее» произведение. Как только такое определение ему дается, оно утрачивает для науки и читателей свой интерес, имя фальсификатора чаще всего покрывается презрением, «подделка» перестает жить в литературе, ее начисто забывают, или, в лучшем случае, о ней вспоминают исследователи «литературных курьезов» — литературных подлогов, мистификаций, «пастишей» и т. п.

Подобная судьба постигает подделки в большинстве случаев справедливо: за них обычно берутся писатели малодаровитые, чаще всего недостаточно знающие творчество того автора, которому они приписывают сфабрикованные ими произведения, или плохо изучившие литературный стиль эпохи, к которой относят произведения, выдаваемые за анонимные. Поэтому в таких «литературных подлогах» легко обнаруживаются ошибки против языка, анахронизмы в отношении быта, нравов, исторической действительности, а если подделывается рукопись, то еще отмечаются и нарушения палеографического характера — писчий материал и почерк не соответствуют избранной эпохе или материалу, которым обычно пользовался «подделываемый» писатель, и его почерку.

Вполне законно поэтому, что, слабые в художественном и малоценные в историко-познавательном отношении, такие «подделки» перестают привлекать внимание читателей.

Однако к данному вопросу можно и должно подойти и несколько иначе. Во-первых, не все «подделки» ремесленны и художественно бесталанны. Некоторые из них, напротив, обладают безусловной эстетической ценностью и вовсе не заслуживают забвения. Напомним случай, правда, не из области литературы, а музыки, который пояснит нашу мысль. Как известно, многие советские и зарубежные скрипачи исполняют на своих концертах произведения, авторами которых на программах называются Паганини — Крейслер, Вивальди — Крейслер и т. д. Оказывается, все эти музыкальные пьесы принадлежат одному Ф. Крейслеру и были написаны им в молодые годы, когда этот знаменитый виртуоз еще только начинал свою артистическую деятельность и как композитор еще не выступал. Зная, что под

его, никому в то время не известным именем композиции его не будут напечатаны, он заявил издателям, что ему попались старинные нотные записи, которые он транскрибировал для скрипки. Изданные в 1904 г., они до 1935 г. считались только находкой Крейсера, пока не были напечатаны с одним только его именем и раскрытием «музыкального подлога». Однако глубокое проникновение Ф. Крейсера в творческий мир старинных композиторов, его непогрешимый музыкальный вкус и блестящее искусство воспроизведения чужой техники обеспечили этим «поддельным» произведениям прочную «исполнительскую» жизнь.

Примерно то же можно сказать и о знаменитых «песнях Оссиана», подделанных Д. Макферсоном в середине XVIII в. Несмотря на то, что неподлинность «творений Оссиана» была давно установлена, подделка Макферсона продолжает литературно жить до настоящего времени, а в годы своей славы она оказала огромное влияние на многие европейские литературы, в том числе и на русскую. Многие читатели «Руслана и Людмилы» Пушкина не подозревают, что знаменитые стихи:

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой, —

представляют перевод вводных строк к «поэме» Оссиана «Картон»: «Повесть времен старых! Дела минувших лет!»¹⁸

Если «подделке» Макферсона, как и «Гусям» П. Мериме, его же «Театру Клары Гасуль» и некоторым другим талантливым мистификациям, в том числе и нашему Козьме Пруткову очень повезло, то о других подобных же и порою не менее талантливых «подлогах» этого сказать нельзя. В книге Ю. И. Мясанова упоминается о знаменитых подделках Вяч. Ганки — «Краледворская рукопись» и «Любушин суд». После того как эти произведения были лишены ореола национального сокровища чешского народа, о них не любят вспоминать. Приходится очень и очень пожалеть об этом. Пусть «Краледворская рукопись» и «Любушин суд» не являются для нас памятниками древнечешской поэзии, они безусловно — произведения высокохудожественные, и если их печатать под именем В. Ганки, они будут по достоинству оценены современными читателями.

Во-вторых, в «литературных подделках» надо видеть не просто «случайные» факты биографии того или иного фальсификатора, а памятники литературы и эстетических вкусов эпохи, в которую они были созданы. Утратившие свое первоначальное назначение — считаться творениями такого-то автора или такой-

¹⁸ Поэма «Картон» была переведена на русский язык впервые Н. М. Карамзиным и помещена в его «Московском журнале», 1791, ч. 2, май, с. 120—147. Цитированные слова — на с. 120—121.

то эпохи, лишившиеся субъективной целенаправленности, приданной им по тем или иным причинам их создателем, «литературные подделки» объективно сохраняют свою историческую, а иногда и художественную ценность. Не всегда поэтому должно с пренебрежением отворачиваться от них и их авторов. «По поддельным памятникам, — пишет выдающийся советский ученый, специалист по древнерусской литературе, член-корреспондент Академии наук СССР Д. С. Лихачев, — мы можем изучать мотивы, по которым они были созданы, литературные приемы самой подделки и т. д. Это — памятники быта и представлений своего времени, а часто общественной мысли и литературы»¹⁹.

Наконец, в-третьих, необходимо подходить к понятию «литературная подделка» с известной осторожностью и не смешивать различные виды «неподлинных» произведений, — необходимо дифференцировать их, отличать собственно подделки, выдаваемые за сочинения определенных авторов или за произведения народной словесности отдаленных эпох, от мистификаций, предпринимаемых не с корыстной, материально-финансовой целью, а из желания одурачить читателей или какого-нибудь одного ученого.

В качестве примеров последней группы мистификаций приведем два малоизвестных случая. Несколько лет назад проф. Н. В. Водовозовым была опубликована «Повесть о русском мужестве», якобы найденная издателем в Армении у какого-то неназванного русского переселенца²⁰. Повесть эта посвящена известной истории четырех архангельских рыбаков в начале 1740-х гг., в результате кораблекрушения попавших на необитаемый и никем не посещаемый в то время остров Шпицберген и возвратившихся на родину после многих лет одиночества и борьбы с природой. Содержащиеся в повести ошибки фактического характера и ошибки против языка XVIII в. настолько очевидны для внимательного читателя, что не остается сомнений в мистификаторском происхождении этого документа.

Другой случай имел место в 1918 г. Известный пушкинист Н. О. Лернер напечатал в газете «Наш век» (1918, № 89) полученную им по почте из Харькова копию окончания пушкинского стихотворения «Когда владыка ассирийский». Свою публикацию он сопроводил указанием на то, что подлинная рукопись поэта была обнаружена лицами, приславшими ее список, в сундуке с разными бумагами, оставшимися от старой служанки, ранее долгие годы работавшей у одинокого профессора-литературоведа. Впоследствии стало известно, что «окончание» пушкинского

¹⁹ Лихачев Д. С. К вопросу о подделках литературных памятников и исторических источников — «Ист. архив», 1961, № 6, с. 147

²⁰ Водовозов Н. В. Повесть о русском мужестве (История одного рассказа, записанного в XVIII в.) — «Учен. зап. Моск. пед. ин-та», 1954, т. 43, вып. 4, с. 83—110

стихотворения было написано поэтом С. П. Бобровым, версия с сундуком старой кухарки также была придумана им, и, по его просьбе, письмо из Харькова было отправлено его знакомыми Н. О. Лернеру с таким расчетом, чтобы попало в руки адресата первого апреля²¹.

В разделе «литературных подделок» особое место занимают мистификации, называемые «пастишами». Разграничение «простой» литературной мистификации от пастиша довольно затруднительно²². Большинство ученых склонно видеть основной признак отличия последнего от первой в том, что при публикации литературной подделки или мистификации их создатель, как правило, отрекается от своего авторства, тогда как пастиш обыкновенно печатается с именем своего творца. Интереснейшим образцом пастиша в русской литературе является статья Пушкина «Последний из свойственников Иоанны д'Арк». Все в этой статье вымышлено великим поэтом: и имя якобы последнего из родственников французской национальной героини, и вызов им Вольтера на дуэль за «кощунственную» поэму «Орлеанская девственница», и мнимый ответ престарелого фернейского отшельника. Неясно только, почему Пушкину захотелось создать эту мистификацию²³.

При изучении пастишей встают те же вопросы, какие возникают при исследовании любых литературных мистификаций и подделок,— о мотивах, литературной судьбе, художественных приемах построения и т. д. Если принять в качестве признака, отличающего пастиши от прочих видов литературных подделок, наличие имени подлинного их создателя при публикации, то их изучение, в противоположность исследованию подделок, не требует установления авторства, так называемой «атрибуции».

В литературе часто встречаются, наряду с подлинными сочинениями какого-либо автора, произведения, ему приписываемые не только фальсификаторами, но и традицией или отдельными исследователями,— в особенности, если эти сочинения были опубликованы анонимно при жизни писателя или с его именем

²¹ Лернер Н. О. Новооткрытые стихи Пушкина. Окончание «Юдифи». — «Наш век», 1918, 4 мая, № 89, с. 3; Слонимский А. Л. Мнимые стихи Пушкина. — «Книжный угол», 1918, № 2, с. 4—9; Бобров С. П. Заимствования и влияния. (Попытка методологизации вопроса). — «Печать и революция», 1922, № 8, с. 91—92.

²² Алексеев М. П. Пародия, пастиш и подделка в зарубежных литературах средних веков и нового времени. — В кн.: О принципах установления авторства. Л., 1960, с. 14—15.

²³ Пушкин А. С. Соч., т. 9, ч. 2. Примечания к историко-литературным, критическим, публицистическим и полемическим статьям и заметкам. Л., 1929, с. 863—866; Лернер Н. О. Рассказы о Пушкине. Л., 1929, с. 190—198 («Замаскированный Пушкин»); Алексеев М. П. Из истории русских рукописных собраний. — В кн.: Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из ленинградских собраний. Под ред. акад. М. П. Алексеева М.—Л., 1960, с. 114—116.

посмертно. В таких случаях существует ряд требований, которые должны быть соблюдены литературоведом при попытках установить подлинного автора. Вполне естественно, что первое такое условие — то, что предполагаемый кандидат в авторы, по данным своей биографии, мог написать анализируемое произведение; далее — что оно отвечает его классовой позиции, его политическим, философским, эстетическим и иным взглядам, известным нам из других его произведений, и, наконец, — что его литературный стиль, язык, художественная манера в данном произведении совпадают с тем, что можно установить из бесспорно ему принадлежащих сочинений, или, по крайней мере, не противоречат этому. Применение всех перечисленных приемов атрибуции — лучший способ обнаружить действительный характер «литературной подделки».

* * *

Мы видели, сколько интереснейших вопросов возбуждает книга Ю. И. Масанова. Несомненно, читатель может почерпнуть из нее много. Средневековый восточный поэт удачно сказал: «Хорошая книга подобна обильному водою бассейну: у кого кувшин больше, тот больше и зачерпнет». Книга Ю. И. Масанова «В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок», несомненно, хорошая книга, и слова восточного поэта могут быть с полным правом применены к ее читателям.

БИОГРАФИЯ МОЕЙ БИБЛИОТЕКИ

В детстве у меня и моего брата почти не было игрушек; вероятно, у наших родителей имелись на этот счет свои педагогические соображения. Зато книг покупали нам много. Отец, провинциальный зубной врач, собрал недурную библиотечку и покупал приходившие в наш маленький Аккерман (ныне Белгород-Днестровский) нашумевшие книжные новинки. Вся семья была абонирована в местной «публичной библиотеке». Одним из ее основателей был мой отец, которого я помню постоянно с книгой в руках. Мать в свободное время читала нам с братом вслух, либо читала про себя. Таким образом, могу без преувеличения сказать, что с детства был окружен книгами и рос среди людей, любивших книги и чтение.

Первыми подарками, полученными мною, были «Гензель и Гретель», по сказке братьев Grimm, детская обработка «Дон Кихота» и какая-то смешная повесть, главным героем которой был мельник-бездельник. Особенно я любил «Дон Кихота». Но потом другие книги вытеснили первых любимцев, и они куда-то безвозвратно исчезли. Тогда я еще не ощущал щемящего чувства грусти от расставания с дорогими книгами, которое позднее испытывал, быть может, слишком часто...

Как-то у соседского мальчика я взял «Трех мушкетеров» Дюма. Д'Артаньян, Атос, Портос и Арамис, виконт де Бражелон поразили воображение. Через несколько лет журнал «Природа и люди» два года подряд давал в качестве приложения Полное собрание сочинений Дюма. Я выписал журнал, стал перечитывать когда-то так нравившиеся мне романы и был разочарован... Наверное, это случилось потому, что в это время я набросился на отцовскую библиотеку, запоем читал классиков, и на фоне их произведений романы Дюма потускнели и утратили для меня интерес. И я решил с ними расстаться. В нашем городке было два книжных магазина. Около 1913 г. появился еще один, принадлежавший некоему Н. Ф. Яну, человеку очень милому, но большому неудачнику: букинистическая торговля у него шла плохо. Я знал об этом, поэтому решил продать Дюма ему, зная, что он сможет заработать при перепродаже. Это был первый и единственный случай, когда я не жалел о проданных книгах. Второй и последний раз сделал такую оплошность после переезда на новую квартиру. С тех пор я «лишних» книг не продаю, ибо лишних книг не бывает.

II

Моя аккерманская библиотека пропала после моего отъезда из Бессарабии. Почти полностью пропали книги, собранные в Вене, где я учился в университете: при возвращении в СССР я мог захватить самую незначительную часть. Об этих утратах я очень жалею: в гимназические годы увлекался историей родного города и вообще историей Бессарабии и собрал порядочную коллекцию — «Бессарабиану» и «Аккерманику». В годы студенчества в Вене я систематически покупал новейшие издания по художественной литературе, литературоведению, искусству; кроме того, у меня было довольно книг по моей университетской дополнительной специальности — египтологии и вообще востоковедению; главная специальность у меня была славянская филология, точнее — русская литература XIX в. Книги по египтологии — словари, грамматики, коллекции текстов, переводы с древнеегипетского и коптского на европейские языки — все это осталось на чердаке у венских знакомых моей жены.

Таким образом, моя теперешняя библиотека составила полностью в Советском Союзе.

Я приехал в Ленинград (тогда еще Петроград) осенью 1923 г. и получил должность заведующего 48 трудовой школой и преподавателя русского языка и литературы. Расходы на питание (квартиру и дрова я получал при школе) едва ли составляли треть моей заработной платы. Все свободные деньги стал тратить на книги. Через полгода у меня уже была довольно большая библиотека.

В те годы книги, в особенности старые, были поразительно дешевы, и по совету школьных коллег я стал покупать их на барахолках, на «развалах» Чубарова рынка и других больших и малых базарах. В магазины на Литейном и Невском заходил реже, так как цены там были значительно выше. В маленьком магазине В. Н. Баскова на Александровском рынке я приобрел едва ли не половину своей тогдашней библиотеки. Цены Басков устанавливал в соответствии с форматом и объемом книги, в основном книги у него были по 5, 10, 15 и 20 копеек. Главный его доход составляли переплеты, которые он беспощадно отдирали и продавал в частные сапожные мастерские, а сами книги, лишенные переплетов, равнодушно сбывал за бесценок. Конечно, они не всегда были безупречными с библиофильской точки зрения, но зато я в короткое время приобрел необходимое для преподавания, научной работы или то, что просто хотелось иметь.

Еще в гимназические годы я узнал о библиографии и познакомился с каталогами книжных магазинов начала XX в. В годы студенчества мои знания в этой области увеличились, а по приезде в Ленинград я стал покупать книги по библиографии. Правда, такие издания сравнительно редко бывали у Баскова

и ему подобных «книжников», так как старые антиквары во главе с Ф. Г. Шиловым и более молодые, как, например, П. Н. Мартынов, по утрам обходили букинистов Александровского рынка и забирали у них все редкости.

В то время у книжников Александровского рынка была мода продавать книги на вес (если память мне не изменяет, по 40 копеек за килограмм). И я приобрел у Баскова около двух пудов редчайших брошюр, оттисков, книг, — и почти все с автографами. Появлялись у Баскова «партии товара» из собрания Колобова, Синягина и разных безымянных библиофилов. Так, помню, зимним вечером на лоточке у лавочника Баскова оказался изумительный подбор изданий первой трети XIX в. — журналы И. И. Мартынова «Северный вестник», «Лицей», два выпуска «Европейца» Киреевского, масса альманахов — «Северные цветы», «Полярная звезда», «Звездочка», сочинения Радищева (первое издание). К сожалению, «Звездочку» и Радищева у меня из-под носу выхватил какой-то молодой человек, но все же я приобрел много ценнейших книг, в том числе редчайшие «Сочинения» В. Петрова 1782 г., которые отсутствовали даже в собрании по XVIII в. Г. А. Гуковского. Не приходится и говорить, что все эти книги были куплены по 5—10—15 копеек. Басков говорил в таких случаях: «Лучше я отдам хорошему человеку за 5 копеек, чем акулам за 20».

Кстати Ф. Г. Шилов в своих «Записках старого книжника» подробно рассказывает об артели «Букинист», о высоких ценах в ее магазине, за которые владельцев «Букиниста» называли «акулами». Но едва ли он не знал, что книжники Александровского рынка и его честили тем же нелестным прозвищем...

III

Мое собрание быстро пополнялось. В течение 1918—1920 гг. государство реквизирировало огромное количество книг у издателей и книгопродавцев и собрало множество конфискованных книг частных библиотек. У созданного в 1919 г. Государственного издательства оказались колоссальные залежи старых книг. С 1923—1924 гг. их стали продавать. Одно время, в 1924 г., преподавателям средней школы и, вероятно, другим служащим в счет заработной платы предлагались книжечки талонов на 3, 5 и 10 рублей, по которым можно было в любом государственном книжном магазине приобретать книги. Как только я узнал о подобном способе покупки, я широко им воспользовался. Я уже достаточно хорошо разбирался тогда в ценах на книги, — милый Басков как-то в минуту откровенности раскрыл мне старинный секрет книжников. Они обозначали свою покупную цену книги буквами из слова «Братолюбие», в котором десять букв и только две повторяются, хотя и отличаются величиною: «Б» (большое) означало цифру один, «б» (малое) — восемь. Таким образом, «Бе» означало 10 копеек, «ро» — 25 и т. д. Про-

давали же книжники значительно дороже. В государственных книжных магазинах цены назначали люди зачастую малосведущие, не искушенные в тонкостях библиофильского спроса, они знали стоимость книг по искусству, медицине и технике, а по литературоведению, библиографии и старинной «беллетристики» знаний у них не было. Так, в отделе старой книги в Доме книги я купил по 5 копеек «Каталог книжного магазина бр. Покровских» и «Каталог книжного магазина Распопова» — редчайшие издания, уничтоженные в свое время цензурой. В магазине «Старой книги» на Литейном я приобрел двухтомную «Историю славянских литератур» А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича за 30 копеек, тогда как ее цена у «акул», в магазине артели «Букинист» была 5 рублей. Впрочем, и у «акул» мне довелось купить не то за 5, не то за 3 рубля «Роспись» Смирдина со всеми тремя дополнениями (третье — чрезвычайная редкость); по-видимому, цена была назначена «акулами» без просмотра экземпляра.

Хочется упомянуть еще об одной значительной по размеру покупке — не в магазине, а в книжном складе. В 1929 г. я преподавал историю книги на Высших курсах библиотековедения при Государственной публичной библиотеке и в Книжном техникуме. Мои коллеги знали о том, что я — отчаянный книголюб, и кто-то из них устроил мне возможность приобрести книги непосредственно на государственном книжном складе, помещавшемся тогда на канале Грибоедова против Казанского собора. Это были пустынные склады типа Гостиного двора, с наглухо закрытыми воротами. Когда я достучался, вышедший сторож направил меня по гулким деревянным галереям в самый склад. С трудом открыв дверь, я увидел, что в огромной комнате навалом, не кучей, а буквально горой, лежали книги, покрытые густым слоем пыли. Пришлось взбираться на них, по мере возможности соблюдая осторожность... Помещение было светлое, день был солнечный, и я испытывал редкое чувство «открывателя»: почти на каждом шагу наталкивался на одну редкость за другой.

К концу 20-х гг. барахолки, книжные развалы и вообще частная книжная торговля прекратились. Дальнейшее пополнение библиотеки происходило через государственные магазины. Но к этому времени у меня уже установились связи со многими ленинградскими библиофилами, начались обмены, выписка литературы из других городов, и из-за границы я стал получать большое число книг и оттисков в подарок от авторов. Иногда неожиданно мне доставались значительные книжные пополнения. Так, познакомившись в 1927 г. с А. Г. Фоминым, я вскоре сблизился с ним, и однажды он подвел меня к полке с дублетами и предложил, не стесняясь, отобрать все то, чего у меня нет. «Хотя бы, — как он сказал, — всю полку». Я получил тогда в подарок не менее сотни книг. Дарил он мне книги и позднее.

Конечно, я не мог пойти ни в какое сравнение по части средств с В. А. Десницким, Демьяном Бедным, М. Н. Куфаевым, позднее Н. П. Смирновым-Сокольским и другими библиофилами, для которых антиквары подбирали редкости и продавали за большие деньги. Но нисколько об этом не жалею: школьный преподаватель, затем аспирант и младший научный сотрудник, получавший небольшую заработную плату и имевший семью, даже тогда, когда мои покупательные возможности возросли, не «заказывал» никаких книг, так как знал, что стоит обнаружить интерес к какому-нибудь изданию, как оно сразу же будет оценено продавцом в несколько раз дороже. У меня выработалась своя тактика: приходя в нижний магазин, просил допустить меня к полкам и молча перебирал одну книгу за другой. Отобрав их на ту сумму, которая была мною предназначена, оплачивал чек и уходил. Никаких расспросов и разговоров с книжниками не допускал, потому что убедился в том, что рассказы об осведомленности «старых книжников» в истории книги явно преувеличены, чтобы не сказать больше. Я никогда не стремился попасть и в «директорскую комнату», в которой хранятся «сливки» и где собираются библиофилы. Старые книжники, в частности Ф. Г. Шилов, меня недолюбливали, так как инстинктивно чувствовали мою настороженность и недоверие к их авторитету. С Ф. Г. Шиловым мы помирились лишь после войны, а с П. Н. Мартыновым и того позже.

Зато благодаря моей «тактике» через мои руки прошли десятки тысяч книг, которые я просматривал, отбирая нужные и запоминая такие, которые могли пригодиться когда-нибудь мне, моим коллегам или ученикам. Эта книжная школа дала то, чего не могли получить библиофилы, составлявшие свои коллекции с помощью денег и антикваров «акул». Недостаток средств оказался в известном смысле моим преимуществом: во-первых, удавалось за бесценок приобретать те же редкости, за которые богатые библиофилы платили большие деньги, и, во-вторых, я получил большие знания в области книг по интересовавшим меня отраслям науки и искусства. Неоднократно потом убеждался в том, что память помогла мне давать полезные консультации тем, кто обращался ко мне с вопросами, и — еще чаще — подсказывала мне самому названия книг, которые были нужны для работ по темам, вырвавшимся по мере расширения моего научного кругозора.

Конечно, на такой способ пополнения библиотеки уходило много времени, но, как известно, за все надо платить: кто платит деньгами, кто — временем. Кто платит деньгами, приобретает книги; кто — временем, приобретает книги и знания.

О моей библиотеке среди книголюбов ходят слухи безусловно преувеличенные. Ее большие размеры вызывают фантастические предположения, что у меня «все есть». Это вовсе не так. Редкостей ради их редкости я никогда не покупал. И не купил бы и сейчас каких-нибудь уникалов «геннадиевского толка». Зато то, что входит в круг моих научных интересов, то, что мне нужно для работы как литературоведу широкого профиля и книголюбу, я стараюсь приобрести — купить, обменять, сфотографировать.

У меня, вероятно, одно из наиболее полных частных собраний в СССР по русской общей и специально литературоведческой библиографии (включая и биобиблиографию). Немало литературоведческих справочников на немецком, французском, английском, польском, итальянском и других языках. Очень дорожу тем, что еще в конце 20-х гг. мне посчастливилось купить 51 том «Biographie universelle» (недостававший т. 12 я каким-то чудом приобрел позднее). Думаю, что у меня наиболее полная коллекция (опять-таки среди частных собраний) по истории русской литературной науки и истории литературы народов СССР. Полагаю, что по истории русского театра XVII—XVIII в. мое собрание не уступит никакому другому негосударственному собранию. Почти не сомневаюсь, что моя коллекция персоналий, то есть биографических, библиографических и историко-литературных материалов о русских писателях и литературоведах, — одна из наиболее богатых среди аналогичных частных собраний. У меня есть много первых изданий русских писателей XVIII—XX в., но, конечно, сравнить это собрание с библиотеками покойных И. Н. Розанова и А. К. Тарасенкова никак нельзя. Нет у меня старопечатных русских книг, нет инкунабул, нет «Книги маркизы» и других редкостей, наличие которых считалось и считается обязательным для большой библиофильской библиотеки.

Да, многого у меня нет, но я горюю не об этом, а о том, что прочел только небольшую часть имеющихся у меня книг. Ведь почти каждая из них является свидетельством моих интересов, материалом для задуманных и неосуществленных замыслов, начатых и не доведенных до конца работ...

Ах, если бы все прочесть, все узнать, все написать, все рассказать! Тогда я считал бы свой долг перед книгами, перед своей библиотекой, перед людьми выполненным.

Четыре года прошло со дня смерти Николая Павловича Смирнова-Сокольского. Время делает свое — постепенно стирает в памяти подробности. Но, кажется, и сегодня звучит громкий голос этого незаурядного человека, неизменно веселого и жизнерадостного. Он и при беглой встрече, и при длительном знакомстве казался самым ярким, самым, если не бояться плеоназма, жизнеутверждающим воплощением жизни.

I

Большинству людей Н. П. Смирнов-Сокольский был известен как талантливый и оригинальный артист эстрады, один из тех немногих подлинных воспитателей вкусов и взглядов народа, какими в идеале должны быть все истинные представители этого едва ли не самого массового вида театрального искусства. Известен также Н. П. Смирнов-Сокольский очень большому числу советских и не малому числу зарубежных читателей как страстный книголюб и исключительно интересный и своеобразный писатель, нашедший свою увлекательную и неисчерпаемую тему, которую он удачно сформулировал в качестве заглавия одного из своих первых печатных выступлений в этой области — «новеллы о книгах» или, как потом был назван его большой сборник, — «рассказы о книгах».

Любопытная и в то же время странная вещь: те, кто писал о Н. П. Смирнове-Сокольском как артисте эстрады, лишь мимоходом говорят о его библиофильстве, о его замечательной, с великим умением и вкусом подобранной библиотеке, о его писательстве на книжные темы, — говорят мало, словно эта сторона его жизни никак не была связана с его артистической и общественной деятельностью. Говорят не только мало, но стыдись, чуть ли не с извинениями, и говорят так, как о безобидном, малом и забавном чудачестве, встречающемся в личной жизни многих больших людей, как о том hobby, который еще у большого числа артистов, писателей, ученых заполняет досуг и нередко вырождается в бесцельное, болезненное коллекционирование совсем бесполезных и ни в каком отношении не интересных вещей.

Те, кто посвящал свои работы Н. П. Смирнову-Сокольскому как библиофилу и писателю на книжные темы, его артистической деятельности касались также мельком, мимоходом, говорили об этом торопливой скороговоркой, будто это его старая и,

как хорошо известно, любимая профессия никакого отношения не имела к единственно достойной внимания, благородной и красивой страсти к старинным редким книгам.

Это большая и досадная ошибка. Нельзя говорить о Н. П. Смирнове-Сокольском отдельно как об актере и также отдельно как о книголюбе-писателе. И хотя каждая сторона его деятельности может быть по-настоящему правильно освещена только специалистами, внимательный театровед сумеет использовать в своих интересах материалы и наблюдения литературоведов и книговедов, писавших о Н. П. Смирнове-Сокольском, и в свою очередь литературовед и книговед должны уметь использовать оценки и характеристики театроведов. Однако и те и другие должны прежде всего помнить о Н. П. Смирнове-Сокольском как о человеке, единой и неделимой личности.

Как ни привыкли мы критически недоверчиво относиться ко всякого рода мемуарам и автобиографиям, но они чаще всего, по крайней мере с фактической стороны, бывают надежнее так называемых научных биографий и обычно являются источником последних. Автобиография Н. П. Смирнова-Сокольского — скорее анкета, написанная им 20 марта 1953 г. для служебных целей, — содержит основные и важнейшие данные, за исключением одного: здесь не указана дата рождения. Он родился 5 марта 1898 г. в Москве.

Вот выдержка из автобиографии:

«Н. П. Смирнов-Сокольский сын театральной портнихи и типографа. Отец умер до Революции. Мать умерла в дни Великой Отечественной войны. Окончив, примерно в 1912—1913 гг., Александровское Коммерческое училище в Москве, дальше учиться, по материальным соображениям, не пошел, а стал мелким сотрудником московских газет и эстрадным автором. В 1915 г. сам стал исполнять с эстрады свои произведения и с тех пор ничем другим не занимался. Года за полтора до Великой Октябрьской революции был призван в Армию в 193 Пехот. Запас. Полк в Москве, первый полк, перешедший на сторону большевиков. После Революции был демобилизован и мобилизован вновь уже в Красную Армию. Служил в различных политотделах в качестве артиста эстрады и разъезжал по фронтам гражданской войны в агитпоездах. Ведал 12-ю клубами. После был демобилизован. Фактически актерской работы никогда не прерывал. С момента огосударствления эстрады служу в организации, которая переименовала много названий, сегодня же носит название Мосэстрада.

В 1939—1942 гг. был организатором, директором и художественным руководителем Всесоюзной Студии Эстрадного Искусства. Был автором и режиссером ряда эстрадных обзоров в московских и ленинградских театрах эстрады. Написал множество статей в газетах и журналах об эстраде и о старых русских книгах, по знанию которых числюсь в специалистах. Был

депутатом районного Совета. Членом Обкома Профсоюза, ныне член его Центрального Комитета. Женится и до сих пор живу с женой 31 год. Под судом не был. За границей не был. Ни в каких партиях не состоял. В 1945 г. получил звание Заслужен. артиста РСФСР. В дни Велик. Отечест. войны обслуживал фронт».

К этой анкете необходимо прибавить следующие данные: в 1956 г. вышел в свет первый большой библиографический труд Смирнова-Сокольского — «Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв. Предварительный список»; в следующем году появилась его «Книжная лавка А. Ф. Смирдина»; в 1959 г. было напечатано первое, в 1960 г. второе издание «Рассказов о книгах». В 1963 г. вышли «Рассказы о прижизненных изданиях А. С. Пушкина». В последние дни жизни Николай Павлович работал над вторым томом «Рассказов», готовил подробную библиографию русских альманахов и сборников XVIII—XIX вв., которая вышла в свет в 1965 г.

В 1957 г. Н. П. Смирнов-Сокольский получил звание Народного артиста РСФСР, в 1958 г. был принят в члены Союза писателей СССР.

Из автобиографической анкеты Николая Павловича и из других источников¹ мы знаем, что он всегда исполнял только им самим написанные произведения. Характерными чертами эстрадных текстов Н. П. Смирнова-Сокольского являются их несомненная литературность и злободневность. Известно, например, что он был первым русским эстрадным автором-исполнителем, который сразу же откликнулся на убийство Распутина. То, что в самом начале его артистической деятельности было авторской и актерской находкой, в дальнейшем стало глубоко осмысленным, серьезно продуманным, руководящим творческим принципом. Николай Павлович никогда не был камерно-лирическим эстрадником. Его жанр с самого начала был другой — это была злободневная политическая сатира, подобная сатире Демьяна Бедного и Маяковского. Вполне законно Вс. Вишневский, один из первых писавших о Н. П. Смирнове-Сокольском, назвал свою статью о нем (1932 г.) «Артист-политработник». Кратко охарактеризовав двадцатилетний творческий путь артиста, Вс. Вишневский писал «Смирнов-Сокольский сидит, как политический работник, над каждым своим „номером“. Он отдает два-три месяца на создание 20-минутного фельетона. Он изучает материалы, газеты, он ищет действенный политический стержень, он точит форму, как поэт, он взвешивает жест, как режиссер он ставит голос... Нужно же, поймите, развернуть в 20-минутном номере принципиальные темы о пятилетке, об

¹ Очень любопытные сведения о раннем периоде деятельности Н. П. Смирнова-Сокольского находятся в брошюре Вл. Недоброво «Н. П. Смирнов-Сокольский». М.—Л., 1927. 32 с.

ударниках, о кадрах, о военной опасности. — О „любви” и о „старых фраках” Смирнов-Сокольский не пишет, не говорит и не поет»².

Все писавшие о Н. П. Смирнове-Сокольском как об артисте эстрады верно определяют основную линию его литературно-художественного творчества как линию политическую. Это был, несомненно, один из самых больших мастеров советской эстрады. Вс. Вишневский имел все основания сказать: «Человек (т. е. Смирнов-Сокольский.—П. Б.) работает годами среди миллионных аудиторий. У него своя история, история первого эстрадника СССР»³.

Н. П. Смирнов-Сокольский был художником большого публицистического дарования. Формулу Вс. Вишневского «артист-политработник», мне кажется, более правильным заменить формулой «художник-публицист», ибо эстрадная деятельность Н. П. Смирнова-Сокольского была не чем иным, как устной художественной публицистикой большого и серьезного звучания.

II

Наиболее ранняя работа Смирнова-Сокольского как книговеда была напечатана в газете «Советское искусство» 16 января 1945 г., в номере, посвященном 150-летию со дня рождения А. С. Грибоедова. Почти одновременно с ней в февральском номере журнала «Смена» за 1945 г. была опубликована статья «Моя библиотека», в которой автор впервые поделился с читателем своими наблюдениями и размышлениями о редких книгах и их судьбе, о книге вообще. Здесь Н. П. Смирнов-Сокольский писал: «Старые книги, самые задушевные друзья мои, могут быть и наиболее современными собеседниками... Книга щедро расплачивается за любовь к ней. Всем, что я знаю в жизни, всем своим каким-то ощутимым для меня успехом артиста и автора фельетонов я целиком и полностью обязан книге. Даже тому, что они у меня в количестве 15 тысяч томов, я обязан им же! Полюбите книги, и они, если вы захотите, могут перестроить вам жизнь. Можно ли, наконец, жить без книг?!». «Любить старую книгу,— продолжал Н. П. Смирнов-Сокольский, — вовсе не значит заниматься одним любованием стариной. Никто и ничто не может так научить ценить и понимать современность, как знакомство со старым»⁴.

В очерке «Моя библиотека» Николай Павлович дал общее представление о характере и отделах своего собрания и сообщил, что задумал работу о своей библиотеке. «Вот уже несколько лет,— писал он,— свои досуги от прямого актерского дела я отдаю подробному описанию собранных мною книг. Это не бу-

² Вишневский Вс. Артист-политработник — «Рабочий и театр», 1932, № 3, с. 18.

³ Там же.

⁴ Смирнов-Сокольский Ник. Моя библиотека. (Заметки книголюбца).— «Смена», 1945, № 3/4, с. 12.

дет обычное библиографическое описание, пригодное лишь для специалистов. Это маленькие биографии каждой книги: ее история, история ее автора и описание обстоятельств, при которых она попала ко мне. Последнее — тоже маленькие новеллы, иногда забавные, иногда грустные. Мой „план“ — пять тысяч таких рассказов. Тысячи три я уже сделал. Работы еще года на два»⁵.

С этого времени, постоянно возрастая в количественном отношении и приобретая все большее научное значение, развертывается книговедческо-библиофильская деятельность Н. П. Смирнова-Сокольского. Статьи об автографах и изданиях Радищева перемежаются и сопровождаются очерками о русских миниатюрных изданиях («Книги-малютки», 1957), о листовке периода гражданской войны со стихами Д. Бедного («Грозное оружие», 1957), об уничтоженном в 1911 г. по предписанию царской цензуры издании произведений Пушкина («Казненная книга», 1958), о «Солдатской памятке Льва Толстого» (1958) и многими другими. Особое внимание уделял Н. П. Смирнов-Сокольский скромным и малозаметным деятелям книжной культуры. Он с большой теплотой и симпатией писал о книгоиздателе пушкинской поры А. Ф. Смирдине (статьи в «Огоньке» и в «Известиях», 1957, а также отдельная книга, 1957), о советском книгопродавце-антикваре И. С. Наумове («Знатоки антикварной книги», 1957), об издателе Ф. Ф. Павленкове, о «Жизни для книги» И. Д. Сытина («Подвижники книги», 1961) и т. д. В статье-рецензии «Подвижники книги» Н. П. Смирнов-Сокольский с горечью писал о том, что по его мнению, «до сих пор существует еще некоторая недооценка самых понятий «книгопродавец» и «книгоиздатель»⁶. И далее, совсем в духе своих фельетонов для эстрады, с их поданными крупным планом, неожиданными образами и сравнениями, явно рассчитанными на то, чтобы заставить читателя и слушателя поразиться, запомнить и вдуматься в то, что говорит артист, Николай Павлович продолжает: «Торговля книгами — это не торговля колбасой, а производство книг — это не производство велосипедов. И колбаса, и велосипеды могут быть только либо хорошими, либо плохими. Книги же еще могут быть или вредными, или полезными»⁷. По мнению Смирнова-Сокольского, «книгоиздатель и книгопродавец — в первую очередь пропагандисты культуры и знаний. В том, конечно, случае, если книги, которые они производят и продают, способствуют развитию культуры и знаний»⁸. Излагая далее свои взгляды на общественную и культурную роль деятелей книги, он приходит к заключению, что «история книго-

⁵ Смирнов-Сокольский Ник. Моя библиотека. (Заметки книголюбца) — «Смена», 1945, № 3/4, с. 13.

⁶ Смирнов-Сокольский Ник. Подвижники книги. — «Новый мир», 1961, № 7, с. 274.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

издательства и книжной торговли в России — весьма поучительная и заслуживающая изучения история. В ней были настоящие подвижники книжного дела, отдавшие жизнь пропаганде культуры и знаний»⁹.

Я привел эти цитаты не столько, чтобы показать, какими соображениями руководствовался Смирнов-Сокольский, создавая книгу о Смирдине, очерк о Наумове, рецензию о «подвижниках книги», сколько для того, чтобы поставить вопрос, не вправе ли мы причислить к группе «подвижников книжного дела, отдавших жизнь пропаганде культуры и знаний», и его самого.

В самом деле, своими «Рассказами о книгах» Н. П. Смирнов-Сокольский — и как автор, и как чтец-исполнитель этих очерков с эстрады — внес большой вклад в культуру советского общества; он заинтересовал, заразил любовью к книге, и ее собиранию, к пониманию ее красоты тысячи и десятки тысяч людей, в особенности молодежь. К этой чуткой и отзывчивой аудитории Николай Павлович обращался неоднократно и с какой-то особой заботливостью, мягкостью и деликатностью. «Так надо собирать книги» — называется его статья в «Комсомольской правде» 4 января 1958 г. «Твоя личная библиотека» — таково заглавие другой его статьи о книжном собирательстве в журнале «Молодой коммунист» (май 1959 г.). Еще раньше в 1957 г. (6 октября) в «Комсомольской правде» Николай Павлович помещает статью «Сотни счастливых находок», посвященную романтике книжного собирательства. В журнале «Что читать» (февраль, 1958 г.) было напечатано его замечательное «Слово о книгах», а в газете «Красная звезда» (30 мая 1959 г.) — пропагандистская статья «Книга — источник знаний».

Николай Павлович искренне радовался тому, что, говоря его словами, «число советских книголюбов растет с каждым днем»¹⁰. И в то же время он считал нужным заботиться не только о количественном росте рядов советских библиофилов, но также и о художественно-книговедческом воспитании их, о подъеме их книжно-эстетической культуры. В той же рецензии «Подвижники книги», которую я считаю одной из самых удачных его работ, Николай Павлович писал: «Истинный книголюб интересуется не только содержанием книги (кто же спорит, что это стоит на первом месте?!), но и самой книгой. Его волнует, как она напечатана, как переплетена, как иллюстрирована».

«В книге любят, — продолжал Смирнов-Сокольский, — не только ее автора, но и людей, ее делающих: печатников, художников, фабрику, сработавшую бумагу для книги, книжную лавку, ее продающую... Или не любят. Иногда любят только автора, но не любят издателя его книги. Или наоборот. А надо,

⁹ Смирнов-Сокольский Ник. Подвижники книги. — «Новый мир», 1961, № 7, с. 274.

¹⁰ Там же, с. 277.

чтобы любили всех!» И кончает он свою мысль таким сравнением: «Книга — это оркестр, все инструменты в котором должны звучать гармонично, чтобы ни один не фальшивил. Только тогда и получается то самое „чудо“, о котором говорил Максим Горький»¹¹.

Подобные суждения не только систематически изложены в статьях и рецензиях, но и вкраплены, — иногда совсем неожиданно, но всегда удачно, — в его конкретные, историко-книжные, библиофильские очерки. Создается впечатление, что эти историко-книжные, библиофильские очерки интересны их автору не только своей фактической стороной, но также и тем, что возбуждают в нем рой теоретических соображений и обобщений и служат поводом для выражения возникших у него мыслей. И это сочетание исторически-конкретного материала с теоретическим осмыслением дает его библиофильским работам характерную живость и впечатляющую силу.

Если внимательно взглянуть в структурные особенности книговедческих очерков и рассказов Н. П. Смирнова-Сокольского и сопоставить их с манерой его эстрадных фельетонов, станет непререкаемо ясно, что и в том, и в другом случае он создавал свои произведения по единому принципу: от конкретного к обобщению, от факта к его осмыслению, уразумению и, — как естественный вывод, — к побуждению, призыву к действию. И раньше — с эстрады — он воспитывал свою многомиллионную аудиторию, и — потом — со страниц газет, журналов и книг продолжал это благородное дело. Литературная деятельность стала для него если не той же самой эстрадой, то продолжением, развитием ее, и та страстная любовь, которую он десятилетиями питал к своей артистической профессии, нашла органическое завершение в его писательской работе.

Как многие актеры, лекторы, педагоги, Н. П. Смирнов-Сокольский хорошо знал достоинства и недостатки ораторской формы общения с публикой. С одной стороны, живой, непосредственный контакт, способность жестом, мимикой, голосом, игрой его интонаций сильно воздействовать, порой даже наэлектризовать слушателей, добиться успеха, оглушительных аплодисментов, бурных оваций. С другой, кратковременность, неустойчивость этого контакта, способность публики с такой же иногда легкостью подчиниться гипнотизирующему влиянию другого актера, лектора, педагога. А главное — невозможность для отдельного участника аудитории в любой момент, по своему желанию, в зависимости от настроения, вновь испытать впечатления от выступления артиста, доклада лектора, урока или лекции педагога, невозможность, лишь в редких случаях отменяемая граммофонными или магнитофонными записями.

¹¹ Смирнов-Сокольский Ник Подвижники книги. — Новый мир», 1961, № 7, с. 277—278.

Иное дело — печатная форма общения писателя с публикой. Пусть при этом исчезают такие сильно действующие факторы, как голос, жестикуляция, мимика, самая внешность актера, лектора и педагога в целом. Пусть читатель произвольно подменяет интонации автора своими, связывает излагаемые им мысли со своим жизненным опытом, своими взглядами, спорит с ним или соглашается. Важно то, что к печатной форме этот читатель может обратиться не раз и не два, а много и когда угодно. Конечно, есть большая категория читателей, которые даже хорошую, умную, интересную для них статью или книгу читают один только раз и, прочитав, больше к ней не возвращаются. Но принципиально книга и статья имеют перед устным, в частности эстрадным, выступлением то преимущество, что они не исчезают так легко, как любая форма устной речи.

Мне кажется, что именно этими соображениями отчасти было продиктовано обращение Н. П. Смирнова-Сокольского к историко-книжному, библиофильскому литературному жанру. Мне кажется также, что его стремление написать сатирический фельетон, который и через пять и даже десять лет будет звучать и читаться, тесно связано с поисками новой тематики и проблематики. «Рассказами о книгах» Н. П. Смирнов-Сокольский приобрел себе на долгие годы прочное место в советской культуре и литературе.

Отдельные «Рассказы о книгах» исполнялись Николаем Павловичем с эстрады, и даже в тех из них, которые не предназначались — по своей величине, по документальному, трудно воспринимаемому на слух материалу — для устного произнесения, чувствуется эта «установка на слушателя». Сам он знал это и даже несколько был огорчен этим своим писательским свойством. «Как мне думается, — писал он в частном письме в конце 1959 г., ознакомившись с протоколом заседания Секции коллекционеров Ленинградского Дома ученых, на котором обсуждались „Рассказы о книгах“, — как мне думается, надо было бы учесть, что вообще-то я пишу всю жизнь — для произнесения написанного вслух. Огромный недостаток. Весьма многое я беру не на глаз, а на ухо. В какой-то мере этим страдает и Андроников. Его рассказы о Лермонтове — прослушанные в его исполнении и они же напечатанные — еще более „разные“ рассказы, чем мои». «Это, — с сокрушением заканчивает Николай Павлович, — особенность, с которой никто не обязан считаться».

Прав ли был Смирнов-Сокольский, я до сих пор не знаю. По-моему, «устность» «Рассказов о книгах» нисколько не повредила их научному и художественному характеру. Получив их летом 1959 г., я сразу же, не отрываясь, прочел книгу и под свежим впечатлением написал автору письмо, часть которого позволю себе привести здесь:

«...Ваша книга, несомненно, крупное явление в нашей литературе: и художественной, и научной, и специально библио-

фильской. Она написана очень хорошо, живо, просто, увлекательно. Это действительно „Рассказы о книгах”, не сухие разыскания, интересные для узкого круга специалистов, а одушевленный, одухотворенный рассказ высококультурного книголюбца, умеющего ценить книгу и еще больше умеющего показать ее ценность другим — своим читателям и слушателям. Воспитательное значение подобной книги несомненно, и она является безусловным вкладом в советскую культуру.

Несомненно также и ее научное значение. В ней, наряду с хорошо известными специалистам материалами, содержится множество новых фактов, воспроизведений автографов, прекрасных иллюстраций и т. п. Видно, что тот библиофил, с которым по телефону говорил В. Б. Шкловский и которого „собрали” его книги, очень уж похож на автора «Рассказов о книгах». Вы внимательно изучаете литературу вопроса — судьбу той или иной книги, журнала, альманаха, автора, умеете привлекать малоизвестные источники, хорошо пользуетесь материалами рукописными — словом, из Вашей книги все мы будем постоянно извлекать полезные сведения. Ваша книга, — не сомневаюсь, — вскоре же станет одной из самых цитируемых. А что может быть лестнее для автора? Видеть, что на тебя ссылаются, соглашаясь или даже не соглашаясь, — это значит понять, что ты не зря работал, что твой труд, твои мысли становятся частью чего-то объективно существующего: науки, культуры, эпохи.

Имеет Ваша книга и специально библиофильское значение. Вы, Николай Павлович, разбили мое предубеждение против библиофилов. Всячески признавая роль библиофильства и библиофилов в истории культуры, я признавал ее, так сказать, в теории. Я обычно сталкивался с библиофилами-учеными (Десницкий, Рейсер, Гудзий, Алексеев) и библиофилами „геннадиевского” толка (В. А. Кенигсон — знали ли Вы его? — и др.). Одних я уважал, другие мне претили и вызывали враждебность. Подобное мое отношение к библиофилам отчасти отразилось на рецензии моей на Вашу библиографию русских альманахов. Сейчас прошу пардона».

III

У Н. П. Смирнова-Сокольского было очень ценное свойство: он обладал чувством такта, знал, как обращаться с разными людьми. Одним он был среди своих собратьев по профессии, среди артистов эстрады, другим — среди литературоведов-пушкинистов, третьим — среди работников издательств и т. д. Поэтому, разговаривая о нем с рядом лиц разных категорий, я получал самые неожиданные характеристики, слышал удивительно любопытные факты, яркими, резкими, выразительными штрихами дорисовывавшие внешний и внутренний облик этого очень незаурядного человека. И каждый мой собеседник был по-своему

прав, оставаясь при своем мнении, считая, что «его» образ Смирнова-Сокольского — самый правильный, что другого Смирнова-Сокольского не было. Объясняется это тем, что актер в Николае Павловиче был очень силен: человек очень умный, он быстро создавал себе представление о своем собеседнике, читателе, слушателе, корреспонденте и так же быстро определял для себя, каким следует ему быть с данным лицом. И юмор, шутка, острота — в разных пропорциях поданные — были одним из средств установления живой связи между ним, Н. П. Смирновым-Сокольским, и его окружающими.

Умение соединить забавное, шутовское с серьезным и продуманным было другой ценной чертой Н. П. Смирнова-Сокольского. У него, несомненно, был большой природный ум, но, как мы видели, домашние обстоятельства не позволили ему получить основательного и систематического образования. Поэтому «сделало» Смирнова-Сокольского тем, кем он стал к концу своей жизни, не образование, не систематическая школа, не строгое домашнее воспитание, а самообразование, постоянное чтение, С. П. Близникова сообщила мне в своем письме: «За сорок лет, прожитых с Николаем Павловичем, не было такого дня, чтобы я его видела без книги в руках».

Чтение имело исключительное значение в жизни Смирнова-Сокольского. Когда в очерке «Моя библиотека», а затем в «Рассказах о книгах» он писал: «Полюбите книги, и они, если вы захотите, могут перестроить вам жизнь» и «Власть книги огромна»¹², — это был результат его наблюдений над самим собой, над тем, что сделали книги с ним, вначале — недоучившимся учеником коммерческого училища, мелким журналистом и артистом эстрады, впоследствии — одним из интереснейших и образованных людей. Книги отшлифовали, «огранили» природный ум Смирнова-Сокольского, расширили круг его интересов, знаний, размышлений. Книги подняли его на огромную высоту, научили работать, научили делать другие книги. В «Рассказах о книгах» Николай Павлович писал: «Книга учит даже тогда, когда вы этого и не ждете и, может быть, не хотите»¹³.

Люди, которым приходилось близко работать с Н. П. Смирновым-Сокольским в области библиографии и истории книги, передавали, что он «рос» как специалист, как знаток «на их глазах». От отдельных очерков о редких книгах, о людях, чья судьба трагически или комически была связана с книгой, от материала, сюжетная сторона которого сама по себе занята, трогательна или поучительна, — то есть говорит сама за себя, — он довольно быстро переходит к работам по библиографии,

¹² Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. Изд. 2-е. М., 1960, с. 15, 41.

¹³ Там же, с. 15.

к своей первой книге «Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв.». Этот переход дался ему не легко. На первых порах он не осознавал роли строгой методичности в работе библиографа. Подходя еще по-дилетантски к классификации материала, к технике описания, к критериям отбора, Николай Павлович не мог понять, зачем нужна эта излишняя, как ему казалось, педантичность. Ему даже казалось, что это — необоснованные придирки, проявление враждебности со стороны завистливых специалистов к вторгающемуся в их круг чужаку, знающему не меньше, а может быть, и больше их. Лишь постепенно, но все же в очень короткий срок, Николай Павлович понял свою неправоту и — при его большом уме, зоркости и наблюдательности — сумел оценить значение точной и строгой методики научной работы.

Работы Смирнова-Сокольского, следовавшие за «Русскими литературными альманахами и сборниками XVIII—XIX вв.», характеризуются все большей научностью и строгостью метода. Не получивший никакой библиографической «школы», Смирнов-Сокольский был сам себе «школой».

В чем это проявлялось? Уже деятельность Смирнова-Сокольского как артиста эстрады приучила его вдумываться в тему, взвешивать материал, но прежде всего, отыскивать этот материал. Библиофильская страсть привела его к встречам с книгами, которые в тот или иной момент оказывались на прилавках букинистов и антикваров; позднее — с логической неизбежностью — библиофильство стало наталкивать его на специальные поиски «нужных» ему книг. Я взял слово «нужных» в кавычки, потому что у книголюбов это слово имеет особый библиофильский оттенок. Это — книга, которая в данный момент почему-то (каждый раз по-новому) особенно влечет, интересует, волнует библиофила. Став серьезным исследователем, Смирнов-Сокольский научился самостоятельно отыскивать и «чувствовать» «нужный» материал. Он выработал у себя умение сравнивать и сопоставлять книжные факты, общественные и литературные явления, художественные и научные тексты. Он научился устанавливать сходства и различия, улавливать связи, находить доказательства, определять своеобразие найденного материала.

Выработавшаяся у него на протяжении десятилетий манера внимательного, «въедливого» чтения привела к тому, что научные книги, — говоря его же словами, — стали учить его даже тогда, когда он и не ждал этого и, может быть, не хотел. У него выработался хороший «научный стиль» не в смысле языка, а стройности, логичности анализа и четкости, убедительности синтеза, построения. У Смирнова-Сокольского сложилась определенная методика работы, которая не менее интересна, чем приемы и техника научной методики кадрового ученого литературоведа или книговеда.

Надо сказать еще об одном. Артистическая работа Николая Павловича приучила его к тому, что идея — сама по себе — еще не все. Самую важную и правильную идею можно «загубить» от неумелой подачи. Для артиста эстрады существеннее, может быть, чем для журналиста или ученого, пишущих в общей или научной прессе, — найти точные, нужные слова для своей «идеи». Заботой о словесном оформлении своих фельетонов проникнуты многие печатные и устные высказывания Смирнова-Сокольского. Обратившись к библиофильско-библиографической тематике, Николай Павлович сумел применить и здесь свои стилистические находки и достижения, свое чувство и чутье языка и материала.

В 1937 г., во время Пушкинского юбилея, советский армянский поэт Геворк Эмин в небольшой статье о своем великом русском собрате очень метко сказал: «Пушкин никогда не говорил соседними словами». Это значит, что Пушкин брал именно те слова, которые как раз и нужны для изложения развиваемой мысли. У Н. П. Смирнова-Сокольского это умение пользоваться нужными, а не «соседними» словами было развито в высокой степени. И возможно потому, что он был безгранично влюблен в Пушкина, в его прозу и стихи, в его стиль, склад ума, манеру думать и выражать свои мысли.

Книга Н. П. Смирнова-Сокольского «Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина» еще больше, чем соответствующие страницы «Рассказов о книгах», говорит о любви автора к Пушкину.

Самому Н. П. Смирнову-Сокольскому не пришлось увидеть ни этой книги, ни подготовленной им большой библиографии русских альманахов. Жизнь его трагически оборвалась. Он умер за работой, создавая новую книгу. Вся его жизнь, последние годы которой были посвящены изучению и прославлению книги, оборвалась точно так, как и его неоконченная книга.

Нет необходимости говорить о том, какую громадную роль играли книги в жизни Ленина, как много он читал, как напряженно и систематически работал в русских и зарубежных библиотеках. В известной книге Н. К. Крупской «Что писал и говорил Ленин о библиотеках» и в статье А. В. Усова «Книга и библиотека в жизни В. И. Ленина» собран обильный и интереснейший материал по этому вопросу. Однако обе эти работы были написаны до появления в 1961 г. прекрасно оформленной книги «Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог», где описано 8450 названий. Поэтому сейчас — с учетом и других печатных данных — тема «Ленин-книголюб» может быть освещена с большей документальностью.

Основываясь на экспозиции Дома-музея В. И. Ленина в Ульяновске, А. В. Усов так рисует книжные интересы родных Владимира Ильича: «...в семье Ульяновых,— пишет он,— книга занимала особое почетное место... Дети Ульяновых читали лучшую детскую литературу того времени и классиков. В комнате Александра Ильича, где он провел свои гимназические и студенческие годы, много книг по химии, истории, политической экономии. Здесь он изучал „Капитал” К. Маркса. Революционер, он, бесспорно, оказал влияние на пробуждение у Володи Ульянова интереса к изучению политико-экономических вопросов и общественных явлений. Книги старшего брата, с которым Володя Ульянов проводил много времени, помогая ему ставить химические опыты, часто перемещались в комнату младшего брата. В столовой, где вся семья собиралась по вечерам для чтения,— повсюду книги».

Сохранились ли в Кремлевской библиотеке Владимира Ильича какие-нибудь книги симбирского периода? С полной уверенностью это можно сказать только о двух изданиях. Первое место следует уделить тому, которое описано в Каталоге под № 5898. Это — «Немецкие поэты в биографиях и образцах». Под ред. Н. В. Гербеля (Спб., 1877).

Можно не сомневаться, что «Немецкие поэты» в доме Ульяновых читались не однажды, особенно по вечерам. Может быть, именно тогда и возникла любовь В. И. Ленина к Гейне и Гете... Эти авторы были у него в сибирской ссылке.

О книжных приобретениях Ленина в гимназические годы до нас не дошло сведений. Несколько больше знаем мы о его книжных покупках времен студенчества. Среди книг Кремлевской библиотеки сохранилось пособие, по которому Владимир

Ильич готовился к экзаменам. Это—книга профессора Ю. Э. Янсона «Теория статистики» (Спб., 1887).

В письмах Ленина рассыпано немало сообщений о покупке книг. Так, из Петербурга Владимир Ильич писал матери в октябре 1893 г., что за месяц у него ушло 54 р. 30 коп., в том числе и на книги. В 1895 г. он сообщал Марии Александровне из Берлина: «...к великому моему ужасу, вижу, что с финансами опять у меня „затруднения“: „соблазн“ на покупку книг и т. п. так велик, что деньги уходят черт их знает куда».

И в дальнейших письмах Ленина — из тюрьмы, ссылки, из-за границы — встречается немало сведений о приобретении, получении литературы, напоминания о возврате взятых изданий... Если проанализировать надписи на книгах, принадлежавших Владимиру Ильичу, то наиболее ранней формой его владельческой пометы была: «Из книг В. Ульянова». Можно предположить, что это была мера предосторожности, предпринятая против любителей «зачитывать» книги. Сам он был ярким противником подобного отношения. Характерна в этом смысле надпись Ленина на одной из книг, находящаяся сейчас в Центральном партийном архиве: «Чужой экземпляр. Надо вернуть!!» (дважды подчеркнуто).

При выходе из заключения Ленин имел довольно много книг, а в ссылку повез с собой целый чемодан со всякими печатными материалами, которые были необходимы ему для подготавливаемого труда «Развитие капитализма в России».

Как подсчитано исследователями, в книге «Развитие капитализма в России» Владимир Ильич использовал 583 различных источника. Естественно возникает вопрос, где о них узнавал Владимир Ильич.

С юного возраста он привык работать в больших библиотеках и, конечно, умело пользовался библиографическим аппаратом. Можно не сомневаться, что Ленина привлекало удобство систематических каталогов, позволявшее легко ориентироваться в материале, дававшее информацию о новейшей и старой литературе по тому или иному вопросу. И не удивительно, что в первом же письме, отправленном из села Шушенского (18 мая 1897 г.), он просит сестру Марию Ильиничну: «Присылай мне всякие каталоги, особенно букинистов и особенно заграничных.»

Однако в шушенской библиотеке Владимира Ильича были не только специальные научные книги. В одном из писем Ленин вспоминал о том, что даже в доме предварительного заключения «после обеда, вечером для отдыха... брался за беллетристику и нигде не смаковал ее так, как в тюрьме». И в Шушенском, по воспоминаниям Н. К. Крупской, находились произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Чернышевского, Гейне, Гете; был там и Тургенев, причем также и на немецком языке.

Ко времени окончания срока ссылки в шушенской библиотеке Ленина накопилось около 500 книг, что составило 15 пудов багажа. Впоследствии Надежда Константиновна вспоминала, что эта небольшая библиотека занимала целый шкаф, на верхних полках которого помещались разные статистические сборники, а на самых нижних—нелегальная литература. Мимоходом она упомянула также, что перед отъездом из Шушенского Владимир Ильич «деловито увязывал книги», а во время короткой остановки в Уфе он в первый же день пошел в книжный магазин.

Книги, собранные Владимиром Ильичем в Шушенском, частично были вывезены им за границу, а в настоящее время—вероятно, не в полном составе—находятся в Кремлевской библиотеке; другие были разысканы в Москве и поступили в Музей В. И. Ленина, в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина и другие книгохранилища.

О заграничных книжных собраниях Владимира Ильича до первой революции мы знаем меньше. И опять главным источником наших сведений об этом являются письма Ленина к родным. Так, в одном из первых писем он просит посылать «все имеющиеся» для него книги, в других письмах благодарит за присылку новых книг и журналов, признается, что «соскучился опять по мирной книжной работе...».

Уезжая осенью 1906 г. в Россию, Ленин передал около двухсот книг из своей библиотеки в женевскую библиотеку и архив РСДРП. Это были книги только по статистике. Позднее они были возвращены в Россию и теперь находятся в составе Кремлевской библиотеки.

Во время пребывания в России и в Финляндии в 1905—1907 гг., в условиях революционной борьбы и затем вынужденной конспирации, Владимир Ильич едва ли имел возможность покупать книги, да если они у него и были, то, уходя по льду из Огльбю, он, конечно, ничего не мог взять с собой.

Снова поселившись в 1908 г. в Женеве, а затем в Париже, Владимир Ильич стал уже более систематически собирать книги, главным образом, издания периода революции 1905—1906 гг.

Библиотека Ленина в Поронине и в Кракове очень значительна: польский полицейский чиновник, производивший осмотр библиотеки в квартире Владимира Ильича, в своем донесении определил ее вес в 10 центнеров, то есть она была по величине вчетверо больше шушенской библиотеки. А книги, собранные Владимиром Ильичом в Париже, Лондоне, Мюнхене, либо вовсе не сохранились, либо не могут быть выделены из общей массы книг Кремлевской библиотеки.

Книги за границей Владимир Ильич покупал и получал из России. Покупки книг не имели у Ленина ни тогда, ни в какое другое время случайного характера. Как уже было сказано, он рано приучился пользоваться библиографическими справочниками. Из женевского периода до нас дошло несколько таких

справочников, бывших в составе библиотеки Владимира Ильича. И хотя большая часть книг из заграничных собраний Ильича относится к области политической литературы, однако, несомненно, у него были и беллетристические издания, литературоведение. Недавно опубликованы новые архивные данные о том, какие книги читал В. И. Ленин в женевской библиотеке «Общества чтения» в 1905 и в 1908 гг. Оказывается, что кроме книг по истории французских революций и Парижской коммуны, а также работ Маркса и Энгельса по военным вопросам, Ленин читал Бальзака, Флобера, Гюго, Корнеля и Мопассана.

Со времени Великой Октябрьской социалистической революции начинается принципиально иная пора в книжном собирательстве Ильича. У Ленина постепенно образуется большой книжный фонд, составивший основную часть Кремлевской библиотеки.

Подробная история этой библиотеки не написана, о чем приходится очень пожалеть. Кое-какие сведения о том, как Ленин в этот период знакомился с книгами, дошли до нас в воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича, Л. А. Фотиевой и личного библиотекаря Владимира Ильича — Шушаники Никитичны Манучарьянц. Сохранились также и опубликованы записи и перечни, составленные Лениным для библиотекаря.

Как сообщает Бонч-Бруевич, в это время Ленин узнал о существовании «Книжной летописи», издаваемой Книжной палатой, заинтересовался ею и затребовал комплекты этого журнала с 1917 г. В дальнейшем Владимир Ильич внимательно знакомился с ним.

В 1920 г. Книжная палата стала присылать Ленину для скорейшего ознакомления с новыми книгами так называемый «обязательный экземпляр». Часть просмотренных материалов он возвращал назад, часть оставлял в своей библиотеке, находившейся рядом с приемной Совета Народных Комиссаров, предполагая, очевидно, в дальнейшем обратиться к этим книгам и журналам. Часть сохранял в рабочем кабинете — в последнюю группу входили издания, которыми чаще всего пользовался Ленин в своей работе.

«Какая же литература находилась в шкафах кабинета Ленина? — пишет Ш. Н. Манучарьянц. — Прежде всего произведения К. Маркса и Ф. Энгельса — на русском и на иностранных языках. Владимир Ильич очень интересовался перепиской Маркса и Энгельса... Значительное место занимали сочинения революционных демократов: Белинского, Добролюбова, Герцена, а также сочинения Плеханова. Я предложила Владимиру Ильичу достать сочинения Чернышевского и переплести их. Он согласился и попросил переплести также сочинения Герцена».

Трудно в кратких словах охарактеризовать Кремлевскую библиотеку Ленина. Трудно потому, что интересы его были не-

обыкновенно широки и разнообразны, что книг было много, что на десятках и сотнях книг и журналов есть пометки и подчеркивания Владимира Ильича, заслуживающие пристального изучения. Насколько разнообразна Кремлевская библиотека Ленина, видно из того, что составляющие ее книги в каталоге сгруппированы в 31 отдел.

В разделе «Литературоведение. Художественная литература. Фольклор» 725 названий, не считая книг, описанных в разделе «Издания на иностранных языках». Если же прибавить свыше 110 книг по литературе и литературоведению на иностранных языках, то окажется, что общее число книг по литературе и литературоведению составляет около 850 названий — 10% всего числа книг Кремлевской библиотеки.

Не было ни одного классика русской литературы, сочинения которого отсутствовали бы в Кремлевском кабинете или библиотеке Владимира Ильича, начиная с Фонвизина, Радищева и Карамзина и кончая Короленко и Чеховым. Очень много было в библиотеке и отдельно изданных произведений русских писателей XIX—XX вв. и советских писателей первых лет революции.

Особенно поражает своим разнообразием раздел иностранной литературы, в котором мы встречаем и китайскую лирику, и У. Уитмена; театр Еврипида и рубаи Омара Хайяма; А. Мицкевича и «Театр Клары Газуль» П. Мериме; «Приключения барона Мюнхаузена» Распе, «Человека — массу» Э. Толлера... Большая часть книг этого раздела находилась в библиотеке Владимира Ильича. А в его кабинете хранились трагедии Шекспира, «Итальянские хроники» Стендаля, произведения ряда современных писателей.

Не менее богат был раздел «Искусство» — здесь можно увидеть книги по живописи, графике и скульптуре, музыке, театру, хореографии и т. д.

Много интересного встречаем мы в разделе «Печать. Книговедение. Библиотечное дело. Библиография». На полках его — книги Б. С. Боднарского «Библиографическая классификация» и «Классификация кооперативной литературы по международной десятичной системе». Следовательно, и этот вопрос интересовал Ленина. Еще более неожиданным представляется наличие в библиотеке Владимира Ильича «Истории книги» В. В. Буша, «Книги» Н. М. Пакуля, «Искусства книги» А. А. Сидорова. Владимира Ильича интересовало библиофильство и в чистом, так сказать, виде: в его библиотеке находятся брошюры А. И. Маленна и М. Г. Флеера «О редкой книге»; «Книжные знаки русских художников». Под ред. Д. И. Митрохина, «Книжные знаки Владимира Изенберга» В. К. Охочинского и «Экслибрис. Краткий исторический очерк книжного знака» Р. Фреймана.

Многогранны и широки были книжные интересы В. И. Ленина. По разнообразию и глубине своих знаний это был один из

величайших энциклопедистов всех времен. Кремлевская библиотека отражает только самую малую часть прочитанного, продуманного Лениным множества книг. И совершенно ясно, что эта книжная «ненасытность» продиктована была не эгоистическим любопытством кабинетного аскета, а стремлением найти вернейшие пути в борьбе за человеческое счастье. И поэтому нельзя не согласиться со словами Ш. Н. Манучарьянц: «Владимир Ильич был страстным книголюбом. Но книга никогда не была фетишем, самоцелью. Книга — оружие в борьбе за коммунизм, вот как подходил Ленин к политической и научной литературе». Я бы прибавил: «и к художественной литературе».

Примечания

Общие библиографии русских книг гражданской печати 1708—1955 М. В. Сокуровой и некоторые вопросы из области теории и истории библиографии.— В кн.: Сокурова М. В. *Общие библиографии русских книг гражданской печати 1708—1955* Аннот. указ. Изд 2-е, перераб. и доп. Под ред. П. Н. Беркова. Л., 1956, с. 5—38. Литература в подстроч. примеч.

Вступительная статья представляет собой исторический обзор основных библиографических указателей русских книг почти за 250 лет. Наряду с этим в ней рассмотрен ряд актуальных вопросов из области теории и истории библиографии

Статья П. Н. Беркова получила положительную оценку в рецензиях Д. В. Лебедева и Н. И. Мацуева. В то же время теоретические положения П. Н. Беркова вызвали ряд критических откликов в печати. По мнению М. К. Деруновой (см. «Сов. библиография», 1957, вып. 47, с. 101—109), П. Н. Берковым было высказано «немало интересных, правильных мыслей и суждений», но вместе с тем в его статье оказалось и много спорного. М. К. Дерунова не разделяла исходной позиции автора и не согласилась с его определением библиографии. Она отрицала научность этого определения, так как с точки зрения рецензента в нем, во-первых, отсутствовал объект изучения и, во-вторых, по существу (а не по форме) оно мало чем отличалось от определения в Большой Советской Энциклопедии (изд. 2-е), против которого выступал в своей статье П. Н. Берков

Второе замечание М. К. Деруновой касалось неточности и неясности терминологии, используемой П. Н. Берковым. То содержание, которое вкладывал П. Н. Берков в некоторые термины (такие, как общая библиография, текущая, ретроспективная, национальная), расходилось с терминологической практикой 50-х гг. и, естественно, отсюда возникало много возражений, с которыми трудно было не согласиться.

Вместе с тем не все в рецензии М. К. Деруновой было бесспорным. Например, П. Н. Берков относил зарождение библиографии русской библиографии к началу XIX в., к появлению соответствующего учета в росписях библиотек В. А. Плавильщикова и А. Ф. Смирдина, тогда как М. К. Дерунова начало этого направления библиографии связывала с появлением первых осознанных попыток, специально направленных на выявление и регистрацию библиографических изданий.

К критическим высказываниям М. К. Деруновой в основном присоединился и В. А. Николаев («Сов. библиография», 1958, вып. 49, с. 95).

Рецензии и отзывы см. в списке трудов П. Н. Беркова, № 87.

О библиографических трудах по русской периодической печати — В кн.: Машкова М. В., Сокурова М. В. Общие библиографии русских периодических изданий 1703—1954 и материалы по статистике русской периодической печати. Аннот. указ. Под ред. П. Н. Беркова. Л., 1956, с. 5—38.
Литература в подстроч. примеч.

Статья П. Н. Беркова является первой попыткой обобщения истории развития библиографии русской периодической печати с момента ее возникновения до 1955 г. Одновременно с характеристикой крупнейших библиографических работ П. Н. Берков рассматривает эволюцию методов библиографического описания периодической печати, постепенное изменение понятия периодического издания и предмета изучения библиографии периодики.

Рецензии и отзывы см. в списке трудов П. Н. Беркова, № 88.

Библиография и научная работа — «Труды Гос. Публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», 1957, вып. 3(6), с. 99—114. Литература в подстроч. примеч.

Статья напечатана в порядке обсуждения. Если не считать небольшой заметки В. Я. Брюсова («Библиогр. известия», 1929, № 1/4, с. 3—7), статья П. Н. Беркова является первой специальной публикацией по данной теме. В ней определяется место библиографии в научной работе и затрагиваются некоторые теоретические вопросы, в частности, характеризуется содержание библиографии и дается ее определение, более подробно изложенное ранее во вступительной статье к кн.: Сокурова М. В. Общие библиографии русских книг гражданской печати. 1708—1955. Л., 1956, с. 5—38.

П. Н. Берков рассматривал библиографию как совокупность библиографического источниковедения, библиографической эвристики и библиографической технологии. Эта точка зрения на содержание библиографии вызвала возражение В. А. Николаева («Сов. библиография», 1958, вып. 49, с. 94—96), который считал, что схема П. Н. Беркова неприемлема, хотя бы потому, что в ней не остается места для истории и общей теории библиографии. Неприемлемой он считал и терминологию, употребляемую П. Н. Берковым.

В сокращенном виде статья «Библиография и научная работа» была помещена под заглавием «Место библиографии в работе молодого ученого» в книге И. К. Кирпичевой «Библиография в помощь научной работе» (Л., 1958)

Рецензии и отзывы см. в описке трудов П. Н. Беркова, № 91.

Что же такое, наконец, библиография? [1959].

Статья в настоящем виде печатается впервые по рукописи, хранящейся у С. М. Берковой. В текст внесены небольшие сокращения, главным образом за счет утратившей свое значение полемики с М. К. Деруновой. Небольшая часть статьи под названием «Вслушиваясь в споры» была опубликована в журнале «В мире книг» (1965, № 10, с. 44—45).

Судя по тексту, статья написана в конце 1959 г., в период обсуждения на страницах «Советской библиографии» двух учебников — «Общей библиографии» для библиотечных вузов (1957) под ред. А. Д. Эйхентольца и «Общей библиографии» для библиотечных техникумов (1954) В. Н. Денисьева — и продолжавшейся дискуссии по спорным вопросам теории библиографии. В этой статье П. Н. Берков прослеживает эволюцию термина «библиография» в отечественной книговедческой литературе и углубляет свое определение библиографии, впервые сформулированное им в статье «В защиту библиографии» (1954) и более развернуто изложенное во вступительной статье к книге М. В. Сокуровой «Общие библиографии книг гражданской печати 1708—1955» (1956). К найденному определению П. Н. Берков неоднократно возвращается в последующих работах, в частности в монографии «Библиографическая эвристика» (1960).

Позиция П. Н. Беркова, занятая им в вопросах теории библиографии и изложенная в ряде работ, подверглась критике М. К. Деруновой («Сов. библиография», 1957, вып. 47, с. 101—109), В. А. Николаева («Сов. библиография», 1958, вып. 49, с. 95) и в статье Б. Я. Бухштаба «Об определении библиографии» («Сов. библиография», 1961, вып. 1, с. 30—34).

Библиографическая эвристика. (К теории и методике библиографических разысканий). М., Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1960, с. 86—166. Литература в подстроч. примеч.

Из монографии П. Н. Беркова публикуется гл. 4, 5 и с небольшими сокращениями «Заключение»

Рассматривая эвристику как важную часть библиографии, П. Н. Берков дает первое на русском языке систематическое изложение ее теории и практики. Центральная идея книги заключается в том, что библиографические разыскания автор рассматривает не как «интуитивный» и «эмпирический» процесс, а как процесс диалектико-логического суждения, основанный на многообразной связи явлений культурной жизни. Это положение П. Н. Берков подкрепляет и иллюстрирует огромным количеством примеров, заимствованных главным образом из опыта литературоведческих разысканий. Некоторые библиографические указатели, рекомендуемые П. Н. Берковым как источники при библиографических разысканиях, за время, прошедшее со дня издания книги, в настоящее время заменены более новыми, но общие методологические положения о логической природе эвристического процесса, сформулированные в монографии, до сих пор сохранили научный интерес и актуальность.

Впервые к проблемам библиографического разыскания П. Н. Берков обратился в статье «К вопросу о методике библиографической эвристики». Корректурa неопубликованной статьи хранится в архиве П. Н. Беркова. Вариант работы был рассмотрен в 1936 г. на одном из научных заседаний Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, во второй редакции статья была опубликована в «Советской библиографии» (1948, вып. 5) Часть своих наблюдений в области библиографических разысканий П. Н. Берков включил в книгу «Введение в технику литературоведческого исследования» (1955) и в виде главы в статью «Библиография и научная работа» (1957).

«Библиографическая эвристика» вызвала живой интерес как у советских исследователей — литературоведов и теоретиков библиографии, так и у деятелей книги Польши, Чехословакии, Франции и других стран.

Дискуссия, возникшая при обсуждении книги П. Н. Беркова, нашла отражение в «Советской библиографии» (1960, вып. 6(64), с 99—103).

Рецензии и отзывы см. в списке трудов П. Н. Беркова № 109.

А. В. Мезьер — библиограф-романтик. — В кн.: Машкова М. В. А. В. Мезьер (1869—1935). Очерк жизни и деятельности. Под ред. П. Н. Беркова. М., 1962, с 3—7.

Во вступительной статье П. Н. Берков, характеризуя библиографические и книговедческие труды А. В. Мезьер, приходит к выводу о необходимости типологического исследования деятельности библиографов и раскрытия индивидуальных черт каждого из них. Полную и максимально объективную историю библиографии он понимает как сочетание собственно исторического, социально-политического, общественно-психологического и типологического аспектов.

Книга Ю. И. Масанова «В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок» и проблемы так называемой «литературной собственности». — В кн.: Масанов Ю. И. В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок. М., 1963, с. 7—36. Литература в подстроч. примеч.

Во вступительной статье П. Н. Беркова рассматривается ряд теоретических вопросов, не нашедших отражения в книге Ю. И. Масанова; в частности, он анализирует историческую природу псевдонимов, анонимов и литературных подделок Их происхождение П. Н. Берков связывает с историческим развитием таких понятий, как «автор», «литературная собственность» и «авторское право».

Характеризуя работу Ю. И. Масанова с точки зрения ее читательского назначения, П. Н. Берков положительно оценивает обращение ее автора к широкой читательской аудитории и отмечает удачное сочетание в книге увлекательности изложения с научным характером исследования.

Несколько позже в своих записках книголюбца, озаглавленных «О людях и книгах» (1965) П. Н. Берков посвятил отдельную главу занимательным рассказам о книжных мистификациях и подделках.

Биография моей библиотеки. — «В мире книг», 1966, № 12, с. 36—37.

История создания личной библиотеки П. Н. Беркова интересна и тем, что в ней отражены все этапы биографии ученого.

Научные устремления П. Н. Беркова определили состав тщательно собираемой библиотеки, в которой были широко представлены русская литература, творчество писателей народов СССР, история театра и журналистики, библиография и книговедение, справочные издания на русском и иностранных языках.

После смерти ученого его книжное собрание (30 000 единиц) поступило в Библиотеку Академии наук БССР (Минск), где хранится как отдельная коллекция в Отделе редкой книги. О содержании библиотеки см.: А. И. Черняева. Библиотека члена-корреспондента АН СССР П. Н. Беркова.— В кн.: Библиотечное дело и библиография в системе библиотек Академии наук БССР. Минск, 1976, с. 47—56.

Николай Павлович Смирнов-Сокольский. — «Книга. Исследования и материалы», 1966, сб. 12, с. 258—267. Литература в подстроч. примеч.

Статья написана к четвертой годовщине со дня смерти известного артиста и крупнейшего библиофила Н. П. Смирнова-Сокольского. На примере книговедческого-библиографической деятельности Н. П. Смирнова-Сокольского П. Н. Берков обобщает свои взгляды на роль библиофильства и библиофилов в общественной, культурной и научной жизни общества. Еще в 1961 г. в статье «Некоторые вопросы советской библиофильской литературы» П. Н. Берков выделяет «Рассказы о книгах» Н. П. Смирнова-Сокольского как новое явление в русской библиофилии, усматривая их новизну в обращении автора к «широкой читательской аудитории, а не к узкой категории записных библиофилов». Характеристика библиофильской деятельности Н. П. Смирнова-Сокольского дана и в других работах П. Н. Беркова: «Русские книголюбы (М.—Л., 1967), гл. «Старинные русские библиофилы и советские книголюбы», с. 121—125 и «История советского библиофильства» (М., 1971), с. 199, 203.

П. Н. Беркову принадлежит также и первый печатный отклик — рецензия под названием «Новая библиография русских альманахов» (1957) — на составленный Н. П. Смирновым-Сокольским предварительный список русских литературных альманахов и сборников XVIII—XIX вв.

Ленин и книга. — «В мире книг», 1967, № 11, с. 3—4. В расширенном виде напечатана отдельной главой под названием «В И. Ленин — книголюб» в кн.: Берков П. Н. Русские книголюбы. М., 1967, с. 12—43.

Поводом для написания статьи послужило, очевидно, издание Каталога «Библиотека В. И. Ленина в Кремле» (М., 1961). Исследуя состав и наполнение каталога, П. Н. Берков соотносит поступление книг в библиотеку с отдельными периодами жизни и деятельности В. И. Ленина, начиная с симбирского. Особо останавливается на разделе каталога «Печать. Книговедение. Библиотечное дело. Библиография».

Обращение П. Н. Беркова к изучению библиотеки является логическим продолжением его интереса к теме Ленин — книголюб и библиограф, истоки которого восходят к началу 30-х гг, к периоду работы над статьей «Ленин, Маркс и Энгельс как библиографы-рецензенты».

Список трудов П. Н. Беркова

Книги, статьи, рецензии¹

1. Изучение Ленина на уроках литературы.— В кн.: Новая школа. Сборник... Вып. 1. Уклон в школе 2-й ступени. М.—Л., 1925, с. 174—189.
2. Детское чтение и современность.— В кн.: Новая школа. Сборник... Вып. 2. Вопросы изучения ребенка. М.—Л., 1926, с. 136—140.
3. [Рец на кн.:] А. Г. Фомин. Puschkiniana. Л., 1929—«Звезда», 1929, № 12, с. 191. Подпись: П. Б.
4. Идеологический момент в «Опыте российской библиографии» В. С. Соликова. Тезисы докл. Л., 1930. [2] с. (Рус. библиол. о-во).
5. Библиография А. Г. Фомина. 1904—1931. Л., АН СССР, 1931. 39 с. (Гос. ин-т речевой культуры)
6. А. А. Волков, забытый писатель XVIII века. (К истории формирования дворянской книги).— В кн.: Хроника Ленинградского общества библиофилов 5 января — 20 июня 1930 г. Л., 1931, с. 32—37.
7. Кто был автором лейпцигского «Известия о русских писателях»? — «Изв. АН СССР Отд-ние обществ. наук», 1931, № 8, с. 937—952.
То же. Отд. отт. Л., 1931.
8. Перспективы развития книги в классовом и бесклассовом обществе.— В кн.: Стенографический отчет торжественного вечера рабочих-ударников, административно-технического персонала и служащих типографии «Печатный двор», посвященный приезду членов чрезвычайной сессии Академии наук 28 ноября 1931 г. Л., 1931, с. 24—35, 56—58.
9. Развитие истории книги как науки. Опыт историогр. обзора.— «Труды Музея книги, документа и письма АН СССР», 1931, вып. 1, с. 47—79.
То же Отд. отт. Л., 1931.
Рец: Аркадьев Г. Против извращений марксизма-ленинизма в книговедении.— «Красный библиотекарь», 1932, № 6, с. 53—54.
10. Берков П. Н. Пути развития книги в классовом и бесклассовом обществе — Тезисы докл. членов чрезвычайной сессии Академии наук на торжественном вечере, состоявшемся 28 ноября в типографии «Печатный двор». Л., [1931], с. 6—7
11. Библиографический указатель произведений А. Ф. Писемского — В кн.: Писемский А. Ф. Избр. произведения. Статья и коммент. П. Беркова и М. Клемана. Л., 1932, с. 628—639. Без подписи.
12. Выставка по истории западноевропейской книги эпохи разложения феодализма и развития промышленного капитализма (XV—XVIII вв.).— В кн.: Краткое описание выставок. Л., 1932, с. 3—5.
13. Выставка по истории энциклопедий в Институте книги, документа и письма — «Труды Ин-та книги, документа и письма АН СССР», 1932, вып. 2. Статьи по истории энциклопедий, с. 65—72.
То же Отд. отт. Л., 1932.
14. К истории первоначального знакомства русского читателя с Гете. (Библиогр материалы). — В кн. Гете. 1832—1932. Докл., прочт. на торжественных заседаниях в память Гете 26 и 30 марта 1932 г. Л., 1932, с. 98—107.

¹ Включены только библиографические и книговедческие работы.

15. Краткая библиография французского реалистического романа.— В кн.: Французский реалистический роман XIX века. Сборник статей под ред. В. А. Десницкого. М.—Л., 1932, с. 235—239.
Совместно с М. К. Клеманом.
16. Лонгинов Михаил Николаевич (1823—1875) — библиограф и историк русской литературы.— Лит. энциклопедия. Т. 6. 1932, стб. 567—568.
17. Музей книги, документа и письма (МКДП АН).— «Красный библиотекарь», 1932, № 1, с. 38—39.
18. На книговедческом фронте.— «Вестн. знания», 1932, № 10, с. 457—458.
19. Перспективы развития книги в классовом и бесклассовом обществе.— В кн.: Академия наук на заводах и фабриках Ленинграда. Л., 1932, с. 226—232.
20. Выставка социальных утопий. Институт книги, документа, письма. (ИКДП) — «Вестн. АН СССР», 1933, № 7, с. 39—44.
Совместно с А. И. Малениным и Р. М. Тонковой.
21. Идеологическая позиция В. С. Сопова в «Опыте российской библиографии». — «Сов. библиогр.», 1933, вып. 1/3, с. 139—155.
Рец.: Горнунг Б. Печатный орган советских библиографов. — «Книга и пролет. революция», 1935, № 6, с. 123.
22. Католическая церковь в борьбе с литературой.— «Веч Москва», 1933, 6 марта, № 53.
23. Марксизм в основу науки о книге.— «За соц. науку», 1933, 29 марта, № 4/5, с. 4.
24. От И. Федорова до наших дней.— «За соц. науку», 1933, 21 дек., № 23, с. 2.
25. Аннотированный список научных трудов академика А. С. Орлова.— В кн.: Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934, с. 7—15.
26. Ленин, Маркс и Энгельс как библиографы-рецензенты.— В кн.: Фомин А. Г. Путеводитель по библиографии Маркса, Энгельса и Ленина. Л., 1934, с. 93—122.
Литература и рец.: Шафрановский К. И. — «За соц. науку», 1935, № 1, с. 4; Эйхенгольц А. Д. Путеводитель по библиографии марксизма-ленинизма еще не создан.— «Книга и пролет. революция», 1935, № 5, с. 51—56; Горнунг Б. — «Книга и пролет. революция», 1935, № 6, с. 123; Везирова Л. А. Л. Н. Троповский в «Советской библиографии». — «Сов. библиогр.», 1975, вып. 4 (152), с. 43.
27. Литературные энциклопедии на русском языке (XVIII—XX вв.). Библиогр. обзор.— «Труды Ин-та книги, документа и письма АН СССР», 1934, вып. 3. Статьи по истории энциклопедий, ч. 2, с. 15—41.
28. А. И. Маленин. К 45-летию науч.-лит. деятельности.— «Вестн. АН СССР», 1934, № 3, стб. 57—58.
29. Маркс и Энгельс об энциклопедиях.— «Труды Ин-та книги, документа и письма АН СССР», 1934, вып. 3. Статьи по истории энциклопедий, ч. 2, с. 7—14.
30. Масанов Иван Филиппович (р. 1874) — современный русский библиограф.— Лит. энциклопедия. Т. 7. 1934, стб. 30.
Подпись: П. Б.
31. Материалы для истории «Карманного словаря иностранных слов» Н. Кирилова. «Карманный словарь» и аналогичные иностранные издания.— «Труды Ин-та книги, документа и письма АН СССР», 1934, вып. 3. Статьи по истории энциклопедий, ч. 2, с. 60—66.
32. Модзалевский Борис Львович (1874—1928) — библиограф и историк русской литературы.— Лит. энциклопедия. Т. 7. 1934, стб. 408—409.
33. Памяти Мирона Борисовича Вольфсона (1880—1932).— «Труды Ин-та книги, документа и письма АН СССР», 1934, вып. 3. Статьи по истории энциклопедий, ч. 2, с. 115—116.
34. Памяти первопечатника Ивана Федорова. (К 350-летию со дня смерти).— «Вестн. знания», 1934, № 4, с. 231—237.
Совместно с А. И. Малениным и Р. М. Тонковой.

35. Проф. А. Г. Фомин. К 30-летию науч.-лит. деятельности. — «Вест. АН СССР», 1934, № 7/8, стб. 77—78. Подпись: Р.
36. О новом издании книги Шнейдера. [Рец. на кн.: Schneider G. Handbuch der Bibliographie]. — «Сов. библиогр.», 1934, вып. 2, с. 125—130. Совместно с И. В. Владиславлевым.
37. Библиографическое описание изданий Вольной русской типографии в Лондоне 1853—1865. Прил. к переизданию брошюры «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне». М.—Л., 1935. 200 с. (АН СССР).
Рец.: Кушева Е. Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне. — «Сов. библиогр.», 1936, вып. 1(13), с. 121—125.
38. Издания времени Великой французской революции в собрании Одесской центральной научной библиотеки. — «Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук», 1935, № 6, с. 599—613. Совместно с А. И. Малениным и Р. М. Тонковой.
39. К библиографии западных изучений и переводов «Слова о полку Игореве». — «Труды Отд. древнерус. литературы Ин-та рус. литературы АН СССР», 1935, т. 2, с. 151—155.
40. Несколько замечаний о деятельности Ивана Федорова и его предшественников. — В кн.: Иван Федоров первопечатник. М.—Л., 1935, с. 95—118.
41. Предисловие. — В кн.: [Тукалевский В. Н.]. Издания гражданской печати времени императрицы Елисаветы Петровны. 1741—1761. Ч. 1. 1741—1755. М.—Л., 1935, с. III-VI.
42. Работа по истории русской книги. — «Вестн. АН СССР», 1935, № 11, стб. 51—54. Подпись: П. Б.
43. Заметка к статье А. И. Некрасова «Из области венецианской ксилографии». — «Труды Ин-та книги, документа, письма АН СССР», 1936, вып. 5. Статьи и материалы по истории книги в России, с. 173—174.
44. Из литературы русского книговедения. (Две забытые статьи книговедческого содержания в журнале «Маяк» 1842 г.) — «Труды Ин-та книги, документа, письма АН СССР», 1936, вып. 5. Статьи и материалы по истории книги в России, с. 193—202.
45. К вопросу об изучении массовой литературы XVIII в. — «Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук», 1936, № 3, с. 459—471.
46. Об издании журнала «Библиотека для чтения». — В кн.: А. Ф. Писемский. Письма. Под ред. М. К. Клемана и А. П. Могилянского. М.—Л., 1936, с. 827—835.
47. Отзыв о кандидатской работе аспиранта И. В. Новосадского «Возникновение печатной книги в России в XVI в.». — «Труды Ин-та книги, документа, письма АН СССР», 1936, вып. 5. Статьи и материалы по истории книги в России, с. 210—218.
48. Предмет и объем истории книги как науки. — «Труды Ин-та книги, документа, письма АН СССР», 1936, вып. 5. Статьи и материалы по истории книги в России, с. 13—27.
49. Работа по подготовке сводного каталога печатных изданий эпохи первой буржуазной французской революции (1789—1804), находящихся на территории СССР. — «Историк-марксист», 1936, № 5, с. 197—198. Подпись: И. (!) Берков и Р. Тонкова. Совместно с Р. М. Тонковой.
50. Фомин Александр Григорьевич. — БСЭ. Изд. 1-е. Т. 58. 1936, стб. 95. Без подписи.
51. [Рец. на кн.:] Куфаев М. Н. Иностранная библиография. М., Гос. Центр. кн. палата РСФСР, 1934. — «Труды Ин-та книги, документа, письма АН СССР», 1936, вып. 5. Статьи и материалы по истории книги в России, с. 261—266.
52. [Рец. на кн.:] [Максимовская Н.] 50-летие со дня смерти К. Маркса в советской печати. Библиогр. М., Партиздат, 1934. — «Труды Ин-та книги, документа, письма АН СССР», 1936, вып. 5. Статьи и материалы по истории книги в России, с. 229—231.

53. [Рец. на кн.:] Социалистический реализм. Библиогр. указ. Л., АН СССР, 1934.— «Труды Ин-та книги, документа, письма АН СССР», 1936, вып. 5. Статьи и материалы по истории книги в России, с. 245—246.
54. [Рец. на кн.:] Штокмар М. П. Библиография работ по стихосложению. [М], ГИХЛ, 1933.— «Труды Ин-та книги, документа, письма АН СССР», 1936, вып. 5. Статьи и материалы по истории книги в России, с. 247—250.
55. Поправки к «Пушкиниане». — «Книжные новости», 1937, № 17, с. 63.
56. Изучение русской литературы во Франции. Библиогр. материалы. Обзор.— «Лит. наследство», 1939, т. 33/34, с. 721—768.
57. Необходимое пособие. [Рец. на кн.:] Историческая литература. Библиогр. бюллетень книг и статей. 1940, № 1/2, 3, 4, 5/6.— «Ленингр. ун-т», 1941, № 13, с. 4.
58. Возродить славную традицию студенческих сборников.— «Ленингр. ун-т», 1945, 6 июля, № 25, с. 2.
59. О словаре профессоров и преподавателей Университета.— «Ленингр. ун-т», 1945, 26 окт., № 40, с. 2.
60. Аннотированный список печатных трудов А. П. Рифтина (1900—1945).— «Учен. зап. Ленингр. ун-та», 1946, № 69. Серия филол. наук, вып. 10, с. 12—14.
61. Библиографический указатель научных печатных трудов акад. А. С. Орлова и литературы о нем.— «Труды Отд. древнерус. литературы Ин-та литературы АН СССР (Пушкинский дом)», 1947, т. 5, с. 5—14.
62. Заметки к истории изучения «Слова о полку Игореве». 1. Первое явление о продаже «Слова о полку Игореве». 2. К истории гибели рукописи «Слова о полку Игореве». 3. К вопросу о первом упоминании о «Слове» в печати. 4. К библиографии переводов «Слова о полку Игореве». 5. Малоизвестный перевод «Слова» на английский язык (1918).— «Труды Отд. древнерус. литературы Ин-та литературы АН СССР (Пушкинский дом)», 1947, т. 5, с. 129—138.
63. [Рец. на кн.:] Светлов Л. Б. Издательская деятельность Н. И. Новикова Л., 1946 — «Сов. книга», 1947, № 11, с. 100—105.
64. К вопросу о методике библиографического разыскания — «Сов. библиогр.», 1948, вып. 5, [24], с. 78—91.
65. Памяти Сергея Дмитриевича Балухатого (1892—1945)— «Учен. зап. Ленингр. ун-та», 1948, № 90. Серия филол. наук, вып. 13, с. 3—8, Без подписи.
66. Профессор Василий Алексеевич Десницкий (К 70-летию со дня рождения).— «Вестн. Ленингр. ун-та», 1948, № 2, с. 153—155.
67. Профессор Николай Кирьякович Пиксанов. (К 70-летию со дня рождения).— «Вестн. Ленингр. ун-та», 1948, № 3, с. 149—152.
68. Хронологический список научных трудов Сергея Дмитриевича Балухатого.— «Учен. зап. Ленингр. ун-та», 1948, № 90. Серия филол. наук, вып. 13, с. 9—18.

Совместно с К. Д. Муратовой.

69. [Рец. на кн.:] Здобнов Н. В. История русской библиографии от древнего периода до начала XX века. Т. 1—2. М., Всесоюз. кн. палата, 1944—1947.— «Вестн. Ленингр. ун-та», 1948, № 2, с. 160—166
70. [Рец. на кн.:] Здобнов Н. В. История русской библиографии от древнего периода до начала XX века. Т. 1—2. М., Всесоюз. кн. палата. 1944—1947.— «Изв. АН СССР, Отд-ние литературы и яз.», 1948, т. 7, вып. 4, с. 353—358.
71. Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем. 1886—1899. М.—Л., АН СССР, 1949. 996 с. (Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом)).
Совместно с В. М. Лавровым.

Рец: Масанов Ю. И. — «Сов. книга», 1949, № 11, с. 115—116; Рыскин Е. И. Библиография русской литературы и фольклора в 1949 году — «Сов. библиогр.», 1950, вып. 1(30), с. 61—63.

72. А. Г. Фомин (1887—1939). Очерк жизни и научной деятельности. М., Всесоюз. кн. палата, 1949. 44 с.; 1 л. портр. (Деятели книги).
73. Краткая характеристика научной, педагогической и общественной деятельности [Н. С. Державина]. Вступит. статья П. Н. Беркова. — В кн.: Николай Севастьянович Державин. М.—Л., 1949, с. 6—19.
74. К цензурной истории «Путешествия» Радищева. — В кн.: Радищев А. Н. Статьи и материалы. [Отв. ред. М. П. Алексеев]. Л., 1950, с. 290—293.
75. Новиков или Новиков? — В кн.: Сатирические журналы Н. И. Новикова. «Трутень» 1769—1770. «Пустомеля» 1770. «Живописец» 1772—1773. «Кощелек» 1774. М.—Л., 1951, с. 519—521.
76. «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. Новикова. — В кн.: Новиков Н. И. Избр. сочинения. Под ред. Г. П. Макогоненко. М.—Л., 1951, с. 277—370.
77. Хронологический список важнейших печатных работ Н. И. Мордовченко. — «Лит. наследство», 1951, т. 57, с. 574—577. Без подписи.
78. [Рец. на кн.:] Кауфман И. М. Русские биографические и библиографические словари. Аннот. указ. М., 1950. — «Сов. книга», 1951, № 6, с. 116—118
То же. — «Вестн. Ленингр. ун-та», 1951, № 10, с. 121—123
79. Хронологический список научных работ Николая Ивановича Мордовченко. — «Учен. зап. Ленингр. ун-та», 1952, № 158. Сер. филол. наук, вып. 17. Русские революционные демократы, с. 10—17.
80. Ценная книга по истории русской библиографии. [Рец. на кн.: Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. Изд. 2-е. М., АН СССР, 1951]. — «Звезда», 1952, № 10, с. 190.
81. В защиту библиографии. — «Сов. культура», 1954, 15 апр., № 45, с. 2. Рец.: А. Н. Турунов — М. К. Азадовскому. [Из письма от 1 авг. 1954 г.]. — «Лит. наследство Сибири», Новосибирск, 1969, т. 1, с. 331.
82. Введение в технику литературоведческого исследования. Источниковедение. Библиография. Разыскание. Л., Учпедгиз, 1955. 154 с.
Рец.: Айзеншток И. Поэзия исследовательского труда. — «Нева», 1956, № 6, с. 179—180; Гозенпуд А. Ценный справочник. — «Звезда», 1956, № 6, с. 186—187; Назарова Л. Н. — «Изв. АН СССР. Отд. литературы и яз», 1957, т. 16, вып. 6, с. 546—548.
83. [Библиография к статье «Литература (русская)»]. — БСЭ. Изд. 2-е. Т. 37. [1955], с. 172.
84. От редактора. В кн.: Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий гражданской печати 1708—январь 1725 г. Ред. и вступит. статья проф. П. Н. Беркова. М.—Л., 1955, с. 5—9.
85. Русская книга гражданской печати первой четверти XVIII века. [Вступит. статья]. — В кн.: Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий гражданской печати 1708—январь 1725 г. М.—Л., 1955, с. 11—39.
86. Две новые библиографии по русскому языку. [Рец. на кн.: Авилова Н. С., Черкасова Е. Т., Шведова Н. Ю. Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 год. Вып. 1. М., 1954; Лысяк О. И., Венецианова Е. С. Русский язык. Указ. литературы за 1950—1953 гг. Л., 1953]. — «Вопр. языкознания», 1955, № 3, с. 121—128. То же. Отд. отт. [М.], 1955.
87. «Общие библиографии русских книг гражданской печати 1708—1955» М. В. Сокуровой и некоторые вопросы из области теории и истории библиографии. — В кн.: Сокурова М. В. Общие библиографии русских книг гражданской печати 1708—1955. Аннот. указ. Изд. 2-е, перераб. и доп. Под ред. и со вступит. статьей проф. П. Н. Беркова. Л., 1956, с. 5—38.
Рец.: Дерунова М. К. Труды по библиографии русской библиографии. — «Сов. библиогр.», 1957, вып. 47, с. 101—109; Мацуев Н. И. Репертуар русской книги. — «Новый мир», 1957, № 9, с. 286—287; Эйхенгольц А. Д. Сорок лет советской библиографии. — «Сов. библиогр.», 1957, вып. 48, с. 29; Лебедев Д. В. Новые библиографические пособия, полезные для ботаников. — «Ботан. журнал», 1958, т. 43,

№ 1, с. 116; О некоторых теоретических вопросах советской библиографии. [Рец. статья]. — «Сов. библиогр.», 1958, вып. 50, с. 3—8.

88. О библиографических трудах по русской периодической печати. — В кн.: Машкова М. В., Сокурова М. В. Общие библиографии русских периодических изданий 1703—1954 и материалы по статистике русской периодической печати. Аннот. указ. Под ред. и со вступит. статьей проф. П. Н. Беркова. Л., 1956, с. 5—38.
Рец.: Чагина Н. Г. Новое пособие по библиографии русской периодики. — «Труды Ленингр. библ. ин-та им. Н. К. Крупской», 1958, т. 4, с. 317—320; Шмелева А. С. Периодические издания и их библиографирование в Отделе комплектования отечественной литературы ГПНТБ СССР. — «Труды Гос. публ. науч.-техн. б-ки СССР», 1967, вып. 1, с. 103; Марлинский С. Я. История и проблематика «Ведомостей» петровского времени в освещении П. Н. Беркова. — В кн.: Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л., 1975, с. 292—295.
Winter E. P. N. Berkov und die Bibliographie der russischen Aufklärung im 18 Jahrhundert. — «Zeitschrift für slavistik», 1957, B. 2, H. 4, S. 594—597. См. также рец. к № 87.
89. Хронологический список печатных работ чл.-кор. АН СССР Д. И. Абрамовича (1873—1955) и литературы о нем. — «Труды Отд. древнерус. литературы Ин-та литературы (Пушкинский дом)», 1956, т. 12, с. 613—621.
90. Новинки советской литературоведческой библиографии. (Несколько замечаний о нуждах советского литературоведения в области библиографии). [Рец.]. — «Изв. АН СССР. Отд.-ние литературы и яз.», 1956, т. 15, вып. 6, с. 538—541.
91. Библиография и научная работа. — «Труды Гос. Публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», 1957, вып. 3(6), с. 99—114.
Рец.: О некоторых теоретических вопросах советской библиографии. (Рец. статья). — «Сов. библиогр.», 1958, вып. 50, с. 8—9; Николаев В. А. Вопросы теории и методики библиографии в «Трудах Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», (т. 3—4. Л., 1957.). — «Сов. библиогр.», 1958, вып. 49, с. 94—96, «Knihovnik», 1958, № 6, с. 206—208.
92. Б. С. Боднарский как ученый и общественный деятель. (К 50-летию его библиогр. деятельности). — «Сов. библиогр.», 1957, вып. 46, с. 48—58.
93. [П. П. Пекарский — историк литературы]. — В кн.: Машкова М. В. П. П. Пекарский. Под ред. проф. П. Н. Беркова. М., 1957, с. 41—47.
94. Новое издание капитального труда. [Рец. на кн.: Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. Изд. 3-е. М., 1955]. — «Нева», 1957, № 1, с. 207—208.
95. Новая библиография русских альманахов. [Рец. на кн.: Смирнов-Сокольский Н. Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв. Предварит. список. М., 1956.]. — «Труды Ленингр. библ. ин-та им. Н. К. Крупской», 1957, т. 3, с. 325—330.
96. П. Я. Актов, забытый собиратель древнерусских рукописей и старопечатных книг (1797—1842). — «Труды Отд. древнерус. литературы Ин-та рус. литературы. (Пушкинский дом)», 1958, т. 14, с. 637—643.
97. Международное сотрудничество славистов и вопросы организации славяноведческой библиографии. М., Изд-во АН СССР, 1958. 32 с. (IV Международный съезд славистов. Сообщения).
98. Место библиографии в работе молодого ученого. — В кн.: Кирпичева И. К. Библиография в помощь научной работе. Метод. и справ. пособие. Под ред. и со вступит. статьей проф. П. Н. Беркова Л., 1958. с. 7—14.
99. От редактора — В кн.: Кирпичева И. К. Библиография в помощь научной работе. Л., 1958, с. 3—6.
100. О некоторых книговедческих изданиях в странах народной демократии. [Обзор]. — «Изв. АН СССР. Отд.-ние литературы и яз.», 1958, т. 17, вып. 4, с. 356—360.

101. От редактора.— В кн.: Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий, напечатанных кириллицей 1689—январь 1725 г. Ред. и вступит. статья проф. П. Н. Беркова. М.—Л., 1958, с. 4—8.
102. Русская книга кирилловской печати конца XVII—первой четверти XVIII века. [Вступит. статья].— В кн.: Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий, напечатанных кириллицей 1689—январь 1725 г. М.—Л., 1958, с. 9—28.
103. Современное состояние гутенберговского вопроса. [К истории книгопечатания].— «Труды Ленингр. библ. ин-та им. Н. К. Крупской», 1958, т. 4, с. 219—238.
Совместно с Н. В. Варбанец
104. Хронологический список основных печатных работ М. К. Клемана (1918—1941).— «Учен. зап. Ленингр. ун-та», 1958, № 261. Сер. филол. наук, вып. 49, с. 170—172.
105. Новая библиография русских альманахов. [Рец. на кн.: Смирнов-Сokolский Н. П. Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв. М., 1956.]— «Труды Ленингр. библ. ин-та им. Н. К. Крупской», 1958, т. 3, с. 325—330.
106. Записки книголюба.— «Веч. Ленинград», 1959, 21 ноября, № 275; 28 ноября, № 281; 12 дек., № 292.
107. Предисловие.— В кн.: Машкова М. В. Н. В. Здобнов (1888—1942). Очерк жизни и деятельности. Под ред. и с предисл. П. Н. Беркова. М., 1959, с. 3—5
108. О библиографиях литературно-художественных альманахов и сборников. [Обзор].— «Рус. лит.», 1959, № 2, с. 239—243.
109. Библиографическая эвристика. (К теории и методике библиогр. разысканий). М., Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1960. 173 с.
Рец.: Эбин Ф. Обсуждение книги П. Н. Беркова «Библиографическая эвристика». — «Сов. библиогр.», 1960, вып. 6(64), с. 99—103; Бухштаб Б. Я. Об определении библиографии. — «Сов. библиогр.», 1961, вып. 1, с. 30—34; Скрипкина Т. И. Советская библиография в оценке зарубежной печати. — «Сов. библиогр.», 1967, вып. 3, (103), с. 207; Везирова Л. А. Журнал «Библиография» (1929). — «Сов. библиогр.», 1974, вып. 4 (146), с. 52—53; Drtina Y. — «Zentralbl. für Bibliothekswesen», 1962, N. 3, S. 116—120; Forest Y. — «Bulletin des bibliothèques de France», 1962, N 12, p. *774—*775, Pelzova j. — «Przegląd biblioteczny», 1961, N 3/4, s. 313—321.
110. Материалы для библиографии изданий А. Д. и Д. К. Кантемиров и литературы о них. (1917—1959).— «В кн.: Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века. М.—Л., 1961, с. 260—270.
Совместно с В. П. Степановым.
111. Начало болгарской литературы и некоторые принципиальные вопросы общей литературной историографии.— «Рус. лит.», 1961, № 1, с. 221—227.
112. Некоторые вопросы советской библиофильской литературы.— «Книга. Исследования и материалы», 1961, сб. 4, с. 277—284.
113. Первая выставка советской революционной литературы, устроенная Пушкинским домом в 1923 году.— «Рус. лит.», 1961, № 2, с. 194—196.
114. А. В. Мезьер — библиограф-романтик — В кн.: Машкова М. В. А. В. Мезьер (1869—1935). Очерк жизни и деятельности. М., 1962, с. 3—7.
115. Б. С. Боднарский как ученый и общественный деятель.— В кн.: Заслуженный деятель науки Богдан Степанович Боднарский. Статьи о его деятельности и список трудов. Под ред. Ю. И. Масанова. М., 1963, с. 5—20.
116. Книга Ю. И. Масанова «В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок» и проблемы так называемой «литературной собственности».— В кн.: Масанов Ю. И. В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок. М., 1963, с. 7—36.
117. Личные библиотеки трех русских писателей (Ломоносова, Пушкина, М. Горького).— «Книга. Исследования и материалы», 1963, сб. 8, с. 349—376.

118. Советская литературоведческая библиография между IV и V Международными съездами славистов.— «Изв. АН СССР Отд-ние литературы и яз.», 1963, т. 22, вып. 4, с. 330—339.
119. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Ч. 1. Очерк литературной историографии XVIII века. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. 262 с.
120. О переходе скорописи XVIII века в современное русское письмо.— В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Вып. 7. М.—Л., 1964, с. 36—50
121. Вслушываясь в споры.— «В мире книг», 1965, № 10, с. 44—45.
122. Краткий очерк научно-исследовательской, педагогической и общественной деятельности [В. М. Жирмунского]. Вступит. статья П. Н. Беркова.— В кн.: Кузьменко Р. И. Виктор Максимович Жирмунский. М., 1965, с. 7—25.
123. О людях и книгах. (Из записок книголюба). М., «Книга», 1965 144 с. с ил.
Рец.: Ласунский О Если вы библиофил.— «Коммуна», Воронеж, 1965, 25 дек., № 304; Осипов В.— «Книжная торговля», 1965, № 12, с. 31; Марлинский С О людях и книгах.— «Волга», 1966, № 8, с. 153—155; Масловский В.— «Новый мир», 1966, № 8, с. 286.
124. Библиофильство и библиография. [Тезисы докл. 23 сент. 1966 г. на заседании секции библиофилов Ленингр. о-ва коллекционеров]. [Л., 1966], с. 3.
125. Биография моей библиотеки.— «В мире книг», 1966, № 12, с. 36—37, с портр.
126. Бурхард-Адам (Никодим) Селлий и его «Каталог писателей о России» (1736 г.).— «Вест. Ленингр. ун-та», 1966, № 20. Сер. истории, яз. и литературы, вып. 4, с. 98—109
127. Николай Павлович Смирнов-Сокольский. [К 4-й годовщине со дня смерти].— «Книга. Исследования и материалы», 1966, сб. 12, с. 258—267.
128. К спорам об экслибрисе. [Предисл.].— В кн.: Ласунский О. Г. Книжный знак. Некоторые проблемы изучения и использования. Под ред. и с предисл. чл.-кор. АН СССР, проф. П. Н. Беркова. Воронеж, 1967, с. 5—14.
129. Ленин и книга.— «В мире книг», 1967, № 11, с. 3—4.
130. Русские книголюбы Очерки. М.—Л., «Сов. писатель», 1967. 316 с.; 7 л. ил.
Рец.: Makeев А «Без книг тяжко». — «Ульян правда», 1969, 29 мая; Осипов В.— «Книжная торговля», 1968, № 4, с. 62.
131. Кто что собирает? — «В мире книг», 1968, № 3, с. 41.
132. Материалы для библиографии журнальных и газетных статей и заметок, упоминаемых в литературе и докладах о Русском обществе друзей книги.— В кн.: Русское общество друзей книги (1920—1929). Библиогр. указ. Под ред. и с предисл. О. Г. Ласунского. Воронеж, 1968, с. 43—58
Совместно с С П Фортинским.
133. О моей «Истории советского библиофильства». — «Книжное обозрение», 1968, 30 ноября, № 48, с. 12.
134. Предисловие — В кн.: Степанов В. П., Стенник Ю. В. История русской литературы XVIII века. Библиогр. указ. Л., 1968, с. 3—7.
135. Книга в поэзии Симеона Полоцкого.— «Груды Отд. древнерус. литературы Ин-та рус. литературы (Пушкинский дом)», 1969, т. 24, с. 260—266
136. Несколько слов о книге П. Н. Мартынова «Полвека в мире книг». [Предисл.].— В кн.: Мартынов П. Н. Полвека в мире книг. Л., 1969, с. 3—6.
137. Библиотека В. А. Десницкого.— «В мире книг», 1969, № 4, с. 44—45.
138. Первая лавка писателей.— «В мире книг», 1969, № 2, с. 44—45.
139. История советского библиофильства. М., «Книга», 1971. 256 с.
Рец.: Маркушевич А. И. Библиофильская трилогия П. Н. Беркова.— «Книга. Исследования и материалы», 1973, сб. 26, с. 213—222; Помирчий Р.— «Новый мир», 1972, № 8, с. 284; Рисс О.— «Звезда»,

1972, № 4, с. 221—222; Сидоров А. А. Приверженность к слову. — «Книжное обозрение», 1971, 12 ноября, № 46, с. 12. Wohak E. — «Zentralbl. für Bibliothekswesen», 1974, H. 2, S. 100—103.

140. Берков П. Н. Насущные вопросы изучения общественной позиции Н. И. Новикова. — В кн.: Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976, с. 5—15.

Редакторская работа

141. [Тукалевский В. Н.] Издания гражданской печати времени императрицы Елисаветы Петровны. 1741—1761. Ч. 1. 1741—1755. М.—Л., АН СССР, 1935. VI, 304 с.
142. Балухатый С. Д. Горьковский семинарий. Л., 1946. 186 с. (Ленингр. гос. ун-т).
143. Сатирические журналы Н. И. Новикова. «Трутень» 1769—1770. «Пустомеля» 1770. «Живописец» 1772—1773. «Кошелек» 1774. [Тексты]. М.—Л., АН СССР, 1951. 616 с., 5 л. ил.
144. Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий гражданской печати 1708—январь 1725 г. М.—Л., АН СССР, 1955. 627 с.
145. Сокурова М. В. Общие библиографии русских книг гражданской печати 1708—1955. Аннот. указ. Изд. 2-е, перераб. и доп. Л., 1956. 284 с. (Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).
146. Машкова М. В., Сокурова М. В. Общие библиографии русских периодических изданий 1703—1954 и материалы по статистике русской периодической печати. Аннот. указ. Л., 1956. 140 с. (Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).
147. Машкова М. В. П. П. Пекарский (1827—1872). Краткий очерк жизни и деятельности. М., Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1957. 80 с.; 1 л. портр. (Деятели книги).
148. Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725 г. М.—Л., АН СССР, 1958. 402 с.
149. Кирпичева И. К. Библиография в помощь научной работе. Метод. и справ. пособие. Л., 1958. 480 с. (Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).
150. Машкова М. В. Н. В. Здобнов (1888—1942). Очерк жизни и деятельности. М., Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1959. 132 с. с портр. (Деятели книги).
151. Машкова М. В. А. В. Мезьер (1869—1935). Очерк жизни и деятельности. М., Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1962. 96 с.; 1 л. портр. (Деятели книги).
152. Масанов Ю. И. В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок. Ист.-лит. и биогр. очерки. М., Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1963. 319 с. с ил.; 15 л. ил.
153. Мельникова Н. Н. Издания, напечатанные в типографии Московского университета XVIII в. М., Изд-во Моск. ун-та, 1966. 455 с. с ил.
154. Ласунский О. Г. Книжный знак. Некоторые проблемы изучения и использования. Воронеж, Изд-во Воронеж. ун-та, 1967. 167 с. с ил.
155. Степанов В. П., Стенник Ю. В. История русской литературы XVIII века. Библиогр. указ. Л., «Наука», 1968. 500 с. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом)).
156. Мартынов П. Н. Полвека в мире книг. Л., «Наука», 1969. 184 с. с ил.; 3 л. ил.

Список литературы о П. Н. Беркове

1. Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР П. Н. Беркова. (Сборник статей) М.—Л., «Наука», 1966. 459 с.; 1 л. портр. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). XVIII век. Сб. 7).
Из содерж.: Эйхенбаум Б. М. О П. Н. Беркове; Ушакова-Кряжжиская И. А., Кочеткова Н. Д. П. Н. Берков как учитель.

2. Адрианова-Перетц В. П. Павел Наумович Берков. (К 70-летию со дня рождения).—«Изв. АН СССР. Серия литературы и яз.», 1966, т. 25, вып. 6, с. 539—545.
3. Макогоненко Г. П. Павел Наумович Берков. (К 70-летию со дня рождения).—«Рус. лит.», 1966, № 4, с. 248—253 с портр.
4. Баренбаум И. Е. Павел Наумович Берков как книговед. (К 70-летию со дня рождения).—«Книга. Исследования и материалы», 1967, сб. 14, с. 241—247 с портр.
5. [70-летие со дня рождения П. Н. Беркова].—«Сов. библиогр.», 1967, вып. 2 (102), с. 87.
6. Сидоров А. А. Советская история книги.—«Книга. Исследования и материалы», 1967, сб. 15, с. 149—151, 152, 165, 168.
7. Симон К. Р. Библиография. Основные понятия и термины. М., 1968, с. 19, 33—34, 51, 108—109, 121, 141.
8. Чочеткова Н. Д. Павел Наумович Берков. [Некролог].—«Изв. АН СССР. Сер. литературы и яз.», 1969, т. 28, вып. 6, с. 562—565.
9. Лидин В. Г. Слово о друге.—«Книжное обозрение», 1969, 22 авг., № 34, с. 12 с портр.
10. Павел Наумович Берков. (1896—9.VIII. 1969). [Некролог].—«Сов. библиогр.», 1969, вып. 5(117), с. 78—79. Подп.: Группа товарищей.
11. Казанков Б. Его верные помощники. [О библиотеке П. Н. Беркова].—«Книжная торговля», 1971, № 5, с. 61—62 с портр.
12. Казанков Б. Рыцарь книги. К 75-летию со дня рождения П. Н. Беркова (1896—1969).—«В мире книг», 1971, № 12, с. 38 с портр.
13. Сидоров А. А. Друг книги — советский библиофил.— В кн.: Берков П. Н. История советского библиофильства. (1917—1967). М., 1971, с. 3—11.
14. Ласунский О. П. Н. Берков и библиофильство.— В кн.: Собеседник. Портреты. Этюды. Ист повествования. Очерки. Вып. 2 Воронеж, 1973, с. 224—240.
15. Гольдберг А. Л., Раскин А. П. Интересное пособие по русской библиографии. [О работе Д. Симмонса «Русская библиография, библиотеки и архивы», посвящ памяти Б. С. Боднарского и П. Н. Беркова].— В кн.: Библиография библиографий за рубежом. Материалы в помощь б-кам, работающим над составлением библиографии второй степени. Вып. 25. Л., 1974, с. 58—59.
16. Мартынов И. Ф. Русское библиологическое общество в годы Советской власти (1917—1931 гг.).—«Книга. Исследования и материалы», 1974, сб. 29, с. 99, 103, 106, 107, 108.
17. Лихачев Д. С. Работа была его страстью.—«Книжное обозрение», 1975, 1 авг., № 31, с. 16 с портр.
18. Маркушевич А. И. Советское библиофильство.— В кн.: Альманах библиофила. Вып. 2. М., 1975, с. 18—19, 20—21, 25.
19. Петрицкий В. Служение книге — наш девиз.—«Книжное обозрение», 1975, 26 сент., № 39, с. 14.
20. Свойский М. Л. Институт книги, документа и письма. По материалам Ленингр. отд-ния Архива АН СССР.—«Книга. Исследования и материалы», 1975, сб. 30, с. 188, 189, 190, 191, 192, 193.
21. [О П. Н. Беркове]. Книговедческое обозрение.—«В мире книг», 1976, № 3, с. 88.
22. Черняева А. И. Библиотека члена-корреспондента АН СССР П. Н. Беркова — В кн.: Библиотечное дело и библиография в системе библиотек Академии наук БССР. (Сборник статей). Минск, 1976, с. 47—56.
23. Боров Тодор. Павел Наумович Берков. За 60-годишнината му.— В кн.: Годишник на Българския библиографски институт. VI. 1956—1957. София, ББИ, 1959, с. 139—143.
24. Двама бележити съветски литературоведи, приятели на България — юбиляри. П. Н. Берков — 70-годишен. Д. С. Лихачов — 60-годишен.— В кн.: Боров Тодор. Живот с книги 1942—1972. София, «Наука и изкуство», 1973, с. 168—171.

25. Все беспокоен, винаги отзивчив. Малко спомени за П. Н. Берков.—В кн.: Боров Тодор. Живот с книги 1942—1972. София, «Наука и изкуство», 1973, с. 172—179.
26. Симмонс Д. Русская библиография и некоторые русские библиографы Ил. прил. к докл. на совещ. британских библиотекарей-библиографов-славистов Ройал Холлоуей Колледж Лондонского ун-та, 22 сент. 1975 г. Оксфорд, 1975. 4 с. с портр. П. Н. Беркова.

Справочные и библиографические издания

27. К 50-летию со дня рождения профессора Ленинградского гос. университета Павла Наумовича Беркова. Список основных трудов. Отв. ред. Н. Я. Морачевский. Л., 1947. 15 с. (Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).
28. Павел Наумович Берков. (К 60-летию со дня рождения). Список науч. трудов. [Ред. М. В. Машкова]. Л., 1956. 48 с. с портр. (Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).
29. Берков Павел Наумович.— В кн.: Абрамкин В. М., Лурье А. Н. Писатели Ленинграда. Библиогр. указ. Л., 1964, с. 30—31.
30. Айзеншток И. Я. Берков Павел Наумович.— Краткая лит. энциклопедия. Т. 1. 1962, стб. 561.
31. Берков П. Н.— БСЭ. Изд. 3-е. Т. 3. 1970, с. 237.
32. [Доклады П. Н. Беркова в Ленингр. секции библиофилов]. — В кн.: Альманах библиофила. Вып. 3. М., 1976, с. 236—240.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А. А. см. Апухтин А. (И.)
А. С. см. Сомов А.
Абрамкин В. М. 257
Абрамович Д. И. 3, 6, 180, 252
Аверкиев Д. В. 75
Авилова Н. С. 251
Автократов Л. П. 161
Агишев Р. К. 172
Аделунг Ф. П. 27—30, 33, 47, 109
Адрианова-Перетц В. П. 256
Азадовский М. К. 157, 251
Айзеншток И. Я. 161, 251, 257
Айналов Д. В. 123
Актов П. Я. 252
Александр I 30, 47
Александр II 48
Александров А. Д. 57
Алексеев М. П. 112—114, 218
Алферов В. 52
Анастасевич В. Г. 27, 28, 52—54, 57,
59, 76
Андерсен Г. Х. 133
Андреев А. И. 167
Андреев Л. Н. 164
Андроников И. Л. 233
Антипина Ю. П. 102
Анучин Д. Н. 23
Апухтин А. (И.) 135
Аралова М. Н. 173
Арван М. М. 162
Ардашникова И. Б. 134
Аркадьев Г. 247
Ардт И. Г. 144
Арсеньев И. Е. 100
Афанасьев А. С. 137
Афанасьев А. Н. 126
- Базилева З. П. 131
Базили К. М. 21
Базунов А. Ф. 33, 34, 45, 170
Бакмейстер Г. Л. Х. см. Бакмейстер
Л. И.
Бакмейстер Л. И. 27, 28, 32, 33, 47
Бакрадзе Г. И. 102
Балухатый С. Д. 6, 65, 74, 119, 138,
148, 155, 253
Бальзак О. 241
Бантыш-Каменский Н. Н. 50, 51
Баренбаум Е. И. 256
Барсуков Н. П. 161
Бартенев П. И. 46
- Басков В. Н. 221, 222
Багурин П. С. 131, 132
Батюшков К. Н. 117, 160
Баузе 33
Бауэрхорст К. 171
Бахтин Н. Н. 166
Бедный Д. 224, 228, 230
Бекетов П. 27
Белецкий А. И. 172
Белинский В. Г. 24, 29, 133, 161, 241
Белосельский-Белозерский А. М. 135
Белоусов И. А. 172
Бельчиков Н. Ф. 21
Бер И. 184
Березин И. Н. 33
Березин Н. 129
Березин-Ширяев Я. Ф. 129
Березина В. Г. 55
Беркова С. М. 244
Бестерман Т. 42, 183
Бибинов В. И. 137
Битовт Ю. Ю. 129
Близниковская С. П. 235
Блок А. А. 164
- Блэкфорд Д. 135—136
Бобров С. П. 218
Богатта Г. 42, 183
Богомолец Ф. 134
Боград В. Э. 138
Боднарский Б. С. 13, 35—37, 61, 89,
101, 121, 184, 187, 242, 252, 253,
256
- Бокачев Н. Ф. 34
Болотов А. Т. 53
Болховитинов Е. 27, 32, 33
Большаков А. М. 105
Бонч-Бруевич В. Д. 241
Бориневич А. С. 164
Боров Т. 256—257
- Бревнов, майор см. Соколов А. А.
Брискман М. А. 102
Бродовский М. М. 163
Брудный Д. Л. 172
Брюсов В. Я. 77, 89—90, 244
Буле И. Ф. 33
Бурцев А. Е. 179
Бухштаб Б. Я. 130, 244, 253
Буш В. В. 242
Быкова Т. А. 133, 134, 151, 251—253,
255

- Быстров И. П. 126
 Бычков А. Ф. 58, 151
 Бюшинг А. Ф. 136
 Вайтцель Р. 42, 111, 183
 Варбанец Н. В. 253
 Введенский Б. А. 102
 Везирова Л. А. 248, 253
 Велижева А. Б. 65, 69
 Венгеров С. А. 73, 166, 179, 180, 186
 Венгров Н. 18
 Венецианова Е. С. 251
 Вергилий М. П. 203, 205
 Вережкина А. Н. 182
 Вивальди А. 215
 Винер Е. Н. 172
 Витберг Ф. А. 132
 Витрувий 211
 Вишневский В. В. 228, 229
 Владиславлев И. В. 163, 170, 181, 249
 Водовозов Н. В. 217
 Воейков А. Ф. 53
 Волков А. А. 247
 Волленс В. 99
 Вольтер Ф. 50, 212, 218
 Вольтер Э. А. 35
 Вольфович С. И. 85
 Вольфсон М. Б. 248
 Воронцов кн. 160
 Востоков А. X. 33, 117
 Вукотич Н. А. 126, 157
 Вытяжков В. Т. 103, 107
 Вяземские, кн. 160
 Вяземский П. А. 55
 Галинковский Я. А. 52
 Ганка В. 216
 Гаршин В. М. 137
 Гатцук А. А. 163
 Гегель Г. 195
 Гейне Г. 238, 239
 Геннади Г. Н. 26, 31—35, 40, 129, 133, 163, 165
 Гербель Н. В. 238
 Герберштейн С. 27
 Герцен А. И. 130, 131, 241
 Геснер К. 21, 92
 Гете И. 238, 239, 247
 Гилельсон Л. А. 55
 Гиляров Е. 164
 Гиппиус В. см. Нелединский
 Глазунов И. И. 34, 170
 Гоголь Н. В. 153
 Годес Ф. 42, 183
 Гозенпуд А. 251
 Голиков И. И. 129
 Голицын Н. Н. 125, 160
 Головчинер В. Д. 131
 Голубева О. Д. 173
 Гольдберг А. Л. 256
 Голышев И. А. 178
 Гомер 198, 203
 Гонорский Р. Т. 117
 Гончаров И. А. 212
 Гораций К. 198, 203, 205
 Горнунг Б. 248
 Горький А. М. 38, 78, 79, 118, 119, 138, 155, 232, 253
 Гофман М. 173
 Гранстрем Е. Э. 40
 Греч Н. И. 28, 33
 Грибоедов А. С. 229
 Гримм бр. 220
 Гринберг Л. Г. 143
 Губертус С. 143, 144
 Гудзий Н. К. 234
 Гуковский Г. А. 131, 222
 Гумбольдт А. 4
 Гуревич А. В. 172
 Гуревич М. М. 133, 151, 251, 253, 255
 Гусенкова А. 183
 Гюго В. 153, 241
 Д см. Блэкфорд Д.
 Дамаскин (Семенов-Руднев Д.) 50
 Дашкова Е. Р. 72
 Демидов П. Г. 28
 Денисов В. 179
 Денисьев В. Н. 102, 103, 107, 244
 Державин Г. Р. 160
 Державин Н. С. 251
 Дерунов К. Н. 179
 Дерунова М. К. 243, 244, 251
 Десницкий В. А. 224, 234, 248, 250, 254
 Дмитриев Л. А. 40
 Добровольский Л. М. 155
 Добролюбов Н. А. 24, 72, 161, 241
 Добрынь А. П. 121, 137
 Доде А. 213
 Домашнев С. Г. 135
 Домбровский И. 11
 Дорош Е. Я. 179
 Достоевский Ф. М. 75
 Драганов П. Д. 127—129
 Дуров Н. П. 129
 Дюма А. 220
 Евгеньев-Максимов В. Е. 74
 Еврипид 242
 Ежов И. С. 73
 Екатерина II 46, 72, 125, 126
 Елисавета Петровна 249, 255
 Ефремов П. А. 134
 Жеребцов Б. И. 164
 Жирмунский В. М. 200, 203, 254
 Замотин И. И. 172
 Здобнов Н. В. 7—9, 11—13, 19, 21, 24, 31, 32, 45, 47, 51, 108—110, 121, 151—155, 168, 182, 188, 250, 251—253, 255
 Зеленин Д. К. 178
 Зернова А. С. 175

- И. К. 130
 Иваск У. Г. 61, 65, 124
 Идзиковский Л. 171, 174
 Изенберг В. 242
 Иконников В. С. 129, 130, 186
 Илличевский А. Д. 117
 Ильина А. К. 102
 Ильинский Л. К. 59, 61, 63, 74—75,
 157, 162, 177
 Иоанн, эксарх Болгарский 27
 Исаков Я. А. 34, 170
- Казанков Б. 256
 Калайдович К. Ф. 28, 33
 Калишевский А. И. 42
 Кант И. 195
 Кантемир А. Д. 253
 Кантемир Д. К. 253
 Каплун К. 164
 Карамзин Н. М. 50, 216, 242
 Кареев Н. И. 105
 Картожинский О. М. 164
 Каутский К. 150
 Кауфман И. М. 11, 94, 124, 160—163,
 188, 251
- Кацпржак Е. И. 134
 Кенигсон В. А. 234
 Кеппен П. И. 27, 28, 33
 Киперман Я. Е. 93
 Киреевский 222
 Кириак Т. П. 133
 Кирилов Н. 248
 Кирпичева И. К. 184, 244, 252, 255
 Киселев Н. П. 175
 Клеман М. К. 6, 247—249, 253
 Кленов А. В. 103
 Клепиков С. А. 178
 Коган М. Я. 146
 Козлов В. И. 53
 Козлова Н. Ф. 138
 Козьмин Б. П. 131
 Коканина М. П. 138
 Колобов 222
 Колтыпина Г. Б. 182
 Кольцов А. В. 178
 Конусов А. П. 40
 Копылов С. И. 102
 Корнель П. 241
 Короленко В. Г. 242
 Коршунов О. П. 102
 Кочаков Б. 164
 Кочеткова Н. Д. 255, 256
 Кпн см. Кеппен П. И.
 Крайя К. 33
 Крачковский И. Ю. 143
 Крейслер Ф. 215, 216
 Крестовский В. см. Хвошинская Н. Д.
 Кричевский Г. Г. 149, 167
 Круглов А. В. 137
 Крупская Н. К. 238—240
- Крылов И. А. 52, 132
 Кугельман Л. 141
 Кузнецов С. 174
 Кузьменко Р. И. 254
 Кукрыниксы 153
 Куфаев М. Н. 42, 224, 249
 Кушева Е. 249
- Лавров В. М. 6, 155, 250
 Лажечников И. И. 117
 Лазарев М. Л. 139—140
 Ламанский В. И. 127, 147
 Ламбин Б. П. 33, 104
 Ламбин В. П. 104
 Ланглуа Ш. 104
 Ланн Е. 192
 Ласунский О. Г. 254—256
 Лебедев Д. В. 243, 251
 Лебедев Н. С. 102
 Лебедев П. 25
 Левин Ш. 164
 Лейкин Н. А. 121
 Ленин В. И. 5, 7, 20, 23, 46, 48, 90,
 94, 149—151, 161, 238—243, 246—
 248
 Лермонтов М. Ю. 117, 199, 233, 239
 Лернер Н. О. 217, 218
 Лефевр Л. 188
 Лидин В. Г. 256
 Лисовский Н. М. 35, 55—57, 59—63,
 65, 66, 72—74, 100, 101, 157, 162
 Литвин Э. С. 89
 Лихачев Д. С. 15, 16, 217, 256
 Лобойко И. Н. 27
 Ловягин А. М. 60, 99
 Ломоносов М. В. 50, 143, 144, 253
 Лонгинов М. Н. 32, 133, 248
 Лорис-Меликов М. Т. 48
 Лурье А. Н. 257
 Лысяк О. И. 251
 Львовский А. 54
 Лютер А. 171
 Лященко А. И. 123, 135
- М. 110
 Майков Л. Н. 55
 Макеев А. 254
 Макогоненко Г. П. 251, 256
 Максаков В. В. 21
 Максимов А. Г. 58
 Максимовская Н. 249
 Макферсон Д. 216
 Малени А. И. 6, 42, 242, 248, 249
 Мальклес Л. 1, 42, 116, 141, 183, 188
 Мальмгрен А. Э. 179
 Манучарьянц Ш. Н. 241, 243
 Маркс К. 7, 94, 141, 149, 150, 238,
 241, 246, 248, 249
 Маркушевич А. И. 254, 256
 Марлинский С. Я. 252, 254
 Мартынов И. И. 222

- Мартынов И. Ф. 256
 Мартынов П. Н. 222, 224, 254, 255
 Маршалл М. В. 206—210
 Масанов И. Ф. 134, 248
 Масанов Ю. И. 57, 59, 65, 167, 193—
 194, 196, 210, 216, 219, 245, 250,
 253, 255
 Масловский В. 255
 Мацуев Н. И. 155, 244, 252
 Машкова М. В. 243, 245, 252, 253,
 255, 257
 Маяковский В. В. 75, 117, 228
 Медведев С. 30
 Меженко Ю. А. 66, 67, 126, 151, 155
 Межов В. И. 45, 129, 170, 178, 179
 Мезьер А. В. 10, 12, 13, 22, 121, 124,
 137, 138, 177, 178, 186—191, 245,
 253, 255
 Мельгунов Н. А. 57
 Мельникова Н. Н. 255
 Мериме П. 216, 242
 Меценат Г. 205
 Миллер Г. Ф. 135—136
 Миллс Д. 52
 Минцлов С. Р. 129
 Митрохин Д. И. 242
 Мицкевич А. 242
 Могилянский А. П. 249
 Модзалевский Б. Л. 131, 166, 248
 Молчанов И. И. 172
 Монтегю М. 213
 Монтень М. 117
 Мапассан Г. 241
 Мор Т. 112, 114
 Морачевский Н. Я. 257
 Мордовченко Н. И. 6, 47, 251
 Морозов В. М. 133
 Муратова К. Д. 6, 119, 155, 250
 Мэдж И. 42, 183
 Н. Б. см. Березин Н.
 Назаревский А. А. 40
 Назарова Л. Н. 251
 Напьерский К. Э. 143
 Наумов Е. И. 172
 Наумов И. С. 230, 231
 Недоброво В. 228
 Некрасов А. И. 249
 Некрасов Н. А. 239
 Нелединский В. 189
 Несмеянов А. Н. 182
 Неустроев А. Н. 57—59, 62, 72, 73,
 129, 132
 Никитенко А. В. 161
 Никифор (Семенов) 121—123
 Николаев В. А. 102, 244
 Николай I 28, 30, 56, 72
 Новиков Н. И. 27, 33, 250, 255
 Новосадский И. В. 249
 Норвежский О. см. Картожинский
 О. М.
 Ньютон И. 90
 Овидий П. 198, 203, 205
 Огарев Н. П. 131
 Огурцов Н. Г. 39
 Ожегов С. И. 22
 Озеров В. 172
 Озерова Ц. А. 184
 Оксман Ю. Г. 131
 Оленин А. Н. 27
 Ольхин М. Д. 33, 50
 Ольбрих В. 184
 Орбели И. А. 200
 Орлов А. С. 6, 148, 249, 250
 Осипов В. 254
 Охочинский В. К. 242
 П. Я. см. Якубович В. Ф.
 Павел I 46, 124
 Павленков Ф. Ф. 230
 Павлович Е. А. 118, 138, 162
 Паганини Н. 215
 Пакуль Н. М. 242
 Паскаль Б. 213
 Пекарский П. П. 136, 151, 252, 255
 Перевощиков В. М. 117
 Перетц В. Н. 104, 147, 160, 211
 Петр I 46, 129
 Петрарка Ф. 189
 Петрицкий В. 256
 Петров В. 222
 Петухов Е. В. 160
 Пиксанов Н. К. 61, 250
 Писемский А. Ф. 6, 247, 249
 Пичета В. И. 105
 Плавильщиков В. А. 26—30, 50, 52—
 54, 56, 129, 170, 243
 Платон 198
 Плеханов Г. В. 150, 241
 Плюшар А. А. 21, 33
 Погодин М. П. 161
 Покровская В. Ф. 40
 Покровская Н. 157
 Покровские бр. 223
 Полевой Н. А. 55
 Полотай А. М. 172
 Полоцкий С. 254
 Полторацкий С. Д. 55, 166—167
 Поляков А. С. 74, 157
 Помирный Р. 254
 Пономарев Л. И. 75
 Пономарев С. И. 163
 Потапенко И. Н. 137—138
 Прутков К. 216
 Путеевский Э. 116
 Путинцев В. А. 131
 Путятин Е. 73
 Пучкова Е. Н. 117
 Пушкин А. С. 6, 51, 117, 128, 134,
 152, 164, 173, 179, 199, 200, 216,
 218, 228, 230, 237, 239, 250, 253
 Пыпин А. Н. 60, 223

- Пэньо Г 98
 Р-в В. см. Рудаков В. Е.
 Радищев А. Н. 133, 223, 242, 251
 Радченко Е. С. 131
 Разин С. 172
 Райковская Е. М. 134
 Раскин А. П. 256
 Распе Р. Э. 242
 Распопов Е. П. 223
 Ребок М. В. 172
 Рейсер С. А. 46, 134, 234
 Реке И. Ф. 143
 Решетинский И. И. 102, 107
 Рисс О. 254
 Рифтин А. П. 6, 250
 Ровинский Д. А. 178
 Рогожин В. Н. 46, 52, 125
 Рогожин Н. П. 65, 69, 173
 Родовская Б. 183
 Рожнова М. 164
 Розанов И. Н. 225
 Розов С. А. 152
 Рубакин Н. А. 7, 38, 40, 43, 90
 Рудаков В. Е. 130
 Рудкевич Л. 173
 Рудкевич О. 173
 Румянцев Н. П. 29, 125
 Румянцев П. А. 125—126
 Румянцев-Задунайский П. А. см. Румянцев П. А.
 Рыскин Е. И. 250
 Садова М. А. 94, 138—142, 144, 149, 156, 182
 Сайтов В. И. 166
 Самохина Н. 183
 Сандунов Н. Н. 131, 132
 Сахаров И. П. 26, 29, 30, 31, 33, 35
 Светлов Л. Б. 250
 Свойский М. Л. 256
 Селивановский С. А. 32
 Селлий А. 28, 33, 254
 Семенников В. П. 151
 Семенов Никифор см. Никифор (Семенов)
 Сеньобос Ш. 104
 Серебрякова А. 104
 Сидоров А. А. 242, 255, 256
 Симон К. Р. 42, 256
 Симмонс Д. С. Д. 136, 256, 257
 Симиони П. К. 35, 121—123
 Синебрюхов С. И. 66
 Снягинин Н. К. 222
 Сиповский В. В. 3, 160
 Склабовский А. В. 117
 Скрипкина Т. И. 253
 Скрынька А. 174
 Сломимский А. Л. 218
 Смирдин А. Ф. 27, 29, 30, 33, 50, 54—56, 59, 129, 170, 223, 228, 230, 231, 243
 Смирнов Н. П. 34
 Смирнов С. К. 46
 Смирнов-Сокольский Н. П. 173, 192, 224, 226—237, 246, 252—254
 Снегирев И. М. 57, 132, 178, 179
 Собко Н. П. 165
 Советов И. Г. 164
 Соколов А. А. 173
 Соколов Ю. М. 178
 Сокурова М. В. 8, 9, 17—19, 22, 24, 40—42, 49, 83, 106, 109, 122, 151, 243, 244, 251, 252, 255
 Соловьев В. И. 64, 65
 Соловьев М. С. 160
 Соловьев С. М. 160
 Сомов А. 178
 Сопников В. С. 5, 19, 24, 27—29, 32, 33, 36, 37, 50—54, 56, 71—73, 76, 82, 115, 124, 129, 133, 187, 247, 248
 Спасович В. Д. 223
 Сперанский М. Н. 178
 Спиридонов В. С. 74
 Срезневский В. И. 61, 62, 72
 Срезневский И. И. 61, 160
 Старчевский А. В. 178
 Стасов В. В. 178
 Стендаль А. 242
 Стенник Ю. В. 6, 254, 255
 Степанов В. П. 6, 253—255
 Стирлинг Д. Г. 150
 Стойкович А. А. 33
 Страленберг Ф. И. 129—130
 Строев П. М. 26, 29, 30, 33
 Суворин А. С. 163
 Сухомлинов М. И. 47, 135
 Сытин И. Д. 230
 Тамарченко Г. Е. 161
 Тарасенков А. К. 225
 Татищев В. Н. 129
 Тельпугов В. П. 172
 Тер-Саргсян С. 203
 Тимофеев Л. И. 18
 Токарев И. И. 171
 Толлер Э. 242
 Толь Ф. Г. 33, 57, 72, 98, 99, 178
 Толстой В. И. 152
 Толстой Л. Н. 117, 152, 230
 Толстой Ф. А. 29
 Томашевский Б. В. 135
 Тонкова Р. М. 248, 249
 Тоток В. 42, 111, 183
 Тренков Х. 162
 Троповский Л. Н. 102, 248
 Тукалевский В. Н. 249, 255
 Тураев Б. А. 197, 199
 Тургенев И. С. 178, 121, 239
 Тургеньевы, бр. 160
 Турунов А. Н. 251
 Уитмен У. 242
 Ульянинский Д. В. 34, 37, 179

- Ульянинский Н. Ю. 94, 148, 149, 151, 153, 154, 155, 167, 168, 182, 184, 187
- Ульянов А. И. 238
- Ульянова М. А. 239
- Ульянова М. И. 239
- Умикян А. Д. 166
- Ундольский В. М. 26, 29, 30, 31, 35
- Усов А. В. 238
- Ушаков Д. Н. 22
- Ушакова-Кряжмская И. А. 255
- Федоров Б. М. 117
- Федоров И. 248, 249
- Фихте И. Г. 195
- Фишер И. Б. 144
- Флеер М. Г. 242
- Флобер Г. 241
- Фомин А. Г. 6, 7, 12, 13, 31, 32, 35, 59, 74, 94, 105, 119—120, 121—123, 128, 141, 148, 149, 151, 154, 155, 161, 164, 171, 182, 187, 223, 247—249, 251
- Фонвизин Д. И. 242
- Форстнус Й. 42
- Фортинский С. П. 254
- Фотиева Л. А. 241
- Франс А. 212—214
- Фрейман Р. 242
- Френкель Л. Д. 178
- Фриденхан Г. 171
- Фридрих II 133
- Хайям О. 242
- Хвостов Д. И. 166
- Хвощинская Н. Д. 137
- Царский И. Н. 29
- Чагина Н. Г. 102, 252
- Черкасова Е. Т. 251
- Чернышевский Н. Г. 24, 161, 239, 241
- Черняева А. И. 246, 256
- Чертков А. Д. 129
- Чехов А. П. 3, 242
- Шамрай Д. Д. 135, 181
- Шамурин Е. И. 8, 94, 97, 102, 103, 119—120, 149, 151—156, 168, 182
- Шафрановский К. 248
- Шведова Н. Ю. 251
- Шведова О. И. 159, 160
- Шекспир В. 242
- Шилов А. А. 62, 74
- Шилов Ф. Г. 222, 224
- Ширяев А. С. 29, 33
- Шкловский В. Б. 234
- Шлецер А. Л. 136
- Шляпкин И. А. 178
- Шмелева А. С. 252
- Шмитт Ф. А. 171
- Шнейдер Г. 42, 183, 184, 249
- Шнейдер М. 184
- Шполянская Д. Э. 131
- Штелин Я. 136, 137
- Штокмар М. П. 250
- Штопиус 144
- Шторх А. К. 26—30, 32, 33, 47, 109, 110
- Штраленберг см. Страленберг Ф. И.
- Штурм 53
- Шувалов И. И. 129
- Эберт Ф. А. 99, 110—111
- Эбин Ф. 253
- Эйхенбаум Б. М. 255
- Эйхенгольц А. Д. 101, 103, 107, 244, 249, 251
- Эмин Г. 237
- Энгельс Ф. 7, 20, 94, 141, 149, 150, 241, 246, 248
- Юнг Г. А. 52
- Языков Д. Д. 163, 167
- Якубович П. Ф. 134
- Ян Н. Ф. 220
- Яницкий Н. Ф. 101
- Яновский А. Е. 34, 35, 100, 161, 184
- Яновский Н. М. 8, 97, 98
- Янсон Ю. Э. 239
- Bauerhorst K. 171
- Beer J. 184
- Birt Th. 211
- Blackford D. 135, 136
- Büsching A. F. 136
- Disraeli J. 192
- Dratina J. 253
- Ebert F. A. 99, 110, 111
- Fertault F. 212
- Forest J. 253
- Friedenhahn H. 171
- Goedecke K. 184
- Grolig M. 184
- Krieg M. O. 184
- Luther A. 171
- Macles L.-N. 116, 162
- Nodier Ch. 192
- Olbrich W. 184
- Pelzowa J. 253
- Peignot G. 98
- Quéraud J. M. 192
- Schmitt F. A. 171
- Schneider G. 184, 249
- Schneider M. 184
- Thomasius F. 210
- Totok W. 111, 159
- Weitzel R. 111, 159, 184
- Winter E. 252
- Wohak E. 255
- Zeller E. 210

ОГЛАВЛЕНИЕ

Павел Наумович Берков	3
«Общие библиографии русских книг гражданской печати 1708—1955» М. В. Сокуровой и некоторые вопросы из области теории и истории библиографии	17
О библиографических трудах по русской периодической печати	50
Библиография и научная работа	77
Что же такое, наконец, библиография?	97
Библиографическая эвристика (К теории и методике библиографических разысканий)	112
А. В. Мезьер — библиограф-романтик	186
Книга Ю. И. Масанова «В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок» и проблемы так называемой «литературной собственности»	192
Биография моей библиотеки	220
Николай Павлович Смирнов-Сокольский	226
Ленин и книга	238
Примечания	243
Список трудов П. Н. Беркова	247
Список литературы о П. Н. Беркове	255
Указатель имен	258

Берков Павел Наумович

ИЗБРАННОЕ

ИБ 536

Редактор *Г. И. Харитонова*

Художественный редактор *А. Н. Жилин*

Технический редактор *Е. И. Полякова*

Корректор *А. М. Таранкова*

Сдано в набор 25.04.78 Подписано в печать 20.10.78

А 10284 Формат бум. 60 × 90/16 Типографская № 1

Литературная гарнитура Высокая печать

Усл. печ. л. 16,5+0,062 вкл. Уч.-изд. л. 18,76+0,06 вкл.

Тираж 5000 экз. Заказ 667 Изд. № 2500 Цена 2 р.

Издательство «Книга», Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10
Московская типография № 10 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли